

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
КУЛЬТУР

ЗАВЕДЕНИЕ НАУКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
в эпоху перехода
от феодализма к капитализму

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Д. Ф. Марков (председатель).

В. Н. Виноградов, И. С. Миллер (заместители председателя).

Л. А. Обушенкова (ответственный секретарь),

Г. Л. Арш, В. И. Злыднев, Т. М. Ислямов,

В. Д. Конобеев, А. С. Мыльников, Л. Н. Смирнов,

Б. Ф. Стажеев, В. И. Фрейдзон, И. М. Шептунов

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*С. Б. Бернштейн, И. А. Богданова, В. А. Дьяков,
В. И. Злыднев (ответственный редактор),
С. В. Никольский*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1977

В статьях, составивших сборник, комплексно исследуется процесс складывания национальных культур у славянских и балканских народов в период перехода от феодализма к капитализму (конец XVIII—70-е годы XIX в.). Материал сгруппирован в трех основных разделах. В первый вошли статьи по методологическим и общетеоретическим проблемам изучения идеологических, социально-политических и историко-культурных процессов, второй и третий посвящены в основном конкретным вопросам формирования национальных культур у народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Ф 10603—149
042(02) — 76

© Издательство «Наука», 1977 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемый вниманию читателей коллективный труд «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» продолжает серию комплексных исследований Института славяноведения и балканистики АН СССР по проблемам развития национальных культур и наций в эпоху перехода от феодализма к капитализму. В основу новой книги положены выступления участников всесоюзного симпозиума, состоявшегося в декабре 1973 г. и посвященного этой же проблематике.

В центре внимания настоящей работы стоят взаимосвязанные процессы формирующихся национальных культур и наций на стадии Просвещения и в период развитых антифеодальных национально-освободительных движений в отдельных странах. Научная цель коллективного труда определяется прежде всего стремлением авторов дать не только общий обзор истории культуры по странам, но и представить некоторые типологические особенности процесса формирования национальных культур у отдельных народов и в объеме стран Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом освещаются историко-культурные процессы у западных и южных славян, а также у венгров, греков, румын и албанцев. Хронологические рамки исследования охватывают время с середины XVIII до 70-х годов XIX в.

В книге поставлены также некоторые социально-исторические и общеметодологические проблемы, представляющие интерес для более широкого круга историков и историков культуры. Однако преимущественное внимание уделяется преломлению информационных процессов в сфере общественного и художественного сознания, развитию фольклоризма, становлению национальных литератур, языков, изобразительного искусства, театра. В отдельных статьях рассмотрено также значение межнациональных культурных связей в процессе формирования национальных культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

В связи с тем, что поднятые вопросы развития национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы еще не получили достаточного научного освещения, в статьях отдельных авторов настоящего труда можно отметить наличие разных подходов к исследованию проблем культуры, разных оценок одних и тех же явлений. Редколлегия сочла возможным сохранить разные точки зрения, чтобы показать и спорность, и нерешенность ряда сложных проблем. Настоящий коллективный труд призван привлечь внимание широких кругов исследователей к этим проблемам и посильно способствовать их решению.

Книга состоит из трех разделов. В первом помещены статьи по общим проблемам формирования национальных культур, рассматриваемых в сравнительно-историческом и типологическом аспектах на материале ряда стран. Во втором и третьем разделах представлены работы по более частным и специальным вопросам изучаемой проблематики отдельных стран и народов.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Д. Ф. Марков

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Формирование национальных культур представляет собой часть более общего процесса, охватывающего ряд взаимосвязанных общественных явлений определенной исторической эпохи, которую иногда обозначают кратким термином «Возрождение», иногда же (и это, очевидно, более точно) о ней говорится как о развитии народов в период перехода от феодализма к капитализму. Мне кажется, что оба понятия правомерны, если мы будем исходить из широкого толкования существа вопроса с точки зрения формирования и смены социально-экономических формаций. Дело в том, что в термин «Возрождение», несущий в себе известную условность, повсюду — и в Западной Европе, и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, которые являются объектом нашего изучения, — вкладывается сходный смысл: повсюду имеются в виду процессы, происходившие именно в период перехода от феодализма к капитализму. Процессы эти, присущие всем европейским странам, протекали далеко не синхронно, иногда с разницей во времени в сотни лет. Они развивались с разной степенью интенсивности, отличались ярко выраженной спецификой и вместе с тем заключали в себе много общих черт. Эти общие черты мы связываем в плане социально-историческом с развитием капиталистических отношений, со складыванием наций, в плане историко-культурном — с формированием национальных культур, национальных языков. Черты эти являются типологическими для явления Возрождения.

Явление, следовательно, выступает в своей многогранности и в то же время — известной общности, обусловленной однотипностью формационных процессов: этим объясняются неизбежно возникавшие типологические сходства, которые являются основой для сравнительных исследований.

Методология изучения этих процессов в сравнительно-историческом плане — это методология сравнительных исследований общественных явлений вообще. Поэтому хотелось бы остановиться на некоторых общих принципах таких исследований.

Сравнительный анализ основан на понимании реального поступательного хода истории. Открытые Марксом объективные закономерности развития и смены социально-экономических формаций показали полную несостоительность субъективистских представлений об обществе как о нагромождении случайностей. По словам Ленина, Маркс «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса». Имея в виду открытые Марксом закономерности, Ленин говорил об «общенаучном критерии повторяемости», он писал: «Анализ материальных общественных отношений... сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им»¹.

Таковы методологические принципы сравнительных исследований в области общественных наук вообще, в области истории и истории культуры — в частности. Суть вопроса заключается именно в установлении того, «что отличает» и «что общее», в понимании диалектической связи этих двух сторон единого целого. Закон повторяемости, применяемый Лениным по отношению к социальной истории, вполне применим и по отношению к культуре, в том числе к культуре художественной. Я говорю об этом потому, что в работах некоторых наших литературоведов, историков культуры встречаются взгляды, отрицающие возможность применения законов повторяемости по отношению к художественной культуре на том основании, что художественная культура обладает исключительной специфичностью, своеобразием. Но дело-то в том, что эти товарищи, на мой взгляд, ошибочно толкуют закон повторяемости как механическое воспроизведение образца, как подражание. Однако повторяемость, по Ленину, не означает копирование образца или прямое подражание чему-нибудь уже данному. Речь идет о закономерном возникновении сходных, однотипных тенденций в историческом процессе разных стран. Тенденции эти могут возникать независимо друг от друга, синхронно или с интервалом во времени. Они-то и являются объектом сравнительно-исторического анализа, который призван обобщить характерные явления в отдельных странах и привести к раскрытию более общих закономерностей, связанных с мировым культурно-историческим процессом.

Именно к такому комплексному изучению проблемы Возрождения мы и стремимся. И хотя проблема эта изучалась довольно широко, написано много работ, все же нам предстоит многое еще:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

сделать, чтобы полнее раскрыть явление Возрождения в Центральной и Юго-Восточной Европе, характер процессов, связанных с переходом от феодализма к капитализму, как комплекса компонентов, очень специфических и вместе с тем объединенных известной целостностью, единством. Создание такого труда — большая и важная задача, и в Институте славяноведения и балканстики АН СССР уже многое делается для того, чтобы идти к ее решению. Этой задаче посвящены исследования в отдельных секторах Института, конференции и симпозиумы. Проведение всей этой работы, разумеется, связано с необходимостью разветвленной координации, и мы будем осуществлять эту координацию, объединяясь со специалистами других научных учреждений.

Проблема формирования национальных культур — одна из важнейших проблем. Нам необходимо исследовать общее и особенное в национальных культурах, представляя культуру как часть более общего процесса Возрождения. Это трудно осуществить при комплексном изучении сложного явления. И, пожалуй, особенно трудно сделать при изучении проблем культуры. Объясняется это многими причинами.

Как известно, само понятие культуры отнюдь не однозначно. Существует множество определений культуры, которые я здесь приводить не буду. Зафиксируем только ту мысль, что объект поиска, изучения — духовная культура — представляет собой важный комплекс явлений. Она обладает резко выраженной спецификой, обусловленной конкретно-национальными условиями каждой страны — национальными традициями, уровнем социально-исторического развития. Существует внутренняя специфика отдельных областей культуры, скажем литературы, изобразительного искусства, музыки, театра. Если бы они не обладали своей спецификой, они бы не существовали как определенные виды художественной культуры.

Все это, конечно, весьма осложняет проблему сравнительно-исторического изучения национальных культур. Некоторые учёные отрицательно относятся к такому изучению вообще, к сравнительно-типологическому методу исследования в особенности. Очень часто это связано с похвальным желанием сообразовываться с ярко выраженной спецификой культур, но всегда ли учитывается диалектическая связь специфического и общего?

Сошлюсь на один характерный пример. В 1973 г. в Варшаве состоялся VII Международный съезд славистов, где обсуждались многие проблемы, в том числе проблема романтизма, которая была одной из центральных на съезде. Выступив по итогам съезда, академик К. Выка высказался в том плане, что романтизм как явление в славянских литературах не подлежит сравнительному изучению. Во всяком случае он скептически отнесся к этому. Покойный К. Выка — крупнейший польский ученый, очень эрудированный, очень авторитетный, и мы относимся к его трудам с глубочайшим уважением. Но по этим вопросам мы с ним

не сходимся. Вот что он пишет: «Дискуссию вызвал вопрос, удастся ли установить типологическое сходство славянских литератур? Этот тезис, выдвинутый болгарскими и советскими учеными, кажется сомнительным. Романтизм в славянских литературах был так различен и территориально, и по времени, и по своим функциям, что понятие «романтизм в славянских литературах» есть только понятие собирательное. И нельзя это собирательное понятие трактовать как определенный общий тип, из которого возможно вывести черты отдельных славянских литератур. Так же, как нет единой науки «панславистики», так не было и единого романтизма. Различия равно важны, как и сходства»².

Нетрудно заметить, что у Казимежа Выки главная забота — это забота о своеобразии романтизма как явления. Эта наша общая забота, и в этом мы с ним не расходимся. И хотя он говорит: «Различия равно важны, как и сходства», т. е. допускает возможность сходства, но, как мы видели даже по приведенной цитате, на самом деле все внимание сконцентрировано на абсолютных различиях. Мы выступаем за учет своеобразия, именно различий, но за различия, понятые в связи с общим, т. е. без абсолютизации того или иного момента. И отнюдь не из «определенного общего типа» выводятся черты отдельных литератур, а наоборот, эти отдельные литературы служат основой для установления как различий, так и сходств. Речь должна идти о типологических схождениях, которые не противоречат индивидуально-специфическому. Неповторимое, специфическое не исключает общего. Без учета всего этого невозможно понять культуру как комплекс явлений.

В понятие культуры входят различные ее виды. Но это не механическая сумма разных видов культуры, типология которой должна иметь четкие критерии. Необходимо прежде всего исходить из понимания культуры как специфической формы общественного сознания, рассматривать ее как идеологический процесс. В классово-антагонистическом обществе она дифференцируется по идейно-философским и историческим принципам, по характеру концепции человека. В рамках таких размежеваний возникают сходства, историко-культурные общности, проявляющиеся и в одной отдельно взятой национальной культуре, и в масштабах межнациональных. Так, культура социалистической направленности формируется на определенном историческом этапе во многих странах, размежевываясь с культурой буржуазно-реакционной. Она формируется как новый тип культуры, образующей определенную цельность. Ее единство, которое никоим образом не означает единобразия, обусловливается общими принципами восприятия жизни, близостью общественных идеалов у деятелей социалистической культуры.

² «Kultura», 9.IX 1973.

Много общих черт характеризует культуру разных народов в эпоху формирования наций. Если обратиться к истории славянских народов XIX в., то можно ясно увидеть, что их национально-освободительная борьба служила почвой для развития типологически сходных явлений в разных национальных культурах. Национально-патриотическая идеология, например, южных славян и Словакии, определившая направленность художественной культуры народов этих земель,— явление, типологически общее, отнюдь не зачеркивающее национально-специфические различия.

Мы встречаемся со сложным узлом культурных явлений. Культура любой эпохи, в данном случае культура западно- и южнославянских народов в период возрождения, должна быть исследована на разных уровнях. Она требует комплексного подхода уже в рамках одной страны или одной национальной культуры, потому что она сама — комплексное явление. Уже в этих рамках необходимо видеть и ее идеологическую дифференциацию, различные направления-общности, дифференциацию ее различных видов (литература, живопись, театр и т. д.). Когда мы переходим к ее изучению в рамках региона, сложность еще более возрастает, потому что здесь мы поднимаемся на уровень обобщения культурных процессов ряда стран, ряда культур. Наконец, изучение культуры региона требует соотношения и с мировой культурой. Речь идет, следовательно, о самых разных аспектах и уровнях в исследовании проблем культуры. И, очевидно, самое главное в нашем деле — это ощущение единства части и целого, национально-специфического и общего.

Проблемы культуры в современном мире — арена остройшей идеологической борьбы, ожесточенной борьбы различных концепций человека. Известно, что существует множество модернистских теорий, взглядов, искажающих содержание культуры, понимание ее прогресса, потому что эти теории проникнуты антигуманизмом, отказом от объективного познания мира. Марксизм противостоит таким взглядам. Он видит человека в системе общественных отношений, утверждает его как субъекта истории, как активного деятеля, как преобразователя жизни на разумных, гуманистических началах. Именно это дает нам возможность устанавливать восходящие ступени прогрессивных общественных идеалов, закономерную динамику прогресса культуры. Наши исследования должны вести к объективному раскрытию национальных культур, их формирования и поступательного развития, их вклада в мировой культурный процесс.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Складывание национальной культуры — это часть более общей исторической проблемы, которая определяется как закономерность развития народов в эпоху перехода от феодальных отношений к капиталистическим. Именно в этом аспекте рассматривались отдельные вопросы культуры (по большей части — литературы, изобразительного искусства, просвещения, фольклора) в сборниках: «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах» (1970), «Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах» (1972). Недавно изданный сборник «Культура и общество в эпоху становления наций» (1974) полностью посвящен комплексному изучению проблем культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы в хронологических границах с середины XVIII до 70-х годов XIX в. В этом труде авторы стремились на разном национальном материале показать то общее, что возникает в истории национальных культур в период их становления. Важное внимание здесь былоделено участию культуры в формировании национального самосознания, складыванию новых форм культурной жизни, связям культуры с идеологическими и социально-экономическими процессами у разных народов.

Наметившаяся в этом труде тенденция комплексного изучения культуры является на современном этапе важнейшей и определяющей. Она имеет первостепенное значение в научной разработке проблем историко-культурного характера. Участие в таких исследованиях историков, языковедов, литературоведов, фольклористов, искусствоведов и театролов призвано не только закрепить, но и углубить тенденцию комплексности, превратив ее в основной принцип изучения узловых вопросов культуры на разных исторических этапах¹.

Разработка проблем взаимодействия историко-культурного и социально-экономического процессов дает возможность полнее раскрыть закономерности становления и утверждения наций, а последовательное исследование отдельных сфер и областей культуры в свете этой же проблематики приближает нас к созданию обобщающих трудов, посвященных раскрытию важнейших закономерностей историко-культурного процесса в целом.

¹ Подробнее об этом см.: Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Из опыта изучения истории и истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы.—«Вопросы истории», 1973, № 10, с. 80—95.

В истории культуры славянских и балканских народов в эпоху формирования наций есть свои духовные ценности, которые составляют славные страницы в истории этих народов и которые ныне живут как драгоценные национальные традиции. Чтобы их правильно понять и оценить, необходимо всесторонне изучить эти явления, установить определенные закономерности их возникновения и развития в конкретных исторических условиях — в границах одной национальной культуры, в пределах своей зоны (под-региона), а затем и в масштабе стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Задача эта сложная, требующая и привлечения широкого круга специалистов из разных областей культуры, и создания специальных исследований по отдельным дисциплинам, которые будут предшествовать трудам широкого обобщающего характера.

Сейчас мы находимся у самых истоков решения этой трудной научной задачи. Сравнительно-типологические исследования национальных культур рассматриваемых нами стран — очень важная и актуальная задача, к решению которой можно подойти лишь после осуществления работ историко-культурного характера по отдельным странам и народам. В настоящее время мы еще не готовы делать обобщения по всему региону. У нас нет еще достаточно ясного представления о специфических особенностях отдельных национальных культур, которые по своему содержанию, включая сюда разные области культуры, искусства, также требуют комплексности изучения. Вот почему в Институте славяноведения и balkанистики АН СССР предусматривается в ближайшие годы подготовка работ по отдельным национальным культурам (польской, словацкой, венгерской и т. д.) и по отдельным видам искусства (изобразительное искусство, театр, музыка) в эпоху формирования наций. Разумеется, это не означает полного отказа от трудов более широкого плана уже сейчас, хотя сознаем, что такие исследования историко-культурного характера в настоящий момент носят предварительный (подготовительный) характер.

Исследуемые нами страны Центральной и Юго-Восточной Европы при некоторой общности развития славянских народов (языковое родство, этническая близость, сходство исторических процессов) все же представляют довольно пеструю картину в национальном и социальном отношении, в уровне развития. Здесь со славянскими народами соседствуют венгры, австрийцы, румыны, греки, албанцы, турки. Часть народов (чехи, словаки, словенцы, хорваты, сербы, венгры) находилась в подчиненном отношении в составе Австрийской империи, другие же славяне (болгары, часть сербов) были под гнетом Османской империи. С конца XVIII в. польские земли были поделены между Австрией, Пруссией и Россией. Противоречивые политические отношения накладывали отпечаток на формирование национальной идеологии и влияли на складывающиеся национальные культуры. В спо-

лу разных обстоятельств и процессы в области культуры развивались с разной степенью интенсивности и далеко не синхронно.

В то же время мы находим немало сходного в историко-культурном развитии этих народов. Со второй половины XVIII столетия (у одних с 60-х, у других — с 70-х или 80-х годов) зарождаются буржуазные отношения, пробуждается национальное самосознание, а затем идет процесс складывания национальных идеологий и формирования буржуазных наций. Это же время, охватывающее около столетия, является вместе с тем периодом культурного подъема, складывания новых форм культурной жизни, развития литературы, искусств, возникновения широкого интереса к образованию и просвещению, к национальному языку, народному творчеству и печати — временем формирования национальных культур.

Хотя у разных народов социально-исторический и историко-культурный процесс во второй половине XVIII — первой половине XIX в. протекал в общем сходно, наименование он получил неодинаковое. Начало нового этапа в Польше в общественно-культурном отношении определяется как эпоха (век) Просвещения. Для Венгрии с 70-х годов XVIII в. также начинался период Просвещения, который продолжался до 20-х годов XIX в. В Греции идеи Просвещения получили распространение на рубеже XVIII—XIX вв. и на этой основе шло развитие и обогащение культуры. Для польских, венгерских и греческих просветителей важную роль играли французские энциклопедисты.

У южных славян Австрийской империи (сербов, хорватов, словенцев) последняя треть XVII и самое начало XIX в. определяются как период национально-просветительского движения, которое в 20—40-е годы XIX в. перерастает в национальное возрождение (у хорватов в 30—40-е годы XIX в. оно получает название иллиризма). В княжествах Молдавии и Валахии мы встречаемся и с течением национального возрождения (применительно к Трансильвании — с конца XVIII в.) и с просветительством, которое к середине XIX в. перерастает в движение за культурное возрождение, когда начинается формирование национального театра, музыки, развивается национальная литература, создаются культурные общества. В Чехии, Словакии и Болгарии весь период определяется как национальное возрождение, а внутри его выделяются этапы Просвещения или просветительского движения.

Различия, как мы можем заметить, существуют по времени проявления историко-культурных процессов. Нетрудно обнаружить и несовпадение сходных процессов. Заметим попутно, что и в Западной Европе между Возрождением и Просвещением существовала определенная зависимость. Крупный советский учёный акад. Н. И. Конрад писал в статье «Об эпохе Возрождения»: «Переход мышления на путь рационализма и создал ту основную почву, на которой выросло все, что обычно считается признака-

ми Возрождения: протест против догматизма как принципа мировоззрения; против экзегетики, герменевтики как метода познания; против схоластики как формы познания». И далее: «...Рационализм, перестроивший всю систему мышления, в Европе показал всю свою силу позднее — в век Просвещения»².

Нечто подобное, близкое этим явлениям мы можем обнаружить и у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. На раннем этапе просветительское движение и национально-патриотическая идеология (что особенно характерно для раннего этапа национального возрождения) соседствуют или дополняют одна другую, а далее идет обособление отдельных сфер (или областей) культуры, большее выявление национальных особенностей, создание значительных духовных и художественных ценностей в культуре. Эти различные этапы как бы фиксируют разную степень зрелости, развитости национальной культуры. Таким образом, национальная культура выступает как категория историческая, изменяющаяся во времени, претерпевающая качественные изменения и обогащающаяся в результате развития как самого национального процесса, так и благодаря развитию внутренних закономерностей культуры.

Явления подобного характера уже отмечались исследователями отдельных областей культуры. В качестве примера сошлемся на статью С. В Никольского «Художественное сознание эпохи национального Возрождения»³, в которой на материале чешской, словацкой и болгарской литературы прослеживаются разные фазы художественного сознания от намечающегося рационального образа на начальной стадии национального возрождения до синтеза реалистического мышления с социальной типизацией. Нам представляется в высшей степени плодотворным проследить динамику становления и развития художественного мышления в других областях национальной культуры, а также проанализировать систему художественного сознания в историко-культурном процессе в целом и во взаимодействии общественных отношений культуры в определенный период.

В теоретическом плане и с точки зрения истории национальной культуры большой интерес представляет уже ранний этап, который начинается в последней трети XVIII и продолжается до начала XIX в. (а у некоторых народов, например у болгар,— до середины века).

Мы исходим из того, что начальные этапы национальной культуры у каждого народа опираются на достижения развитых культур феодального общества, на наличие тенденций, элементов, а у некоторых народов — уже и определившихся явлений

² Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи, М., 1972, с. 219.

³ Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального Возрождения (на материале чешской, словацкой и болгарской литературы).— «Советское славяноведение», 1973, № 4.

национальной культуры. Достаточно вспомнить при этом опыт польской культуры, прошедшей эпоху Возрождения в конце XV—первой половине XVI в., но заторможенной феодально-католической реакцией до середины XVII столетия⁴. В этом смысле у разных народов «начала» были разные (и опирались они на определенный уровень развития культуры предшествующего исторического этапа) при общем интенсивном процессе национально-культурного подъема. Из предшествующей эпохи воспринималась народная культура, передававшаяся из поколения в поколение и сыгравшая во время национального возрождения значительную роль в художественном обогащении национальной культуры, в ее демократизации, а в некоторых случаях и в закреплении исторического опыта, самобытности (чему способствовало распространение гернического эпоса у южных славян).

Это был переходный период от культуры эпохи феодализма к культуре нового времени — культуре национальной, и характеризовался он, как и в западном Ренессансе, раскрепощением личности («открытием человека»), утверждением идей разума, просвещения, борьбой против невежества, религиозного фанатизма (в некоторых случаях использованием церкви в национальных интересах), через разрушение сословных рамок у отдельных народов и общую демократизацию культуры. А поскольку это проходило по большей части в условиях иноземного угнетения, борьбы за национальную независимость, то разные сферы культуры приобретали сильно выраженный национальный аспект. Особенно это ощущалось в языке, в художественной литературе, в использовании устного творчества, в развитии гуманитарной мысли, и в частности, в широком интересе к развитию славянской филологии.

Даже в тех случаях, когда уже существовал опыт использования литературного языка (как это имело место в Польше в эпоху Возрождения), интерес к нему в конце XVIII — начале XIX столетия был, несомненно, повышенным. Период со второй половиной XVIII до середины XIX в. выдающийся польский языковед Т. Лер-Сплавинский называл «эпохой возрождения литературного языка». А о последней четверти XVIII в. он писал: «Оживившаяся политическая жизнь, сопровождавшаяся бурными обсуждениями вопросов о реформе государственного и общественного строя, открыла широкое поприще для разносторонних упражнений в ораторском искусстве, которое до того ограничивалось почти исключительно узким кругом «похвальных» слов с их избитой школьной фразеологией. Расцветавшее в окружении двора Станислава-Августа и под покровительством короля литературное и художественное движение, бурное в своем развитии, увенчало дело возрождения польской культуры и мысли

⁴ Подробнее об этом см. в нашей статье в сб.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, с. 15—16.

того времени. В этой атмосфере должен был измениться и самый польский язык высших слоев общества — как литературный, так и повседневный: он окончательно оправился от маразма, приобрел жизнь и блеск и, продолжая здоровые традиции языка Кохановского и Скарги, стал точным отражением мыслей и чувств возрождающегося народа»⁵.

Таким образом, в одном случае идет интенсивный процесс обогащения национального литературного языка, а в другом — постепенное его складывание, формирование на основе диалектов живого разговорного языка. Но что здесь особенно привлекательно? У ряда народов в процессе становления языка проходит некую стадию лексической и грамматической общеславянской близости, опирающейся на традиции старославянского языка. Известно, например, бытование словено-сербского языка в конце XVIII — начале XIX в. В 1830 г. видный деятель иллирийского движения Л. Гай пишет брошюру «Краткая основа хорватско-словенского правописания». В те же годы болгарские просветители Н. Рилский, Р. Попович употребляли термин «словено-болгарская грамматика», «словено-болгарский язык». Нечто подобное мы обнаруживаем у чехов и словаков, стремившихся создать общий язык. В данном случае мы наблюдаем конкретное применение идеи общности, взаимности, которая была характерна для раннего этапа складывания национальной культуры. Она была средством противодействия германизации и мадьяризации у народов Австрийской империи, средством противостоять греческому воздействию в языке, образовании, культуре южных славян. В этом смысле идея славянской общности выполняла прогрессивную роль.

Но здесь были и свои отрицательные моменты. Некоторая национальная неопределенность (на этапе общеславянской общности) служила помехой в дальнейшем развитии языка, искусства, да и культуры в целом. На эту мысль обращает внимание и известный чехословацкий ученый З. Неедлы в своей работе о Сметане. «Идея славянской общности,— пишет З. Неедлы,— которая во многих отношениях принесла много пользы, усложнила наше представление о национальности до такой степени, что в первую, когда Сметана начал у нас свое дело реформы (речь идет уже о периоде 50—60-х годов XIX в.— В. З.), «национальное» и «славянское» было одно и то же. Понятие национальности было неясным, оно могло быть узким (чешским) или более широким (славянским). В обществе это был принципиальный вопрос, который надо было решать»⁶. Заметим, что это небезразлично не только для развития искусства, но и для культуры в целом. Но поскольку мы сталкиваемся с подобным явлением у ряда народов Центральной и Юго-Восточной Европы, то следует это при-

⁵ Лер-Славинский Т. Польский язык. Пер. с польского. М., 1954, с. 225.

⁶ Nejedlý Z. O literatuře. Praha, 1953, s. 435.

знать одним из характерных явлений процесса развития культуры, в данном случае культуры славянских народов.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что отдельные виды искусства и литература на раннем этапе носили по существу синкретический характер. Их художественная сторона отходила как бы на второй план. Ранние диалоги в школьных представлениях были зародышем будущих пьес и выполняли прежде всего воспитательную функцию. Произведения литературы рассматривались прежде всего как учебный материал. Сборник П. Р. Славейкова «Песиопойка» (1852) был не только сборником стихотворений, но и учебным пособием, выполняя он также и функцию национально-патриотическую. Многозначно было и изобразительное искусство, еще тесно связанное с религиозным сознанием.

На этапе становления национальной культуры важную роль приобретает фольклор. В 1859 г. выдающийся болгарский революционер и один из крупнейших деятелей болгарского национального возрождения Г. Раковский публикует «Руководство» по собиранию памятников устного народного творчества, в котором, как он указывал, «сохраняются черты нашего быта, языка, нашего правления и т. д.» По заключению акад. М. Арнаудова, Г. Раковский при изучении старины, преследуя романтические и патриотические цели, смешивает «в своем труде задачи этнографа, фольклориста, филолога и историка»¹.

Думается, что это не ошибки Г. Раковского и не случайность. Такая нерасчлененность отдельных видов культуры, искусства была свойственна этому раннему национально-патриотическому этапу в развитии культуры. И не случайно эстетическая функция в искусстве на этой фазе едва пробивается. Но пройдет еще некоторое время и она будет играть очень важную роль, обогащая каждый вид искусства специфическими художественными ценностями.

В период раннего этапа национального возрождения все силы передовых представителей народа были устремлены на утверждение национального самосознания, самобытности и развитие просвещения (не случайно он нередко и именуется периодом Просвещения), объединяя различные слои общества. В этих условиях культура выступает важным объединительным фактором общественной жизни. Социальная дифференциация внешне не проявляется на данном историческом этапе, она как бы оттеснена национальными вопросами. Но пройдет немного времени и у каждого народа с большей определенностью выступят на первый план свои социальные конфликты, которые найдут отражение в идеологической жизни и облекутся в разные идейные и художественные течения. Определившаяся новая социальная структура общества тотчас же скажется в каждой сфере культуры, породив

¹ Арнаудов М. Очерки по българския фолклор, т. I. София, 1968, с. 60.

разные тенденции, разные художественные течения, стили и направления. Это будет уже новый, более развитый этап национальной культуры, и общая картина культурной жизни приобретет более усложненный характер.

Если коллективными усилиями специалистов по общественным наукам, искусству мы сможем пролить дополнительный свет на особенности развития отдельных областей культуры в изучаемых нами странах и тем сможем в историческом аспекте рассмотреть важнейшие черты разных этапов, фаз становления и утверждения национальных культур, мы сделаем важный шаг в изучении общих закономерностей развития историко-культурного процесса народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодальных отношений к капиталистическим, в эпоху складывания и утверждения буржуазных наций. Во всяком случае, такая проблема сейчас стоит перед нашими историками культуры, в частности перед языковедами и литературоведами, философами, этнографами и искусствоведами.

B. A. Дьяков

ЭПОХА «НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (социальное содержание, периодизация, пути исследования)

Для стран Центральной и Юго-Восточной Европы¹ конец XVIII и почти весь XIX в. были периодом генезиса капитализма, борьбы за создание новых независимых государств, формирования наций и национальных культур. В болгарской, чехословацкой и югославской историографии этот период принято называть эпохой «национального возрождения». Специалисты по истории народов Албании, Венгрии, Греции, Румынии, Польши также пользуются этим термином для характеристики данного периода, но очень редко, и с существенными оговорками². Думается, одна-

¹ По этому вопросу в советской науке существует богатая литература. Это освобождает автора от необходимости подробно останавливаться на этом в настоящей статье.

² Так, польский исследователь Юзеф Хлебовчик, говоря о тех народах Центральной и Юго-Восточной Европы, которые не имели раньше собственной государственности, называет указанную эпоху периодом старта национального самосознания. Он пишет: «С точки зрения хронологии этот старт длится на протяжении всего XIX столетия, образуя своеобразный, четко выделяющийся исторический этап, который определяется публицистическим термином «пробуждение» или «национальное возрождение» (*Chlebowczyk J.*

ко, что терминологические расхождения не меняют социальной сути происходивших процессов, охватывающих весь комплекс явлений, которые характеризуют переход от феодализма к капитализму.

Настоящая статья является продолжением работы по теоретическому осмыслению вопросов, связанных с изучением комплексной проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму»³. Конкретно в ней будут рассмотрены следующие вопросы: 1) как соотносится национальное возрождение в Центральной и Юго-Восточной Европе с западноевропейской эпохой Возрождения; 2) каково историческое содержание эпохи национального возрождения в рассматриваемых странах и как соотносятся в ней факторы социально-экономического и политического развития с факторами, относящимися к сфере культуры; 3) какова специфика эпохи национального возрождения для отдельных регионов и стран Центральной и Юго-Восточной Европы и что можно сказать о ее внутренней периодизации.

Термин «Ренессанс», как известно, французский, хотя классическим для Западной Европы вполне обосновано считается итальянское Возрождение. Отвлекаясь от разногласий, которые имеются при определении хронологических рамок эпохи Возрождения (в данном случае они не имеют существенного значения)⁴, мы можем зафиксировать, что началось оно примерно в XIV, а завершилось в XVI или в первой половине XVII в. Что касается эпохи Просвещения, которую в определенном смысле можно считать продолжением эпохи Возрождения, то она относится в основном к XVIII в., хотя ее истоки в ряде случаев восходят к XVII, а завершающий этап к началу XIX в. Следовательно, в западноевропейских странах общая протяженность двух эпох составляла триста-четыреста лет.

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали на ведущее место Италии в развитии Западной Европы по пути к капитализму, подчеркивая каждый раз, что именно с этим в конечном счете связаны возникновение и размах итальянского Возрождения. В предисловии к переводу «Коммунистического манифес-

Procesy narodowotwórcze we wschodniej Europie śródkowej w dobie kapitałizmu. Warszawa — Kraków, 1975, s. 17).

³ См.: Миллер И. С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения.— «Советское славяноведение», 1972, № 4, с. 31—41; Марков Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках.— «Вопросы истории», 1973, № 10, с. 93 и др.

⁴ Абрамсон М. Л. Обсуждение проблем истории Возрождения и Гуманизма.— «Вопросы истории», 1955, № 2, с. 169—172; Сказкин С. Д. К вопросу о методологии истории Возрождения и Гуманизма.— В кн.: Средние века, вып. 11. М., 1958.

та» на итальянский язык, изданном в 1893 г., Энгельс писал: «Первой капиталистической нацией была Италия. Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени»⁵. В «Капитале» Маркса содержится высказывание, определяющее социально-экономические истоки итальянского Возрождения. «В Италии,— писал Маркс,— где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной освобождается здесь прежде, чем он успел обеспечить за собой какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне закона пролетария, который к тому же тотчас находит новых господ в городах, сохранившихся по большей части еще от римской эпохи»⁶.

Сделав свои первые шаги в Италии, Возрождение охватило и другие страны Европы. Сходные по своей сущности социально-экономические сдвиги иензменно влекли за собой аналогичные изменения в политическом строе и во всей духовной жизни общества. «...вся новая история,— писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы»,— ведет свое летосчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, Реформацией,— французы — Ренессансом, а итальянцы — Чинквеченто, и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований <...> Королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество <...> В спасенных при падении Византии рукописях, вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлым образом исчезли призраки средневековья, в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уж больше не удавалось достигнуть. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература. Англия и Испания пережили вскоре вслед за этим классическую эпоху своей литературы. Рамки старого *orbis terrarum* были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и были заложены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, которая, в свою очередь, послужила исходным пунктом для современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве сбросили ее и приняли протестантизм.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 22, с. 382.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, с. 728.

между тем как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века.

Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до этого времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая родила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными⁷.

Огромное методологическое значение приведенного высказывания совершенно очевидно. Особенно важным представляется то, что в приведенной цитате, как и в других высказываниях основоположников марксизма, социально-экономические, политические, идеологические и культурные аспекты Возрождения рассматриваются в перазрывном единстве и внутренней взаимосвязи друг с другом⁸. Из этого следует, что историко-культурная проблематика далеко не исчерпывает Возрождения, что она может успешно изучаться только на комплексной основе, при непременном учете огромного диапазона явлений, относящихся и к базису и к надстройке.

Западноевропейское Просвещение основоположники марксизма также рассматривали широко и разносторонне. Они видели в нем эпоху широких идейных движений, характерных для завершающего этапа борьбы буржуазии против феодализма. Существенное отличие эпохи Просвещения от эпохи Возрождения заключалось, по их мнению, в том, что развивавшаяся и окрепшая буржуазия не довольствовалась уже чисто философскими доктринаами, литературой, искусством, а вторглась непосредственно в политические взаимоотношения, в область теоретической и практической подготовки к захвату власти. И это естественно, ибо эпоха Просвещения была не просто кануном, но и подготовительной стадней к эпохе буржуазных революций.

В «Анти-Дюринге» Энгельс дал развернутую характеристику классическому в своем роде французскому Просвещению. При этом он показал его социальные истоки и вскрыл подлинное содержание ведущих идейно-политических доктрин французских просветителей. «Великие люди,— говорится в «Анти-Дюринге»,— которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, сами выступали крайне революционно <...>

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 345—346. Изложение тех же мыслей в более краткой форме см. там же, с. 508.

⁸ О Ренессансе, писал Н. И. Конрад, «говорят в равной мере ученые-немарксисты и ученые-марксисты, но говорят, конечно, по-разному: первые, связывая явления Ренессанса главным образом с историей культуры, особенно искусства; вторые — с общей историей, а в ее сфере — с историей социально-экономической». (Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972, с. 19).

Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего <...> Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума — общественный договор Руссо,— оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁹.

Принимая во внимание приведенные оценки К. Маркса и Ф. Энгельса, относящиеся к западноевропейскому Возрождению, попытаемся сопоставить его с теми явлениями, которые были характерны для перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Правомерность такой попытки прямо вытекает из того, что основоположники марксизма считали своей задачей главным образом разработку методологии, а не решение тех или иных конкретных вопросов. Не случайно, отвечая одному из буржуазных экономистов, пытавшихся искать какие-то частные недоработки в «Капитале», Энгельс в 1895 г. писал: «Все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые формы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»¹⁰.

Начиная сопоставление, остановимся прежде всего на вопросе о длительности переходного периода. На Западе, как уже отмечалось, Возрождение и Просвещение в целом длились три — четыре столетия. Если говорить о странах Центральной и Юго-Восточной Европы, то соответствующая историческая эпоха началась в большинстве из них во второй половине XVIII, а закончилась в последние десятилетия XIX в., т. е. продолжалась всего около ста лет. На Западе процесс капиталистического развития изменил старые социально-экономические отношения, политический строй и духовную жизнь гораздо глубже и всестороннее. В Центральной и Юго-Восточной Европе феодализм рухнул не сразу и оставил после себя весьма живучие пережитки, существенно влиявшие на экономическую и идеологическую сферы. Социальная суть переходного периода была аналогичной, но четкость отдельных звеньев процесса в рассматриваемых странах оказалась значительно меньшей; они сместились во времени, как бы наложились друг на друга.

В результате страны Центральной и Юго-Восточной Европы не прошли в своем развитии самостоятельного этапа, буквально,

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 16—17.

¹⁰ Там же, т. 39, с. 352.

соответствующего «классическому» Возрождению. Более или менее заметные шаги были сделаны в Польше, Чехии и на Далматинском побережье. О тех или иных явлениях, связанных с западноевропейским Возрождением на раннем этапе его развития или возникших на местной почве, иногда говорят применительно к Болгарии, Венгрии и Греции¹¹. Разумеется, подобные явления нельзя сбрасывать со счетов. Но внимательно изучая их, мы должны помнить, что речь идет о неразвившихся зачатках тех процессов, которые начинались здесь, но не смогли поколебать социально-экономические устои. Иное дело эпоха Просвещения, но и она не везде приобрела четко выраженные очертания и весь набор характерных для нее признаков. В Западной Европе без всякого труда могут быть выделены три составные части переходного периода: 1) идеическое пробуждение буржуазии, т. е. Возрождение; 2) ее политическое становление, соответствующее эпохе Просвещения; 3) открытая борьба за власть в период буржуазных революций. В рассматриваемых странах, где феодалы занимали гораздо более прочные позиции, где буржуазия была малочисленнее и слабее или вовсе отсутствовала, вместо трех периодов различимы фактически два, а местами и они сливались воедино. Именно поэтому термин «национальное возрождение» получает здесь собирательный смысл, охватывая всю эпоху перехода от феодализма к капитализму.

Вторую линию сопоставления можно начать с отмеченной Энгельсом особенности переходной эпохи в странах Западной Европы, заключающейся в том, что под ее воздействием еще в XV—XVI вв. королевская власть, опираясь на горожан, смогла создать там крупные, этнически однородные государства, которые стали базой для формирования соответствующих буржуазных наций. В Центральной и Юго-Восточной Европе в эпоху феодализма также сложился ряд крупных государств, но они были многоэтническими по составу, причем исторические условия не вели к нивелировке этнических противоречий, а обостряли их. В первом случае в рамках одного государства складывалась, как правило, одна нация, а социально-экономические процессы, характерные для переходного периода, были настолько интенсивными, что сравнительно легко ломали некоторые внутренние этнические перегородки (примером здесь может служить Франция, где между гасконцами, провансальцами, бретонцами и т. д. до поры до времени существовали весьма существенные отличия). Во втором случае в рамках одного государства формировалось несколько экономических, политических, культурных, этнических общностей и соответственно складывалось несколько наций. Положение осложнялось тем, что отдельные нации венгры, поляки, хорваты, будучи угнетенными, в то же время

¹¹ См., в частности: Голенищев-Кутузов И. И. Итальянское Возрождение и славянские литературы. М., 1963.

занимали господствующее положение по отношению к другим — словакам, сербам, украинцам и т. д.

Третью область сравнения может составить то, что связана с общей расстановкой сословно-классовых (социальных) сил. Здесь главное отличие заключалось в том, что в западной части Европы к моменту решительных выступлений противников старых порядков существовала уже сильная национальная буржуазия и складывающийся рабочий класс, тогда как почти во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы буржуазия была очень слабой, а зародыши рабочего класса весьма незначительными; к тому же и среди буржуазии и в рабочей среде зачастую существенную долю составляли инонациональные элементы. С другой стороны, наличие острых национальных и конфессиональных противоречий внутри государств приводило в лагерь противников существующего порядка, делало попутчиками революции значительное число представителей феодального класса. В результате возникали такие сложные переплетения национальных и социальных интересов и, соответственно, такие внутренне противоречивые социально-политические блоки, которые в Западной Европе были просто немыслимы, ибо там противоборствующие классовые силы выступали в более или менее чистом виде. Там, по словам Энгельса, мощь феодализма сломило бургерство, причем «на заднем плане борьбы <...> показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата»¹². В странах же Центральной и Юго-Восточной Европы против феодальных порядков и абсолютистских государств наряду с крестьянством выступали: слабая и недостаточно самостоятельная буржуазия, немногочисленные городские низы, которые еще не доросли до уровня «предшественников пролетариата», а также более или менее значительная часть дворян. В этих условиях роль буржуазии была значительно меньшей, а роль крестьянства — значительно большей, чем в Западной Европе. Роль крестьянства возрастала здесь и в связи с тем, что, как правило, антифеодальная борьба была для крестьян одновременно и борьбой за национальное освобождение.

В качестве четвертой и последней сферы для сопоставления представляется возможным выделить идеологию освободительного движения, определяемую теми социально-экономическими и политическими условиями, о которых говорилось выше. В западной части Европы к концу эпохи Просвещения буржуазия имела свою хорошо разработанную идеально-политическую платформу, а «предшественники пролетариата», о которых писал Энгельс, шли «уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на устах»¹³. В рассматриваемых нами странах положение

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 508.

¹³ Там же.

было цинм. Идеологи феодально-крепостнического строя удерживали там гораздо более прочные позиции, а буржуазно-мещанская струя в духовной жизни усилилась, но далеко не заняла ключевых позиций. На общественных деятелей, так или иначе отражавших интересы трудящихся масс, оказывали определенное влияние доктрины утопического социализма и коммунизма. Но влияние это не было значительным, а распространялось чаще всего в форме весьма умеренных идей проповедников христианского социализма типа аббата Ф. Ламение.

Существенной чертой национально-освободительных движений в указанных странах была очень большая роль национальных программ. В идеологии же общественно-политических движений стран Западной Европы такого рода программы вообще не имели сколько-нибудь серьезного значения. Но и в том и в другом случае определяющее значение принадлежало социальным факторам и именно от них главным образом зависели характер и смысл развертывающейся борьбы. Причем в Центральной и Юго-Восточной Европе классовые интересы находили свое воплощение преимущественно в национальных требованиях, из-за чего подлинная суть социальных столкновений, характерных для перехода от феодализма к капитализму, оказывалась скрытой или несколько деформированной национальными факторами. Отсюда специфическая сложность анализа идеологии и программ освободительного движения, связанная с необходимостью выяснения социального смысла национальных требований тех или иных партий, политических групп и отдельных деятелей, без чего ошибки в выводах и оценках неизбежны.

Заканчивая сопоставления, хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о явлениях, которые хотя и не синхронны, но однотипны по своей основной социальной сущности и по некоторым проявлениям в социально-экономической сфере и имеют определенное сходство в области политики, идеологии и культуры. Наличие общих черт неоспоримо, но совершенно очевидна по отношению к Западной Европе и специфика Центральной и Юго-Восточной Европы, где формирование наций, национального самосознания и национальных культур происходило в существенно отличающихся исторических условиях.

По отношению к эпохе «национального возрождения»¹⁴ в странах Центральной и Юго-Восточной Европы чрезвычайно интересный сравнительно-исторический материал дает итальянское Рисорджименто. Как известно, под этим названием в историю

¹⁴ По указанным причинам, а также в силу весьма значительной специфики процессов в отдельных странах, слова «национальное возрождение» берутся нами в кавычки и используются в статье как субститут гораздо точнее отражающего содержание, но слишком многословно выраженного понятия — «период перехода от феодализма к капитализму, формирования наций, национального самосознания и национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».

вошло национально-освободительное движение итальянского народа, продолжавшееся с конца XVIII до 70-х годов XIX в. и имевшее своей основной целью ликвидацию иноземного гнета, уничтожение политической раздробленности, создание единого независимого государства. Истоки движения были связаны с объективной необходимостью уничтожения феодальных отношений, с окончательным утверждением нового, буржуазного строя.

Исторические судьбы Италии сложились так, что после первых шагов по пути капиталистического развития, о которых упоминалось выше, там по ряду причин начались процессы, которые повлекли за собой консервацию феодальных порядков на длительное время; вдобавок страна не могла преодолеть политической раздробленности, а значительная часть ее территории так или иначе находилась под иноземным господством. Таким образом, социально-экономические и политические условия были здесь весьма близкими к тем, которые сложились в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Весьма поучительный материал для сопоставлений дает также все то, что относится к немецким землям на протяжении столетия перед 1870 г. В XV—XVI вв. разложение феодальных порядков продвинулось в Германии настолько, что Крестьянскую войну 1524—1525 гг. иногда называют даже ранней буржуазной революцией¹⁵. Однако в тот период победа реакционных сил значительно затормозила ход экономического развития и привела ко «второму изданию крепостничества»¹⁶, а последствия Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. падолго закрепили политическую раздробленность Германии. Быстрое развитие капиталистического уклада возобновилось лишь во второй половине XVIII в. Этот этап ознаменовался появлением просветительской идеологии (Г. Лессинг, Г. Гердер и др.), а также возникновением общественного движения под символическим названием «Буря и натиск». В последующие десятилетия развернулась длительная борьба за ликвидацию феодально-крепостнических порядков и создание на немецких землях единого национального государства. Обусловленная прежде всего социально-экономическими факторами, эта борьба велась в идейно-политической сфере, в литературе и искусстве, причем столкновения осложнялись ожесточенными спорами о путях объединения и тем острым соперничеством между Австрией и Пруссией, которое привело к войне 1866 г., завершившей объединение Германии.

¹⁵ См. материалы специальной дискуссии 1956—1958 гг. на страницах журнала «Вопросы истории», в которой приняли участие М. М. Смирин, О. Г. Чайковская, А. Д. Эпштейн и другие ученые.

¹⁶ Подробнее см. Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого второго издания крепостничества в Средней и Восточной Европе.—«Вопросы истории», 1958, № 2.

Весьма любопытным представляется и еще один сравнительно-исторический аспект: сопоставление эпохи «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе с аналогичными явлениями в странах Востока. Основные черты эпохи Просвещения в этих странах довольно подробно освещены в недавно появившемся специальном сборнике статей, изданном Институтом востоковедения АН СССР. Сборник содержит ряд конкретных исследований, относящихся к Турции, Афганистану, странам арабского Востока, Корее, Японии, Вьетнаму, Индонезии, Индии, Малайе рассматриваемого времени. В статье ответственного редактора И. С. Брагинского сделано следующее важное обобщение: «Возникновение просветительства на Востоке связано, как и на Западе, с определенными историческими условиями, когда предпосылки капитализма переходят в начало капиталистического производства (преимущественно XIX век) и происходит формирование буржуазной нации»¹⁷.

Что касается Возрождения, то крупнейший знаток соответствующего круга вопросов Н. И. Конрад обнаружил более или менее существенные признаки этой эпохи в Китае VIII—XII вв., а также в Средней Азии, Иране, Закавказье в IX—XIII вв.¹⁸ Конкретные выводы Н. И. Конрада, может быть, и не бесспорны, но с точки зрения методологической ход его рассуждений представляется вполне правильным и плодотворным. «Таким образом,— говорится в одной из теоретических работ Н. И. Конрада,— вопрос об эпохе Возрождения перестает быть вопросом истории какой-либо отдельной страны и становится вопросом мировой истории. Вместе с тем возникает и новый вопрос: о формах и уровнях эпохи Возрождения в отдельных странах <...>. Поэтому понять историческое содержание Ренессанса можно только на основе учета того, что имело место во всех странах, так или иначе затронутых этим движением, группируя их на основе их исторических связей по определенным культурно-историческим зонам, например европейская, восточно-азиатская, средневосточная. Ренессанс же как явление мировой истории во всем своем историческом значении раскрывается только при сопоставлении явлений Ренессанса как в отдельных странах, так и в каждой из возможных зон. И в этом общем свете гораздо отчетливее станут явления Ренессанса в каждой стране — их качество, их значение, их историческая роль»¹⁹. Думается, что с таким толкованием эпохи Возрождения, превращающим его в неотъемлемую часть всемирной истории, не согласиться просто невозможно. Трудно не увидеть также, что аналогичный подход вполне правомерен и для эпохи Просвещения (об этом особенно убедительно свидетельствует уже называв-

¹⁷ Просветительство в литературах Востока. Сборник статей. М., 1972, с 315.

¹⁸ Конрад Н. И. Запад и Восток, с. 5.

¹⁹ Там же, с. 242.

шийся выше сборник под редакцией И. С. Брагинского). А раз так, то изучение «национального возрождения» народов Центральной и Юго-Восточной Европы ни в коем случае не может замыкаться в самом себе, оно должно непременно осуществляться на широком историческом фоне, без которого многим явлениям мы просто не в состоянии дать достаточно рельефного и точного освещения.

Перейдем к внутреннему содержанию научной проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму». Содержание проблемы слишком многогранно, чтобы данная работа могла претендовать на исчерпывающее ее освещение. Попытаемся лишь обозначить и в самой краткой форме охарактеризовать те составные части проблемы, которые представляются наиболее важными и существенными.

Одну из таких частей составляет, несомненно, все то, что связано с переходными явлениями в социально-экономической сфере, и прежде всего — с процессом первоначального накопления. Думается, что с точки зрения рассматриваемой проблемы в указанном процессе особенно важно обратить внимание на социальные последствия экономических сдвигов, происходивших в городе и в деревне. Обрисовывая их, Маркс в первом томе «Капитала» писал: «В истории первоначального накопления эпохи составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии, которую мы поэтому и берем в качестве примера»²⁰. Другим хорошо известным и методологически важным образцом конкретно-исторического рассмотрения данного круга вопросов является работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Конкретные оценки и общие методологические высказывания основоположников марксизма-ленинизма облегчают нам анализ уже накопленного и вводимого в оборот страноведческого материала, сопоставление и обобщение его по отдельным зонам и в рамках стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Здесь главная задача должна состоять, по-видимому, в том, чтобы проследить складывание новой структуры общества, вскрыть объективные социально-экономические факторы, оказывающие влияние на темпы и специфические черты формирования наций

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, с. 728.

в этом районе, показать, каковы те особенные исторические условия, в которых складывались национальные культуры соответствующих народов.

Большое место в формировании наций принадлежит языку. Без единого языка не может развиваться экономическая интеграция, без которой немыслимо сколько-нибудь широкое распространение чувства этнического единства, невозможно то значительное расширение, углубление, упрочение самых многообразных, в том числе культурных связей между различными общественными группами и отдельными членами общества, которыми характеризуется переход от феодализма к капитализму. Становление единого национального языка и его функционирование в экономической жизни и повседневном общении, в литературе и искусстве составляет особый круг вопросов, чрезвычайно важных для проблемы «национального возрождения». Хорошо понимая, что необходима разработка этих вопросов в чисто языковедческих аспектах, мы, очевидно, должны помнить, что для проблемы в целом прежде всего нужны те стоящие на пограничье языкознания с историей и литературоведением исследования, которые входят в тему «язык и общество».

Еще одной важнейшей составной частью проблемы «национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы является, на наш взгляд, все то, что относится к генезису и развитию национального самосознания. Отдельные его проявления обнаруживаются и на более ранних этапах, но реальной силой, так или иначе объединяющей значительную часть общества, национальное самосознание становится лишь при переходе от феодализма к капитализму. Процесс формирования нации определяется материальными факторами, но его развитие и завершение немыслимо без национального самосознания в форме различного рода национальных программ и национально окрашенных философских, исторических и иных доктрины, без национальной литературы и национального искусства, без книгопечатания и школ на национальных языках. Конечно, изучению «национального возрождения» в конечном итоге способствует любое частное исследование, относящееся к указанной тематике. Однако представляется несомненным, что для проблемы в целом наибольшую пользу могут принести те работы, которые вскрывают органическую связь между социально-политическими факторами и национальным самосознанием. Само собой разумеется, что формирование национальных культур образует большой и сложный круг вопросов, имеющий самостоятельное значение. Однако вопросы эти являются неотъемлемой составной частью всей проблемы «национального возрождения», для разработки которой в целом существенны не все, а лишь наиболее важные результаты изучения историко-культурной проблематики.

Характеризуя социально-экономические процессы интересую-

щей нас эпохи и отмечая объективную необходимость устранения препятствий на пути развития национального языка и литературы, Ленин подчеркивал, что для полной победы товарного производства требуется не только завоевание внутреннего рынка буржуазией, но и «государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке»²¹. Если на западе Европы эта задача переходного периода осуществлялась относительно легко, то в странах Центральной и Юго-Восточной Европы возникли трудности, на преодоление которых потребовалось много времени и усилий. Складывание национальных государств является еще одной частью проблемы «национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Национальные движения относятся к сфере политики, но они тысячью нитей связаны с теми социально-экономическими и идеологическими факторами, которые перечислялись выше. При этом речь идет о двусторонней связи, ибо, с одной стороны, характер национальных движений, их политическая программа и результаты обусловливаются кризисом феодально-крепостнических отношений, формированием наций и складыванием национального самосознания, а с другой — все эти факторы оказывают обратное воздействие на национальные движения, причем иногда это воздействие бывает довольно значительным²².

Из сказанного явствует, что к числу важнейших составных частей проблемы «национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы представляется возможным отнести: а) важнейшее содержание и основные результаты социально-экономических сдвигов, характерных для перехода от феодализма к капитализму; б) процессы формирования наций, национального самосознания и национальных культур, взятые в их наиболее существенных проявлениях и общих закономерностях; в) основное содержание и реальные итоги национальных движений и национально-освободительной борьбы, направленной на восстановление или завоевание политической независимости. Хорошо понимая, что этот перечень охватывает лишь магистральные направления исследований, но не дает полного представления о всем многообразии тематики, которая входит в проблему, назовем ряд тем, дополняющих и конкретизирую-

²¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 258.

²² См. например: Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального возрождения.—«Советское славяноведение», 1973, № 4, с. 53—61; Обушенкова Л. А. и Фрейдзон В. И. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII — 70-е годы XIX в.).—В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 125—149; Злынцев В. И., Лещиловская И. И. и Львова Е. П. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур.—Там же, с. 330—343.

щих названные выше направления, хотя и не исчерпывающих их содержания:

1) Специфика формирования наций в ее взаимосвязях с особенностями социально-экономического развития отдельных стран, районов и Центральной и Юго-Восточной Европы в целом; 2) анализ национальных программ (взятых отдельно и в сопоставлении друг с другом) с точки зрения их социальной обусловленности и идеино-политического содержания 3) обобщение истории национальных движений путем сопоставления их форм, задач, социального облика и достигнутых результатов; 4) взаимосвязи между борьбой за социальное и национальное освобождение (на примере отдельных народов и в сравнительно-историческом освещении); 5) национальные движения и идея межнационального революционного сотрудничества; 6) объективные истоки, политическая интерпретация и реальная роль идеи славянского единства на различных этапах исторического развития; 7) исторические и культурные связи народов Центральной и Юго-Восточной Европы с соседними народами как фактор их развития в период перехода от феодализма к капитализму; 8) роль национальной культуры в становлении науки и формировании национального самосознания (на примере одной или нескольких стран); 9) складывание единого литературного языка и его роль в формировании нации (для одного народа или в плане сопоставления); 10) вклад отдельных слоев общества в создание национальной культуры и ее восприятие различными социальными группами; соотношение между понятиями национальная и народная культура, между понятиями культуры феодального и буржуазного общества; 11) формирование национальной интеллигенции; 12) генезис отдельных национальных литератур и сравнительно-исторический анализ соответствующих процессов в сопоставлении с процессом формирования наций и национального самосознания; 13) возникновение национального театра, музыки, изобразительного искусства, национальных элементов в архитектуре, их связь с формированием нации и национального самосознания; 14) место фольклора в становлении и развитии национального самосознания; 15) развитие книгопечатания на национальной основе и его влияние на формирование нации, национального самосознания; 16) взаимосвязи между формированием нации и развитием школы, национальные направления в педагогике; 17) соотношение и взаимозависимость между национальным самосознанием и различными формами религиозной идеологии.

В заключение рассмотрим проблему «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе с точки зрения ее внутренней периодизации и выяснения специфики развития отдельных народов и территорий.

Говоря о периодизации, следует, очевидно, учитывать, что каждая из трех основных частей проблемы (социально-экономи-

ческие сдвиги; формирование наций, национального самосознания и национальных культур; национальные движения и национально-освободительная борьба), как и отдельные территориальные комплексы, могут иметь свою собственную периодизацию. Что касается периодизации для эпохи «национального возрождения» в целом, то она, будучи органически связанной как с общеисторической периодизацией, так и с периодизацией социально-экономического, политического и культурного развития, не обязана полностью совпадать ни с той, ни с другой.

Известно, что, рассматривая капиталистическую формуцию в целом, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал коренное отличие, которое по характеру национальных движений имеют между собой две части этой формации или две «эпохи капитализма». Первую из них он называл эпохой «краха феодализма и абсолютизма», эпохой складывания буржуазно-демократического общества, противопоставляя ей эпоху «сложившихся капиталистических государств <...> которую можно назвать кануном краха капитализма»²³. Совершенно очевидно, что первая эпоха для Центральной и Юго-Восточной Европы фактически совпадает с эпохой «национального возрождения». За конечную хронологическую грань этой эпохи можно принять 70-е годы XIX в., так как к этому времени почти во всех этих странах кончился тот исторический этап, содержание которого охарактеризовано у В. И. Ленина следующим образом: «...пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств»²⁴.

Опираясь на ленинские определения и на приводившиеся выше аналогичные высказывания Маркса и Энгельса о западноевропейских странах, попытаемся определить начальную грань эпохи «национального возрождения». Сколько-нибудь точная датировка «пробуждения национальной жизни» возможна лишь для каждой страны в отдельности, да и то не во всех случаях. Говорить о всей Центральной и Юго-Восточной Европе значительно труднее, но думается, что не будет ошибкой, если мы отнесем первые признаки «национального возрождения» ко второй половине XVIII в.

Внутри эпохи «национального возрождения» нам представляется возможным выделить два этапа. Основное содержание первого из них охватывает начальную стадию развития капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве, а также первый этап формирования наций, национального самосознания, национальной культуры. В отличие от этого главная суть второго этапа состоит в более или менее открытой борьбе за ликвидацию феодальных порядков, за восстановление или завоевание независимости. Конец первого этапа представ-

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

ляется обоснованным датировать началом 40-х годов, т. е. тем временем, когда начали созревать непосредственные предпосылки революции 1848 г. Второй этап начинается, по нашему мнению, капуном революции, а завершается тем временем, когда в странах Центральной и Юго-Восточной Европы закончилось становление капиталистических отношений²⁵. Это был период революций и решающих преобразований социального и политического характера²⁶.

О региональной специфике явлений, относимых нами к проблеме «национального возрождения» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, было немало дискуссий, которые отчасти нашли свое отражение в печати²⁷. Высказывалось убеждение, что местные особенности социально-экономического, политического и культурного развития эпохи «национального возрождения» дают основания и даже обязывают нас выделить в Центральной и Юго-Восточной Европе три более или менее специфических зоны. К первой из них относятся входившие в Габсбургскую монархию территории с венгерским, румынским, чешским, словацким, польским, украинским и югославянским населением, ко второй — находившиеся под властью Османской империи румынские, греческие, албанские, болгарские и югославянские земли, а к третьей — подвластные Пруссии и России польские земли, а также территории с сербо-лужицким населением. Необходимость выделения балканской зоны, где на экономику, культуру и политическое устройство весьма существенный отпечаток наложило многовековое османское владычество, едва ли требует особой аргументации. Между двумя остальными зонами есть немало сходного. Однако различия в экономике, политической ситуации, а особенно в общем облике национальных движений настолько значительны, что выделение их в отдельные зоны представляется обоснованным как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Вводя ту или иную внутреннюю градацию, необходимо учитывать два существенных обстоятельства. Первое из них относится к положению тех народов, земли которых были разделены

²⁵ В недавно вышедшем капитальном труде видного чешского ученого Ярослава Пурша промышленный переворот в Чешских землях, Нижней Австрии, Каринтии и Штирии датируется 1867—1873 гг., а в Австро-Венгрии в целом — 80-ми годами XIX в. (*Purš J. Průmyslová revoluce*. Praha, 1973, s. 692).

²⁶ И. И. Лещиловская в статье «О социальной сущности и периодизации хорватского возрождения» («Советское славяноведение», 1971, № 5) пишет: «Революционные годы явились для Хорватии завершением периода национального возрождения и одновременно началом капиталистической эпохи...» (с. 42). Думается, что такая датировка неточна, ибо она охватывает только ту часть эпохи перехода от феодализма к капитализму, которая относится к первой из названных формаций, оставляя за бортом завершение важнейших процессов «национального возрождения», развернувшихся по настоящему только после революции 1848 г.

²⁷ См.: Миллер И. С. Указ. соч., с. 34—35; Марков Д. Ф. Указ. соч., с. 83—94.

между двумя, а то и тремя более сильными соседями. Ясно, что учитывая специфику каждой из зон, мы не должны забывать о том, что история соответствующих народов (польского, сербского, румынского) как на предшествующем этапе, так и в эпоху «национального возрождения» составляла единое неразрывное целое. Второе обстоятельство касается соотношения между закономерностями общими для всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы и спецификой каждой из трех зон. Учитывая широкую историческую перспективу, о которой много говорилось выше, мы должны отчетливо видеть общие закономерности глобального масштаба, а также общие черты, присущие Европе в целом. Однако это ни в коей мере не должно мешать самому тщательному изучению отличий Центральной и Юго-Восточной Европы, а также специфики каждой из названных зон, в особенности балканской, где эта специфика особенно ощутима.

Высказанные соображения, относящиеся к теоретическому содержанию и внутренней структуре проблемы «Закономерности развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму», подводят нас вплотную к «технологии» ее разработки. Этой стороне дела можно было бы не придавать особого значения, если бы речь шла о простом накоплении материала «в запас», которое может осуществляться и в более или менее стихийном порядке. Но мы рассчитываем осуществить планомерно подготовленный качественный скачок к широкому обобщению по проблеме в целом, причем хотим сделать это в минимальный срок и на максимально добротной фактической основе. В таких условиях все то, что связано с выбором путей и способов организации исследовательской работы, приобретает далеко не второстепенное значение. Какие же «технологические» выводы можно сделать из сказанного выше?

Первый из них вытекает из многоаспектности, сложности и сугубо комплексного содержания проблемы «национального возрождения». Названные особенности проблемы требуют не только участия в ее разработке специалистов различного профиля, не только полной согласованности их усилий, но и строгого соблюдения пропорций при изучении составных частей проблемы, постоянного соотнесения частных результатов исследования с задачами и итогами исследования в целом. Как известно, какое-то время тому назад мы вынуждены были скорректировать свои планы из-за невозможности привлечь к разработке проблемы языковедов, литературоведов и историков культуры. Сейчас эти затруднения преодолены, и все важнейшие направления исследования обеспечены специалистами. Но тем существеннее стала необходимость соблюдения пропорций между социально-экономическим, идеально-политическим и культурно-историческим аспектами проблемы. Ведь если иметь в виду окон-

чательные результаты работы, то задача состоит не столько в односторонней, хотя и глубокой разработке отдельных обособленных участков, сколько в том, чтобы двигаться широким фронтом, прежде всего обеспечивая решение узловых вопросов и завершения исследований, дающих материал для широкого обобщения, для подытоживания результатов работы во всем ее объеме.

Второй вывод касается возможных способов подведения итогов. Теоретическое содержание и внутренняя структура проблемы определяют три направления, по которым может идти обобщение. Одно из направлений можно было бы назвать предметно-тематическим, другое — региональным, а третье — структурно-хронологическим. Первое направление сводится к более или менее самостоятельной разработке отдельных составных частей проблемы, таких как: генезис капиталистических отношений и его отражение в экономике и социальной структуре общества; становление и развитие национальных культур; формирование наций и национального самосознания; появление национальных литературных языков и их роль в «национальном возрождении»; национальные движения и борьба за создание или восстановление политической независимости. Второе направление подразумевает сочетание отдельного синтеза материалов по каждой из зон с обобщением, которое охватывает основные явления в масштабах Центральной и Юго-Восточной Европы. Третье направление имеет в виду двуступенчатое, но внутренне единое обобщение, в котором первая часть охватывала бы начальный этап эпохи «национального возрождения» с начальных проявлений национального пробуждения до 40-х годов XIX в., а вторая — революцию 1848 г. и завершающий этап «национального возрождения».

Каждое из названных направлений было бы одинаково правомерным, если бы мы отвлеклись от фактора времени и перестали бы видеть те трудности, которые связаны с комплексностью изучения проблемы. Но так поступить нельзя, и это заставляет нас при подведении итогов по проблеме в целом отдать предпочтение второму и третьему направлениям, которые, кстати говоря, не исключают, а дополняют друг друга. Что же касается первого направления, то оно, во-первых, так или иначе обособляет каждую из составных частей проблемы, в связи с чем нарушается комплексность подхода к ней, а во-вторых — неизбежно ведет к потере темпа, ибо возможные в данных рамках обобщения могут служить лишь промежуточным звеном, подходом к генеральному синтезу, охватывающему проблему в целом. Предметно-тематический аспект, характерный для этого направления, представляется уместным и необходимым на подготовительной стадии работы, включающей проведение нескольких тематических симпозиумов и осуществление ряда исследований более или менее частного характера. Но работы

подготовительной стадии нельзя превращать в самоцель, от них необходимо как можно скорее переходить к завершающему этапу разработки проблемы, который иензбежно ведет нас к подлинно комплексным обобщениям регионального и структурно-хронологического характера.

A. С. Мыльников

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ

В СТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

При рассмотрении данного вопроса возникает ряд трудностей. Хотя значение культурного фактора в становлении национального самосознания уже изучалось в рамках отдельных стран, а в последнее время и на сопоставимых материалах группы славянских народов¹, все же комплексные исследования, которые охватывали бы культуру не только славянских, но и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы, отсутствуют. До сих пор вопрос о характеристики типологически сходных периодов в истории этих народов в эпоху национального возрождения остается во многом открытым. Нет достаточной ясности и в оценке содержания, этапов генезиса национального самосознания. Наконец, весьма различно трактуется в исторической и культурологической литературе само понятие «культура».

Не претендуя в рамках настоящей статьи на сколько-нибудь детальное рассмотрение, а тем более окончательное решение этой сложной проблемы, автор намерен обратиться к анализу трех вопросов: культура и язык, структура (морфология) культуры и функциональная роль ее в национальном самосознании. При этом автор учитывает принятую в советской науке классификацию аспектов сравнительно-исторического анализа: сопоставление, сравнение историко-генетическое, сравнение исто-

¹ Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 125—149; Злыденев В. И., Лещиловская И. И. и Львова Е. П. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур. — Там же, с. 330—343.

рико-типологическое и международные культурные взаимодействия².

1. *Культура и язык.* Для определения понятия «культура» принципиальное значение имеют высказывания К. Маркса о двух возможных случаях существования духовных потребительских ценностей как продуктов нематериального, т. е. духовного, производства. С одной стороны, это те, «которые обладают самостоятельной формой, обособленной как по отношению к производителю, так и по отношению к потребителю». В качестве примера К. Маркс приводит «книги, картины и вообще все произведения искусства, существующие отдельно от художественной деятельности создающего их художника»³. С другой стороны, он называет духовные ценности, неотделимые от того акта, в котором они производятся, «как это имеет место у всех художников-исполнителей, ораторов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д.»⁴.

Как известно, составные компоненты духовного производства не являются простыми слагаемыми, лежащими, так сказать, на одной горизонтали. К. Маркс не случайно назвал, например, науку идеальным и вместе с тем практическим богатством, всеобщим духовным продуктом общественного развития⁵.

Такие направления духовной деятельности, как наука, искусство, книжное дело, народное образование с точки зрения их классификации не могут быть просто поставлены рядом с идеологическими и иными представлениями, хотя и первые и последние являются продуктом духовного и, в конечном счете, материального производства. Наоборот, находясь в определенных взаимоотношениях, первые являются их прямой или косвенной, сознательной или неосознанной объективацией, выражением, проявлением. Этим, между прочим, достигается структурная взаимосвязь и общность культуры в виде составных ее частей. Последние, пользуясь определением Маркса, суть духовные потребительские ценности, т. е. составляют содержание культуры в узком, непосредственном смысле слова. Иначе говоря, будучи непосредственным продуктом деятельности людей, занятых «различными видами научного и художественного производства»⁶, культура отражает и объективирует общественное сознание определенной эпохи.

В реальной действительности культура связана обычно с определенным этносом, а одним из существенных средств ее выражения является язык. По образному замечанию С. Лема,

² Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.—Л., 1962, с. 76—77.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 26, ч. 1, с. 420.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 26, ч. 1, с. 421.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 46, ч. 2, с. 33; Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 2, с. 157.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 26, ч. 1, с. 420.

«язык для культуры — то же самое, что центральная нервная система для человека», он — «один из стабилизаторов культуры»⁷. Однако что такое «язык для культуры»? Известно, что на протяжении ряда исторических эпох существовала практика выражения категорий культуры этносов так называемыми мертвыми (например, латынь) или международными (немецкий, французский и т. д.) языками. Положение это начало меняться к XVIII в. «Язык есть важнейшее средство человеческого общения», — указывал В. И. Ленин, подчеркивая, что «единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, на конец — условие тесной связи рынка со всякими и каждым хозяином или хозяйством, продавцом и покупателем»⁸.

Следовательно, адекватность языкового выражения культуры этноса есть категория историческая и относится к эпохе разложения феодализма. Само складывание культуры нации было тесно связано с кодификацией национального языка, закреплением его в литературе и соотносилось с уровнем развития национального самосознания, в отношении которого культура являлась организующим началом. Процесс этот был длительным и у разных народов протекал далеко не synchronно, поскольку зависел от степени зрелости лежавших в его основе социально-экономических и иных предпосылок. Поэтому оценка национального характера культуры должна исходить не только из установления языковой формы ее выражения, но, в первую очередь, из учета общего историко-культурного и этнического контекста.

2. *Структура (морфология) культуры*. Культура, как составная часть духовной жизни общества, по своему содержанию — явление многоплановое. Ее единство как макроструктуры не тождественно понятию гомогенности⁹. В этом смысле в структуре культуры отчетливо выделяются два основных компонента: национально-этнический и социально-классовый, диалектически взаимосвязанные и в известной мере соотносящиеся как внешнее проявление, форма и внутренняя сущность, содержание.

При сравнительно-историческом изучении этих явлений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где существовали многонациональные государства, национально-этнический компонент приобретает особо важное значение. С одной стороны, ряд народов был политически и отчасти экономически свя-

⁷ Лем С. Модель культуры.— «Вопросы философии», 1969, № 8, с. 52.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

⁹ На примере искусства, хотя далеко не бесспорно, это прослежено в кн.: Каган М. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Л., 1972.

зан совместным проживанием в рамках одного государства: славяне, венгры, немцы, австрийцы, румыны — в Австрийской империи, балканские народы — в Османской империи, украинцы, белорусы, поляки — в Польше до ее разделов. С другой стороны, как следствие этого, на территориях, заселенных коренным населением, компактно проживали национальные меньшинства: судетские немцы в Чехии, «саксы» в Трансильвании и др. Эти обстоятельства не могли, конечно, не отразиться на культуре данных народов. В одних случаях взаимосвязи носили генетически родственный характер. Таковы, например, славянские культуры, в пределах которых можно паметить еще более близкие общности — чешская и словацкая культуры, культуры южнославянских народов. В других случаях культуры были связаны чертами типологического или историко-географического сходства. Такова, по-видимому, балканская общность¹⁰. Видимо, заслуживал бы специального рассмотрения сложный и идеологически запутанный в буржуазной историографии вопрос о характере культурной общности народов Австрийской империи. Несомненно, во всяком случае, воздействие австрийской культурной метрополии на другие, главным образом цислейтанские земли Габсбургов — относительно позитивное в одних случаях (деятельность «венских великанов» в середине XVIII в., период йозефинизма, отчасти — революционная роль Вены в 1848 г.) и негативное, по большей части, в других.

Отсюда прометекала пестрота, можно сказать, многоукладность культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Для удобства анализа представляется возможным выделить следующие уклады: культура данного этноса (А), культура генетически близкого этноса (В), культура иноэтническая, по типологии близка (С), культура, для данных культур внешняя, или культурный фон (Д). Так, на территории Словакии бытовала собственно словацкая культура (уклад А), родственная ей чешская культура (уклад В), типологически близкая венгерская культура (С), элементы немецкой, французской культуры, т. е. культурный фон (Д). Эту комбинацию в разном сочетании можно обнаружить и в других землях Габсбургов, а также на Балканах.

Вторым компонентом структуры культуры была ее социальная неоднородность, что, как подчеркивал неоднократно В. И. Ленин, для классово-антагонистического общества вообще является законом¹¹. Но в отличие от первого случая, когда культура рассматривается в ее этнически-пространственном распространении (т. е. как бы горизонтальный), здесь гетерогенность культуры имеет иерархический (т. е. как бы вертикальный) ха-

¹⁰ Путилов Б. Н. К вопросу об отношениях эпического творчества славян и народов Юго-Восточной Европы. М., 1962, с. 5.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121, 129.

рактер, соответствующий социальным структурам, существовавшим у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемый период. В общем виде можно выделить элементы культуры, связанные с феодально-дворянскими (ступень I), мещанско-буржуазными (ступень II) и крестьянско-плебейскими (ступень III) слоями. Следует, однако, сделать две существенные оговорки.

Во-первых, переходный характер эпохи обуславливал крайнюю пестроту и подвижность социальной структуры в каждом конкретном случае. Наряду с классами и социальными группами, типичными для феодализма, возникали образования, свойственные рождавшемуся буржуазному обществу. И все это происходило в условиях национального угнетения большинства народов Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом на культурное развитие оказывали воздействие социальные различия, которые между ними существовали. У одних народов сохранялся «свой» феодальный класс. Таковы прежде всего Польша и Венгрия, в культурно-политическом развитии которых прослеживается влияние крупного или среднепоместного дворянства. В некотором отношении к ним могут быть причислены Хорватия и Дунайские княжества. Наоборот, у других народов «своего» господствующего класса не было (лужицкие сербы, словаки, болгары и др.), либо он был депационализирован и потреблял культуру господствующего класса нации («богемская» шляхта в Чешских землях). В становлении национальной культуры он играл незначительную, а иногда и негативную роль, уступая обычно место мещанско-буржуазным элементам. Но и последние, как свидетельствует пример Словакии, не всегда принимали конструктивное участие в этом процессе¹².

Во-вторых, в области культуры классовое содержание обычно проявляется не столь ясно, как в политике или в классовой борьбе. Общественная психология и реальные устремления социальных сил выражаются в различных областях культуры по-разному, зачастую приблизительно и далеко не всегда адекватны субъективным намерениям участников культурного процесса. «Этикетка системы взглядов,— подчеркивал К. Маркс,— отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца»¹³.

В самом деле, настроения отдельных групп господствующих классов были далеко не идентичны: в среде крупного, среднего и мелкого дворянства, в церковной иерархии имелись сторонники и противники курса «просвещенного абсолютизма», приверженцы и ярые враги просветительских взглядов, лица, занятые в развитии товарно-денежных отношений и ману-

¹² Mesaroš J., Matula V. Evolution du mouvement national sans le centre urbain principal: exemple slovaque, 1970.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 24, с. 405.

фактурного производства и т. п. Поэтому в одних случаях их устремления расходились, а в других совпадали с позицией части мещанства и складывавшихся буржуазных слоев. Следовательно, для оценки того или иного культурного явления необходим конкретный анализ. Социальная, классовая характеристика его существенно дополняет и уточняет первый, национально-этнический компонент структуры культуры. Эта бинарность накладывала отпечаток на весь процесс культурного развития и воздействовала на формирование национального самосознания.

Однако морфология культуры не исчерпывалась двумя указанными компонентами. Кроме них существовали и другие, вторичного порядка, частью подчиненные, но во всех случаях взаимодействовавшие с упомянутыми и усложнявшие культурную эволюцию, а при известных условиях тяготевшие к созданию локальных или групповых культурных общностей. Такими вторичными компонентами прежде всего являлись территориально-политический, региональный, конфессиональный.

Территориально-политический (или государственно-правовой) компонент в процессе формирования национальной культуры имел огромное значение. Это прослеживается, например, на материалах лужицко-сербского этноса, часть которого входила в состав Пруссии, а часть — в состав Саксонии, на материалах сербской или румынской культуры, поскольку носители ее проживали в пределах Австрийской и Османской империй и т. п. Прусское правительство, например, в 1714 г. запретило употребление лужицкого языка и всячески препятствовало связям между родственными землями — Нижней и Верхней Лужицами¹⁴.

Территориально-политический компонент был тесно связан с фактором региональным. Наиболее показателен в этом смысле пример Моравии, где в процессе пробуждения самосознания формировавшейся чешской нации идеи местного патриотизма и регионализма имели определенное влияние¹⁵.

Не менее существенным был и конфессиональный фактор, на что обращалось внимание в советской научной литературе¹⁶. Так, католическая церковь в Польше или православная церковь у южных славян на определенных этапах поддерживали национально-освободительное движение своих народов. Нельзя игнорировать и то, что многие видные деятели национальной культуры того времени играли заметную роль в церковной жизни христианских конфессий — П. Хлендарский, И. Г. Гердер, А. Нарушевич, Г. Добнер, И. Добровский, И. Раич, Ян Коллар.

¹⁴ Семиряга М. И. Лужичане. М.—Л., 1955, с. 27.

¹⁵ См. Мыльников А. С. «Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в.— В сб.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.

¹⁶ Фрейдзон В. И. Об особенностях формирования нации в хорватских землях.— Советское славяноведение, 1969, № 4, с. 60.

и др. Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что их в целом прогрессивное творчество было отягощено грузом клерикализма, а взгляды иногда изменялись и характеризовались значительным поправлением (Г. Добнер). Насколько существенным являлся конфессиональный фактор, можно судить по примеру Словакии, где выработка национального литературного языка происходила в условиях соперничества двух христианских конфессий, из которых протестанты (Ю. Рибаи, Б. Таблиц, Ян Коллар) были сторонниками чехословакизма, а католики — словацкой языковой самостоятельности (А. Бернолак, Ян Голлы)¹⁷.

Историческая заслуга Л. Штура и его соратников заключалась в том, что они сумели национальный вопрос поставить выше конфессиональных разногласий¹⁸. В других случаях культурно-национальная борьба происходила в рамках одного (православного) вероисповедания между различными его течениями (у болгар и сербов). Так, в своей «Истории» Паисий Хилендарский ратовал за образование самостоятельной болгарской церкви, независимой от константинопольского патриарха. Отсюда наличие в его трактате антигреческих настроений, стремление очистить болгарскую национальную культуру от засилья греческого языка и т. д.¹⁹.

В целом названные компоненты образуют реальную историческую модель национальной культуры у каждого из пародов Центральной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемую эпоху.

3. *Функциональная роль культуры.* Как мы видели, культура представляет собой сложную в этническом и социальном отношении структуру, в которой разные составные части и «уровни» выполняют различные функции. Именно поэтому надо говорить не просто о роли культуры, а о функциональной роли культуры в процессе становления национального самосознания.

Едва ли не первенствующей функцией культуры вообще было выделение и утверждение данной этнической общности, фиксация принадлежности людей к определенному этносу²⁰. Появление представления о «них» Б. Ф. Поршнев, например, считал первым актом социальной психологии. «Только ощущение, что

¹⁷ Tibenský J. Historická podmienenosť a spoločenská báza vzniku bernolákovského hnutia.— In: K počiatkom slovenského narodenia obrodenia. Bratislava, 1964, s. 64, 95.

¹⁸ Butvin J. L'udovit Šur a problémy slovenského národného obrodenia.— In: Sborník filozoficke fakulty Univerzity Komenského. Historica, roč. XXII. Bratislava, 1966, s. 126—130; Jona E. Vplyv bernoláčtiny a bernolákovcov na štúrovský spisovnú normu.— In: K počiatkom slovenského obrodenia, s. 462—463.

¹⁹ Taxuaos A. Э. Идеи Паисия Хилендарского в связи с греческим Возрождением XVIII в.— В кн.: Actes du premier congrès International des études balkaniques et sud-est Européennes, t. 7. Sofia, 1971, p. 127; Franges J. Ideje na kretanja u južnoslovenskim književnostima XVII st., 1960, s. 4.

²⁰ Токарев С. А. Разграничительные и объединительные функции культуры. М., 1973, с. 15.

есть «они», — писал он, — рождает желание самоопределиться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы»²¹. Нечто подобное имело место и в рассматриваемый период, внешне проявляясь в стремлении преодолеть прежнее, сословно-феодальное понятие «нации», наполнить его новым, этносоциальным содержанием. При этом существовало две основные тенденции. С одной стороны, часть деятелей национальной культуры исходила из принципа этнического единства своих народов. Так, Пансиан Хилендарский и Софоний Врачанский сознательно выделяли болгарский язык как ценнейшее достояние народа, отмежевываясь от «отцеругателей». З. Орфелин и Д. Обрадович подчеркивали единство «языка и кровного родства» сербов²². Отчетливо выраженное национальное понимание патриотизма характерно уже для ранних чешских просветителей А. Фойгта и Ф. Пельцела²³, а также для ведущих деятелей культуры лужицких сербов и словаков. Национальной тенденциозностью проникнута деятельность такого видного борца за единство культуры немецкого народа, каким был И. Гердер. «Только язык сделал человека человеком», — говорил он²⁴. Все они понимали под нацией некое этническое единство, спаянное общностью происхождения и языка, подчеркивая важнейшую роль при этом широких народных масс. Характерно, что И. Юнгман в начале XIX в. недвусмысленно заявлял, что основой жизнеспособных сил нации прежде всего является крестьянство, сохранившее родной язык и обычай предков, подчеркивая пропасть, отделявшую «богемское дворянство от народа»: «Народ зато знает, за кого оно себя выдает: за иноzemцев, и тем менее любит его, чем менее любим им»²⁵.

В отличие от такого подхода существовало иное, государственно-правовое, политическое определение нации, наиболее вынуцко отразившееся в высказываниях и практической деятельности лидеров венгерского национального движения. Долгое время понятие нации отождествлялось здесь с дворянством. Но и после включения в него на рубеже XVIII—XIX вв. основной массы непривилегированного населения оно стало трактоваться не в этническом, а в территориально-политическом плане. «Это была так называемая идея единой политической нации. Она признавала единственной нацией только венгров и представителей других национальностей считала венграми, говорящими по-сербски, по- словацки и т. д.»²⁶ Надо, однако, учитывать, что этничес-

²¹ Поршинев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с. 81.

²² Злыднев В. И., Лещиловская И. И., Львова Е. П. Национально-освободительное движение славян..., с. 332.

²³ Мыльников А. С. Чешская книга. Очерки истории. М., 1972, с. 177.

²⁴ Гулыга А. В. Проблемы культуры в философии истории Гердера.—«Вестник истории мировой культуры», 1958, № 3, с. 137.

²⁵ Мыльников А. С. Иозеф Юнгман и его время. М., 1973, с. 83.

²⁶ Арато Э. К вопросу истории понятия нации в Венгрии. 1780—1825.—In: Nouvelles études historiques. Budapest, 1965, p. 462.

ские моменты при этом не отвергались полностью. «Все нации стали образованными лишь благодаря своему родному языку и ни одна — благодаря чужому», — писал Д. Бешшени, задавая вопрос: «Как бы ты назвал нацию, у которой нет своего языка? Никак». Вместе с тем он полагал, что венгерский язык превосходит по своим выразительным средствам остальные языки²⁷. Во внутренне противоречивой концепции венгерской нации, при которой за основу брался политический принцип с сохранением мадьяризма, лежали истоки будущих столкновений с национальными устремлениями проживавших на территории Венгрии славянских народов и румын²⁸. С венгерским вариантом отчасти сходным было положение в Польше²⁹. Своеобразной антитезой выступала концепция иллиризма, исходившая из представления о «Великой Иллирии», в рамках которой должно произойти слияние языков и культур всех юнославянских народов. Идеи единой политической нации деятелей венгерского движения представляли, таким образом, идею этнического единства южных славян³⁰.

Сравнивая обе тенденции, нельзя не заметить, что существование каждой из них тесно связано с социальным и национально-политическим положением отдельных народов. Так, этносоциальное истолкование нации, как правило, характерно для культур тех народов, которые не имели своего национального дворянства (т. е. первой ступени социального компонента), либо вели борьбу за национальное или политическое объединение своих этнических земель. Наоборот, вторая тенденция отражала иную ситуацию — наличие национально мыслявшего дворянства и, в той или иной форме, национальной государственности (включая внутреннюю автономию). Разумеется, в каждом случае могли существовать те или иные местные отличия. Речь идет о наиболее общих условиях, порождавших ту или иную тенденцию.

Эти же идеи утверждения нации получили освещение специфическими средствами искусства³¹. Отсюда, между прочим, проистекал интерес к фольклору, характерный для деятелей национального Возрождения разных народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Большой вклад в осознание эстетической и

²⁷ Избранные произведения венгерских мыслителей. Конец XVIII — середина XIX века. М., 1965, с. 41—42.

²⁸ История Венгрии, т. 2. М., 1972, с. 85.

²⁹ Рацковский Е. Б. О месте революционной демократии в польской литературе. — «Вопросы истории», 1967, № 2, с. 194; Попков Б. С. Иоахим Лелевель о национально-освободительной борьбе польского народа и путях возрождения Польши. — В сб.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 286.

³⁰ История Югославии, т. 1. М., 1963, с. 390—391.

³¹ Злыднев В. И., Лещиловская И. И., Львова Е. П. Национально-освободительное движение славян..., с. 335.

идейной ценности народного творчества внес И. Гердер. В предисловии к сборнику «Народные песни» (1774) он призывал «оглядеться, не сохранилось ли вокруг нас каких-нибудь остатков народных песен, продолжающих жить еще и поныне или живших в недалеком прошлом и еще доступных нашему пониманию, присмотреться к этим песням и заняться их собиранием»³². На научную и художественную ценность фольклора обращали внимание Й. Добровский, Й. Юнгман, П. Шафарик, Ян Коллар, Вук Караджич, С. Враз, П. П. Негош, С. Милутинович, Г. Раковский и другие деятели славянской культуры. Многие из них со своей стороны внесли важный вклад в создание национального эпоса.

Национально-патриотические идеи реализовывались не только через прозу и поэзию, но и с театральных подмостков³³. Театрализованные формы были характерны и для разного рода массовых действ — шествий, маскарадов, собраний, проникнутых патриотическими настроениями. Так, своеобразной демонстрацией воли лужичан сохранить свою национальную самобытность стали народные концерты и факельные шествия, получившие распространение с середины 1840-х годов³⁴.

Но культура не только способствовала психологическому обособлению формирующейся нации. Для ее самоутверждения, особенно на начальных этапах освободительного движения, когда сколько-нибудь широкая база движения еще отсутствовала, не меньшее значение имел вопрос: одиноки или нет угнетенные народы в мире, какое место занимают они в Европе? Отсюда столь типичные для всех славянских народов поиски своей генетической общности. Еще в 1779 г. Б. Кумердей говорил, как важно для небольшого славянского народа сознавать свою этническую близость с могучим Русским государством³⁵. Конечно, концепция славянской взаимности могла в разное время и у различных славянских народов принимать ту или иную форму, охватывать все славянские народы или часть их, носить преимущественно культурный или политический характер. Отсюда такое разнообразие модификаций идеи славянской общности — колларовская теория четырех наречий, основы которой впервые были сформулированы еще в XVIII в. в Словакии, а в начале XIX в. в Чехии А. Мареком, хорватский иллиризм, великосербство, панонская теория Б. Копитара и ряд других. В последнее время, например, усиливается интерес к изучению такого своеобразного течения, как польское славянофильство. Во всех слу-

³² Гердер И. Избранные сочинения. М.—Л., 1959, с. 83.

³³ Титова Л. Второй том «Истории чешского театра».--- «Советское славяно-ведение», 1973, № 5, с. 117—119.

³⁴ Шолта Я. Национальная политика ГДР по отношению к лужицким сербам.—В кн.: Славяно-германские исследования. М., 1963, с. 231; Семиряга М. И. Лужичане, с. 30.

³⁵ История Югославии, т. 1, с. 409.

чаях: (до определенного этапа дальнейшей дифференциации) национальное если и не растворялось в общеславянском, то было ему очень близко. Достаточно сослаться на творчество Ф. Челаковского, И. Тыла, Ю. Словацкого, И. Мажуранича, И. Кукулевича-Сакцинского, С. Враза и других писателей, а также некоторых учепых (И. Юнгман, П. Шафарик, В. Мацеевский).

Идеи славянской общности сыграли в развитии национального самосознания большую роль. Во-первых, они содействовали взаимному сближению народов и усвоению их социального и культурного бытия. Так, опыт русской и польской культур имел существенное значение в становлении чешской культуры (переводческая деятельность И. Юнгмана, Ф. Л. Челаковского, Я. Пуркине). Русская литература и общественная мысль оказали заметное воздействие на формирование словацкой, сербской, болгарской культур³⁶. Не меньшее значение имели и другие внутриславянские связи (между чехами и поляками, между пими и южными славянами и т. п.)³⁷. Во-вторых, межславянские культурные связи содействовали выравниванию уровня культурного развития отдельных славянских народов и тем самым стимулировали ускоренный рост у них национального самосознания. В этом отношении показателен пример лужицких сербов, где национальное движение развивалось несколько быстрее, нежели его порождали внутренние предпосылки. Ведущие деятели лужицкой культуры во многом перенимали опыт чешского национально-освободительного движения (лужицкий семинар в Праге, связи с лужичанами Ф. Л. Челаковского и Яна Пуркине). Пример других славянских народов сыграл определенную роль в сохранении кашубов как славянского этноса.

Разумеется, процесс взаимного культурного общения не был лишен конфликтов, подчас необычайно острых. Так, часть ведущих деятелей чешской культуры и иллпризма отрицательно отнеслась к языковой реформе Л. Штура³⁸. Интересно с этой точки зрения и культурное развитие Силезии, где с 1830-х годов в чешской, а с 1840 г.—в польской части паметился подъем национального движения и в повестку дня встал вопрос о национально-культурной ориентации формировавшегося славянского этноса. Как показывает деятельность Яна Вниклера, наряду с сепаратистскими настроениями появляются приверженцы объединения усилий чешского и польского населения Силезии

³⁶ Мокутер И. Русско-сербские литературные связи в XVIII веке. Общий обзор.— «Studia slavica», 1972, N 1—2, s. 1—29.

³⁷ Конев И. Ние сред другите и те сред нас. София, 1972, с. 37, 64; Веселинов Г. Вук Стефанович Караджич и българското Възраждане.— «Език и литература», 1972, № 6, с. 56—59.

³⁸ Arato E. Die slowakische Schriftsprache und slavische Volker in den 40 Jahren des XIX Jh.— Studia slavica, 1968; Začek V. Historický poznamky k sovětské kníze o ilyřizmu.— «Slavia», 1973, N 2, s. 183.

для борьбы против германизаторских тенденций немецкого бюргерства³⁹.

Можно, следовательно, заключить, что поиски генетического родства у славянских народов играли заметную роль в формировании их национального самосознания и тем самым в защите их этнического существования. Но являлись ли эти поиски исключительной особенностью культуры только славянских народов? Факты свидетельствуют, что во многом сходные попытки предпринимались и деятелями неславянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Венгерский ученый Я. Шайнович еще в 1770 г. обращал внимание на лингвистическое родство венгерского языка с другими языками уgro-финской группы⁴⁰, а в 1830-х годах Ш. Кереши «выступил с инициативой изучения родственных венгерскому языкам в связи с проблемой происхождения венгерского народа»⁴¹.

Поиск генетического родства принял своеобразный характер в румынской культуре. Историки С. Мику-Клайн, Т. Шинкан, П. Майор и другие разработали так называемую латинскую теорию⁴². Эта теория возникла в качестве ответной защитной реакции на национальное угнетение⁴³. Однако «довольно скоро она приобрела реакционный шовинистический характер, противопоставляя румын окружающим их народам»⁴⁴. Ретроспективную, историческую окраску приняли поиски генетического родства в идеологии национального возрождения: Е. Вулгарис и другие греческие просветители считали главной задачей восстановление Византийской империи⁴⁵.

Между народами, неродственными генетически, также складывались определенные взаимоотношения, которые носили тем более плодотворный характер, чем более типологически близкими по уровню развития культуры они являлись⁴⁶. Типологическая близость, впрочем, облегчая возможность взаимного усвоения опыта культуры, не исключала наличия острых конфликтов — кроме типологической близости нужны были либо

³⁹ Nehybl J., Winkler Jan. Kapitolý z národního obrození na Tešínský. Opava, 1961, s. 34.

⁴⁰ История Венгрии, т. 1. М., 1971, с. 492.

⁴¹ История Венгрии, т. 2, с. 122.

⁴² История Румынии. Пер. с рум. М., 1950, с. 241.

⁴³ Липранди И. П. Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи. Придунайские княжества. М., 1877, с. 7.

⁴⁴ История Румынии, с. 8.

⁴⁵ Всемирная история, т. 5. М., 1958, с. 227; Taxuaos A. Э. Иден Паисия Хиландарского..., с. 126.

⁴⁶ Путилов Б. Н. Из истории венгерско-славянских фольклорных отношений.— In: Europa et Hungaria. Congressus ethnographicus in Hungaria. Budapest, 1965, pp. 303—304.

относительное равенство, либо, наоборот, взаимная нейтральность сторон. Сказанное иллюстрируется историей словацко-венгерских связей периода национального возрождения, хотя и здесь и там национальные движения решали в основе своей близкие задачи⁴⁷. Нечто сходное, по-видимому, имело место в истории болгаро-греческих культурных контактов того же периода. Достаточно напомнить антигреческие мотивы в «Истории» Паисия. И в первом, и во втором случаях имело место экономическое, политическое и культурное неравенство в положении сторон⁴⁸.

Следует, наконец, отметить роль внешних международных культурных связей народов региона. С точки зрения этнокультурной они в одних случаях совпадали со связями генетическими (контакты между представителями культуры западных и южных славян с Россией), в других — носили типологический характер, содействуя усвоению опыта культуры другого народа.

При этом весьма существенной представляется проблема культурного посредничества. Так, в идеи ой жизни Чешских земель XVIII в. Словакия играла роль передатчика идей немецкого Просвещения. В истории Болгарии времени национального возрождения миссию посредника в получении информации о европейском Просвещении играли сербская и, отчасти, греческая культуры⁴⁹.

Разумеется, подобные связи были дифференцированы с социальной точки зрения, причем прогрессивные аспекты контактов имели первостепенное значение для внутреннего культурного развития.

Подводя итог изложенному, можно констатировать, что будучи совокупностью духовных потребительских ценностей, отражавших, выражавших и объективизирующих общественное сознание эпохи, культура являлась основным каналом проникновения и в то же время — составной частью национального самосознания, выступая своеобразным организатором. Куль-

⁴⁷ Várossova E. Slovenské obrodenecke myšlenie. Jej zdroje a základné idey. Bratislava, 1963, s. 29. Заслуживает внимания вопрос о взаимоотношении балканских и турецкой культур. Едва ли можно отрицать известное воздействие последней на болгарскую, а также на культуру славянского населения Боснии. Этот аспект требует специального исследования, в том числе на материалах искусства и языка (Cm.: Stachowski S. Fonetyka zapożyczeń osmańsko-tureckich w języku serbsko-chorwackim).

⁴⁸ Alekiew A. La littérature scolaire pendant la Renaissance bulgare et littérature pédagogique grecque de la première moitié du XIX s.— «Etudes balkaniques», 1972, N 3, p. 32—33.

⁴⁹ Бехиньева Е. Некоторые проблемы новогреческого и сербского посредничества в связи с заимствованием идей западноевропейского Просвещения болгарской литературой.— In: Actes du premier congrès international des études balkaniques et Sud-Est européennes, t. 7. Sofia, 1971, p. 158—159.

тура имела сложную структуру, включавшую основные (национально-этнический и социально-классовый) и вторичные (территориально-политический, региональный, конфессиональный) компоненты. В своей совокупности, будучи диалектически взаимосвязаны, они образовывали реальную историческую модель национальной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи национального возрождения. С функциональной точки зрения она являлась фактором культурной дифференциации данного этноса и, одновременно, его культурной интеграции. Иными словами, несмотря на конечную детерминированность, культурный фактор активно, стимулирующее воздействовал на национальное самосознание. Процесс генезиса последнего заслуживает дальнейшего изучения. Но уже проведенный анализ роли культуры свидетельствует, на наш взгляд, о нецелесообразности ограничения его лишь славянскими народами, ибо культурная общность и культурная взаимосвязь народов Центральной и Юго-Восточной Европы имели не только генетическое, но и типологическое сходство.

С. Б. Бернштейн

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Складывание многих славянских литературных языков хронологически связано с эпохой национального и культурного возрождения славянских народов (80-е годы XVIII — 70-е годы XIX в.). Именно в это время шел активный процесс формирования славянских наций, национальных культур. Он происходил в условиях национального гнета, отсутствия своей государственности, когда многие важнейшие функции литературного языка выполняли чужие языки. Конечно, указанные хронологические рамки условны. Возможны отклонения в ту или другую сторону при рассмотрении различных славянских литературных языков. Так, в Чехии рассматриваемые процессы начались раньше, нежели в Словакии, зато в Словакии они проходили быстрее. Близка к завершению специальная работа, в которой рассматриваются все эти вопросы.

Для своего исследования мы избираем следующие языки: болгарский, сербохорватский, словенский, чешский, словацкий и серболужицкие. Подобное ограничение имеет свое оправдание: все вышеперечисленные литературные языки формировались в

указанный выше период времени. Сохраняя известную преемственность с книжными языками периода феодализма, разную, конечно, в разных странах, эти новые литературные языки фактически создавались в короткое время в результате сознательной деятельности определенных людей (И. Добровский, И. Юнгман у чехов, Л. Штур у словаков, Вук Караджич у сербов, Н. Рыльский и П. Берон у болгар).

Из нашего исследования мы исключаем все восточнославянские языки (русский, украинский, белорусский), а также польский и македонский. Основания для исключения восточнославянских языков очевидны и не требуют доказательств. Польский литературный язык формировался в иную историческую эпоху. «Traktat ortografii polskiej» Якова Паркоша (1440) свидетельствует, что уже в XV в. далеко зашел процесс кодификации и нормализации литературных норм польского языка. XVI век — век польского Возрождения, время деятельности великих поэтов, интенсивного книгопечатания (в основном в Кракове). В это время литературный язык получает всестороннюю обработку. Особенно велики успехи в развитии поэтического языка (Ян Кохановский). Известны и прозаические произведения XVI в., язык которых свидетельствует о больших успехах в развитии народной речи (Петр Скарга). Наряду с произведениями, написанными на латинском языке, с текстами, отражающими областные тенденции в развитии польского языка, в Польше XVI в. существовал уже достаточно оформленный польский литературный язык, орган большой литературы, науки, просвещения и администрации. Конечно, с тех пор литературный язык претерпел более или менее существенные преобразования. Особенно велики изменения в области словарного состава. И тем не менее для современной поэтической культуры польского народа Ян Кохановский со своим языком XVI в. не является чужеродным и непонятным. Знаменитые трены великого поэта — это не тяжеловесный и малопонятный груз школьной премудрости, а явление в какой-то степени современной культуры, отличая школа мастерства современных поэтов. Аналогии в литературах других славянских народов нет, даже если принять в расчет дубровницкую литературу. Между языком дубровницких писателей и поэтов и современным сербохорватским языком прямой связи нет. Ко времени разделов Польши между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией польский литературный язык прошел длительный и сложный путь развития. И позже, после разделов, он продолжал существовать как единое целое в различных государствах. Вот почему во время создания самостоятельной Польши после первой мировой войны в новом государстве не возникло языковых трудностей — польский литературный язык в Варшаве, Кракове и Познани был один и тот же. Польский литературный язык XIX в. не испытал тех глубоких преобразований, какие пришлось пережить другим славянским литературным языкам.

Эпоха славянского возрождения (конец XVIII — первая половина XIX в.), объединяющая по многим признакам ряд славянских народов, в Польше имела свои глубокие отличия.

Небольшой, но драматический эпизод — неудачная попытка кашубов создать свой самостоятельный литературный язык (Цейнова) — следует осветить в особой монографии, посвященной истории локальных литературных языков (болгарский язык в Банате, хорватский литературный язык у хорватов в Австрии, бачинская бешеда в Югославии и др.). Нами данные проблемы затронуты не будут.

При освещении процессов формирования литературных языков мы встречаемся с многими трудностями. Объясняется это разной степенью разработанности данной проблематики. Кроме того, различен и наш собственный опыт исследования славянских языков. Следует иметь в виду, что история литературных славянских языков серьезно стала разрабатываться лишь в последние десятилетия. Здесь еще много нерешенных вопросов в самой теории, в принципах анализа материала, идут споры по кардинальным проблемам этой области славянского языкоизнания. Нет сомнения, что мы должны осветить историю языковой ситуации у хорватов, ситуацию очень сложную и противоречивую, изложенную в ряде работ неудовлетворительно. Однако не только в нашем Институте, но и в нашей стране вообще эти проблемы не разрабатывались и не изучались. За короткий срок провести столь большую исследовательскую работу невозможно.

При изучении поставленной нами проблемы следует ясно отдавать себе отчет в том, что в сравнительно короткое время существенным образом менялись само содержание, структура литературных языков. При отсутствии своей государственности, в условиях национального гнета очень противоречиво шел процесс складывания норм литературного языка. Особенно медленно и мучительно этот процесс происходил у южных славян, подданных Турции, где не было авторитетных научных и общественных организаций, где национальная школа еще делала свои первые и робкие шаги. Достаточно сказать, что первая средняя школа на родном языке в Болгарии была открыта только в 1835 г., а первая болгарская гимназия начала функционировать за пределами Болгарии в бессарабском городе Болграде лишь в 1858 г.

Литературный язык представляет собой чрезвычайно сложную структуру различных стилей и жанров. Полифункциональность литературных языков обусловливает эту его сложную структуру. Следует иметь в виду, что различные стили и жанры литературного языка формируются в различные периоды и в разное время, соотношение их внутри литературного языка существенно меняется. Кроме того, следует строго разграничивать письменную и устную литературную речь, так как они формируются по-разному и разными темпами. Строгая кодификация

легче устанавливается на письме, труднее — в устном общении. Существенным фактором, препятствующим полной нормализации устной речи, является диалектная дифференциация. В различных славянских языках мы наблюдаем различные формы полиглоссии и моноцентризма, которые определяют во многом судьбы литературных языков, их кодификацию. В этом отношении существенным образом различается, например, болгарский и сербокорватский литературные языки. Все эти процессы шли по-разному у различных славянских народов, разобщая часто близкие народы и объединяя более далекие. В этом отношении показательны глубокие различия между чешским и словацким литературными языками, что объясняется совершенно различными условиями их формирования, иной традицией, иным отоплением к живому разговорному языку. В дальнейшем под влиянием чешского литературного языка произошло некоторое сближение этих двух языков.

Нет ничего удивительного в том, что в условиях национального гнета раньше всего начинает формироваться и развиваться язык художественной литературы, на ранних этапах тесно связанный с языком народной словесности. Лишенный своей государственности в большинстве сфер общественной жизни, канцелярии, фиска, политики, администрации народ вынужден пользоваться официальным языком данного государства (турецким, венгерским, немецким). Взрослое мужское население в той или иной степени должно владеть языком господствующей пачи не только в городах, но и в селах.

В области художественного творчества эта эпоха связана с романтизмом, с особым вниманием к народной словесности, к народным преданиям, к народному быту. Вот почему на ранних этапах развития литературных языков отсутствует строгая нормализация, художники слова свободно и без ограничения пользуются своим родным диалектом или занимаются экспериментированием, создавая по своему усмотрению слова и формы литературного языка (ср., например, язык Г. Раковского в Болгарии). Вся эта деятельность не подчиняется государственному аппарату, она не выходит за сферу деятельности отдельных культурных институций и поэтому не имеет авторитета в пределах всей нации.

Вслед за языком художественной литературы постепенно начинает формироваться язык науки, публицистики. Это связано с тем, что при отсутствии своей государственности постепенно в недрах чужого государства начинает формироваться свой экономический уклад, своя промышленность и торговля, своя интелигенция. В этом отношении впереди идут славяне Австро-Венгрии, значительно отстают от них славяне Турции. И это естественно, так как Турция в социально-экономическом и политическом отношении была чрезвычайно отсталой страной, с многочисленными и глубокими пережитками феодальных отно-

шений, со слабо развитыми промышленностью, наукой и культурой. Это необходимо постоянно учитывать, так как без этого мы не поймем существенных отличий, например, чешского и болгарского возрождения. Чешский и болгарский литературные языки формировались при наличии некоторых сходных черт в различных социально-экономических, политических и культурных условиях. Следует еще постоянно учитывать, что болгары испытывали двойной гнет — турецкий и греческий. В области культуры, религии и общественной жизни болгарскому языку приходилось преодолевать в трудных условиях господство греческого языка, который среди культурных слоев болгарского населения имел своих сторонников.

Литературный язык во всем разнообразии своих стилей и жанров может функционировать лишь в независимом государстве. Только в этом случае орфоэпические и орографические нормы могут стать обязательными, которым должны подчиняться школа, печать, театр, канцелярия. Особенно глубокие изменения в этом отношении были пережиты в Болгарии и Сербии, где многие функции литературных языков могли быть реализованы лишь в XIX в. (в Болгарии в последней четверти века). Речь идет о языке административного аппарата, военного дела, специальной технической терминологии. После освобождения Болгарии во все эти сферы литературного языка был открыт широкий доступ влиянию русского языка. В дальнейшем это влияние подвергалось различным преобразованиям и ограничениям. Чехи, хорваты и словенцы испытали во всех этих сферах литературного языка заметное влияние немецкого языка. Это влияние выражалось не только в соответствующих заимствованиях, но и в отношении к международной технической терминологии. И здесь под немецким влиянием были сильны пурристические тенденции. Многие международные технические неологизмы переводились на свой язык. В болгарском языке эта тенденция не получила такого развития, что, бесспорно, объяснялось обычаем русского языка. Как известно, у нас славянофильская пурристическая практика получила всеобщее осуждение. Словакский литературный язык на ранних этапах своей истории испытывал сильное влияние венгерского языка. Немало слов в словацкий литературный язык проникло из русского языка (главным образом в язык художественной литературы). Противоречиво и сложно шло развитие словенского литературного языка, испытывающего разнообразные влияния. Здесь наиболее сложно и мучительно шел процесс консолидации норм, процесс, который и в настоящее время еще далеко не завершен.

Задача исследователя истории формирования литературных языков — всесторонне показать соотношение народных и книжных элементов в различных стилях и жанрах. В этом отношении каждый из славянских литературных языков имеет много своеобразного и отличного. Так, в чешском литературном языке в

течение XIX в. происходит ослабление старой языковой традиции, восходящей к Кралицкой библии 1579—1593 гг., и усиление элементов народной речи. Иную картину обнаруживаем, например, в словацком литературном языке, который в течение второй половины XIX в. испытал сильное влияние чешского литературного языка. Язык Вука Караджича был ближе народному сербскому языку, нежели литературный язык конца XIX в.

Бурное развитие литературных языков приводило в какой-то степени к отделению их от народной основы. Так, например, было в Болгарии в первое десятилетие после освобождения. Народ знал и привык к турецкой административной терминологии, к военной терминологии и пр. После освобождения эта терминология подлежала изгнанию. Ее заменили соответствующие русские термины, или собственные неологизмы, или заимствования из западноевропейских языков. Чтобы познакомиться с ними, привыкнуть к ним, нужно было время. Сохранилось немало свидетельств, когда новые термины, неологизмы нужно было толковать, пояснять с помощью привычных турецких выражений (например, *паспорт* через *тескере*).

Под народной основой литературного языка часто понимают определенный диалект или группу говоров. Основой сербохорватского литературного языка объявляют восточногерцеговинский диалект, болгарский литературный язык возводят к говорам Северо-Восточной Болгарии и т. д. Однако таким методом решить проблему народной основы литературных языков нельзя. Вот почему длительная дискуссия о диалектной базе, например, польского литературного языка до сих пор не дала надежных результатов. Все дело в том, что здесь соотносятся различные величины. «Данная лингвистическая проблема не может быть решена путем простого сопоставления фактов литературного языка и народных говоров. Все дело заключается в том, что литературный язык возникает не на основе каких-то крестьянских диалектов, а разговорного культурного койнэ городского населения... Этот междиалектный — «культурный» язык имел различные варианты диалектного происхождения, но он существенным образом отличался от крестьянских диалектов»¹. В области изучения славянских «культурных» койнэ сделано очень мало. Здесь предстоит еще длительная и сложная работа по выявлению источников. История разговорного языка городского населения известна нам еще очень плохо (не только зарубежных славянских языков, но и русского языка).

Много важных и поучительных параллелей с историей южнославянских литературных языков находим в истории румынского, албанского, новогреческого литературных языков. Наиболее близка история румынского литературного языка. Между про-

¹ Бернштейн С. Б. К изучению истории болгарского литературного языка.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, с. 38.

цессами формирования и ранней истории болгарского и румынского литературных языков обнаруживаются значительные черты сходства. Особенно наглядно они проявляются в словарном составе (главным образом в области торговой и ремесленной терминологии). С греческим аналогом меньше, несмотря на то, что в первой половине XIX в. греческий литературный язык среди болгар получил широкое распространение. Многие деятели болгарской культуры отлично владели греческим языком. Объясняется это тем, что в функции литературного языка употреблялся не народный греческий язык (демотика), а кафаревуза — язык очень близкий древнегреческому.

В нашем коллективном исследовании не будут представлены самостоятельные очерки румынского, албанского и новогреческого литературных языков, но материал этих языков, отдельные факты из литературной борьбы этого периода будут привлекаться в разделах, посвященных южнославянским языкам.

Еще в 30-е годы XX в. (однако особенно интенсивно уже после войны) в различных странах были предприняты попытки создания сравнительной грамматики славянских литературных языков. С различными соображениями по этому поводу выступили Б. Гавранек, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Ив. Леков и др. Однако значительных результатов достигнуто не было. Объяснить это можно тем, что ученые не создали теории для соответствующего раздела языкоznания. Казалось, что можно использовать теорию и методические принципы сравнительно-исторической грамматики. Но это было крупной ошибкой. Б. Гавранек по этому поводу справедливо писал: «Факты, которые являются предметом этого изучения (сравнительного изучения литературных языков.— С. Б.) отличаются от фактов, которые являются предметом обычного исследования компаративистов»². Это бесспорно. Спорным является лишь утверждение чешского ученого, что в сравнительной грамматике литературных языков основное место должен занять синтаксис, тогда как в обычной сравнительной грамматике господствуют фонетика и морфология.

Конечно, классическая сравнительно-историческая грамматика широко использует материал литературных языков. Достаточно обратиться к любому сводному труду или специальной монографии, чтобы убедиться в этом. Но здесь этот материал используется только в том случае, если он отражает закономерности народного языка. Практически в сравнительно-исторических исследованиях факты литературного языка и диалектов располагаются в одной плоскости. Примеры из литературных языков не ценнее, не надежнее диалектных. Наоборот, во многих случаях

² *Havránek B. Szovnávací studium struktury spisovných jazyků slovanských.*— In: *Ceskoslovenské přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistů v Sofii*. Praha, 1963, s. 5.

нельзя опираться на литературную речь, которая, как известно, содержит большое число заимствованных элементов. Таким образом, неудачи создания сравнительной грамматики славянских литературных языков объясняются тем, что к решению данной проблемы подходили с позиций генетического родства славянских языков, тогда как эта проблема прежде всего типологическая. Сравнительное изучение литературных языков должно показать и обнаружить сходства и различия структуры этих языков, различную ценность генетически тождественных элементов, соотношение различных стилей и жанров. С этими различиями приходится сталкиваться постоянно даже при практическом изучении языков. Достаточно сравнить в этом отношении чешский и словацкий литературные языки, близкие материально, но далекие типологически. Здесь соотношение между языками коренным образом отличается от привычного нам всем представления о соотношении славянских языков. В типологическом отношении словенский литературный язык ближе к чешскому, нежели к сербохорватскому, а последний ближе к словацкому. В этом плане русский литературный язык имеет больше точек соприкосновения, больше общего с польским литературным языком, нежели с белорусским. Аналогичную картину легко обнаружить и за пределами славянского языкового мира. Достаточно, например, обратиться к германским литературным языкам, чтобы увидеть картину еще более сложную. Каждый литературный язык формируется в различных исторических условиях. Они, эти условия, в значительной своей части и определяют особенности структуры литературных языков.

Я надеюсь, что наше коллективное исследование даст богатый материал для построения будущей сравнительной грамматики славянских литературных языков. Во всяком случае мы ставим перед собой такую задачу. Она органически связана с конкретной задачей изучения языковой ситуации у зарубежных славянских народов в период национального возрождения, так как типологические различия в структуре литературных языков в значительной степени определялись реальной исторической обстановкой. Она определяла типологические различия в области многих элементов культуры, литературного процесса. Глубоко все это может быть вскрыто только коллективными усилиями лингвистов, историков, историков культуры и литературоведов.

На всех этапах истории литературных языков мы обнаруживаем тесные и живые связи между ними. Они были вызваны политическими и культурными связями славянских народов. Особенно велика здесь роль русского литературного языка, прежде всего у южных славян. Об этом хорошо известно, и здесь уже обработанного материала много. Хуже изучены другие процессы (например, влияние чешского литературного языка на литературные языки славян Австро-Венгрии, прежде всего на язык хорватов и словенцев). Многие чешские элементы через хорва-

тов позже проникли в общий сербохорватский язык. Значительно слабее было влияние чешского языка на болгарский, но и оно оставило свои следы. В этом отношении значительна роль А. Тедорова-Балана, который сам ввел ряд чешских слов в болгарский литературный язык, где они живут до сих пор. Большое влияние чешский литературный язык оказал на верхнелужицкий литературный язык.

Трудность в решении ряда поставленных нами проблем обусловлена отсутствием капитальных исследований многих важных вопросов из истории отдельных славянских литературных языков. Эта область славистики еще молодая. Сравнительное исследование литературных языков должно, конечно, опираться на итоги изучения каждого славянского литературного языка в отдельности. Но в таком случае, может быть, наше сравнительное изучение будет преждевременным. Мы, однако, пошли на это, так как данная научная проблема приобрела в настоящее время большую актуальность. Надо думать, что обобщающие труды дадут новые импульсы к интенсивному изучению исторического развития каждого славянского литературного языка.

И. А. Богданова

ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

В обобщающих трудах по истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы начальный период национального возрождения, как правило, называется просветительским, а в отношении некоторых стран еще более определенно — «эпохой Просвещения». Так, эпоха Просвещения выделяется в национальном возрождении Чехии, Венгрии, Словакии, не говоря уже о Польше, в истории которой XVIII в. общепринято называть «веком Просвещения». С большей осторожностью подходят к определению «просветительский период» в истории культуры специалисты по истории южнославянских народов. Они избегают прямо характеризовать его как конкретный этап, но применяют определение «просветительский» при рассмотрении деятельности отдельных представителей формирующейся национальной культуры — Паисия Хилендарского и Софрония Врачанского в Болгарии, Досифея Обрадовича в Сербии, А. Линхарта, В. Водника в Словении. В Греции понятие «просветительство» распространяется на целое поколение деятелей национальной культуры.

к которому принадлежат И. Миснодакас, Д. Катардзис, продолжатели их традиций Ригас Фереос, А. Кораис и др.

Менее определенно намечаются хронологические рубежи Просвещения или просветительских явлений; его длительность измеряется на основании порой очень разнящихся между собой критериев, отчего, например, в истории Румынии зарождение просветительского движения относят уже к рубежу XVII и XVIII вв. и затем видят продолжение в первой половине XIX в.

Большая доля дискуссионности почти во всем, что касается Просвещения или просветительского движения у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, начиная с хронологических границ, внутренней периодизации, вплоть до его содержания, места и роли в истории того или иного народа, проистекает в первую очередь от недостаточной изученности начального периода национального пробуждения этих народов. До сих пор лишь немногие историки специально занимаются этим этапом и придают ему то важное значение, какое он заслуживает. Исключение составляет имеющий длительную традицию исследования и богатую литературу век Просвещения в Польше.

В последние годы отношение к просветительскому этапу начинает заметно меняться и, помимо Чехии, Венгрии и Словакии, где существование Просвещения как определенного периода не подвергается сомнению, в сфере внимания исследователей все большее место начинает занимать просветительский этап у южнославянских и балканских народов. Доказательством этому служат работы болгарских, югославских, румынских историков (в том числе историков литературы и искусства), а также проведенный в 1968 г. в Париже под эгидой ЮНЕСКО научный симпозиум, материалы которого изданы в 1970 г. в Бухаресте под названием «Просвещение и формирование национального сознания у народов Юго-Восточной Европы»¹. Судя по опубликованным материалам, на симпозиуме рассматривались преимущественно проблемы соотношения просветительства во время национального возрождения у молодых наций Юго-Восточной Европы с «классическим» западноевропейским Просвещением. Такое сопоставление приводило специалистов к очень важным наблюдениям и выводам из конкретного материала истории того или иного народа относительно автохтонности некоторых типично просветительских явлений в этом районе Европы.

Однако приходится констатировать, что к настоящему времени при обращении к просветительскому этапу исследователь останавливается перед целым рядом перешепных вопросов, из которых хронологический представляется далеко не самым зна-

¹ Les Lumières et la formation de la conscience nationale chez les peuples du Sud-Est Européen. Actes du Colloque international organisé par la Commission de l'AJESEE pour l'histoire des idées sous les auspices et avec le concours financier de l'UNESCO. Paris, 11—12.IV 1968. Bucarest, 1970.

чительным. В конечном счете любое движение, так или иначе подпадающее под определение «просветительского», выражается в деятельности конкретных личностей, в конкретных произведениях и организационных мероприятиях, в большинстве случаев зафиксированных в исторических источниках. Большие трудности возникают при определении внутреннего содержания этого этапа, количественного состава и качественного характера составляющих его явлений. Ибо своеобразные исторические обстоятельства, при которых шел процесс формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе, наложили печать специфики и на просветительский этап. Но при всей его специфичности у различных народов, в нем отчетливо просматривается совокупность таких признаков, которые по своему типологическому содержанию и смыслу несомненно соотносятся с западноевропейским Просвещением. Настоящая статья представляет собой опыт типологической характеристики Просвещения в рамках Центральной и Юго-Восточной Европы.

Подобный типологический подход к этой проблеме наибольшую пользу может принести при ответе на исходные вопросы: было ли, существовало ли Просвещение как определенный этап в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы, какими историческими факторами оно было вызвано и каким историческим задачам служило, по каким признакам оно соотносится с западноевропейским Просвещением и какова его специфическая роль в истории национальных культур и наций в данном районе Европы (впрочем, на последний вопрос отвечает сама тема данной статьи). При обращении же к просветительскому этапу у каждого отдельного народа подобный типологический подход, в свою очередь, может служить исходной стержневой конструкцией, поэтому исследователь обязан учитывать специфическое преломление типологических тенденций в национальном Просвещении того или иного народа.

Конкретный материал истории того или иного народа выдвигает перед исследователями ряд проблем и особенностей, определяющих своеобразие каждого национального Просвещения. Назовем лишь некоторые из них, представляющиеся первостепенными. Например, в степени интенсивности, широте и уровне развитости Просвещения, а также и в его хронологических параметрах несомненно оказывается определяющее влияние особенностей социально-исторического развития. Важное значение для характера конкретного национального Просвещения имеет состояние культурных традиций, соотношение — в смысле близости или взаимоудаленности — между народной культурой и созданным образованной элитой фондом культуры, непрерывность культурного процесса и т. п.

При всей специфичности каждого конкретного просвещенческого движения в самом его существе явственно прослеживаются общие черты.

О наступлении просветительского этапа властно заявляет шириящаяся и обретающая авторитет в недрах своей формирующейся нации деятельность по искоренению наследия феодализма в миросозерцании. Пропаганда знаний, решительный разрыв с принципами слепой веры в вековечные догмы религии, борьба с предрассудками и невежеством широких масс народа, усиление и расширение светского мышления произывают деятельность целой плеяды просветителей, трудившихся в одиночку, зачастую ничего не зная о своих единомышленниках даже в сопредельных странах.

Необычайно возрастает авторитет естественнонаучных дисциплин: «Борьба за введение физики и математики в школы» с середины XVIII в. носила в Греции ярко выраженный идеологический характер. Физика стала, по свидетельству современников, синонимом свободы². Это утверждение справедливо для эпохи Просвещения во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Для просветительского движения — и это, пожалуй, его наиболее важная закономерность — характерна почти повсеместно единая философская система рационализма и универсализм этой системы. Пробудившийся разум пытается понять и объяснить происходящие явления в общественной жизни, подвергает критике «неразумие» окружающего мира и прежде всего то, что связано с феодальной системой угнетения — народов, социальных слоев, личности; хотя этот последний момент не играл в деятельности просветителей принципиальной роли, занимал подчиненное положение. Отрицание средневекового обскурантизма, схоластики, феодального порабощения сочетается у них с утверждением идеала, в основе которого — с большей или меньшей отчетливостью и конкретностью у того или иного деятеля Просвещения — заложена мысль об идеально устроенном обществе.

Как видим, эти признаки составляют и краеугольные камни западноевропейского Просвещения. Однако уже отсюда вступает в силу фактор исторических обстоятельств, вследствие чего эти признаки, равно как все последующие, выступают в Просвещении стран Центральной и Юго-Восточной Европы в своеобразной трактовке, и это своеобразие сразу же начинает принимать национальный облик. Общий для всего Просвещения стран Центральной и Юго-Восточной Европы становится принцип перевода общих философских постулатов в национальные категории. По крайней мере внутреннее содержание идеала, утверждаемого Просвещением, позволяет определить рубеж, с которого оно принимает национальный (я употребляю здесь термин «национальный» в расширительном смысле) характер и начинает служить делу национального обособления. А идея национального обособ-

² Dorovský I. K některým otázkám osvícenství v balkánských literaturách.— In: Na křížovatce umění. Brno, 1973, s. 427.

ления, национального партикуляризма является по меньшей мере свидетельством, если не доказательством, начавшегося процесса формирования национальной культуры. Таким образом, Просвещение как начальный период в формировании национального самосознания у народов Центральной и Юго-Восточной Европы означает и начальный этап их национальной культуры.

Даже сама универсальная система мышления, универсальная философия рационализма несет в своем внутреннем содержании черты национальной специфики. Мы видим обобщающие труды по истории своего народа, которые сыграли долговременную и исключительно важную роль в становлении национального самосознания. Историей болгарского народа, написанной с просветительских позиций, пробуждал умы своих соотечественников Паисий Хилендарский. Сходное значение имели в Словакии исторические сочинения Папанека и Скленара. Подобные труды мы находим в тот же период и у других народов. Аналогичную же роль играли сочинения правового содержания, кодексы, наличие которых мы также обнаруживаем почти у всех народов (иногда они включены в ткань исторических сочинений). В качестве примера назовем хотя бы румынского правоведа греческого происхождения Микеля Фотино, оставившего три проекта кодекса (1765, 1766, 1777 гг.) явно просветительского смысла. Позднее на основе идей пробуждающегося Просвещения возникли «кодекс Ипсиланти», просвещенного правителя, князя Александра Ипсиланти (1780), и исходящий из идеалов «естественного права» кодекс «Мануэль Журидик» (1814), принадлежащий перу А. Доници.

При рассмотрении отечественной истории просветители утверждают все формы исторического бытия своего народа, как правило идеализируя их и возводя в степень закона исторического развития вообще. Как в исторических, так и в государственно-правовых сочинениях авторы исходят при аргументации из материалов и примеров, извлекаемых из сферы исторического опыта своего народа. Эта черта настолько очевидно носит характер закономерности, насколько явно она повсеместно возведена в принцип. Свидетельством тому, что просветители придавали исключительно важное значение именно своим национальным аргументам, служит тот факт, что некоторые историки оперировали и вымышленными данными либо заимствованными у других народов, но выдаваемыми за отечественные. Это особенно часто наблюдается на ранней стадии Просвещения, когда сочинения, претендующие на научную содержательность, одновременно служили и беллетристическим чтением, как например, труды Папанека и Скленара.

Повышенная роль разума, критерии разумной критики подтверждается и опытом развитого западноевропейского Просвещения. «...Рассудочность встречает широкое поле для своего развития и широко развивается у всех цивилизованных народов,

переживающих эпоху перелома, когда старый общественный порядок клонится к упадку и когда представители новых общественных стремлений подвергают его своей критике... Рассудочность является плодом борьбы нового со старым, и она же служит ее орудием»³ — этот вывод Плеханова получает подтверждение и на примере молодых наций Европы.

В странах Центральной и Юго-Восточной Европы целевое назначение просветительских работ по крайней мере двоякое. Как явления просветительской культуры, они адресованы своей нации, призваны сеять плоды разума в своем народе. Но в то же время они обращены к общественному опыту других народов, в первую очередь — угнетающей нации. Таким образом, идет взаимосвязанный процесс: просвещение своей нации, проницание ее к свету научного знания, к духу проверки опытом — рациональным и чувственным — всех житейских и жизненных форм, отторжение опыта от веры. Идет подобный же процесс просвещения либо угнетающей, либо правящих классов своей нации, которые на исходе феодализма у многих народов денационализируются.

Само понятие «нация» (при его историческом отождествлении с понятием «народ»), но главное, то значение, которое этому понятию придавалось уже на стадии Просвещения, является продуктом развития и обстоятельств, присущих именно этим народам. В принципе же критерий принадлежности к определенному народу вообще становится исходным разграничителем среди народностей только на этапе перехода от феодализма к капитализму и формирования наций. Если мы обратимся к западноевропейскому Просвещению, то увидим, что этот критерий играет там несравненно меньшую роль. Идея «пации» занимала весьма периферийное место в философии западноевропейского Просвещения. Ни в «Философском словаре» Вольтера, ни в «Энциклопедиях» Вартеле-Левека это понятие попросту не рассматривается. В «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера «нация» определяется как «весьма значительное множество людей, которые населяют определенную обширную страну, заключенную в определенные границы, и которые повинуются одному и тому же монарху».

Деятели Просвещения угнетенных, утративших государственную самостоятельность народов (а иногда и воспоминание о собственной государственности — словаки), очень хорошо понимали значение национального момента, национальных различий и национального неравноправия. Известно, что многие просветители в последней трети XVIII и начале XIX в. жили и трудились на благо своей национальной культуры за пределами своей этнической территории, зачастую находясь в среде соседствующей или даже господствующей нации. Пример тому — деятель-

³ Плеханов Г. В. Литература и эстетика, т. I. М., 1958, с. 94.

пость словацкого Рожнаи, греческих и сербских просветителей в Австрии или в Венгрии.

Такой важный компонент национального мировоззрения, с которого начинается процесс его преобразования в новое общественно-историческое качество, как историческое сознание, на этапе Просвещения четко ограничено от того историзма, который присущ стадии непосредственной подготовки буржуазно-демократических революций, а в культуре — этапу, связанному с романтизмом. Философия Просвещения — и это общая черта для всего европейского Просвещения — воспринимает историю еще метафизически, как горизонтальный ряд форм национального бытия, служащий в большинстве случаев двусторонним просветительским целям и потому состоящий из тенденциозно отобранных событий и фактов, истолкованных столь же тенденциозно в национально-патриотическом духе.

В философии Просвещения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы определяющим является дух гуманизма, также имеющего универсальный, всеохватывающий характер, ему придается значение закона, по которому должно строиться человеческое общество. Он одновременно служит и национальному партикуляризму: просветительский гуманизм угнетенных народов всегда бывает направлен на защиту и обоснование требований свободы для материального и духовного развития своего народа.

Общей отличительной особенностью Просвещения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы является тот факт, что мышление — как научное, так и художественное — в основном оперирует обобщенными категориями. Если в западноевропейском Просвещении категория «свободы», например, толкуется как свобода личности, здесь — применительно к целому национальному коллективу. Подмена личностного подхода или личностного толкования собирательным, национальным, общенародным происходит почти на всех уровнях универсальной системы просветительства. Впрочем, подобное явление наблюдается и в немецком Просвещении, с которым у Просвещения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы гораздо больше сходных черт, чем с английским или французским.

Просвещение в этих странах зато чрезвычайно объединяет с общеевропейским его активный, нередко даже утилитарный уклон. Просветители, как правило, не были кабинетными учеными и главным образом занимались практической пропагандой нового сознания, светской культуры, ратовали за развитие народного просвещения в его прямом смысле, за распространение образованности, за гражданское, национально-патриотическое воспитание широких масс. Крупнейшие деятели Просвещения, творцы национальной культуры отдавали массу сил и энергии созданию школ, читален, учебников. Занимаясь пропагандой научных знаний, они не пренебрегали и заботами о разумном

устройстве частной, даже сугубо бытовой жизни людей. В качестве одного из множества примеров я сошлюсь хотя бы на деятельность словаика Юрая Фандли, создавшего целую энциклопедию «домашнего хозяйства». Ее содержание посвящено пропаганде знаний, борьбе с невежеством и предрассудками.

При исследовании Просвещения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы большой интерес представляет повышенное внимание к языковой ситуации. Язык народа, складывающегося в нацию, на начальной стадии национального возрождения выступает по крайней мере в нескольких функциях: национально-репрезентативной, национально-ограничивающей и национально-интегрирующей. Думается, что обобщенно применительно к этому периоду можно говорить о просветительской функции языка. Обращение к народному языку, доступному самым широким народным массам, диктовалось у просветителей интересами пропаганды знаний, борьбы со старыми формами мышления. Языковые реформы — осуществленные или оставшиеся как непривившаяся, временная попытка (реформа А. Бернолака в Словакии) — частные случаи или систематические кодификации народного языка в качестве литературного свидетельствуют не только об этническом отторжении и национальной интеграции. Одновременно это свидетельство и отторжение от предшествующего этапа — культуры феодальной народности.

На преднациональном этапе культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы чаще всего пользовалась языками международного общения. Как известно, таких языков было несколько и они функционально подразделялись. Дольше всего сохранили свои позиции международные языки образованности, особенно латинский, французский, немецкий. Характерен пример в чешской национальной культуре. Например, Й. Добровский в своей творческой практике так и остался верен немецкому языку, на котором написал все свои главные произведения. Отказываясь от международного языка образованности, формирующаяся культура на первый взгляд ограничивает поле своего воздействия. Однако этот шаг как нельзя убедительнее свидетельствует об осознании деятелями национальной культуры ее национально-созидающего характера.

Борьба за единый, общий для всей нации язык культуры имеет многостороннее содержание и многосторонний исторический смысл. Переход к национальному языку означает начало отказа от элитарного положения культуры, движение от элитарной к общенародной демократической культуре.

На стадии Просвещения складывается особый тип художественного мышления, в основе которого лежит философия рационализма и отчасти — сенсуализма. Художественным методом, основанным на философии критического рационализма, явился просветительский реализм. В художественном сознании на этапе просветительства также выделяются несколько компонентов.

Так, в просветительский тип художественного мышления в качестве органичной составной части входит вера во всесилье разума, «научность». Произведения художественной литературы, даже поэзия Просвещения пронизаны духом научности, научного объяснения природы и общества.

Складываются и соответствующие этому типу мышления виды художественной культуры. Преимущественное развитие получают те виды, которые в наибольшей степени отвечают задачам просветительства и его активному, утверждающему, национально-воспитательному характеру, а также способные оперативно и действенно распространять идеи Просвещения среди широких народных масс. Прежде всего это литература, которая на этой стадии у лишенных политической трибуны народов исполняет общественно-национальную функцию и является одновременно наиболее авторитетным элементом художественной культуры. Она универсальна похвату просветительских и общенациональных проблем.

Активно и плодотворно развиваются смежные с литературой сферы национальной художественной культуры, прежде всего театр, который становится более демократичным. Организуются периодические издания, создаются научные общества, где коллективно осваиваются или аккумулируются научные сведения о своем народе в прошлом и настоящем, о памятниках его духовной и художественной культуры, о произведениях фольклора.

В литературе, равно как и в других видах художественной культуры эпохи Просвещения, возникают соответствующие просветительному характеру мышления жанры. Стоит обратить внимание на то, что в некоторых странах Центральной и Юго-Восточной Европы на этом этапе возникает сложный эпический жанр — роман. Его содержание можно определить как национально-просветительское, морально-дидактическое. Роман, по-видимому, привлекает писателей Просвещения своим простором для публицистических рассуждений, возможностью максимально полно осветить все сферы общественной и даже частной жизни. Упомяну автобиографический роман Досифея Обрадовича «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича» (1783—1788) и написанный в те же годы словаком Йозефом Байзой «Юноши Рене приключения и испытания» (1783—1785) и др. Правда, попытки эти остаются единичными, подлинное освоение этого жанра наступит значительно позднее. Широкое распространение получают различные сатирические жанры, сатира входит и в стилистику публицистических произведений.

В Просвещении народов Центральной и Юго-Восточной Европы заметно присутствует религиозное сознание, поскольку его деятели чаще всего были служителями церкви. Однако и в западноевропейском Просвещении об атеизме отчасти можно говорить применительно к английскому и французскому, но никак не к немецкому Просвещению.

Исследование просветительских движений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы имеет большое значение для общего понимания не только культурного развития, но и всего исторического процесса формирования национальных культур. Оно убедительно показывает, что Просвещение как подготовка общественного сознания для фронтального наступления на все формы феодализма отнюдь не является достоянием истории только высокоразвитых стран Европы — Англии, Франции, Германии. Оно есть историческая закономерность определенного этапа в развитии человеческого общества и одно из важнейших условий перехода к новому общественному строю. С распространением Просвещения в Центральной и Юго-Восточной Европе последние цитадели европейского феодализма, какими были Российской, Австрийской и Османской империи, оказываются в исторически замкнутом круге. Движение Просвещения у малых народов Европы усугубляло неизбежную обреченностъ феодализма, и в этом заключается его великий исторический смысл.

Одновременно оно послужило фундаментом для всестороннего развития этих народов, своего рода ферментом для кристаллизации национальных культур и наций и во многом подготовило их к тому, чтобы в относительно скором времени стать суверенными участниками общеевропейского культурного процесса. Конечно, та революция в сфере духовной жизни этих народов, начало которой было положено эпохой Просвещения, определялась признаками новой, капиталистической формации, которая складывалась в социально-экономической области. И все же духовное высвобождение угнетенных народов происходило интенсивнее и подготавливало их социально-политическое освобождение.

Факты свидетельствуют об исторической самостоятельности Просвещения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако оно во многом определялось тем, что происходило в высокоразвитых странах Европы — в нем находил свое выражение их социально-исторический и культурный опыт. И в этом смысле Просвещение стран Центральной и Юго-Восточной Европы является не автохтонным, а отраженным. Это заключение никако не умаляет его общеисторического значения, но вместе с тем делает научно и исторически настоятельной проблему его связей с «классическим» Просвещением.

В этой проблеме необходимо различать по крайней мере три аспекта: во-первых, знакомство с идеями и деятельностью западноевропейских просветителей, во-вторых, степень распространения и уровень усвоения этих идей и, в-третьих, влияние этих идей на национальное просвещение или на отдельных его представителей.

Факты свидетельствуют, что многие (если не все) активные деятели Просвещения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы были знакомы так или иначе, а некоторые и весьма об-

стоятельно, с основными произведениями западноевропейского Просвещения. Относительно же распространения и усвоения идей западноевропейского Просвещения дело обстоит гораздо сложнее. Известно, что многие просветители отрицательно относились к некоторым сторонам западноевропейского Просвещения, в первую очередь — к антирелигиозному пафосу идей французских материалистов. Постижение сути и смысла идеалов Просвещения — философских, социально-политических и художественных — чаще всего происходит значительно позже, уже на стадии непосредственной подготовки национальных буржуазно-демократических революций, то есть за пределами этапа Просвещения или в лучшем случае — на стадии выхода из него. Например, категория свободы в своем общепросветительском значении и содержании осмыслиается в тот период, когда происходит выделение личности из национального коллектива, при оформлении субъективно-личностного сознания, то есть на этапе романтизма.

В проблеме влияния западноевропейского Просвещения самое главное и значительное — это общее воздействие идей Просвещения на всю духовную и политическую жизнь Европы того времени, а не отдельные подражания или заимствования. При исследовании Просвещения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы наибольший интерес представляет проблема творческого усвоения достижений других народов с учетом своих национальных исторических обстоятельств, задач и потребностей своего национального развития.

И. И. Свирида

К ТИПОЛОГИИ ЯВЛЕНИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

Формирование национальной художественной культуры — неотъемлемая часть складывания наций, длительный и сложный процесс. Как в разные исторические периоды развиваются те или иные признаки нации, совокупность которых позволяет говорить об образовании принципиально новой общности людей, так и в области художественной культуры постепенно происходит накопление черт, синтез которых приводит к качественно новому этапу. Его высшее выражение в творчестве — национальная классика, которая воплощает своеобразие художественного мышления, свойственное отдельным народам, и вместе с тем вбирает в себя общие тенденции, присущие европейской культуре нового времени в целом.

Становление национальной художественной культуры как выражение духовной общности нации — это не только развитие самого художественного творчества, национальных художественных школ в литературе и искусстве. Это одновременно и те условия, в которых создается и существует произведение национального искусства, в которых оно находит путь к своему адресату, это весь сложный комплекс взаимоотношений искусства и общества, который возникает в период складывания наций и составляет содержание его духовной жизни.

Развитие художественной культуры в указанное время при всех региональных отличиях этого процесса, обусловленных спецификой культурных традиций, особенностями политических, социально-экономических и прочих условий жизни в разных странах, имеет общие типологические черты, которые с объективной неизбежностью проявляются в творчестве и художественной жизни всех народов.

Выявление этих общих типологических черт важно для более глубокого понимания особенностей развития национальной культуры в период формирования наций по сравнению с предшествующими историческими периодами, для периодизации этого процесса, для изучения специфики отдельных национальных художественных школ, наконец, это существенно для уяснения самого понятия «национальная художественная культура», для определения того круга явлений, которые охватывает это понятие.

Чтобы глубже понять типологические особенности художественного процесса в эпоху формирования наций, необходимо рассмотреть его в культурно-историческом плане, учитывая не только развитие самого художественного творчества, но и его место в системе духовной и социально-экономической жизни нации, условия создания и бытования произведений искусства.

Этот второй аспект представляется чрезвычайно важным, так как он позволяет с большей степенью точности и даже неоспоримой документальностью фиксировать и периодизировать принципиальные сдвиги в развитии культуры, чем если исходить только из материала собственно художественного творчества, допускающего более субъективные толкования.

Каждой общественно-экономической формации свойственны особые формы художественной жизни, обеспечивающие функционирование искусства в данном обществе и зависящие от его социальной структуры и уровня производительных сил. Общая тенденция в движении от донациональных к национальным формам культуры — это преодоление сословной замкнутости, свойственной культурной жизни феодального общества, и складывание общности культурной жизни в национальном масштабе.

В капиталистическую эпоху эта тенденция реализуется лишь частично. Основным препятствием на пути национальной куль-

турной интеграции являются классовые антагонистические отношения в буржуазном обществе, в результате которых наличествуют две культуры в каждой национальной культуре. Лишь в условиях социализма развивается единая национальная культура — социалистическая по содержанию, национальная по форме, интернациональная по духу.

Каковы основные признаки национальных процессов в области художественной жизни?

Важнейший среди них — это начавшийся процесс демократизации художественной жизни. Он находит выражение прежде всего в изменении социальных основ развития искусства. На смену узкому сословию духовных и светских феодалов приходит более широкий культурный слой, включающий не только крупное дворянство, но и буржуазию (особенно для развитых капиталистических стран), мещанство, среднее дворянство, формирующуюся национальную интеллигенцию. Наряду с частным, возникает коллективный публичный меценат, являющийся выражением национального самосознания. Тем самым расширяется круг людей, которым становятся доступны произведения искусства и которые участвуют в их финансировании. Демократизуется сам адресат художественного творчества.

Один из существенных элементов, свойственных рассматриваемому периоду,— усиление роли государства в культурной жизни. Оно выступает как фактор, укрепляющий не только политическое и экономическое, но и культурное единство нации. В отличие от времени феодальных монархий, особенно абсолютистских, когда государственная власть отождествлялась с личностью правителя (который был обычно и крупнейшим меценатом), в эпоху формирования наций происходит утверждение роли государственных учреждений, причем не только в отдельных областях культурной жизни (учебные заведения, музеи), но и как ее организаторов в целом (характерный пример — создание Эдукационной комиссии в Польше в 1773 г.— первого в Европе министерства просвещения).

Характерным и важным моментом в развитии национальной художественной культуры является превращение городов в национальные культурные центры, падение роли феодальных поместий и монастырей как места концентрации художественной жизни. Это выступает как одно из следствий общей урбанизации общественно-политического и экономического развития в капиталистическую эпоху. Урбанизация культуры получает наиболее зрелое выражение в возрастающей роли столиц как центров художественной культуры в общенациональном масштабе. Насколько велика объективная потребность развивающейся национальной культуры в наличии общенационального культурного центра, свидетельствует судьба Варшавы, которая в XIX в., вопреки разделам, становится действительно культурной столицей нации.

Значение городов в национальной культурной жизни укрепляется благодаря созданию в них различных культурных учреждений, в том числе художественных учебных заведений — центров подготовки национальных творческих кадров.

Нельзя себе представить национальный этап в развитии художественной культуры без существования национальных форм посредничества между произведениями литературы, искусства и читателем, зрителем. Такими национальными формами посредничества становятся публичные театры, музеи, художественные выставки, библиотеки, концерты, книги и периодические печатные издания, доступ к которым определяется не сословными принципами (как на придворные концерты или в дворцовые галереи), а определенной платой, что теоретически превращает их в общедоступные.

При всем отличии в уровне и характере развития различных европейских стран создание этих институтов публичной культурной жизни совпадает стадиально. Хронологически лидировала в этом отношении Англия, где, например, первые художественные выставки состоялись уже в XVII в. Однако их массовое распространение в Европе происходит со временем Великой французской революции, деятели которой считали, что общедоступные как для зрителей, так и для участников выставки могут дать «великое движение общественной энергии и национальному характеру»¹.

Важным фактором национальной культурной жизни является пресса. Уделяя с течением времени все большее внимание вопросам художественной культуры, она выполняет роль информатора о событиях художественной жизни в национальном масштабе, формирует общественную критико-эстетическую мысль, вытесняя частный салон, который до сих пор был главным законодателем вкусов, в том числе и художественных.

Можно отметить еще целый ряд форм художественной жизни, типичных для времени формирования наций (таких, например, как возникновение многочисленных культурных обществ и пр.). Характер их всех свидетельствует о включении в культурную жизнь более широких слоев общества, чем это было на доконфессиональном этапе, об укреплении национальной общности культурий жизни.

В эпоху складывания наций и формирования капиталистических отношений совершаются принципиальные изменения в положении людей творческих профессий. Это происходит прежде всего как следствие новых форм организации творческого труда и функционирования произведений искусства в обществе.

Произведение искусства превращается в товар, отчуждаясь от своего создателя. Нарушается непосредственная связь худож-

¹ Давид Ж.-Л. Пояснение к выставке 1799 г.— В кн.: Мастера искусств об искусстве, т. IV. М., 1967, с. 40.

ник — заказчик; и в этой сфере ликвидируется система как бы натурального хозяйства, при которой писатель, художник были на непосредственном содержании у феодала, а также разрушается цеховая организация. Образуется национальный художественный и книжно-издательский рынок, возникающий как часть национального экономического рынка, что вызывает изменения во всей структуре национальной художественной жизни. Это создает предпосылки для превращения профессии писателя, художника, музыканта в свободную профессию, для формирования национальной творческой интеллигенции как особой социальной прослойки.

Формирование национальной творческой интеллигенции — безусловно, один из важнейших признаков национального этапа в развитии культуры. Это не только чрезвычайно важный фактор национальной культурной жизни. Он оказывает решающее влияние и на характер самого художественного творчества. Формирование национальной творческой интеллигенции создает условия для вытеснения иностранных мастеров, для обретения непрерывной преемственности развития национального художественного творчества как путем создания произведений искусства, так и путем воспитания новых поколений мастеров.

Появление национальной творческой интеллигенции как особой прослойки свидетельствует о процессе профессионализации творческой деятельности. Он протекает по-разному для различных профессий: профессии музыканта, художника, актера существовали издания в отличие от литераторов, которые жили за счет политической, духовной или какой-либо другой деятельности, а не гонораров. Писательский труд как таковой становится, хотя и очень непадежным, источником существования лишь в XVIII—XIX вв., в результате развития издательского дела и книжного рынка².

Вопрос дилетантизма и профессионализации остро встает в XIX в. и для художников, музыкантов, деятелей театра. Здесь выдвигаются две проблемы: первая — экономическая, невозможность стать профессионалом из-за ограниченности материальных средств, расходуемых данным обществом на развитие искусства, и вторая — социальная психологическая, особенно ярко проявлявшаяся в тех странах, где рекрутование национальной творческой интеллигенции происходило преимущественно из дворянских слоев (например, Польша) и где были наиболее сильны пережитки феодальных в своей основе, сословных предрассудков, не позволявших дворянину получать деньги за какой-либо труд.

² В Англии одним из первых писателей, живших за счет издания сочинений, был Р. Б. Шеридан (1751—1816), во Франции — А. Р. Лесаж (1668—1747), в Германии — Г. Е. Лессинг (1729—1781), которого Чернышевский с горечью назвал «полуголодным газетным чернорабочим», в Польше — А. Мицкевич (1798—1855).

Основной особенностью художественного творчества в эпоху складывания наций является его способность средствами отдельных видов художественной культуры отражать существенные проблемы жизни данной нации в формах, наиболее близких ее духовно-психическому складу.

Благодаря чему национальная художественная культура становится способной решать стоящие перед ней проблемы? Иначе говоря, каковы типологические признаки рассматриваемой эпохи в развитии художественного творчества?

Не беря на себя задачу исчерпать этот вопрос, хотелось бы остановиться на следующих признаках:

Во-первых, оперирование единым национальным языком в тех видах художественной культуры, где он является материалом для создания художественного образа (литература, театр и пр.).

Во-вторых, слияние локальных школ в единую национальную школу. Этот процесс не следует представлять лишь как простое суммирование отдельных свойств или пивелировку местных особенностей. Он ведет к синтезу, дающему принципиально новые художественные ценности, которые отвечают новому мировосприятию, новым эстетическим идеалам, развивающимся у общности людей, складывающейся в нацию.

В-третьих, разрушение сословных перегородок. Хотя культура в классовом обществе всегда остается классовой, однако в эпоху формирования наций она утрачивает сословную ограниченность. Складывающиеся национальные особенности художественного творчества берут свои истоки в искусстве различных сословий: так, национальная музыка органически обогащается традициями крестьянского, городского фольклора, любительского музенирования, традициями профессиональной светской и церковной музыки, звучащей при дворах феодалов и в храмах. Аналогичный процесс можно отметить в области театра (синтез традиций придворного, школьного, любительского и пр.) и других видов художественной культуры.

В-четвертых, формирование новых эстетических идеалов, отвечающих потребностям общенационального духовного развития. Конечно, различия между отдельными социальными слоями сохраняются в этом плане чрезвычайно долго. Однако важно отметить, что в литературе и искусстве выдвигается новый тип героя, лишенный сословной замкнутости, отличающийся психологическими, идеальными и прочими особенностями, но не сословными. Формируется национальный тип героя, одним из ярких примеров которого является образ национального вождя, воплощенный, в частности, в обширной иконографии Костюшко. Расширяется социальный круг героев художественных произведений, что было следствием возросшего национального самосознания, понимания этнической общности различных социальных слоев общества. Вместе с тем в произведениях рассматриваемого

времени происходит усиление социальной проблематики. Социальный конфликт, имеющий прежде всего антифеодальную направленность,— типологический признак произведений литературы и искусства эпохи формирования наций, будь то «Женитьба Фигаро» Бомарше или «Галька» Монюшко.

В-пятых, усвоение опыта культур других народов. Международные связи имеют очень большое значение для становления каждой национальной культуры. На национальном этапе развития культур характер этих связей существенно меняется. При их анализе очень важно отдавать себе отчет в том, идет ли речь о взаимодействии на уровне национальном, донациональном или на разных уровнях, что позволит более глубоко интерпретировать характер и значение связей, так как от этих уровней, в частности, зависит характер избирательной способности данной культуры, соотношение сил местных и иностранных мастеров, «импорт» произведений или художников и т. д.

Порой культурный опыт другой нации может иметь большее значение для формирования национальной культуры, чем иное, даже значительное местное явление. Так, при всем интересе, который представляет польский сарматский портрет как глубоко своеобразное и яркое явление, для формирования национальной школы в польском изобразительном искусстве более существенными оказались тенденции, принесенные в Польшу эпохи Проповеди зарубежными мастерами. Освоение достижений европейского искусства было необходимым шагом в становлении польской национальной школы, хотя нельзя отрицать и значения традиций сарматского портрета, которые ясно прослеживаются в творчестве целого ряда мастеров (Смуглевич, Войняковский, Гладыш) и которые являются одним из тех элементов «сословных» культур, о которых шла речь выше как об органических составных частях национальной культуры. Усвоение культурного опыта других народов не снижает индивидуальную значимость каждой национальной культуры, не лишает ее национального своеобразия. Как говорил Белинский: «Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально»³.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что неверным представляется отождествление понятий «национальное» и «самобытное», порой встречающееся в литературе. Ибо национальное — это не только особенное, но и всеобщее. В развитии национальной культуры с момента ее зарождения и до настоящего времени есть две тенденции. Первая — это консолидация культурных сил в национальном масштабе; вторая — интернациональное сближение, взаимопроникновение национальных культур, преодоление культурной разобщенности отдельных народов. Обе эти тенденции объективно закономерны и существуют в нераз-

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 29.

рывном единстве. Они являются выражением общей закономерности национального развития, свойственной не только культуре, но и другим областям общественной жизни. Применительно к эпохе формирования буржуазных наций В. И. Ленин следующим образом сформулировал эту закономерность: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и ущербие всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»⁴ Исходя из этого ленинского положения о двух тенденциях в национальном развитии, советские историки нации пишут: «Национальное в искусстве — это не только то, что отличает одну нацию от другой, что является исключительной принадлежностью данной нации. Исключение из понятия «национальное» самого главного — интернациональных элементов — сводило бы национальное только к форме, более того, к случайным и временным проявлениям формы»⁵. Действительно, наличие интернациональных элементов также следует признать одним из важных признаков национальной художественной культуры.

Это, естественно, не снимает вопроса о национальном своеобразии, которое не только получает яркое воплощение в произведениях рассматриваемой эпохи, но становится предметом постоянного внимания писателей и художников. «Как ни говорите, а искусство не наука,— писал Крамской,— оно только тогда сильно, когда национально. Вы скажете, а общечеловеческое? Да, но ведь оно, это общечеловеческое, пробивается в искусстве только сквозь национальную форму»⁶.

Борьба за своеобразие художественного творчества была важным моментом в реализации складывающейся в это время концепции национальной культуры, одним из выражений высокоразвитого национального самосознания, проявления которого со всей закономерностью наблюдаются в эпоху формирования наций и в области художественной культуры. Осознание национальных задач, стоящих перед литературой, искусством, характерно для всех стран в рассматриваемый период. Однако особый характер и значение это приобрело у тех народов, чья национальная общность складывалась в условиях национального угнетения. Связь искусства с национально-освободительным движением, выражение в художественном творчестве стремлений к национальной независимости были чрезвычайно важной особенностью в становлении национальной художественной

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

⁵ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972, с. 306.

⁶ Мастера искусств об искусстве, т. IV. М.—Л., 1937, с. 246.

культуры таких стран, как Польша или Чехия, Болгария или Сербия⁷.

Однако наличие национально-освободительной проблематики нельзя считать чертой лишь славянских культур. Это типологическая особенность всех культур эпохи формирования наций.

Проявлением национальной общности является также осознание своих национальных традиций. Их изучение становится частью того огромного интереса к прошлому, который столь характерен для эпохи формирования наций. Среди этих традиций на первый план выдвигается народное творчество. Освоение его многовекового наследия — также один из существенных элементов формирования национальной художественной культуры.

Для творчества мастеров в рассматриваемую эпоху характерно обращение к народному искусству не только собственного этноса. Поэтому сами по себе фольклорно-этнографические элементы не могут быть признаком национальной принадлежности того или иного произведения. Национальным оно становится в результате особенностей использования фольклорного материала.

Отмечая различные черты, присущие искусству в эпоху складывания наций, следует подчеркнуть, что все они находят выражение в светских формах художественной культуры, которые становятся доминирующими в это время. Даже религиозные идеи, которые в период формирования буржуазных наций остаются все еще существенным элементом общественного сознания, также воплощаются в формах светского искусства (чему пример мессианизм в литературе польского романтизма). Это позволяет считать, что вытеснение религиозных форм искусства светским — еще один признак, характеризующий развитие художественной культуры в эпоху формирования наций.

Рассмотренные признаки, изложенные по необходимости тезисно, в процессе становления национальных культур получают неравномерное развитие, они созревают не synchronno в каждой национальной культуре, не совпадают хронологически в истории различных национальных культур.

Особенности развития отдельных стран, несомненно, влияют на темпы, характер процесса. Более интенсивным он был в Англии, Франции, где дал зрелые результаты уже к началу XIX в. Менее динамично он протекал в немецких землях, у народов, входивших в состав Габсбургской монархии, в Италии, Польше, России. Можно привести факты нарушения естественного хода этого процесса, как, например, в Польше, где политические ре-

⁷ О проблемах связи национально-освободительного движения с развитием культуры народов Юго-Восточной Европы см.: Злыднев В. И., Лещиловская И. И., Львова Е. П. Национально-освободительное движение южных славян..., с. 330—343.

рессии неоднократно прерывали нормальное развитие национальной культурной жизни.

Важно отметить, что складывание национальных форм в художественной культуре разных стран совпадает стадиально, т. е. происходит в тот же период, который историки определяют как время формирования наций. Позже или раньше, сильнее или слабее с объективной неизбежностью эти черты проявляются в истории отдельных национальных культур. Их наличие позволяет констатировать, что в период складывания нации происходит формирование новой, особой культурной модели — модели национальной художественной культуры.

Подводя итоги рассмотренного выше, можно было бы сказать, что национальная художественная культура характеризуется способностью отражать средствами отдельных видов искусства существенные проблемы жизни нации в формах, наиболее близких ее духовно-психическому складу. Эта способность реализуется в результате оперирования единым национальным языком, стирания локальных и сословных различий в художественном творчестве, складывания общенациональных эстетических идеалов, осознания своих национальных традиций (в том числе народной культуры), а также опыта мирового искусства. Все эти процессы в художественном творчестве совершаются одновременно с развитием общности культурной жизни в национальном масштабе, что находит выражение в процессе демократизации культурного бытия, формировании общенациональных художественных центров, создании национальной системы культурных учреждений, образовании национальной творческой интеллигенции.

Отмеченные типологические черты, свойственные художественной культуре всех народов в эпоху формирования наций, по-разному утверждались во Франции или России, Польше или Италии. И было бы чрезвычайно интересно в сопоставительном плане проследить особенности их судьбы в культуре каждой из стран. Базируясь на конкретном материале, можно, в частности, более глубоко понять особенности культурно-исторического процесса у славянских народов и их место в системе европейской культуры.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ
ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
(на материале чешской, словацкой и болгарской литературы)

В истории всех западных и южных славян, кроме поляков, существует период, получивший название эпохи «национального возрождения» (конец XVIII — значительная часть XIX в.). Само возникновение понятия «национальное возрождение» связано с констатацией резкого ослабления национального культурно-исторического развития в предшествующий период. Причиной тому был жестокий, длившийся веками ипостемный гнет. Процессы, совершившиеся в жизни западных и южных славян в эпоху национального возрождения, иногда производят впечатление чуда. Народы, культурная жизнь которых в XVIII в. едва теплилась, вдруг словно воспрянули к жизни, и в результате стремительного развития в течение всего каких-нибудь нескольких десятилетий создали собственную национальную культуру, ценности непреходящего значения.

Еще в начале XIX в. наиболее значительным и известным произведением болгарской литературы было «Житие и страдания грешного Софрония» (1804), архаический жанр которого находит аналогии в древних литературах (и только некоторыми чертами в литературах Ренессанса и Просвещения). В это время и даже позже одной из главных забот деятелей болгарского (да и чешского) национально-просветительного движения было создание элементарных буквareй и грамматик. А спустя несколько десятилетий болгарская литература уже имела такого поэта, как Христо Ботев, и в лице лучших своих представителей поднялась до уровня передовой эстетической мысли своего времени, отмеченной чертами материализма. Всего через три-четыре десятилетия после того как Добровский высказал сомнение, не стал ли чешский язык уже мертвым, подобно латинскому и старославянскому языкам, на этом языке были написаны такие произведения, как поэма Я. Коллара «Дочь Славы» (1824) и поэма К. Г. Махи «Май» (1836), поэтическим совершенством которых не перестают восхищаться и в нашем веке. Достаточно вдуматься в эти факты, чтобы оценить дистанцию, пройденную этими литературами за столь короткий срок.

Чуда, конечно, не было. Явления ускоренного исторического и культурного развития, примеры которых дает и жизнь иных, неславянских народов, не столь редки в истории человечества. Как правило, они возникают на переломе эпох, в пору рождения новых социально-экономических формаций (в XX в. сходный процесс пережили, например, многие народности Советского

Союза, в том числе вообще не имевшие ранее письменности, а сейчас обладающие своей развитой литературой).

Национальное возрождение в жизни славянских народов теснейшим образом было связано с происходившим в общеевропейском масштабе процессом ломки старого феодального мира, процессом, получившим свое наиболее яркое выражение в мощном шкале французской буржуазной революции 1789 г. Этот процесс разрушения прежних устоев жизни и рождения нового общества, затронувший и славянские народы, послужил толчком к их развитию, вызвав нарастающий подъем общественной активности. Составным элементом этого процесса было формирование современных наций со своей особой культурой, в том числе искусством и литературой.

Ускоренное историческое и культурное развитие не следует представлять как простое, сокращенное и убыстренное, повторение пути, пройденного другими народами на протяжении более длительного времени. В иных условиях, внутренних и внешних, на основании своеобразного опыта каждого народа, в результате одновременного проявления и синтеза разных тенденций зачастую возникают оригинальные и качественно новые явления, высовывающиеся особые грани развития, создаются неповторимые ценности, обогащающие сокровищницу мировой культуры. Это относится и к литературе. Она прошла в эпоху национального возрождения путь интенсивного художественного развития и стала мощным духовным оружием в освободительной борьбе. Совершался, собственно говоря, процесс формирования национального художественного мышления, которое выделяется постепенно в самостоятельную и специфическую форму освоения мира. Начало этого процесса относится еще к древнему времени, но затем он был заторможен иноземным гнетом и возрождался теперь почти заново, хотя, конечно, нельзя недооценивать, пусть и ослабленных, традиций, а также роли национального фольклора.

Своеобразие чешской, словацкой, болгарской, сербской, хорватской, словенской литературы состояло в том, что разные типы художественного мышления осваивались если не одновременно и параллельно в полном смысле этого слова, то во всяком случае со значительным наслаждением друг на друга. Лишь со сравнительно небольшой разницей во времени литература овладевала рационалистическим типом мышления, свойственным просветительству, стихией чувства и мечты, субъективной внутренней жизни человека, типичной для романтизма, социально-аналитическим художественным осмыслением жизни, характерным для реализма. Специфика развития выражалась в передком сосуществовании и взаимопереплетении тенденций. Отсюда и современные споры о том, был ли романтизм в болгарской литературе, или трудности отнесения к классицизму или романтизму творчества Яна Коллара, который сам писал, что «соединил антику

с романтизмом». То, что в других литературах существовало порознь или даже в виде антиподов, здесь нередко жило в нерасчлененном виде и сложном взаимопроникновении. Синтез порой начинался до того, как явление развивалось в цельную систему.

Следует заметить, что разные типы художественного мышления (просветительский в его рационалистическом и сенсуалистском варианте, преромантический и романтический, давший в славянских странах весьма своеобразные модификации, наконец, раннереалистический) не были простой пересадкой и сколком явлений, возникших в других, более развитых литературах, хотя опыт этих литератур и имел огромное значение для славянских народов. Еще в XIX в. русский ученый А. Н. Веселовский показал, что литературные воздействия не реализуются без подготовленной почвы, без «встречных течений», без наличия не только разницы, но и сходства процессов. В этой связи укажем, что просветительские тенденции закономерно и неизбежно рождались уже в силу логики освобождения от религиозного средневекового мышления, возникали как оппозиция и антитеза этому мышлению. Они воплощали, собственно говоря, процесс становления светского сознания, светского искусства (зародыш этого процесса можно обнаружить и в «Житии» Софрония Врачанского, в «мирском» аспекте содержания этого «Жития»). Опыт иных народов играл роль катализатора, облегчал поиски, подсказывал некоторые формы, которые пополнялись затем своим содержанием и видоизменялись.

Характерно и направление, в котором шло переосмысление чужого опыта. Просветительское движение в славянских странах, находившихся под иноzemным господством, приобретало характер национально-просветительского движения. Идеалы просвещенного разума и естественного права становились аргументом в пользу равноправия народов и национального самоутверждения. Характерно, что обращая свои взоры к эпохе Реформации, ощущая преемственность по отношению к этой эпохе, стремясь очистить имя Яна Гуса от обвинений в ереси, ранние чешские просветители усматривали в прежнем отношении к гуситству мракобесие «непросвещенной» эпохи. Характерно также, что к «здравым правилам разума» и духу просвещенной эпохи взвывали авторы трактатов в защиту чешского языка. Наконец, весьма симптоматично, что идея французских просветителей, создавших знаменитую энциклопедию, трансформировалась у Йозефа Юнгмана в замысел создания национальной энциклопедии, которая стала бы сводом знаний об отечественной жизни и национальных традициях.

Тем не менее на стадии просветительства, т. е. на начальной стадии становления новой литературы, национально специфические черты рождающегося искусства были выражены еще не столь сильно и были лишь одним, хотя и важнейшим слагаемым

антифеодального и антиабсолютистского протesta. Процесс индивидуализации художественного сознания как национального сознания стал особенно заметным в той фазе развития, когда заявили о себе тенденции прёромантизма и романтизма.

Эти тенденции в названных литературах отличались значительным своеобразием¹. Как известно, романтизм в западноевропейских литературах был тесно связан с тем порывом в будущее и к идеалу, с той верой в развитие и изменение мира, которые были порождены событиями Французской революции и последующими вспышками освободительных движений. Однако это был порыв, натолкнувшийся на недуги и противоречия послереволюционной действительности. Романтизм явился протестом личности, познавшей вкус свободы, вырвавшейся из плена иерархических сословно-кастовых отношений феодальной эпохи, но ощущившей незримую власть новых, еще неведомых сил, сковывающих личность иискажающих ее естественное бытие. Романтическое утверждение личности, поднимавшееся до высот богооборческого бунта, обогатившее литературу раскрытием субъективного мира человека, нередко вместе с тем имело тенденцию перерастать в индивидуализм, сопровождалось мотивами одиночества и тоски по утраченной связи с коллективом, мировой скорби, мрачного отчаяния или индивидуалистического вызова обществу.

В славянских литературах (так же, как и в литературах Венгрии, Румынии, Италии и некоторых других стран) романтизм рождался не после победоносной или исчерпавшей свои возможности буржуазной революции, не в условиях обнаружения противоречий буржуазного строя, а при перазрешенности ряда основных задач этой революции, при наличии неустранимых, хотя и изживших себя в сознании передовой части общества, институтов и норм феодальной системы. В обстановке предреволюционного подъема и национально-освободительного движения ощущение противоречий буржуазного общества, как правило, звучало в литературе значительно слабее или, особенно на начальной стадии, даже отсутствовало. Особенности общественно-исторической обстановки, атмосфера постепенно паргащающегося освободительного движения, неясность перспектив еще слабо обозначенного буржуазного развития отодвигали на задний план вопрос о противоречиях грядущего общества и нередко питали иллюзии о возможности избежать этих противоречий (надежды словацкого поэта Янко Краля на крестьянскую общину, внимание Карела Сабины к идеям утопического социализма, представления большинства романтиков о том, что

¹ См. подробнее: Никольский С. В., Соколов А. Н., Стажеев Б. Ф. Некоторые особенности романтизма в славянских литературах (Доклад на IV Международном съезде славистов). — В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. М., 1960, с. 179—220.

с ликвидацией национального гнета и вследствие демократических преобразований возникнет благополучное, гармоническое общество).

Утверждение национальной идеи при относительной слабости реальных сил, способных противодействовать гнету, приобретало характер мечты, выливалось в обращение к историческим доводам былой независимости, к примерам свободного национального развития других славянских народов, прежде всего русского, к доводам общности культуры славян, в обращение к фольклору, в котором поэты открывали «бессмертный дух» народа, оригинальность национальной психологии и эстетического мировосприятия.

Одна из главных особенностей преромантизма и романтизма в славянских литературах — сильно выраженное народно-коллективистское начало. В качестве протестующего и утверждающего себя субъекта здесь выступала не столько личность, сколько национальный коллектив. Характерно, например, прямое полемическое отношение словацких романтиков-штуровцев к романтизму байронического типа. Л. Штур писал даже, что «страсти индивидуума не суть предмет нашей поэзии... У нас любовь, честь, страсть и т. д. отдельного человека никогда не могут быть главными, а только побочными. У нас индивидуум как индивидуум не может жить только для себя, а служит истинной всеобщности»². С. Шматлак справедливо замечает, что в соответствии с таким подходом «общностью, в которой индивидуальность поэта могла больше всего реализоваться, одновременно и преодолеть свою относительную единичность, является нация как общность отдельных индивидуумов, а затем человечество как общность национальных индивидуальностей»³.

Осознание и утверждение единства и специфики национального коллектива — основная черта эстетического сознания и художественного творчества эпохи национального возрождения. При этом в качестве главной силы нации осознавался простой народ, крестьянские массы. Как известно, дворянство в Чехии и Словакии было денационализировано, в Болгарии полностью отсутствовало. И даже более состоятельные, верхушечные слои общества, шедшие на союз с угнетателями, ощущались какнейтральный, если не враждебный, элемент. Опорой и силой национального движения были народные низы. Собственно с приливом в города неассимилированного сельского населения, остро почувствовавшего свое неравноправие, и начался массовый процесс роста национального самосознания. Характерно признание Петко Славейкова, написавшего в своей автобиографии, что он выступал в своих произведениях от имени «самого низшего класса

² Stur L. Prednášky o poesii slovanskej.— «Orol», 1875, s. 191.

³ Smatlák S. Poznámky k vývinu slovenskej epickej poesie.— In: Slovenská literatúra, 1957, s. 303.

горожан, большей частью пришельцев из села»⁴. Да и сами писатели эпохи национального возрождения были такими же «пришельцами из села» или выходцами из городских низов.

Своеобразие национального характера, национального строя мышления связывались с духовным миром простого народа, крестьянства, представшего вдруг в ореоле почти мистической силы благодаря удивительной национальной жизнеспособности, с которой оно пронесло сквозь века иноземного господства свой язык, обычаи, самобытный уклад жизни, свое художественное творчество.

Многими корнями и нитями художественное сознание эпохи национального возрождения было связано с фольклором. Народное творчество, запечатлевавшее и передающее в конкретно-чувственной форме представления, чаяния, идеалы его носителей и потребителей, вообще представляет собой первичную форму художественного сознания. До широкого распространения письменности, а для определенных социальных слоев и позже, фольклор выполнял функцию, сходную с функцией позднейшего профессионального искусства. Поэтому на начальной стадии формирования художественной литературы столь тесна ее связь с фольклором. Литература национального возрождения, создававшаяся после сильного ослабления собственно литературных художественных традиций, как бы вновь пережила эту стадию, но теперь уже с акцентом на национальной специфике.

Устное народное творчество, в первую очередь народные песни и патриотические легенды, не только стихийно воздействовали на литературу, особенно на поэзию, но и сознательно рассматривались как источник национально-самобытного искусства. Ян Коллар выразил общую для определенного этапа литературного развития мысль, назвав народные песни «ключами от святыни национальности». Нет необходимости останавливаться на известных фактах огромной работы по собиранию и изданию народной песни, связанных с именами Вука Караджича, Ф. Л. Челаковского, Я. Коллара, братьев Миладиновых и многих других. Для нас важнее отметить, что в литературных кругах устная народная поэзия, как аутентичное творчество народа, основного носителя национальной самобытности, ставилась даже выше индивидуального литературного творчества современников. Песни, пословицы, легенды рассматривались как сокровищница философии народа, его морали и нравственности, его художественного вкуса. Задача часто усматривалась не столько в том, чтобы что-то позаимствовать из фольклора для литературы, а в том, чтобы поднять литературу до уровня народного творчества. Отсюда целый ряд произведений, порожденных соревнованием с фольклором и выдержаных в духе народной поэзии.

⁴ Славейков П. Р. Избрани произведения, т. 2. София, 1956, с. 53—54.

Освоение народной поэзии шло по разным линиям. Наибольший интерес вызывали героико-эпические жанры, воплощавшие тему борьбы против чужеземных поработителей. Вспомним «Кралеворскую рукопись» В. Ганки и И. Линды, «Отзвук русских песен» Ф. Л. Челаковского, яношковский цикл у Я. Краля, поэму «Смерть Яношика» Я. Ботто, хайдукские и юнацкие темы и мотивы у Г. Раковского, Л. Каравелова, Х. Ботева в сербской литературе.

Характерна при этом не только как бы слитность действующего лица с коллективом, героем которого он и выступал, не только его высокие и идеализированные морально-этические качества (любовь к родине, героизм, готовность к самопожертвованию, верность долгу и слову, высокое понятие о чести), характерна сама склонность поэтов этого времени мыслить национальными образами, имеющими уже традицию в фольклоре. Русские богатыри былининых стихотворений Челаковского, а также «удалой молодец» и «красна девица» его лирических стихотворений, его чешские народные типы, збойники словацких поэтов, болгарские хайдуки, образы которых венчает такой поэтический шедевр, как «Хаджи Димитр» Х. Ботева,— наиболее характерные герои определенной фазы литературного развития. Обобщенность этих образов была результатом не только индивидуального творчества поэтов, но и предшествующего коллективного творчества народных масс, отбора и селекции материала, выделения и заострения определенных черт и т. д. Активность поэта выступала как продолжение работы творческой мысли народного коллектива.

Но не только в образе героя (эпическом или лирическом), а и во всем строе поэзии оказывается новое качество поэтического мышления — оно становится мышлением в национальных образах. Поэты преромантизма и романтизма открыли национальный колорит. Фиксация национально-отличительного становилась особенностью самих образных обобщений, художественной ткани, стиля.

Литературу начального, просветительского в собственном смысле этого слова этапа национального возрождения отличал сильный элемент рационализма, позидательности, поэтика, основанная на соотнесении изображаемого с нормами разума. Поучительно-морализаторская направленность, отчетливо выраженная в прозе, по-своему сказывалась и в поэтических жанрах. Типично было воплощение в образы отвлеченных понятий, «логизированное» построение произведений, чаще всего в устойчивой, нормативно заданной форме (басни, оды, анаkreонтической лирики и т. д.). Обычным было позидательное заключение — мораль или аналогичные вкрапления в тексте, прямо выражающие мысль. Стихотворение строилось как иллюстрация заранее заданной истины. Нередко это было или порицание определенных пороков, или восхваление добродетелей. В последнем слу-

чае даже лирическое стихотворение мыслилось как «похвала» — похвала естественным чувствам, любви, верности и т. д. В отвлеченном виде схватывалось общее — должное (или недолжное) с точки зрения «здравых правил» разума. Теперь рационалистический образ субъектируется, причем трансформация во многом совершилась за счет насыщения образа национально значимым элементом. В этом направлении шло и развитие живописно-изобразительной и эмоционально-впечатляющей стороны образа. В качестве субъекта выступал, как мы уже сказали, национальный народный коллектив.

Национальное часто понималось поэтами возрождения расширительно — в смысле не только собственно национального, но и общеславянского. Славянская культура воспринималась как своя, родная, общая. Лишь позже процесс дифференциации вступит в новую фазу (создание самостоятельного словацкого языка в 40-е годы, разграничение в это же время понятий «чех» и «славянин» К. Гавличком-Боровским и т. д.). Однако в художественной практике при широком обращении к общеславянскому фольклору процесс дифференциации шел и раньше. Ф. Л. Челаковский, создавший не только «Отзвук русских песен», но и «Отзвук чешских песен», писал, что каждая ветвь славянской народной поэзии цветет своими цветами и обладает своим ароматом. Это высказывание опять-таки может служить косвенным свидетельством того, что обращение к фольклору не только способствовало развитию искусства как национального, но и отвечало одновременно самой логике становления и развития художественного образа как диалектического единства общего и индивидуального, объективного и субъективного. Во многом именно из фольклора образ впитывал это субъективное, конкретно-чувственное начало. Другим источником обогащения этой стороны образа, о чем мы еще скажем, был творящий субъект, личность. Но на данной стадии роль личности реализовалась еще не в полной мере, и иначе, нежели позднее.

Самоутверждение национального сознания и национального художественного мышления не означало изоляции от культуры других народов. Естественно, имел место известный элемент отталкивания от культуры господствующих наций. Однако такое отталкивание простипалось лишь до известных пределов. Следует иметь в виду и «союзнические» тенденции, сопутствовавшие родственным демократическим, антифеодальным, антиабсолютистским устремлениям в разных странах. Близкие гуманистические течения вызвали силы взаимопрятяжения. Отсюда популярность в славянских странах Гёте, Гердера и других неславянских писателей и поэтов и целых литературных направлений.

Единство национального коллектива осознавалось в искусстве национального возрождения не только в национально-этнографическом, но и в историческом плане. Литературе этого времени в высшей степени свойственно ощущение исторической

преемственности жизни народа, сознание единства национального коллектива во времени. Литература широко обращается (часто со значительной долей романтической идеализации) к историческому прошлому народа, к теме борьбы за свободу и независимость. Рождается чувство историзма. Другой стороной этого процесса была все полнее овладевавшая умами идея развития — развития мира, человечества, народов.

Как известно, сознание предшествующих эпох во многом было статично — в том смысле, что религиозные убеждения не допускали идей развития, в лучшем случае оно рисовалось как движение по замкнутому кругу. Жизнь соотносилась с вневременными ценностями, и золотой век — будь то рай или земное блаженство — помещали в прошлом. И даже самый мощный рывок вперед в истории предшествующих эпох не случайно носил название Ренессанса. В период национального возрождения все явственнее вызревала и овладевала умами идея изменения, развития. Говоря о достижениях общественной мысли конца XVIII — первой половины XIX в. Энгельс писал: «История человечества... представлена как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей»⁵.

Эта общая закономерность умопостроений и представлений эпохи по-своему преломлялась и в сознании порабощенных славянских народов, питая и поддерживая их веру в развитие нации и в грядущую свободу. В связи с революционными событиями во Франции Ф. Л. Челаковский писал: «Факелы, поднятые ими, разгонят тьму рабства всех видов... Народы открыли глаза, и теперь их не удастся завязать никакими цепями. И пусть справедливая борьба народов хоть десять раз будет застывать, она вновь разгорится — за это нечего опасаться»⁶.

В зависимости от конкретной обстановки в странах будущность и свобода нации представлялись вначале туманными и отдаленными, а позже, с переходом к политическим формам борьбы (в Чехии и Словакии в 40-е, в Болгарии — в 50—70-е годы) — более определенными и близкими. На завершающей фазе национального возрождения в сознании передовых писателей (Л. Каравелов, Х. Ботев в Болгарии, К. Сабина, И. К. Тыл, К. Гавличек-Боровский в Чехии, поэты-штурновцы и особенно Я. Краль в Словакии) идея развития все явственнее конкретизируется и зреет как идея революционной, вооруженной борьбы за социальную и национальную свободу.

Еще раньше некоторые писатели приходили к мысли, что источник зла не только в национальном и феодальном гнете

⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1953, с. 24.

⁶ Korespondence a zápisky Fr. L. Celakovského, d. II. Praha, 1907, s. 279.

(здесь как раз заметно стал учитываться и опыт развития Западной Европы, обнаживший противоречия нового, буржуазного общества). Стремление к широкому философскому осмыслению трагической конфликтности человеческого бытия характерно, например, для творчества К. Г. Махи и Я. Краля. Одно из таких произведений Краля так и озаглавлено: «Драма мира», где автор раздумывает над общими законами конфликтов в человеческом обществе. Неполнота сохранившегося текста поэмы Краля и нерешенность вопроса о последовательности ее частей не позволяют делать надежных выводов о концепции автора. Но характерно само внимание к «драме мира», к постоянной борьбе народа против верхов.

Центральной для философской поэзии Махи является тема «чужой вины», тема страданий человека по вине обстоятельств, не им вызванных. В повести Махи «Цыгане», поэме «Май» повторяется в сущности вопрос «Кто виноват?», повторяется одна и та же коллизия: виноваты обстоятельства, страдает и гибнет человек, виноваты одни — страдают и гибнут другие. Лейтмотивом проходит через повесть «Цыгане» вопль жалобы на чужую вину доведенной до помешательства Ангелины: «Это не я, это не я — это он, это он». Тот же вопрос повторяется в поэме «Май»:

По чьей вине проклятье несть я осужден?
· · · · ·
А если волею чужою
Я действовал, так смертью злую
За что я гибну?

(Пер. Г. Можаровой)

Этот же вопрос звучит и в дневниковых записках Махи: «Ремесленник (*draženík*) поет, что не виноват в своей беде»⁷. Сюжет у Махи заключает в себе как бы предельно заостренный, хотя и абстрактно поставленный, философский вопрос об источнике зла в человеческих отношениях. При этом Маха еще не разграничивает трагедий, типичных для окружающей жизни, и трагедий случайного стечения обстоятельств. Поэт как бы стремится найти универсальный закон, верный для всех случаев «несправедливых», так сказать, «несправоцированных» страданий, и ищет его, обращаясь к чрезвычайным ситуациям и конфликтам, полагая, что там он проявится наиболее полно. В превращенной форме философских загадок в его творчестве, как и в западноевропейском романтизме, выражено ощущение идивидуумом неведомых ему сил, роковым образом управляющих его судьбой, ввергающих его в несчастья, искажающих естественное отношение к миру.

⁷ Mácha K. H. Dílo, sv. III. Praha, 1953, s. 91.

В связи с творчеством Махи заслуживает внимания и процесс дальнейшего развития художественного образа — обогащение форм его индивидуализации, его субъективно-эмоциональных слагаемых. «Каждый человек все видит по-своему», — говорил К. Г. Маха⁸. В дневнике он спрашивал себя, не является ли «одинаково истинным как понять разумом, так и понять чувством»⁹.

Эти высказывания особенно показательны при сопоставлении их с рационалистической поэтикой раннего, просветительского этапа литературы национального возрождения.

Если многие поэты эпохи национального возрождения разработали принцип национальной индивидуализации образа, Маха больше шел от личности, ее неповторимости, осваивая иную сферу бытия и оттачивая иную грань поэтического мышления. У таких поэтов как Янко Краль, Сладкович, Ботев оба эти момента выступают как бы в слитном виде. Для них характерно и более четкое ощущение социальных противоречий.

Особенность завершающего этапа в развитии художественного сознания эпохи национального возрождения вообще состояла в освоении социальной типизации. В чешской и словацкой литературе этот процесс особенно заметно дает знать о себе начиная с 40-х годов (творчество И. К. Тыла, К. Гавличка-Боровского, несколько позже Б. Немцовой, в Словакии — Я. Краля), в болгарской (пожалуй, еще более остро) — в 50—70-е годы (Л. Каравелов, Х. Ботев и др.).

Изменения, происходившие в художественном сознании, в объекте внимания литературы, в характере фиксируемых черт и качеств интересно проследить на очерковых заметках К. Гавличка-Боровского «Картины России». Автор отправлялся от намерения запечатлеть «самобытные обычай и национальные достопримечательности» русской жизни. Однако фиксация национально значимых черт русского быта дополняется и обогащается новыми критериями и измерениями — вниманием к социальной структуре общества, характеристикой общественных «классов» в «их отношении к другим сословиям» (формулировки К. Гавличка-Боровского). Ставя во главу угла вопрос о сохранении разными общественными слоями и группами русского общества национальной самобытности и старославянских традиций, писатель приходит вместе с тем и к понятию «угнетателей» и «угнетенных» в социальном смысле слова. Он не только делит русское общество на господ и народ, на «европейскую» и «отечественную» часть («фрак» и «кафтан»), но и стремится определить взаимоотношения конкретных общественных групп (дворяне, крепостные и свободные крестьяне, купечество, чиновничество и т. д.). Национально-этнографический очерк, направленный на

⁸ Karel Hynek Mácha ve vzpomínkách současníků. Praha, 1958, s. 45.
⁹ Mácha K. H. Dílo, sv. III, s. 306.

выявление своеобразия русской жизни, приобретает черты социально-бытового и социально-политического жанров.

Очерки Гавличка как в капле воды отражают процесс эволюции художественного сознания, типичный для последней, завершающей стадии национального возрождения. На вопрос «Кто виноват?» литература отвечает теперь анализом реальной жизни, в котором все болыпую роль играет социально-аналитическое начало. Идет интенсивный процесс формирования социально-бытовых и социально-психологических жанров. Естественно, что это явление имело своим источником обострение и обиажение социальных противоречий в самой действительности, обострение напряжения не только между зависимой и господствующей пачией, но и внутри нации.

Важнейший аспект охарактеризованного процесса — усиление личной познавательной активности художника. Критерий правдивости и соответствия изображаемого реальной жизни получает выражение в таком явлении, как различие внешней видимости и внутреннего содержания современных общественных отношений и многих жизненных конфликтов. Может быть, наиболее ярко сказал об этом К. Гавличек-Боровский: «Ни один из институтов, установленных абсолютистским правительством,— писал он,— собственно не служит тем целям, для которых он провозглашен на словах. Почти каждый из них действует в прямо противоположном направлении»¹⁰. На почве раскрытия этого противоречия возникла сатира (К. Гавличек-Боровский в Чехии, Христо Ботев в Болгарии, несколько позже Йонаш Заборский в Словакии).

Если на ранней стадии национального возрождения совершилось выделение и формирование художественного мышления, но оно еще выступало с сильным акцентом на логическом элементе, если затем усилилась роль субъективно-эмоционального начала (национального и личностного), то теперь совершается как бы синтез на базе пристального, аналитического освоения самого жизненного материала. Начинается процесс формирования реалистического мышления, которое в своем развитии впитывало в себя и предшествующие традиции, подчиняя их, однако, уже новым творческим принципам.

Эти принципы не означали унификации искусства. Наоборот, именно на этом этапе можно наблюдать разнообразие жанров и индивидуально-стилевых форм. С возрастанием роли познавательно-оценочного подхода к действительности, основанного на наблюдении художника (хотя и выражавшего объективно определенные общие тенденции сознания эпохи и различных слоев общества), растет и богатство форм. В период революции 1848 г. в чешской литературе, например, получает развитие и геронкопатриотическая драма («Ян Гус» Тыла) с сильно выраженной

¹⁰ K. Havlíček-Borovský, politik i novinář. Praha. 1956, s. 442.

·социально-демократической основой, и социально-бытовой роман («Бабушка» Б. Немцовой), и политическая сатира (К. Гавличек-Боровский). Определенные позиции еще длительное время будет сохранять и романтизм (И. Фрич, К. Я. Эрбен), далеко не исчерпавший своего потенциала (а в некоторых своих ответвлениях и сдерживающий развитие реализма национально-идеализирующими тенденциями).

В болгарской литературе вслед за Каравеловым, Ботевым, Друмевым появится такой художник, как Вазов, в творчестве которого особенно показательно формирование жанра романа, воссоздающего жизнь в сложной системе многообразных явлений и связей.

Становление реалистического художественного мышления означало уже в известной мере синхронизацию развития отдельных национальных славянских литератур с общеевропейским литературным процессом, хотя специфика, порожденная ускоренным развитием, будет сказываться и в дальнейшем в виде запоздалого проявления определенных тенденций, которые в новых условиях и в синтезе с новыми явлениями давали зачастую особое качество. Однако этот материал находится уже за пределами нашей темы.

A. A. Гершкович, Ю. И. Ритчик, Л. А. Софронова

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ТЕАТРА В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

1

Театральная культура стран Центральной и Юго-Восточной Европы, развивавшаяся в XVIII—XIX вв. в специфических национальных и социальных условиях, выработала в процессе своего становления многообразные формы. В основе национальной театральной зрелищности здесь, как и повсюду, лежало народное искусство. Творчество бродячих певцов, музыкантов, кукольников, комедиантов, разыгрывавших народные интермеди, составляло как бы нижний коренной слой, основу любой театральной культуры. Сведений о нем сохранилось мало, но мы знаем о живых носителях первоначальной театральной зрелищности в Болгарии, Венгрии, Польше, Чехии, Словакии, Румынии.

Одновременно с народным театром функционировал, особенно активно в католических странах, литургический театр, выросший из театральных элементов богослужения. Своё основное религиозное назначение он нередко сочетал с чисто светскими

задачами, часто выполняя особую просветительскую функцию. Например, в Болгарии, в условиях османского гнета, где вообще запрещались театральные зрелища, появились особые литургические диалоги, читавшиеся апагностами после службы. Эти диалоги писались на болгарском языке и обычно носили патриотический характер. Наиболее известными авторами диалогов были Н. Рыльский и Н. Бозвели. Значительную роль литургический диалог как особый драматический жанр сыграл также в Сербии, где еще в начале XIX в. ставились «Рождение и гонение Моисея», «Страдания Иосифа Прекрасного», т. е. пьесы, сюжеты которых были популярны и в западноевропейском школьном театре XVII в.

Во многих странах Центральной и Юго-Восточной Европы получил широкое развитие школьный театр. Кроме религиозного воспитания (ведь он зависел от церкви и подчинялся задачам духовной школы) этот театр выполнял и общекультурные функции. В ходе своего развития школьный театр дополнял и обогащал свой религиозный репертуар пьесами чисто светского содержания, главным образом комедиями. Все в большей степени он становился просто самодеятельным театром с достаточно обширным репертуаром, в организации которого участвовали ученики и учителя школ. В XVII—XVIII вв. он распространился в ряде крупных и мелких городов Польши, Чехии, Венгрии и в Дунайских княжествах. Его зрителями были не только именитые гости, которых приглашали в школы на представления, но и простые горожане и крестьяне. В Сербии первое театральное представление в XVIII в. было имению школьным представлением. В 1736 г. в г. Сремски-Карловци в Латино-славянской школе была поставлена «Трагедия, сиречь печальная повесть о смерти последнего царя сербского Уроша V» Э. Козачинского. Заметим, что исторические сюжеты пользовались особой популярностью в школьном театре этого района Европы.

Можно сказать, что школьный театр, так же как и литургический, сблизил отдельные театры славянских и балканских стран, принес в культуру стран Центральной и Юго-Восточной Европы общий тип театральной зрелищности и выработал на ранней стадии своего формирования единый общепопулярный язык. По этому каналу в дальнейшем осуществлялись оживленные культурные связи. Через него проникали в рассматриваемые страны первые произведения западноевропейской культуры. На сценах школьного театра впервые пошли пьесы Мольера, Расина, Корнеля, Гольдони. Школьный театр первым связал национальное театральное искусство с античной драмой. На школьных сценах, как правило, ставились, правда, соответственным образом адаптированные на национальный лад, пьесы Плавта и Теренция (Польша, Чехия), Софокла (Венгрия) и других античных авторов. Общность школьного репертуара, единство художественной структуры способствовали созданию единой

основы для последующей профессионализации театрального искусства в отдельных национальных коллективах.

До возникновения профессионального национального театра заметную роль в культурной жизни рассматриваемых стран играл также и придворный театр. Очень значительным был его вклад в развитие театрального искусства Польши (в 1573 г., например, на его сцене был поставлен «Отказ греческим послам» Я. Кохановского, несколько позже — «Сид» Расина). Придворный, в том числе и магнатский, театр сыграл большую роль в становлении музыкальных жанров, особенно в начале и середине XVIII в. Постановка опер и балетов на придворных сценах отличалась пышным оформлением, сложной сценической техникой и не уступала западноевропейским. Кроме Польши, магнатский театр был относительно хорошо развит в Венгрии (театр князя Эстерхази).

Школьный и придворный (магнатский) театр в значительной мере подготовил возникновение в этих странах профессионального национального театра. Но в отличие от западноевропейского театра он не сыграл в этом процессе решающей роли. Осваивая формы общеевропейской театральной культуры, театр Центральной и Юго-Восточной Европы развивался по своим внутренним законам с учетом местных условий. Так, элементы народных интермедий свободно проникали в литургическую драму, чему примером могут служить чешская народная пьеса «Продавец мазей» (XIV в.), польская мистерия «Слово о славном воскресении господнем» Миколая из Вильковецка (XVI в.). Сильный народный субстрат обнаруживается во всей польской рыбалтовской комедии («Из мужиков в короли» П. Барыки, 1637), в венгерской бытовой комедии («Женитьба Михая Кочонья», 1770), в сельском, «соуседском» театре в Чехии, который часто заимствовал свои сюжеты из городского фольклора (пьесы о св. Дороте, о св. Варваре, о Иоанне Крестителе). Аналогичный процесс наблюдался в Хорватии. Пьеса Луцича «Невольница» была написана в народном духе и разыгрывалась на карнавальных празднествах. Наконец, через гастроли немецких и итальянских трупп в балканские и славянские страны пришли первые представления о комедии делль арте, об английской комедии, немецкой мещанская драме и т. д.

Как особый вид театра следует отметить венгерский бродячий театр, который возник после закрытия в 1796 г. первого постоянного театра в Пеште, просуществовавшего около пяти лет. Передвижные театры в Венгрии функционировали до 1837 г., когда открылся Национальный театр в Пеште, и оставили заметный след в венгерской театральной культуре.

Особенно большое значение в Румынии, Словении, Хорватии, Сербии имели любительские театральные коллективы, возникавшие в первой половине XIX в. как непосредственные предшественники национальной сцены.

Все эти многочисленные виды и формы театрального творчества постепенно знакомили общество с театральной культурой, подготавливали актеров, драматургов, а также зрителей, частично выполняя те общественные функции, которые затем целиком перешли к профессиональной национальной сцене.

Будучи качественно новой стадией развития национального искусства, профессиональный театр сохранил связь с предшествующей театральной культурой, с традициями народного и придворного искусства. Это легко можно проследить на материале польской мещанской драмы, бытовой комедии. Элементы народного театрального зрелища можно обнаружить в одной из лучших пьес польского Просвещения — в «Краковяках и горцах» В. Богуславского. Не прошел бесследно для чешской национальной сцены и опыт чешских кукольников. В эпоху национального возрождения был чрезвычайно популярен кукольный театр М. Копецкого. Говоря о значении нового этапа в развитии национальной театральной культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы, не стоит забывать и о вкладе школьного театра, который на последнем этапе своего развитияставил пьесы французских классиков, дидактические комедии Мариво и Детуша, перешедшие впоследствии на профессиональную национальную сцену.

Осваивая опыт мировой театральной культуры, театр стран Центральной и Юго-Восточной Европы преломлял его в своей практике применительно к местным условиям и требованиям времени. На его сцене рождались произведения оригинальные, обогащавшие европейский театрально-художественный процесс. Например, дидактическая драма «Велизарий», сюжет которой был популярен на всех сценах школьного театра Европы XVI—XVII вв., была воспринята в Болгарии в середине XIX в. как просветительская пьеса о гражданском долге. В Венгрии постановкой «Велизария» открывался Национальный театр в Пеште в августе 1837 г., где она трактовалась как романтическая трагедия личности, вступающей в конфликт с обществом. Интересна в этом свете адаптация Мольера в Польше. В магнатском театре его пьесы ставились еще в барочном стиле. На школьной сцене в переводах Богомольца произведение французского классика все более приобретало дидактические черты. В. Богуславский в Национальном театре интерпретировал наследие Мольера уже как откровенно просветительскую драматургию. Драматургию времени классицизма — Мольера, Расина, Корнеля — и польский, и венгерский, и чешский, и румынский театры трактовали преимущественно как просветительскую, пытались в морально-этической проблематике классицизма выделить моменты,озвучные эпохе Просвещения: идею гражданского долга, гражданских добродетелей и т. д.

В силу исторических условий развития просветительская идеология в рассматриваемых странах выражалась в театраль-

ном творчестве не только в формах просветительского реализма, но и в смешанных и осложняющих друг друга формах классической, сентиментальной и романтической драматургии, например у И. Катона, А. Мицкевича, Й. К. Тыла и др.

Западноевропейская драматургия, составлявшая на первых порах основу репертуара, попадая на польскую, чешскую и другие сцены, меняла свой характер не только благодаря интерпретации постановщиков и актеров. Тексты многих пьес адаптировались, приспосабливались к новым условиям, приобретали множество реалий, передававших местный национальный колорит. Такие переделки французских, итальянских, немецких пьес были целенаправленными, входили в художественные задачи драматургов-просветителей, о чем они прямо заявляли, как, например, А. К. Чарторыйский в известном предисловии к собственной пьесе «Девушка на выданье». При адаптации авторы подвергали оригинальные произведения обработке и подчас далеко отходили от подлинника, воспринимая лишь его сюжетную схему. Нередко переделка какой-нибудь второйстепенной пьесы становилась значительной в идеально-художественном отношении произведением. Так было с пьесами польского драматурга Ф. Заблоцкого «Суеверный», «Ухаживания повесы», постановки которых превратились в большое событие польского театра XVIII в. Они основывались на комедиях Ш.-А. Романьози, но, например, в «Ухаживаниях повесы» менее половины текста имеет соответствие с пьесой Романьози, в остальном — это абсолютно самостоятельная комедия, по своим достоинствам значительно превышающая комедию итальянского автора. Аналогичные явления наблюдались и в театральной практике других стран, в частности — в румынских адаптациях пьес Альфиери и Вольтера.

2

С первых шагов своего существования профессиональный театр рассматриваемых стран сознательно ставил перед собой в качестве главных задач улучшение нравов и утверждение родного языка. В соответствии с просветительскими идеалами театр претендовал на то, чтобы стать школой жизни, судьей нравов, реформатором общества в духе идей Просвещения. Его создатели заявляли об этом в программных манифестах, обращаясь к актерам, в прошениях к властям, в статьях. Таковы уже упоминавшееся программное предисловие А. К. Чарторыйского к его пьесе «Девушка на выданье», цикл статей И. Красицкого в журнале «Монитор» под рубрикой «Похвала театру», заявления первого драматурга польского Национального театра Ф. Богомольца о преимуществах театральных представлений перед томами морализующих трактатов, высказывания «отца польской сцены» В. Богуславского, считавшего, «что настоящая цель комедии со-

стоит и должна состоять в исправлении нравов». Воспитательная программа театра излагалась в манифесте Венгерского театрального общества 1793 г. Деятели театра обещали, что на сцене «бесстрашный разум даст бой суевериям». С их точки зрения театр «смягчает сердца, обостряет чувства, пробуждает гуманность, воспламеняет любовь к родине». Об этом же говорилось в программе Коложварского театра 1803 г., в манифесте «Цель и польза театра» актера И. Бенке (1806) и других документах.

Типично просветительские взгляды на воспитательную функцию театра были высказаны братьями Вацлавом и Карелом-Гинеком Тамами, видными деятелями чешского Просвещения, работавшими плодотворно и в литературе, и в театре. В. Там в реферате о первых чешских спектаклях в Ностицком театре, помещенном в газете «Дас Прагерблеттен» (1785), писал: «Можно легко понять, что чешская сцена могла бы очень способствовать не только облагораживанию чешского языка, но и особенно просвещению разума и воспитанию вкуса у многих чехов». В том же духе высказался в предисловии к своему переводу шекспировского «Макбета», опубликованному в 1786 г., К. Г. Там. Он отмечал, что «обращение к театральным пьесам... не только порождает свежесть мысли, но и разум проясняет, сердце и нравы воспитывает и улучшает».

Дидактическая функция театра во многом определила выбор пьес для перевода: и в Польше, и в Чехии широко ставилась немецкая мещанская драма, огромной популярностью пользовались комедии Детуша. Его пьесы не сходили со сцены польского Национального театра. В Сербии, Хорватии, Венгрии, Румынии особенным успехом пользовались пьесы Авг. Коцебу.

Театр эпохи Просвещения распространял новую систему моральных ценностей, «смеясь, исправлял нравы», боролся с консервативными взглядами, ставил проблемы воспитания нового поколения, новых семейных отношений. В утверждении новой морали состояло большое социальное значение дидактики просветительского театра. Своей критикой нравов театр стремился воспитать не только разумного, просвещенного, высоконравственного человека, но и гражданина, отвечающего за судьбы страны. Об этом свидетельствуют чешские «патриотические» пьесы, творчество Ф. Богомольца, Ф. Заблоцкого, болгарские диалоги и исторические драмы эпохи национального возрождения.

Другой важной стороной просветительской функции национального театра было активное участие в сложном процессе формирования национальных литературных языков, в выработке их норм и борьбе за признание национального языка государственным в тех странах (Чехии, Венгрии, Словакии), где он долгие годы был оттеснен латынью или немецким. Не случайно, например, венгерских актеров бродячего театра соотечественники называли «апостолами родного языка». Драматурги И. Ка-

тона, М. Верешмарти считали, что борьба за восстановление венгерского языка на национальной сцене является их прямым долгом. «Главная цель моего обращения к драматургии — спешествовать развитию родного языка», — писал И. Катона.

Активная борьба за узаконение прав родного языка через театральные представления шла в Чехии и Словакии, где в это время национальные притеснения были особенно сильными и приходилось отстаивать словацкий язык не только от немецкого, но и от все более распространявшегося венгерского. Поэтому проблема языка на начальных этапах чешского и словацкого национального «будительства» играла первостепенную роль. Когда родной язык зазвучал на театральной сцене — это в огромной степени способствовало успешному решению языкового вопроса. Театр служил проводником упорядоченных, унифицированных литературных норм. В свою очередь, формирование норм литературного языка предопределяло интенсивное развитие словесности, и в частности, драматургических жанров. Наконец, утверждение родного языка на сцене являлось существеннейшим отличием нового, просветительского этапа развития театра от школьного и придворного театра, когда на сцене звучала либо латынь, либо язык господствующей нации; либо «общепринятый» для того или иного жанра (например, итальянский в опере).

Первый спектакль на чешском языке был поставлен в профессиональном Ностицком театре 20 января 1785 г. Была сыграна переводная комедия «Дезертир из-за сыновней любви», принадлежавшая перу известного венского актера и драматурга Готтлиба Стефани-младшего, горячего сторонника реформ Иосифа II. В предисловии к отдельному изданию пьесы переводчик Карел Булла писал: «Вдохновленный примерами соседних народов, столь пекущихся о возвышении своего родного языка, выношу сегодня на сцену... язык наш чешский».

Подробнее о взаимоотношениях театра и языка высказываетсья Вацлав Матей Крамериус, основатель первого чешского издательства, выпускавшего газеты и просветительскую литературу. Публикуя сообщение о декрете Иосифа II от 1 марта 1786 г., согласно которому труппа Отечественного театра (Боуда) получала право ставить пьесы без каких-либо ограничений, Крамериус писал о похвальном намерении и замыслах, которые «направлены прежде всего на то, чтобы иметь возможность язык чешский день ото дня все более возвышать и прежнее великоление ему вернуть».

Если в театре западных и южных славян, а также у венгров и румын национальные языки формировались главным образом в борьбе с немецким языковым влиянием, то в Польше положение было иным. Ко времени становления профессионального театра национальный язык здесь уже прошел стадию формирования и борьбы с латынью. В XVIII в., в эпоху Просвещения, в Польше шел процесс очищения языка от макаронизмов и ла-

тицизмов, облегчался и упрощался синтаксис, обновлялась лексика. Драматурги принимали активное участие в теоретических спорах на лингвистические темы. В качестве примера укажем хотя бы на «Рассуждение о польском языке» Ф. Богомольца (1752). На театральной сцене высмеивались устаревшие языковые нормы (комедии Ю. У. Немцевича, Ф. Богомольца, варшавская комедия нравов). Как реакция на растущее влияние французского языка и чрезмерное проникновение его лексики в польский, драматургами сознательно пародируется речь галломанов (пьесы Ф. Богомольца).

Таким образом, играя большую роль в утверждении родного языка, театр участвовал — наряду с отечественной словесностью — в выработке новых литературных норм, апробировал их на сцене и распространял в качестве современной живой разговорной речи. Приближая сценический язык к разговорному, театр решительно разрушал прежний тип театральной условности и сближал искусство с жизнью.

3

Театр стран Центральной и Юго-Восточной Европы особенно остро реагировал на все перипетии общественного развития и национально-освободительной борьбы. Для него была характерна самая непосредственная связь с революционным и национально-освободительным движением, со сложными социальными и духовными процессами, определявшими облик рождавшихся буржуазных наций. Эта черта свойственна, разумеется, всей художественной культуре данной эпохи, однако в сфере театра она проявилась, на наш взгляд, наиболее полно и ярко. Театр стал активным участником освободительной борьбы, подтверждая тем самым свою верность провозглашенным в искусстве высоким гражданским идеалам. Идеи польского восстания 1830 г. вошли в драматургию великих романтиков А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красиньского. Театр в Праге и Пеште весной 1848 г. стал ареной открытых политических демонстраций, возвестивших о начале революционных выступлений.

Обращение к любой из рассматриваемых нами театральных культур дает множество убедительных доказательств возрастающей роли театра в период созревания революционной ситуации, резкого размежевания общественных сил и в ходе непосредственных революционных действий. Театр служил очагом интенсивного распространения антифеодальной, просветительско-демократической идеологии, местом политических демонстраций, а в ряде случаев был инициатором революционных выступлений. Известно, например, какую роль сыграла в канун восстания Костюшко музыкальная пьеса Войцеха Богуславского «Мнимое чудо, или Krakowianie и горцы», впервые поставленная 1 марта

1794 г. Пьеса, содержание которой, казалось бы, непосредственно не соотносилось с польской политической ситуацией того времени, была полна актуальных параллелей и иносказаний, настолько понятных зрителю, что смысл их не мог быть истолкован двузначно. О ее первой постановке в Польше современник пишет, что в ней «нельзя было не прочесть скрытого общего плана восстания». Историки польского театра справедливо отмечают, что «Краковяне и горцы» явились для восстания Костюшко тем же, чем для Великой французской революции была «Женитьба Фигаро» Бомарше.

Характерный материал в этом плане дает и чешская театральная культура. По мере обострения общественно-политической обстановки в стране накануне буржуазно-демократической революции 1848 г. театральная сцена все более превращается в рупор широких масс. Чешский театр быстро откликался на политические события текущего момента, активно поддерживал революционные требования. Это отражалось прежде всего в изменении репертуара. После отмены цензуры стало возможным появление на сцене пьес открыто тенденциозных, идеино созвучных атмосфере революционного брожения. Практически каждый чешский спектакль в Пражском театре в сезоне 1848—1849 гг. служил конкретным политическим целям. Так, сборы от театрального вечера 18 апреля пошли в пользу голодающих кутногорских ткачей. 24 апреля, в день рождения императора, обычно отмечавшийся пышной оперной или балетной постановкой, была сыграна ранее запрещенная цензурой пьеса Тыла «Кровавый суд, или Кутногорские рудокопы», в которой отчетливо звучал социальный протест. Сцены рабочего бунта XV в. казались взятыми из современной действительности.

Основу отечественного репертуара в эти годы составляли в чешском театре пьесы о гуситстве. Драматурги искали в этой теме примеры героического служения народу, активности народных масс. Были поставлены «Вацлав IV, король чешский» Й. В. Фрича, «Монастырь святого Томаша» Э. Л. Сверака и др. Самым значительным произведением гуситского цикла стала героическая драма в стихах «Ян Гус» Тыла, своего рода манифест революции 1848 г. Образ великого Гуса, жертвующего жизнью ради своих идеалов, укреплял революционный дух масс. «Мы не помним, чтобы какая-нибудь пьеса сопровождалась таким участием и такой бурной реакцией зрителей»,— писал критик «Пражского вечернего листа». Многие чешские актеры принимали личное участие в июньском восстании, ставшем кульминационным пунктом революции 1848 г. в Чехии (Й. Прокоп, Й. И. Колар и др.).

Участие театра в революционной и национально-освободительной борьбе середины XIX в. можно с неменьшей убедительностью показать на венгерском и румынском материале. Достаточно вспомнить биографии знаменитого венгерского тра-

гика Габора Эгрешши, одного из основоположников румынской сцены Костаке Аристия, вступивших, когда того потребовали интересы родины, в ряды революционной армии. Ярким примером непосредственной связи театра с революционным движением является деятельность болгарской труппы Добри Войникова, сложившейся в среде многочисленной болгарской эмиграции в Румынии. Труппа была детищем этой эмиграции, школой воспитания революционного духа. «Болгарское театральное общество», созданное Д. Войниковым в Браиле в 1865 г., рассматривалось руководителями болгарского революционного движения как его боевая составная часть. Активное участие представителей болгарской революционной демократии в деятельности труппы придавало всем ее спектаклям открытый политический характер.

Уже первая пьеса Войникова «Стоян-воевода», которой открылся театр, декларировала свои прямые политические цели. Образ главного героя сочетал в себе не только черты легендарной исторической личности, каковым был Стоян-воевода, но и новые качества, присущие борцам за свободу. Роль Стояна исполнял член первого болгарского добровольческого отряда Иван Тодоров, год спустя героически погибший в рядах четы Панайота. Участие в спектакле известного революционера значительно усиливало общественное воздействие театрального представления.

В «Райне — княгине болгарской», являющейся драматизацией исторической повести русского писателя А. Ф. Вельтмана, на болгарской сцене впервые был выведен народ в качестве активно действующей силы. В «Крещении Преславского двора» (1868) Войников стремился подчеркнуть не столько историческую достоверность и значение изображаемых событий (принятие христианства при царе Борисе), сколько звучание их современным политическим конфликтам. Знаменательно, что образ языческого жреца Святолида в этом спектакле создал в романтико-героическом стиле великий болгарский поэт и революционер Христо Ботев.

Театр был непременным и активным участником национальных движений во всех без исключения странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Ярко проявилась эта тенденция в культурно-политическом движении в Чехии, проходившем под лозунгом «Народ — себе». Начало этой общенациональной акции относится к 40-м годам, когда было решено строить постоянный Национальный театр путем сбора средств среди всех слоев населения. В этой идее необходимо подчеркнуть ее решительный акцент на общенациональном характере театра. Если на раннем этапе чешского будительства его деятели говорили об отечественном театре, если в 10—20-е годы ратовали за земский чешский театр, выделяя лишь территориальный момент, то в условиях резкого ускорения процесса формирования пации, зрелости

национального движения последовательно говорится о национальном театре. Акция «Народ — себе» служила, таким образом, не только непосредственным задачам театрального искусства, но и чешскому национальному движению в целом, ибо способствовала в огромной степени росту национального самосознания.

Говоря о роли театрального искусства в национально-освободительной борьбе, было бы упрощением, однако, не замечать того обстоятельства, что театр, будучи продуктом своей эпохи, в полной мере разделял с ней ее иллюзии, предрассудки и историческую ограниченность. Упомянутое выше движение «Народ — себе», способствуя энергичному росту чешского самосознания, в то же время притушевывало классовое расслоение чешского общества середины XIX в. и именно в этом отношении использовалось консервативными политиками.

Итак, связи театрального искусства с социально-политическими и национально-освободительными движениями, с общественными процессами были чрезвычайно многообразными и взаимопродуктивными, ибо, будучи зеркалом общественной жизни, театр в свою очередь всей своей идеально-художественной практикой оказывал существенное воздействие на пути и формы культурно-исторического развития молодых наций Центральной и Юго-Восточной Европы.

4

Общие национально-освободительные задачи, стоявшие перед деятелями театра различных стран, способствовали сближению их культур, а следовательно, и театрального искусства. Еще на ранней стадии из чешского народного театра, как отмечают исследователи, была перенесена на польскую почву пьеса о святой Дороте. В чешском переводе до нас дошла известная рыбалтовская «Трагедия нищих». Польские «Беседы пастушеские» С. Полоцкого имеют соответствия с народной чешской и словацкой драмой «Вифлеем», а также с польскими пасторальми. Школьный русский «Диалог с интермедиумами» середины XVIII в. попал в Воеводину.

Известны регулярные связи русской театральной культуры с польской и немецкой, через которые в Россию проникла в XVIII в. «аглицкая» комедия. Петр I в 1702 г. поручил Яну Славинскому — выходцу из Венгрии, видимо, словаку по происхождению, — привезти первую немецкую труппу в Москву. Чуть позднее Румыния подключилась к этому процессу активных театральных контактов, создав своеобразный мост для распространения культур на Балканах. Болгарский театр был тесно связан не только с румынским, но и с сербским школьным театром. Об этом свидетельствует, в частности, общий для них текст «Жертвы Авраама». С другой стороны, первый словено-сербский спек-

такль в г. Сремски-Карловци организовали учителя из Киевской духовной академии, среди которых был и Э. Козачинский.

В XIX в. театральные связи еще больше усилились. В Венгрии сформировалась в 1813 г. первая профессиональная сербская труппа Вуича, в Румынии в 50—60-е годы действовал болгарский театр Д. Войникова, а в самой Болгарии, в г. Шумене, в начале 50-х годов выступали польские и венгерские актеры-эмигранты. Большое распространение имел демократический греческий театр, имевший свои труппы в Бухаресте и Одессе. Эти факты театральных контактов народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX в. можно приумножить.

Формировавшийся профессиональный театр рассматриваемых стран находился в XVIII—XIX вв. в орбите влияния немецкоязычной культуры, решавшей в данный исторический момент формирования наций родственные задачи. Венгерский и чешский театр относились к австрийскому и немецкому театральному искусству не только как к конкуренту, но и как к одному из своих учителей. Несмотря на общую ненависть к габсбургскому режиму и к политике онемечивания, театральные деятели Чехии, Венгрии, Хорватии, Сербии способны были отделить плевелы официальной культурной политики габсбургов от злаков демократического австрийского искусства. Об этом говорит репертуар эпохи Просвещения, основу которого преимущественно составляла немецкая мелодрама Шредера, Гафнера, Коцебу, отвечавшая потребностям и вкусам мещанского зрителя.

Важной областью, в которой происходило активное усвоение театрами изучаемых стран опыта более развитых театральных культур, была театральная критика. В этой сфере, как и в формировании национального репертуара на его ранней стадии, эстетические и критические работы иностранных авторов предшествовали в ряде случаев появлению отечественных театрально-эстетических трактатов. Причем они переводились и перерабатывались в соответствии с требованиями своей театральной жизни, в связи с конкретными историческими условиями. Весьма типичным примером таких переработок является чешский перевод мангеймской лекции Ф. Шиллера о национальном театре, прочитанной им в июне 1787 г. в «Рейнской Талли» (впоследствии, как известно, она была переработана великим немецким драматургом в знаменитый театрально-эстетический трактат «Театр как моральное учреждение», 1802). В основу лекции положена мысль о нравственно-воспитательном воздействии сцены через три ее взаимодействующих компонента — автора, публику, исполнителей. Шиллер говорил в этой лекции о подлинном национальном театре, служащем задачам идейного и общественного воспитания нации.

В 1793 г. лекция Шиллера была издана в Праге под названием «Краткое рассуждение о пользе, которую может принести постоянный и хорошо устроенный театр» и подписана драматур-

том пражского театра Прокопом Шедивым без указания источника. Основные положения шиллеровской лекции были настолько созвучны тогдашнему состоянию и проблемам чешского театра, что все приняли ее за оригинальное сочинение чешского автора, и за один год она была издана дважды. Перевод Шедивого весьма близок к оригиналу и особенно точен там, где речь идет о моральном и просветительном воздействии театра на общественную жизнь. Однако, трезво учитывая реальное состояние чешского театрального искусства, Шедивый внес в шиллеровскую статью некоторые коррективы. В частности, он заменил определение Шиллера «национальная сцена» более узким и конкретным понятием «постоянный чешский театр». При этом Шедивый исходил из условий чешской культуры, требовавшей прежде всего создания стационарной национальной сцены как главного условия развития чешского театрального искусства.

Процесс взаимообогащения театральных культур рассматриваемых стран был двусторонним. Нельзя сколько-нибудь полно представить как формировалась, например, национальная культура Австрии в рассматриваемый период без учета славянских и венгерских влияний, воздействовавших на творчество Нестроя, Раймунда, Грильпарцера. Процесс складывания национального театрального искусства проходил, таким образом, в теснейшем переплетении многих культурно-исторических факторов, характерных для сложного и противоречивого периода формирования наций и национальных культур в своеобразных местных условиях. Важно, однако, подчеркнуть, в заключение, что этот процесс был частью органического, поступательного движения всей художественной культуры Центральной и Юго-Восточной Европы к культуре нового буржуазно-демократического типа.

И. Ф. Бэлза

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Этой теме посвящены многочисленные работы, не исчерпывающие, однако, всех ее аспектов, в частности тех, которые имеют непосредственное отношение к культуре славянских народов.

Подчеркнем прежде всего, что дефиниция международных связей в области культуры требует пересмотра такого понятия, как «влияние», — понятия, трактовавшегося не раз упрощенно и даже вульгарно, над чем иронизировал выдающийся польский

литературовед Тадеуш Желенский-Бой, заметивший как-то, что о влиянии говорят так много и по таким разным поводам, что можно уже создать целую «науку о влияниях» (*wpływologia*). Неправомерности применения термина «влияние» посвятил одно из своих последних выступлений Б. Л. Сучков, подводя итоги обсуждению второго тома «Истории всемирной литературы». Он отметил, в частности, что иногда «влиянием» считают совпадения сюжетных ходов, отдельных ситуаций и приемов. Между тем изучение международных культурных связей не может основываться на таких совпадениях, нередко к тому же мнимых.

Нельзя, разумеется, основываться и на отдельных приемах использования аналогичных средств выразительности в литературе и различных видах искусства. Ведя курс специальной теории композиции в Московской и Киевской консерваториях, Б. Н. Лятошинский указывал, что далеко не всегда, например, героически-призывающие фанфарные интонации позволяют говорить о влиянии Вагнера, которое с такой легкостью «находят» в творчестве Скрябина некоторые музыковеды. Констатация культурных влияний убедительна лишь тогда, когда основывается на исторической аргументации их закономерности. Д. Ф. Марков, говоря о некоторых общих чертах реализма в южнославянских и западнославянских литературах, справедливо подчеркивает, что в них «отразился сложный комплекс общественных противоречий, связанных и с социальной, и с национально-освободительной борьбой народных масс»¹. В качестве примера изучения характерных черт, возникших в литературе в результате развития этой борьбы, Д. Ф. Марков приводит исследование И. К. Горского «Польский исторический роман и проблемы историзма», в котором содержатся важные обобщения, непосредственно вытекающие из анализа процесса международных культурных связей.

Поныне сохраняет свое значение высказывание известного русского ученого А. Веселовского, который уже в ранний период своей научной деятельности, говоря о международных литературных связях, указывал, что «влияние чужого элемента всегда обусловливается его внутренним согласием с уровнем той среды, на которую ему приходится действовать»². Это замечание, которое вполне логично распространить на все области художественной культуры, невольно вспоминается, когда речь идет о бесконечных «влияниях», обнаруживаемых в творчестве даже величайших и самобытнейших русских мастеров, не исключая и Пушкина. Во многие суждения такого рода существенные корректизы вносит основанное на обширном материале высказывание Веселовского.

Действительно, трудно представить себе (если не говорить, разумеется, о продукции заведомых эпигонов), чтобы в основу

¹ Марков Д. Проблемы теории социалистического реализма. М., 1975, с. 92.

² «Журнал Министерства народного просвещения», 1863, декабрь, отд. II, с. 558.

творчества какого-либо художника, а тем более художника гениального, легло восприятие чьего бы то ни было влияния или даже конгломерата влияний. Польский историк культуры Виктор Кизеветтер, полемизируя с Бенедетто Кроче, пытавшимся «детронизировать» Леонардо да Винчи и показать, что его влияние на мастеров Высокого Ренессанса преувеличено, также вынужден был остановиться на трактовке понятия «влияние» и указать, что восприятие техники или даже тематики еще не может исчерпать этого понятия. Нельзя, например, говорить о том, что даже Франческо Мельци или Джованни Бельтраффо развивали «традиции школы Леонардо», ибо они не восприняли той многозначности образов, созданных великим мастером, острелмении к которой можно судить, например, сопоставляя известный «винзорский» эскиз головы святой Анны с завершенной картиной, находящейся ныне в Лувре.

Говоря о влияниях и роли их в развитии международных культурных связей, вероятно, правильнее всего иметь в виду этико-эстетические концепции, лежащие в основе художественного творчества и обуславливающие его направленность, а также, в большинстве случаев, приемы раскрытия образов, воплощающих эти концепции. Разумеется, стремление к постижению процесса такого воплощения побуждает нас обращаться прежде всего к творчеству тех, кого Гоголь называл Великими Зодчими. Однако гениальность крупнейших мастеров наиболее ярко обнаруживается в сопоставлении с окружавшей их действительностью. Если вспомнить еще раз эпоху Ренессанса, то можно будет, наверное, сделать вывод, что пресловутая «загадочность» Леонардо, которая породила столько домыслов, была мудрым предостережением мастерам, в той или иной мере склонным к упрощению гуманистического мировоззрения, к утверждению оптимистического утверждения красоты мира и человека, порою даже ценой «отстранения» (*setting aside* — по выражению Рэскина) наиболее сложных интеллектуальных проблем. Напоминанием об этих проблемах были не только «подтексты» творчества Леонардо (к слову сказать, немало беспокоившие Ватикан), но и дюреровские «Всадники Апокалипсиса», и тщательно продуманный «мраморный шифр» капеллы Медичи, так долго создававшейся Микеланджело. Обращаясь к нашему недавнему прошлому, можно вспомнить, что в предреволюционное время Александр Блок отмечал, что задолго до этих дней Данте уже гневно обличал предательства и злодеяния, совершившиеся в его родном городе.

Именно влияние Данте оказалось во многом определяющим в развитии мировой культуры нового времени, ибо творчество «центрального человека мира» оказалось во многих странах наиболее близким к развивавшимся в них стремлениям и движени-ях уже с Французской революции, отзвуки которой с такой силой прозвучали у Пушкина. Но если в Италии и Польше находили в то время отклики прежде всего пламенные призывы Дан-

те к освобождению родины от иноземного гнета и к ее объединению, то в России и Англии, в творчестве Пушкина и Байрона, воздействие Данте на которых было наиболее сильным в их «творческой генеалогии»³, оно проявилось в восприятии этико-эстетической основы его творчества, в силе и яркости образов и вместе с тем насыщении их глубоким философско-социальным содержанием. Поистине «Божественная комедия» былаозвучна назревавшим в пушкинскую эпоху освободительным движениям, и революционные мотивы поэзии Пушкина уже являлись предвестником новых революционных выступлений.

Следует заметить, что эти мотивы неуклонно развивались у Пушкина, с полным правом считавшего себя преемником Радищева и насыщавшего пафосом социального обличения лучшие страницы своей лирики и «Евгения Онегина». Совершенно естественно, что глубокое изучение Данте содействовало развитию и отечественной «радищевской» традиции. И точно так же упоминание имени «отца нашего Шекспира» с таким лестным эпитетом поясняется самим же Пушкиным: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы какой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры».

Исходя из этой пушкинской характеристики великого драматурга и поэта, советский ученый И. И. Соллертинский говорил о «шекспризации» музыки, определяя этим термином процесс насыщения ее сложным идеально-эмоциональным содержанием, раскрывающим богатство и вместе с тем противоречивость многих сторон и стремлений человека. В XIX в. такое обогащение европейской литературы и искусства во многом объяснялось непрерывно возраставшей силой воздействия русской художественной культуры, развивавшей пушкинские традиции, к которым восходят и обличительная сила Гоголя, и глубочайший психологизм Достоевского, и эпическая мощь Толстого, и поэтика Тургенева и Чехова. Это воздействие сказалось и во французской литературе, гуманистические стремления которой так ярко проявились в творчестве и «доктора социальных наук», воздвигнувшего монументальное здание «Человеческой комедии», и автора «Саламбо».

Б. В. Томашевский, создавший капитальный труд о взаимоотношении Пушкина и французской культуры, счел необходимым подчеркнуть во введении: «Литература каждого народа носит на себе черты, определяемые историческими условиями развития народа, и никогда не является результатом иностранного влияния»⁴.

Эта формулировка четко разграничивает понятия «влияние»

³ По отношению к Пушкину наиболее убедительно показал это в нескольких работах Д. Д. Благой (см., например, его статью «Пушкин и Данте» в кн. «Дантовские чтения. 1973». М., 1973).

⁴ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 9.

и «культурные связи», изучая которые можно сделать вывод об особой роли наиболее великих мыслителей — мастеров, воздействие которых объясняется, однако, не тем, что они приносили в ту или иную национальную культуру нечто новое, но чужеродное, а тем, что в творчестве, скажем, Данте или Пушкина с наибольшей силой конденсировались интеллектуальные и эмоциональные аспекты общечеловеческой духовной жизни, включая в пафос социального обличения и поиски этических идеалов.

Изучение международных связей, естественно, привлекает внимание и ко многим именам. Исследование творчества крупнейших деятелей культуры, их влияния на национальные культуры должно проводиться с учетом процесса становления национальных культур, процесса, изучение которого немыслимо без отчетливого представления о ленинском понимании истории культуры как неотъемлемой части истории народа — творца своей культуры. Это, в свою очередь, требует пристального внимания и к международным культурным связям, как к важному фактору становления и развития национальных культур, рассматриваемых в контексте становления наций, неразрывно связанного с освободительным движением и революционной борьбой народов Европы, в исторических судьбах которых славянские страны имели большое значение.

Международные культурные связи славянских народов с давних пор отличались разнообразием и плодотворностью. Впрочем, нельзя сказать, что эти связи изучены с достаточной полнотой. Особую роль культурные связи играли между славянскими народами, имевшими общность этнического, языкового, историко-культурного характера. Такая общность отразилась и в лексике, включающей едва ли не во всех языках слова «славянин», «славянство» и т. п. Обобщающий характер этих слов достаточно очевиден. В своей неоконченной поэме «Вадим» Пушкин говорит, например:

На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч...

Пушкин обратил особое внимание и на «ученые изыскания»⁵ Яна Потоцкого, который в своих историко-археологических работах стремился обосновать тезис об общности славянских народов⁶. В процессе этого изучения, естественно, возникали проблемы, связанные с фольклором, с народными истоками художественных культур славянских народов и воздействием этих истоков на литературу, изобразительные искусства и музыку.

О древности межславянских связей много писал Адам Чарноцкий (под псевдонимом Зорьян Доленга Ходаковский, 1784—

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VI. М.—Л., 1949, с. 652.

⁶ См. статью автора этих строк в кн.: Ян Потоцкий. «Рукопись, найденная в Сарагосе» (М., 1968).

1825), трудами которого⁷ также живо интересовался Пушкин. Все же приоритет в исследовании вопроса о межславянских культурных связях, вне всякого сомнения, следует отдать Яну Потоцкому, многие работы которого на протяжении долгого времени оставались незаслуженно забытыми. На рубеже XVIII и XIX столетий идея культурной общности славянских народов постепенно получила научное обоснование. Значительную роль сыграли в этом отношении труды «отца славянской филологии» Йозефа Добровского (1753—1829) и его прямого продолжателя Йозефа Юнгмана (1773—1847). Необходимо также помнить, что перелом в деятельности Добровского наступил после его поездки в Россию (1792), где он имел возможность убедиться в самобытном развитии славянских языков.

При этом следует подчеркнуть, что в произведениях многих писателей славянских народов, творчество которых явилось вехой в мировом литературном процессе, очень важное место занимают историческая тема и проблемы историзма. Достаточно вспомнить Пушкина, писателей декабристов и т. д. Мировое признание завоевали произведения великого польского писателя Б. Пруса, в которых получила выражение не только «польская специфика» («Кукла», «Форпост» и др.), но и глубокие философско-этические концепции и закономерности исторического процесса, запечатлевшиеся в «Фараоне», переведенном уже на десятки языков.

Глинка, Шопен, Чайковский, Дворжак, Сметана, Яначек, Шимановский и многие другие прочно вошли в мировую музыкальную культуру. Внимание многих искусствоведов, как славянских, так и западноевропейских, привлекло творчество Миколаша Алеша, И. Репина и других художников славянских народов. Исследователи древней истории славянских народов пристально изучают памятники славянской архитектуры и живописи, констатируя, например, что стремление к «живству» проявилось в произведениях, сохранившихся в Боянской церкви (близ Софии) еще до того, как восторжествовали детально изученные В. Н. Лазаревым принципы искусства Треченто, возвестившие начало Возрождения.

Вообще говоря, последние десятилетия, несомненно, ознаменовались — в той или иной мере — международным признанием древности и самобытности художественной культуры славянских народов, хотя некоторые буржуазные учёные пренебрежительно высказываются об их культуре. Нет надобности говорить здесь о том, насколько нелепы и несостоятельны такого рода высказывания, неизменно получающие отпор со стороны учёных социалистического лагеря.

⁷ См.: *Dolega-Chodakowski Z.* O słowiańsko-żyźnie przed chrześcjaństwem oraz inne pisma i listy. Opracował i wstępem zaopatrzył Julian Maslanka. PWN, Warszawa, 1967.

Понятие своеобразия художественной культуры неотделимо, как отмечали еще Пушкин и Глинка, от народного творчества. Опираясь именно на народное творчество, Шопен в период формирования отечественной национальной культуры достиг вершин польской классической музыки, сделав ее общечеловеческим достоянием. Глинка указывал на черты общности своей музыки с музыкой Шопена⁸, а Серов подчеркивал славянский характер творчества обоих мастеров и писал, в частности, в 1856 г.: «Особенности славянских оборотов мелодий и модуляций выступили совсем явственно для всей Европы в творениях Шопена. Его создания... именно со стороны «славянских» форм имеют необыкновенно важное значение в искусстве...»⁹ Серов, который был не только композитором, но и наряду со Стасовым крупнейшим представителем русской музыкально-исторической и теоретической мысли XIX в., придавал, подобно Пушкину, обобщающее значение определению «славянизма». Нелишне напомнить также о том, как внимательно изучал Пушкин развитие западнославянской и южнославянской истории и художественного творчества.

Пушкину были хорошо известны не только Потоцкий и Мицкевич, но и дії підлоги польской литературы. На музыкальных утрах Марии Шимановской он слушал произведения польских композиторов конца XVIII — начала XIX столетия. Он встречался в Петербурге с Орловским (имя которого упоминается как в «Пане Тадеуше», так и в «Руслане и Людмиле»), Смоковским, Ваньковичем, Олешкевичем, Каневским и другими польскими художниками, жившими в северной столице.

Известно (в частности, из дневников Хэлены Шимановской), что жившие в Петербурге польские художники, роль которых в становлении польской культуры в период формирования наций все еще недостаточно изучена, пользовались поддержкой передовой русской интеллигенции. Так, например, Смоковский, как известно, участвовал в оформлении «Лирического альбома», изданного Глинкой совместно с Н. Павлищевым. Польским художникам (некоторые из них были избраны членами Российской Академии художеств) заказывались и другие работы. Но русско-польские связи не ограничивались сферой изобразительных искусств или музыки (в этой области наиболее примечательны такие мастера, как Михал Клеофас Огиньский, Юзеф Козловский, Мария Шимановская, Кароль Липиньский и многие другие).

Если на музыкальных утрах Марии Шимановской систематически исполнялись произведения как польских, так и русских композиторов, если Липиньский восторгался «чисто русской» музыкой Глинки, то и в литературе не менее интенсивно развивались русско-польские связи, причем русские писатели прони-

⁸ См.: Серов А. Н. Воспоминания о Михаиле Ивановиче Глинке. Избранные статьи. М., 1950, с. 163.

⁹ Там же, с. 277.

цательно оценили гений Мицкевича и заложенные им основы прогрессивного романтического направления еще в те годы, когда на автора «Конрада Валленрода», как писал Вяземский жене 21 марта (2 апреля) 1828 г., надвигалась «в Варшаве ужасная классическая гроза»¹⁰. «Он — прекрасная поэзия, Малевский — прекрасная проза... они жертвы чванства и подлости Новосильцева»¹¹, — не обиняясь, писал Жуковскому тот же Вяземский, попавший в немилость еще у Александра I именно из-за «дерзкого» отношения к варшавским сатрапам царя и горячей любви к своим польским друзьям. Общеизвестен факт издания многих произведений Мицкевича в России. «Русские и поляки состязаются в изъявлении ему своего уважения», — отметил польский историк Миколай Малиновский¹², встречавшийся с Пушкиным.

Несмотря на то, что нам известны многочисленные факты, свидетельствующие о дружбе и взаимном уважении деятелей культуры России и зарубежных славянских стран, все же не эти факты следует считать основой межславянских культурных связей, характеризующих период становления национальных культур. Подлинной основой этих связей была и остается общность социально-освободительных устремлений, прекрасно сформулированных в девизе польских повстанцев: «За вашу и нашу свободу». Нет надобности останавливаться на характеристике восстания 1830—1831 гг., хорошо известной из высказываний Маркса и Энгельса. Ограничимся тем, что напомним все же громадную роль, которую сыграли события тех лет в формировании польской классики (особенно, конечно, в творчестве Шопена и Словацкого), воспринявшей слова, на многие годы ставшие крылатыми: «Слово стало плотью, Конрад — Бельведером». Именно в этом аспекте воспринимались, например, не только в Польше, но и в России, и в Чехии, и в Словакии великие творения Шопена.

Важно подчеркнуть при этом, что интонационный и образный строй шопеновской музыки был типично славянским. Основные черты этой музыки сформировались уже в варшавский период.

Когда создавались произведения Шопена, уже созревал гений Глинки, развивалось музыкальное творчество чешских и словацких будителей и, подобно им, сербы и болгары искали самобытные пути развития художественной культуры. Говоря об интонационной основе музыки Шопена и его близости к Глинке, нельзя не отметить, что близость эта объясняется обращением обоих мастеров к народным истокам. Попытаемся вкратце охарактеризовать основные черты славянской песенности, неизменно отмечаемых фольклористами.

Несомненно, что реликты древнеславянских песен, как мелодий, так и текстов, свидетельствуют о восходящей к очень дале-

¹⁰ Адам Мицкевич. Собрание сочинений в пяти томах, т. 5. М., 1954, с. 624.

¹¹ Там же, с. 615.

¹² Там же, с. 616.

кому прошлому близости, наблюдающейся в художественном творчестве славянских народов. Укажем, в частности, на такие черты, как органическое сочетание песни, инструментальной музыки и танца (или, во всяком случае, ритмически организованных движений исполнителей), на проникновение маршевой поступи в широкую кантилену и на насыщающие ее фанфарно-призывные мелодии, различимые еще до возникновения польских «побудок» в «Прекраснейшей мессе» Бартоломея Пенкеля и в «збойницких» песнях словацких «горных хлопцев» (ярчайшим примером такой песни может служить «*Неj, ноге haj*»).

Коль скоро мы упомянули «Прекраснейшую мессу», то следует сказать, что жанр «*missae profanae*» создавал необычайно благоприятные условия для использования народных мелодий (не исключая и танцевальные) и в культовых напевах.

Нет никакого сомнения, что лингвистические изыскания помогают уяснению языковой общности славянских народов. В той же мере это относится и к различным областям фольклора, причем немалую роль играет в этом отношении мифотворчество как система первобытных представлений о мире и понимании движущих им сил. Конечно, представления эти эволюционировали, тем более, что, как отмечал еще Зд. Неедлы, нет никаких оснований говорить о «славянском Олимпе» и, тем более, об устойчивости его образов. С принятием христианства св. Власий, например, благодаря звучанию имен, вобрал в себя черты «скотьего бога» Велеса. Но дифференцирование сил природы можно считать все же характерной особенностью тех верований всех славянских народов в древнейшие времена, реликты которых сохранялись на протяжении чрезвычайно долгого времени. С большим трудом, например, церковь боролась с давней традицией захоронения на перекрестках лесных троп. Так или иначе, фольклорные реликты и археологические находки подтверждают исконную общность славянских народов, проявившуюся, естественно, и в период формирования их национальных культур.

Заметим попутно, что каждый славист, обращающийся к далекому прошлому, неизбежно приходит к выводу, что версия о низком культурном уровне праславянских племен основана по существу на ничем не обоснованных измышлениях. Исследования таких выдающихся ученых, как, скажем, академики Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, Ст. Лоренц, Зд. Неедлы, Т. Лер-Сплавинский, М. Н. Тихомиров, Я. Чекановский и многие другие, показывают, насколько древней и богатой была культура славянских народов, и зачастую отодвигают в глубь веков даты возникновения государственных образований этих народов. Продолжая работы Л. Нидерле, ссылавшегося на Птолемея, который уже во II в. н. э. характеризовал славян как «народ превеликий», акад. Зд. Неедлы ставит вопрос о «народах полей погребений» как о «протославянах», причем, так же, как и названные уже русские и польские ученые, автор «Истории чешского народа», оставшейся, к сожа-

лению, незаконченной, справедливо полагает, что нельзя ограничиваться письменными данными, игнорируя археологические.

В предисловии к русскому переводу первого тома этого труда акад. Б. Д. Греков подчеркивает: «З. Р. Неедлы здесь очень хорошо показал, что может дать археология, как нужно ею пользоваться при решении вопросов, которые не освещены письменными источниками. Своей работой он окончательно ликвидировал ту пропасть, которая была искусственно вырыта буржуазной чешской историографией (как и буржуазной историографией вообще) между историей и так называемой предысторией, то есть той частью истории, которая не освещается письменными источниками»¹³.

В своем капитальном труде о Киевской Руси тот же акад. Б. Д. Греков замечает: «Само собой разумеется, что политические успехи народов, вошедших в состав Киевского государства — и прежде всего восточных славян, т. е. народа русского, которому бесспорно принадлежала в этом процессе ведущая роль,— стали возможны только при известных условиях внутреннего их развития. Было бы очень наивно думать, что объединение восточного славянства и неславянских народов под властью Киева есть результат какого-либо внешнего вмешательства»¹⁴. И далее: «Сочетание данных археологии и лингвистики с привлечением фольклора, конечно, очень расширяет границы исторического знания, но тем не менее и этого недостаточно, чтобы спорные суждения превратить в бесспорную очевидность»¹⁵. В свою очередь, высказывания акад. Н. Мавродинова о «протоболгарах»¹⁶ перекликаются с мыслями акад. Т. Лер-Славиньского, обратившего внимание на слова «Повести временных лет» о миграции древнеславянских племен (и «народа славянского»)¹⁷.

Так или иначе можно констатировать, что крупнейшие ученые нашего времени подвергли пересмотру вопрос о датировке возникновения и развития праславянских племен, а следовательно, и их культур, стоявших, как показывают последние археологические открытия, на гораздо более высоком уровне, чем это предполагалось раньше (впрочем, тезис о славянах—«варварах» высмеивался уже, как известно, Ломоносовым), а значит, сыгравших и более существенную роль в последующие эпохи. Поэтому вполне закономерно поставить вопрос о межславянских культурных связях в древнейший период, условно называемый «prasлавянским», поскольку точное определение хронологических границ все еще представляет здесь значительные трудности. Для изуче-

¹³ Неедлы Зденек. История чешского народа, т. I. Чехи в древнейшие времена. М., 1952, с. 4.

¹⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 9.

¹⁵ Там же, с. 11.

¹⁶ Мавродинов Никола. Бръзките между българското и руското изкуство. София, 1955.

¹⁷ Lehr-Sławiński T. Od piętnastu wieków. Warszawa, 1961.

ния этих связей чрезвычайно важно учесть, например, находки акад. Б. А. Рыбакова и проф. Конрада Яжджевского, фольклорные реликты, на которые обращали внимание уже многие исследователи, а также данные топонимики и ономастики.

Несмотря на то что, по существу говоря, данные о предыстории славянских народов все еще не могут считаться достаточными для окончательного суждения о судьбах этих народов в далеком прошлом, все же следует считаться с устойчивостью многих черт их культур. Для полноты суждения о развитии славянских культур необходимо учитывать и их международные связи в более широком объеме. Славянские культуры, несомненно, весьма активно участвовали во взаимодействии культур Востока и Запада. Однако проблема изучения межславянских культурных связей приобретает совершенно самостоятельное значение, причем, как показывают многие работы, связи эти заметно активизировались в период формирования национального самосознания славянских народов и освободительных движений, восходящих к веку Просвещения, вклад в идеи которого внесли и славянские народы: достаточно назвать имя Яна Амоса Коменского или вспомнить многочисленные труды польских ариан, публиковавшиеся на Западе.

Сочетание лингвистики с археологией и фольклором создает новые предпосылки для развития славистики, выходящие за пределы ее понимания как отрасли науки филологической. Включение в круг интересов этой науки вопросов истории литературы представляется, естественно, вполне закономерным и предполагает изучение проблем типологических, сюжетики, стилистики — всего того, что отражает не только «славянизмы» изучаемых явлений, но и динамику социального развития. Однако все сказанное относится и к другим областям художественной культуры, включая музыку, театральное и изобразительное искусство.

Отметим еще раз, что культуре славянских народов чужда национальная ограниченность. Многие достижения этой культуры стали общечеловеческим достоянием и оказали влияние, порою чрезвычайно сильное, на процесс развития мировой культуры.

Изучение воздействия, оказанного идеально-эстетическими концепциями великих славянских мастеров на мировую художественную культуру, является одной из важнейших задач, входящих в сложный комплекс проблем истории межславянских культурных связей. Не следует, однако, забывать ни о народных истоках данных концепций, ни о том национальном своеобразии творчества этих мастеров, в утверждении которого громадную роль сыграли межславянские культурные связи, имевшие множество различнейших аспектов. Едва ли правильно сводить эти аспекты лишь к приемам художественного творчества. Бессспорно, можно найти общность, скажем, в приемах станковой живописи русских, украинских, польских, чешских, словацких и югославян-

ских художников, можно, анализируя памятники архитектуры, отмечать черты общности в приемах каменной кладки, крепления, в очертаниях сводов, а в музыке — как в пародной, так и в профессиональной — находить интонацию «славянской кварти» и черты ладовой переменности, типичной для песенного и инструментального творчества славянских народов.

Однако несравненно более важным следует признать образный строй этого творчества, равно как и всех других областей славянской художественной культуры, строй, запечатлевший духовную жизнь братских народов, их глубокую внутреннюю родственность. Возвращаясь еще раз к вопросу о международных связях славянских культур, нельзя не подчеркнуть, что связи эти развивались с определенной закономерностью, причем в славянских странах воспринимались активнее и естественнее всего те достижения зарубежных культур, которые не только обладали высочайшей ценностью, но и были по ряду причин близки социально-этическим идеалам, формировавшимся в данных странах: именно в пушкинскую эпоху проявился, например, в передовых кругах русской общественности такой интерес к Данте и Шекспиру, характерный для польского романтизма, а несколько позже — и деятельности мастеров чешских, словацких и южных славян¹⁸.

Эти идеалы привлекают пристальное внимание историков литературы, которые, так же как и лингвисты-славяноведы, изучают проблему общности славянских народов.

Напомним, что в нашей стране уже опубликованы коллективные многотомные труды по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, обобщающие работы по истории польской, чешской и словацкой литературу, болгарского и чешского театра, польской и чешской музыки, а также множество монографических работ, созданных советскими славистами — историками, литературоведами, лингвистами, фольклористами и историками культуры. Почти во всех этих трудах рассматриваются вопросы той роли, которую сыграли международные связи в период становления национальных культур славянских народов, а также в последующие периоды, особенно после победы над фашизмом. Проблема изучения этих связей приобретает особое значение в нашу эпоху, когда общность устремлений мастеров художественной культуры стран социалистического содружества стала оказывать большое воздействие на развитие мировой культуры и на неуклонное победоносное утверждение в ней высоких идеалов социального раскрепощения, братской дружбы и мирного сози-дательного труда.

¹⁸ Впрочем, Н. И. Кравцов справедливо отмечает, что «честь наилучшего знакомства с творчеством великого итальянского поэта принадлежит Дубровнику и Далмации, тем югославским территориям, которые ближе всего были расположены к Италии и теснее других югославских земель связаны с итальянскими городами». (Кравцов Н. Данте в литературах югославянских народов.— В кн.: Данте и славяне. М., 1965, с. 161).

И. И. Лещиловская

ИДЕИ ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В первой половине XIX в. в славянских общественных кругах, разнородных в классовом и национальном отношении, получили распространение теории общности славян и программы их единения. Имея разное социальное содержание, идеиные построения такого рода сыграли определенную роль в общественной жизни славянских народов.

Идеи межславянского единения и сотрудничества имеют большую историографию. Много сделали в плане действительно научного анализа концепций и программ славянской общности, сформулированных в первой половине XIX в., историки и историки культуры социалистических стран¹. Однако содержащиеся даже в марксистских работах оценки отдельных концепций славянской общности нельзя считать исчерпывающими, тем более что эти концепции, как правило, освещались изолированно, вне сопоставления друг с другом. Настоящая статья представляет попытку сравнительного анализа идей культурной общности славян, выдвигавшихся представителями формировавшихся буржуазных лагерей в национально угнетенных славянских землях в период с конца XVIII в. до революции 1848—1849 гг.

Сознание этнического родства и языковой близости славян возникло на очень ранней стадии развития, проистекая из народных традиций. Уже в «Повести временных лет» (начало XII в.) была дана обобщающая характеристика расселения славянства, свидетельствующая о высоком для своего времени уровне этнографических и географических знаний ее составителя и редакто-

¹ См.: Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964; Živančević M. Ilirska varijanta ideje o slovenskoj uzajamnosti.—«Kolo», 1966, N 8, 9, 10; Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Praha, 1968; L'udovit Štrúr und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969; Матула В. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии.—В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970; Нечкина М. В. Движение декабристов, т. II. М., 1955; Марголис Ю. Д. Проблема единения славянских народов в политической программе Т. Г. Шевченко.—«Вестник Ленинградского университета», 1958, № 14; Мыльников А. С. Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист. М.—Л., 1963; Он же. Йозеф Юнгман и его время. М., 1973; Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1968; Чуркина И. В. Пропагандистская деятельность Маттии Маяра в 40-е годы XIX в.—В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970; Дьяков В. А. Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов.—«Советское славяноведение», 1971, № 5.

ра, монаха Киево-Печерского монастыря Нестора². Отражением представления об этнической общности славянских народов явилась сложившаяся в средневековой историографии легенда о трех братьях — Чехе, Лехе (или Ляхе) и Мехе (или Русе) как «праотцах» славян и родоначальниках трех славянских держав — Чехии, Польши и Московии. Исходя из сознания единства происхождения славян, историки искали их прародину, пытались определить их место среди народов Европы. Но уже тогда у славянских хронистов, историков, писателей было сознание того, что понятие «славяне» охватывало широкую группу общностей, каждая из которых имела свои особенности³.

В ранний период развития появились у славян и первые сочинения, возвеличивавшие свою численность и могущество. Они в свою очередь свидетельствовали о сложившемся славянском сознании, исходившем из единства происхождения и языкового родства этих народов. В более позднее время в этом отношении выделялись труды южнославянского историка М. Орбини (XVII в.). Лишенные критического восприятия средневековых сочинений, распространявших понятие «славяне» и на некоторые неславянские племена, они в то же время были проникнуты чувством гордости за славян и их историю. Опираясь на материалы современных историков, славянские писатели воспевали идеальное единство славян. Особое внимание к славянам проявляли польские и хорватские поэты XVI—XVII вв.⁴ Это было естественно для условий Хорватии, находившейся под чужеземным игом, как и Польши, испытывавшей постоянную угрозу нападения с запада и юга.

К этому же времени относится возникновение идеи единения славянских народов, одним из первых провозвестников которой был Ю. Крижанич, хорват по происхождению, мыслитель и писатель, творивший в XVII в. Он предпринял попытку разработать конкретные пути культурного и политического сплочения славянства. Главную роль в этом процессе он отводил Русскому государству.

Традиция славянского этнического сознания не прерывалась на протяжении веков. С конца XVIII в. под влиянием развития капитализма, зарождения и формирования славянских наций обострилось внимание славянской общественности к своему происхождению, языкам и историческому прошлому. Обращение к истории было неразрывно связано с раздумьями о будущих судьбах этих народов, их роли и значении в мировом историческом процессе. Интерес к этнически родственным общностям дикто-

² Королюк В. Д. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М., 1968, с. 101, 109—111.

³ Там же, с. 110.

⁴ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 9, 10.

вался стремлением новых общественных сил определить место своего народа в окружающем мире, в европейской истории. Общественное внимание к судьбам славян подогревалось национальным гнетом, которому подвергалась большая их часть. Потребность в опоре для национального развития в условиях насильственной денационализации, в союзниках для национальной борьбы порождала поиски путей и форм сближения на этнической основе.

Общественная тенденция к сближению славян была продиктована ситуацией, складывавшейся в той или другой славянской земле, т. е. порождена национальной жизнью. Славянское этническое сознание в рассматриваемое время существовало с формирующимся национальным самосознанием, не подменяя его и не сливаясь с ним. Рост национального самосознания наложил прямой отпечаток на концепции славянской общности и программы единения славян в первой половине XIX в.

Идеи славянского единения, вобравшие в себя традиционные представления об этнической общности славянских народов, возникли на новой социальной основе и отразили существенные сдвиги в общественных отношениях и духовной жизни. Они носили отчетливо классовый характер. Идейные выразители разных классов, выдигая программы консолидации славян, руководствовались различными интересами и целями. Прогрессивные мыслители искали в славянском единении путь к решению национального вопроса, опираясь на родственные народы, к удовлетворению жизненных запросов поднимавшихся буржуазных сил. Консервативные идеологи видели в славянской консолидации средство упрочения общественных позиций феодальных слоев. Классовый источник определял социальное содержание идей славянского сближения и их конкретное проявление.

Формы консолидации славян мыслились публицистами и общественными деятелями по-разному. Это зависело от характера представляемых социальных сил, специфики национальной ситуации в той или иной славянской земле, зрелости отдельных славянских наций, идейных традиций.

Противостоявшие феодализму общественные лагери в славянских землях, кроме польского буржуазно-шляхетского блока, на начальной стадии национального пробуждения преследовали культурно-просветительные задачи. Это определялось потребностями общественного развития славянских народов, но отражало также неготовность еще новых сил к политической борьбе. Главное место в культурном комплексе занимал вопрос о литературном языке. Интерес к нему имел под собой глубокую объективную основу. Формирование общности экономической жизни отдельных славянских народов диктовало необходимость единого литературного языка на народно-разговорной основе для каждой нации, расширения его социальных функций и беспрепятственного развития. Субъективно же представители передовой обще-

ственной мысли воспринимали язык как наиболее ощутимую нить, связывавшую нацию в единое целое, и ее важнейший признак. В условиях, когда языковой вопрос в ряде славянских земель выдвинулся на первый план общественной жизни, тенденция к общественному сближению славян раньше всего и наиболее отчетливо проявилась в поисках путей их единения на базе литературного языка и культуры.

Представители славянской общественности упрочивались в сознании возможности такого единения под влиянием трудов выдающихся ученых, научно обосновавших этническую общность славян. Пробудившийся в конце XVIII в. интерес к прошлому своего народа и этнически родственных ему народов, их языкам, современной жизни явился стимулом к научным поискам и открытиям в области славянской лингвистики, истории и литературоведения. Первым, кто сознательно охватил научным мышлением славянство как целое, был чех И. Добровский. Он явился родоначальником славянского языкознания. Следующим шагом в направлении научного обоснования лингвистического родства славян были труды выдающегося русского ученого А. Х. Востокова и словенца Е. Копитара. Вышедшая в 1826 г. «История славянского языка и литературы по всем наречиям» П. Й. Шафарика явилась первым общеславянским исследованием в области литературоведения. Сочинение Шафарика «О происхождении славян» (1828) и его фундаментальная монография «Славянские древности» (1837) стали первыми научными трудами, доказавшими историческую общность славян. В книгах Шафарика, охватывавших славянство как целое, раскрывались старобытность славянских народов в Европе и их важная роль в формировании европейской цивилизации. Сознание этнической общности славян поддерживали польское языкознание и археология. Труды И. Добровского, А. Х. Востокова, П. Шафарика и других произвели огромное впечатление на славянскую общественность, способствовали дальнейшему повышению интереса к жизни славянских народов, усилили потребность межславянского сближения.

В первой половине XIX в. в кругах славянской общественности, отводивших в соответствии с лингвистическими представлениями того времени правописанию весьма важную роль в развитии языка, высказывались пожелания об установлении единой славянской орфографической системы. Были даже фантастические помыслы о принятии всеми славянами одного из существующих славянских языков в качестве общего литературного языка или создании нового общеславянского литературного языка и развитии на нем единой литературы.

Еще польский филолог С. Б. Линде в предисловии к «Словарю польского языка» (1807—1814) выразил мысль о возможности объединения славян на основе общего литературного языка. В пользу единого славянского литературного языка высказался чешский будитель Й. Юнгман. Вначале он связывал эту идею с

мечтой о политическом объединении славян, но затем отказался от своего замысла⁵. В 1826 г. словацкий адвокат Ян Геркель издал общеславянскую грамматику, где не только пытался теоретически обосновать идею создания общеславянского литературного языка, но и разработал его правила. Геркель считал, что единый литературный язык должен складываться на основе всех существовавших славянских языков⁶. Среди словенских деятелей вплоть до 60-х годов XIX в. были сторонники объединения славян на основе единого литературного языка и делались попытки в этом направлении. Убежденным и наиболее деятельным поборником такого объединения славян был священник М. Маяр. О таком языке он мечтал уже в 30-е годы⁷. В 1848 г. вышла его книга «Правила преобразования иллирийского наречия в общеславянский язык»⁸. Такие взгляды объяснялись стремлением к упрочению позиций отдельных малочисленных славянских народов, испытывавших национальное угнетение. Однако утопические идеи всеславянского литературного языка широкого распространения не получили.

Зато большую популярность в кругах славянской общественности Австрийской империи имела мысль о литературном сближении славян и соединении ближайших родственных народов на основе единого литературного языка. Эти идеи высказывались Шафариком и многими учеными и писателями. Но формы и пути такого соединения мыслились ими неодинаково.

Определенное влияние на прогрессивную славянскую интеллигенцию оказало учение о «литературной взаимности» славян словацкого поэта Я. Коллара. Его содержание было обусловлено реальными условиями жизни словаков на ранней стадии формирования словацкой нации. Еще в поэме «Дочь Славы» (1824) Коллар призывал славян к объединению, видя в этом путь к достижению свободы и равноправия. «Славяне! Единенье — наш закон», — провозглашалось в одном из его сонетов⁹.

Рассматривая славян как «один великий народ», Коллар признавал вместе с тем наличие внутри него четырех «племен»: русского, иллирийского (сербского), польского и чехословакского. Он исходил из идеи «многоплеменного славянского народа»¹⁰. Отталкиваясь от этой теоретической посылки, в которой получили отражение славянское этническое сознание и формирующееся национальное самосознание, Коллар сформулировал программу консолидации духовных сил славян.

⁵ Мыльников А. С. Йозеф Юнгман и его время, с. 87.

⁶ Матéвчик А. Ян Геркель и его идея славянского литературного единства.— In: L'udovit Stur und die slawische Wechselseitigkeit, s. 27—30.

⁷ Petre F. Poizkus ilirizma pri slovencih (1835—1849). Ljubljana, 1939, s. 305.

⁸ Чуркина И. В. Просветительская деятельность Матии Маяра в 40-е годы XIX в., с. 119.

⁹ Коллар Ян. Сто сонетов. М., 1973, с. 115, 117, 147, 163.

¹⁰ Kollár J. O literárgnej vzájomnosti. Bratislava, 1954, s. 109, 136.

Впервые о славянской взаимности Коллар высказался в 1830 г. в «Исследовании об именах, зарождении и древностях славянского народа и его племен», где он предложил свести все славянские литературные языки (в его терминологии — «наречия») к четырем: русскому, польскому, сербскому и чешскому. С еще большей определенностью он сформулировал свои взгляды на славянские литературные языки и литературы в 1836 г. в альманахе «Гронка» и особенно в своем знаменитом трактате «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянской нации»¹¹.

«Литературная взаимность,— писал Коллар,— есть общее участие всех ветвей народа в умственных произведениях своего народа...»¹² В представлении этого словацкого поэта она выражалась в распространении книг, изданных на четырех славянских «наречиях». Будучи свидетелем неуспеха начинаний Геркеля, Коллар отверг мечты некоторых современников о создании единого литературного языка¹³. Литературно-духовный союз славян, в его трактовке, предполагал дальнейшее развитие и обогащение русского, иллирийского (сербского), польского и чешского «наречий»¹⁴.

Но это развитие, по мысли Коллара, должно было протекать по пути установления орфографического единства соответственно для латинской и кирилловской письменности, взаимного лексического обогащения, условного приближения «наречий» к «идеалу всеславянского языка». Коллар образно сравнивал «взаимную всеславянскую литературу» с деревом, которое имеет четыре большие ветви. Каждая из них приносит собственные плоды, но листвами касается и обнимает прочие ветви. Все они растут из одного корня и образуют корону¹⁵.

Учение о славянской взаимности Коллара было нацелено на создание для каждой из четырех групп общего литературного языка.

В своем трактате Коллар подробно останавливался на преимуществах литературного союза славян¹⁶. Прежде всего, по мысли автора, он должен был обеспечить развитие самой литературы путем увеличения читательской публики, повышения тиража сочинений отдельных писателей и т. д.¹⁷ «Литературная взаимность» была призвана стать формой сотрудничества, а для

¹¹ Kollár J. Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. Pesth, 1837. Ссылки в настоящей статье даются на современный перевод трактата на словацкий язык.

¹² Kollár J. O literárnej vzájomnosti, s. 111.

¹³ Там же, с. 113.

¹⁴ Там же, с. 111.

¹⁵ Там же, с. 136, 166, 182—183.

¹⁶ Там же, с. 162 и сл.

¹⁷ Там же.

части славян — и практического культурного слияния с целью обеспечения их всестороннего прогресса¹⁸.

Взгляды Коллара на развитие литературных языков славян и литературы на этих языках отражали общественную потребность в преодолении региональных тенденций к обособлению, проявлявшихся в среде отдельных славянских народов, и в то же время непонимание существа процесса складывания славянских наций, сопровождавшегося становлением национальных литературных языков. В программе Коллара нашла проявление реальная тенденция культурного сближения славянских народов. Тем не менее эта программа являлась культурной утопией, поскольку заложенный в ней принцип сведения всех славянских литературных языков к четырем не отвечал направлению исторического развития славянских народов.

Уже в 1830 г., когда Коллар впервые высказался о славянской взаимности, он подчеркивал сугубо культурный характер славянского сближения¹⁹. В своем трактате Коллар решительно отвергал связь учения о «литературной взаимности» славян с какими бы то ни было политическими построениями, прежде всего с расчетами на соединение славян в одном государстве²⁰.

В поэме «Дочь Славы», над которой поэт работал до самой смерти, присутствует образ Всеславии — родины всех славян²¹. Коллар обращался к грядущим поколениям с призывом:

Потомки, если дряхлые руины
вснова превратите в Славы храм,
.....
Страну создайте, слившись воедино
под именем одним,
.....
Пусть из частей различных будет тело,
но голову должно одну иметь,
дабы не путать черный цвет и белый²².

На основе поэтических образов опасно делать категорические выводы о политических тенденциях автора. Несомненно, однако, что в своих романтических мечтах Коллар рисовал Всеславию как государственное образование славян. Но его программа сводилась к тесному сплочению славянства при сохранении межгосу-

¹⁸ См.: Коллар Ян. Сто сонетов, с. 115, 117, 147.

¹⁹ Rosenbaum K. Ideový charakter kollarových rozpráv o slovanskej vzájomnosti.— In: Kollár J. O literárnej vzájomnosti, s. 29.

²⁰ Kollár J. O literárnej vzájomnosti, s. 111, 112. В литературе высказывались разные точки зрения относительно конечных целей теории Коллара (см. об этом: Лаптева Л. П. Ян Коллар в русской дореволюционной литературе.— В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах). Существуют различия во взглядах на характер концепции Коллара и у современных авторов. (L'udovít Štrú... , s. 19, 94).

²¹ Коллар Ян. Сто сонетов, с. 113.

²² Там же, с. 85.

дарственных границ. Коллар ратовал прежде всего за литературно-духовный союз славян, однако на этом не останавливался. «Если бы все эти мелкие государства и племена,—писал он в своем трактате,— слились в один более обширный, хотя и не политический, как, например, союз немцев, но по крайней мере духовный союз, как это было у греков, то все явления у них приобрели бы больший вес, производили более импозантное впечатление, а благодаря этому и более мощное влияние на Европу»²³. В этих словах содержался робкий намек на желательность какого-то более тесного контакта между государствами со славянским населением, наподобие Германского союза.

Коллар назвал пути утверждения взаимности. Этому должны были служить учреждение книжных лавок в важнейших городах славянских земель, а также в Вене и Пеште, взаимный обмен книгами между писателями, создание кафедр славянских «наречий» в школах, основание общеславянского литературного журнала «на всех наречиях», организация публичных и частных библиотек, издание сравнительной грамматики и словарей «всех наречий», сбор и издание народных песен, пословиц и поговорок, переводческая деятельность²⁴. Это была программа культурного подъема славян, взаимного обогащения их культур. Однако она была ориентирована исключительно на образованные слои славянского общества, предполагала духовный прогресс прежде всего господствующих классов славянских наций.

Важной стороной общественных взглядов Я. Коллара был исторический оптимизм. Его идеи были проникнуты убежденностью в духовном прогрессе славянских народов и их огромных творческих возможностях. Тем самым они оказывали мобилизующее воздействие на прогрессивные силы славян, вселяя в них уверенность в торжество своего дела. Вместе с тем взгляды Я. Коллара и его последователей на славянские культуры, их историю и перспективы развития не были свободны от серьезных преувеличений и элементов мессианизма.

В своем трактате Коллар неоднократно писал об историческом предопределении славян довести жизнь «до высшего совершенства», в котором воплотится идеал человечества. При этом словацкий поэт рассматривал мировой исторический процесс как преемственную деятельность народов в области духовной культуры. Историческое призвание славян, по Коллару, состояло в открытии новой культурной эпохи в развитии человечества²⁵. Таково было его философско-социологическое обоснование потребности единения славян в области культуры.

Нетрудно увидеть в построениях Коллара влияние философии истории Шеллинга и Гегеля. Коллар переосмыслил и применил к

²³ Kollár J. O literárnej vzájomnosti, s. 144.

²⁴ Там же, с. 179 и сл.

²⁵ Там же, с. 145—147, 154, 156.

славянству гегелевский тезис о том, что прогресс человечества на каждом этапе осуществлялся одним каким-то народом, воплотившим в себе в данный момент всемирно-историческую идею. Хотя в историко-социологическом положении Коллара отчетливо прослеживается тема кризиса западной культуры, в своей позитивной части оно сводилось к утопии славянской культуры.

Как содержание, так и общественная роль программы Коллара были глубоко противоречивыми. Отражая процесс становления классового самосознания буржуазных слоев, идеи Коллара в то же время несли на себе отпечаток общей отсталости Словакии, неразвитости новых общественных отношений. Учение о славянской взаимности Коллара мобилизовало общественность на культурную деятельность, на развитие межславянских связей. Но сознательно противопоставленное политической борьбе и тем более насильственным действиям с целью низвержения существующих порядков²⁶, оно одновременно отвлекало внимание прогрессивных кругов от наиболее острых вопросов общественной жизни. Абстрактный, противоречивый характер идей Коллара обеспечил их распространение среди разных групп славянской общественности — от разночинной молодежи, сочетавшей романтическую настроенность с жаждой деятельности, до консервативного дворянства.

В словацкой среде были распространены вариации идей Коллара. Так, К. Кузмани, издатель альманаха «Гронка», разделяя колларовское учение о славянской взаимности, считал, что связующим языком между славянами должен стать русский язык²⁷.

Учение о «литературной взаимности» Я. Коллара наибольший резонанс получило в хорватской и словенской общественной среде. Это было связано с малочисленностью словенцев и хорватов, административно-политической разобщенностью их земель, слабыми позициями перед лицом германизации и мадьяризации, литературно-языковой разобщенностью каждого из этих народов.

Учение Коллара о славянской взаимности было наиболее разработанной и широкой программой культурного сближения всех славян. Наряду с такой «всеславянской» постановкой вопроса выдвигались идеи более узкого, по степени родства славянских народов, культурного единения части славян.

Колларовской концепции вполне соответствовала идея объединения южных славян на базе общего литературного языка и культуры, владевшая умами южнославянской интеллигенции в Австро-Венгерской империи, особенно в 30-е годы XIX в. Идейные выразители новых поднимавшихся общественных сил в южнославянских землях искали в таком единении способ ограждения

²⁶ Kollár J. O literárnej vzájomnosti, s. 111.

²⁷ Pišut M., Die Slowaken und die Idee der slawischen Wechselseitigkeit in den Zwanziger- und Dreissigerjahren des 19. Jahrhunderts.— In: L'udovit Stur..., s. 23.

«своего» народа от насильственной денационализации, улучшения общих условий развития, а также преодоления внутренней изолированности разных частей одного народа. Но пути и формы соединения южных славян в зависимости от классовых притязаний буржуазных слоев каждой из южнославянских земель мыслились их идеологами по-разному.

Загребская концепция объединения южных славян на основе литературного языка, сформулированная Л. Гаем и его сподвижниками, предполагала создание общего литературного языка южных славян путем слияния всех наречий. Различия в письменности, наличие у южных славян двух алфавитов хорватские деятели намеревались преодолеть, провозгласив равноправие кириллицы и латиницы и призвав образованные слои овладеть тем и другим алфавитом²⁸. Таким путем они рассчитывали преодолеть приверженность устоявшимся литературным традициям в разных частях хорватских земель и по возможности облегчить процесс слияния южных славян. На концепции Гая и его единомышленников оказались особенности развития хорватского народа: наличие богатой литературы на всех трех диалектах (штокавском, кайкавском и чакавском), которые были распространены в хорватских землях.

На практике загребская филологическая школа приняла за основу нового литературного языка новоштокавский диалект, на котором говорила большая часть хорватов и все сербы. Вместе с тем, стремясь к межнациональному компромиссу, она включила в него и некоторые элементы других диалектов.

Созданный загребской филологической школой литературный язык, которому было дано название «иллирийский», в действительности не мог быть и не стал общим южнославянским литературным языком, поскольку у южных славян не было единой народно-разговорной базы. Он стал национальным литературным языком хорватов. Но частично замыслы хорватских деятелей оправдались: был открыт путь к единству ближайших родственных народов — хорватов и сербов.

В 30-х годах XIX в. в кругах словенской общественности также получили распространение планы объединения южных славян на основе единого литературного языка. Словенские деятели руководствовались в данном случае стремлением обеспечить национальное существование словенцев в условиях растущей германизации. Ст. Враз, наиболее последовательный среди словенцев сторонник южнославянского единения, в 1838 г. писал поэту Ф. Прешерну: «Уже сам взгляд на малочисленность нашего словенского народа... убеждает нас в необходимости присоединения к какому-нибудь соседнему и родственному народу»²⁹. Однако

²⁸ Лещиловская И. И. Иллиризм, с. 134, 169, 170.

²⁹ Цит. по: Bogetić L. Nacionalno budiće jugoslovenskih naroda i nacionalni

среди словенских деятелей не было единства взглядов на пути такого объединения. Священники О. Цаф, А. Кремпл, Д. Трстеняк придерживались точки зрения о необходимости создания единого литературного языка путем слияния всех наречий. У. Ярник, М. Маяр, соглашаясь на принятие словенцами литературного языка на штокавской диалектной основе, в то же время настаивали на включении в новый язык некоторых особенностей словенского³⁰. В этих требованиях в большей или меньшей степени давала о себе знать растущая потребность в литературном языке, понятном для всех словенцев.

Во второй половине 40-х годов XIX в. под влиянием развития словенского национального самосознания большинство словенских сторонников южнославянского единения отошло от концепции слияния южных славян на основе единого литературного языка. Господствующим стало мнение о необходимости духовного сближения словенцев с другими южнославянскими народами при сохранении словенцами своего литературного языка.

И. Суботич от имени буржуазной сербской общественности тоже выступал за общий литературный союз южных славян. Но при этом, придерживаясь великосербской позиции, он считал всех их сербами. Такое объединение, по мысли Суботича, должно было произойти только на основе сербского литературного языка³¹. Однако вопрос о самом литературном языке сербов оставался открытым. В 20—40-х годах XIX в. в сербской общественной среде по этому вопросу шла острые борьба. Вук Караджич, предложивший реформу сербского правописания, выступивший с теоретическими сочинениями о грамматике нового литературного языка сербов и давший практические образцы прозы, а также его прогрессивно настроенные сторонники ориентировались исключительно на народно-разговорную речь, большая часть сербских литераторов и публицистов выступала за развитие литературного языка сербов путем синтеза народного языка с церковнославянскими формами, но оставались и откровенные поборники сохранения церковнославянского языка как литературного. Митрополит Раичич не прочь был даже видеть церковнославянский язык в качестве общего литературного языка всех славян.

Как для хорватских, так и для сербских деятелей, выражавших потребности и тенденции буржуазного развития, главным вопросом в южнославянской проблеме были сербско-хорватские отношения. Принятие Гаем новштокавского диалекта как основы для общего литературного языка хорватов и полный разрыв В. Караджичем в литературно-языковой реформе с церковно-

programi građanskih političkih stranaka XIX i početkom XX veka.— «Zbornik radova». Beograd, 1973, N 1, s. 132.

³⁰ Petre F. Poizkus ilirizma..., s. 114—115, 205, 277—279, 285—286, 305—307.

³¹ «Новый Сербский Летопис», ч. III, 1839, с. 102, 115.

славянской традицией означали коренной поворот в культурном развитии хорватов и сербов в направлении установления их единства на основе литературного языка. Однако в те годы оно осталось неполным. Караджич был сторонником однодиалектной основы литературного языка, опирающегося исключительно на новоштокавские говоры иекавского произношения, в то время как язык загребской филологической школы основывался на группе диалектов³².

В 1850 г. в Вене хорватские и сербские ученые и литераторы И. Мажуранич, Д. Деметер, И. Кукулевич-Сакчинский, Дж. Данничич, Ф. Миклошич и В. Караджич подписали соглашение об установлении единства литературного языка сербов и хорватов. Оно знаменовало собой победу лингвистических принципов Караджича. Но практически такое единство установилось лишь к концу столетия. Конкретный случай с сербами и хорватами показывает, что высказывавшаяся славянскими будителями мысль о едином литературном языке для некоторых близко родственных народов могла быть реальной лишь в отдельных ситуациях.

Буржуазные идеи культурного сближения и единения всех или части славян были вызваны к жизни в конечном итоге исторической тенденцией развивавшегося капитализма к сближению наций. Проявляясь в условиях нараставшего чужеземного давления на малые славянские народы, она порождала их потребность во взаимной поддержке и опоре. В свою очередь идеи славянской общности оказали обратное воздействие на общественную жизнь славянских наций, в том числе на формирование их культур.

Первая половина XIX в. была временем складывания национальных литературных языков славянских народов, предопределявшего становлением экономической общности каждой нации. Общественные потребности претворялись в сознательной деятельности национальных идеологов, ученых, писателей, публицистов в соответствии с их восприятием славянской общности и пониманием языкового и литературного процесса. При всех различиях в принципах языковых реформ славянские деятели, проводившие их, сознательно стремились к орфографическому (в рамках соответствующего алфавита) объединению и лексическому взаимообогащению новых литературных языков славянских народов. Особенно отчетливо это проявилось в установлении орфографического единства основанных на латинице чешского, словацкого, хорватского и словенского национальных литературных языков. В своем дальнейшем развитии они испытывали постоянное взаимовлияние. Сознательное стремление к единению славян ограждало писателей от искусственного отделения языков друг от друга.

³² Jonke L. Jezična problematika u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda.— «Kolo», 1966, N 8—10, s. 236, 238—241.

Славянские художественные литературы, развивавшиеся на новых языках под знаком идей славянской общности, находились в тесном взаимодействии между собой. В данном случае речь идет не о внешних литературных связях, функции которых сводились к взаимному ознакомлению общественности отдельных наций с их литературной жизнью, хотя и в этом было свое рациональное содержание, но о более глубоком процессе идейных и художественных влияний.

Важным компонентом литературного процесса у славян в первой половине XIX в. было активное усвоение и творческая переработка прогрессивными писателями и поэтами художественных достижений других славянских народов. Идейные и художественные влияния в области литературы, безусловно, имели место и в предшествовавшие периоды исторического развития славян. Однако никогда до этого межславянские контакты в области культуры не достигали такой широты, глубины и интенсивности. Славянские народы обнаружили для себя в тесном взаимодействии невиданные возможности культурного развития. Межславянские связи, развитию которых весьма способствовала идеология славянского единения, открывали новые идейные и художественные горизонты для развития славянских культур.

Тесное сотрудничество формирующихся славянских наций в области культуры было необходимой предпосылкой их взаимного обогащения духовными ценностями. Существенное значение имело в данном случае повышение внимания славянской общественности в Австрийской империи к творческим достижениям русского народа. Особенно разительными были перемены в сравнении со второй половиной XVIII в. Политика Марии-Терезии и Иосифа II в области культуры преследовала, в частности, задачу изоляции славян империи от России. Позиция официальных австрийских властей в этом вопросе в дальнейшем мало изменилась. Однако они не могли полностью игнорировать общественные тенденции пробуждавшихся славянских наций.

В годы общественного подъема прогрессивные славянские литераторы видели эталон идейной и художественной зрелости в произведениях великих русских писателей и поэтов.

О Пушкин! Чудотворец языка!
Как обмелел поэзии поток,
Когда оборвалась твоя строка! —

писал Коллар в одном из своих сонетов³³. Многие славянские литераторы, в особенности хорватские поэты С. Враз, И. Мажуранич, Д. Деметер, испытывали на себе влияние русских классиков.

Рассмотренные выше процессы имели под собой объективную основу, состоявшую в реальном положении этнически родствен-

³³ Коллар Ян. Сто сонетов, с. 221.

ных славянских народов на заре их формирования в нации. Но они форсировались благодаря субъективному фактору: идеями славянского единения, захватившими наиболее активную часть славянской общественности.

Идеи сближения славян сыграли положительную роль в процессе взаимовлияния и взаимообогащения славянских наций. Это касалось не только художественной культуры, но и идейных заимствований, освоения новых форм общественной деятельности и т. д.

Однако буржуазные идеологи и руководители, провозглашая идеи сближения славян и практически претворяя их в жизнь, насколько это сообразовывалось с реальными процессами, одновременно действовали в направлении национального обособления. В одних случаях, как это было, например, с языковой реформой Л. Штура, означавшей независимое от чехов культурное развитие словаков, подобные действия определялись процессом размежевания славянских наций. В других случаях дезинтеграционные действия проистекали из узоклассовой корысти буржуазии.

Идеи культурного сближения славян отнюдь не всегда были связаны с помыслами о создании славянского политического союза в тех или иных его границах, с объединительными построениями политического характера, но они обязательно предполагали взаимопомощь и сотрудничество славянских наций в борьбе против национального гнета. При этом прогрессивные мыслители имели в виду прежде всего судьбы «своих» наций. В конечном же итоге буржуазные программы культурного единения славян служили политическим целям — достижению национальной свободы и равноправия славян и изменению их положения в системе европейских народов.

B. E. Гусев

ФОЛЬКЛОРИЗМ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В последнее десятилетие внимание международной научной общественности привлечено к проблеме фольклоризма. Она осознается не только как проблема фольклористическая, но в равной мере и культурологическая и социальная. Нас в данном случае она интересует в связи с процессом становления национальных культур славянских народов.

Термин «фольклоризм» употребляется в современной советской науке не очень часто и потому нуждается в объяснении.

Обычно введение его в научный обиход связывают с именем западногерманского этнографа Ганса Мозера, широко использовавшего этот термин в своих статьях начала 1960-х годов. Именно с тех пор понятие «фольклоризм» стало общеупотребительным в зарубежной науке. Впрочем, в интересах истины следует признать, что и западноевропейским, и советским ученым этот термин был известен задолго до появления статей Г. Мозера.

Не касаясь сейчас истории английского термина «фольклор», заметим, что в международный обиход он вошел лишь после лингвистической обработки фольклориста второй половины XIX в. Поля Себийо, который предложил ряд словообразований, в том числе и понятие «фольклоризм» для обозначения разных форм занятий и увлечений народным творчеством (в быту, в искусстве, в литературе, в науке и пр.). В советской науке слово «фольклоризм» использовалось М. К. Азадовским в работах 1930-х годов для «неакадемических» форм занятий фольклором. Им М. К. Азадовский обозначал «фольклорные интересы» писателей (одна из его статей так и называлась — «Фольклоризм Лермонтова»), а также отношение к фольклору критиков, историков, публицистов (фольклоризм Белинского, Добролюбова, Полевого и др.). Иными словами, фольклоризм рассматривался М. К. Азадовским как понятие, сходное с фольклористикой, но не тождественное ей. Такое понимание закрепилось в обобщающем труде М. К. Азадовского — первом томе «Истории русской фольклористики». Надо признать, что по сравнению с французской традицией М. К. Азадовский ограничил смысл понятия «фольклоризм». Однако В. М. Жирмунский в предисловии к названному труду М. К. Азадовского истолковал термин «фольклоризм» шире, как «различное понимание народного творчества и народности в разные эпохи литературного и общественного развития»¹.

Именно такое истолкование имеет принципиальное значение для определения сущности интересующего нас явления, которое стало важным элементом общественной жизни и идеологической борьбы.

Фольклоризм можно определить как социально обусловленный и исторически развивающийся процесс освоения, воспроизведения и трансформации фольклора в иных видах культуры. Между тем зачастую принимаются во внимание лишь некоторые внешние, второстепенные признаки фольклоризма, а не его существенная особенность. Поэтому имеющиеся в современной зарубежной науке концепции фольклоризма нуждаются в уточнении.

Сущность фольклоризма Мозер видит в «опосредованном распространении и демонстрации народной культуры из вторых

¹ Жирмунский В. М. М. К. Азадовский. Биографический очерк.— В кн.: Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. 1. М., 1958, с. 14.

рук»². Несколько с иной стороны к проблеме фольклоризма подходит Г. Баузингер: он обращает внимание не столько на «вторичность» явлений народной культуры, характерную для фольклоризма, сколько на их иное, чем в традиционной культуре, функционирование вследствие перехода фольклорных явлений из местной, локально ограниченной среды в более широкую и подчас «чужую»³.

Обозначая словом «фольклоризм» распространенные в современной культуре так называемые вторичные явления народной культуры и давая им отрицательную характеристику, некоторые западноевропейские ученые фиксируют объективно существующие в буржуазном обществе формы адаптации фольклора и характерные для него функции. Так, Мозер пишет, что современный фольклоризм отличается тем, что он «прежде всего коммерциален и крепко спаян с двумя значительными промышленными отраслями, которые обычно называются индустрией туризма и индустрией развлечения»⁴.

К сожалению, рассуждения и смысл, вкладываемые в термин «фольклоризм», возникшие на основе повседневной практики и культурной политики в современных капиталистических странах, некоторые зарубежные коллеги автоматически переносят на все эпохи в истории культуры. Тем самым утрачивается исторический подход и классовый критерий в оценке фольклоризма как международного явления.

В дискуссии о фольклоризме неизбежно возникают различные подходы и противоположные оценки этого явления. Показательно в этом отношении обсуждение проблемы на страницах журнала «Zeitschrift für Volkskunde», в котором приняли участие фольклористы Венгрии (Т. Деметер), Польши (Ю. Буршта), Югославии (Д. Антониевич), Швейцарии (Г. Трюмпи), Португалии (Г. Диас), ФРГ (Г. Баузингер), США (Р. Дорсон)⁵. Характерна также полемика, развернувшаяся на конференции по проблемам фольклоризма в Польше⁶, на методологическом семинаре чехословацких фольклористов «Фольклор и современность», на конгрессах фольклористов Югославии и в научной печати этой страны.

Например, в Югославии одни специалисты с понятием «фольклоризм» связывают лишь его негативные формы, аналогичные тем, которые он приобрел в буржуазных странах, именно рекламно-коммерческую эксплуатацию фольклора, псевдонародные стилизации, обслуживание туристов и т. п. На позиции анти-

² Moser H. Vom Folklorismus in unserer Zeit.— «Zeitschrift für Volkskunde». Stuttgart, 1962, J. 58, H. 2, S. 179—180.

³ Bausinger H. Folklorismus in Europe. Eine Umfrage.— «Zeitschrift für Volkskunde». Stuttgart, 1969, J. 65, H. 1, S. 5.

⁴ Moser H. Указ. соч., с. 199.

⁵ «Zeitschrift für Volkskunde», J. 65, H. 1, S. 1—64.

⁶ Folklor w życiu współczesnym. Poznań, 1970.

фольклоризма стоит югославский фольклорист Д. Антониевич, который на XII конгрессе фольклористов Югославии выступил с докладом под характерным названием «Борьба против фольклоризма — одно из условий творческого развития современного фольклора»⁷.

Противоположное отношение к фольклоризму высказывает загребская фольклористка М. Бошкович-Стулли. Она стремится подойти к нему исторически, дифференцирует в нем разные тенденции в сложных условиях развития социалистической культуры в Югославии. Она различает два типа современного фольклоризма: туристически-коммерческий, или пропагандистский, рассчитанный на экспорт и на обслуживание зарубежных туристов, и второй, представляющий «внутреннюю» перспективу его развития, служащий для удовлетворения духовных запросов самого населения. Бошкович-Стулли приходит к выводу, что современный фольклоризм — сложное, противоречивое явление, вызванное многими причинами и что «фольклоризм сам по себе ни хорош и ни плох <...> Уровень и качество облика фольклоризма зависит от уровня его носителей и организаторов, шире говоря — от уровня всей общественной среды»⁸.

Думается, что М. Бошкович-Стулли ближе всех своих коллег подошла к сути проблемы, к диалектическому определению фольклоризма. Это особенно заметно при сопоставлении ее статьи с одной из последних работ Г. Баузингера, озаглавленной «Фольклоризм как международное явление». Он прав, когда отмечает не только негативные, но и позитивные проявления современного фольклоризма (и здесь он выступает уже как антагонист Ганса Мозера). Однако Баузингер непоследователен в реализации своего же тезиса о необходимости дифференцировать явления фольклоризма не по признаку «первичности» и «вторичности» форм народного искусства, а по их функциональности. Точнее, сама функциональность понимается Баузингером, как и многими другими зарубежными фольклористами, односторонне, лишь как связь с теми или иными формами обрядности, быта и т. п.⁹ Между тем всякий фольклоризм характеризуется не только бытовыми, но и определенными социально-классовыми функциями. И в этом смысле недостаточно ограничиться общей формулой «фольклоризм — международное явление». Важно увидеть за внешние сходными его признаками и существенные различия в истоках и природе в разные эпохи истории культуры.

Когда начинались дискуссии о фольклоризме, первоначально создавалось впечатление, что это — явление лишь нового времени.

⁷ Rad XII Kongresa Saveza Folklorista Jugoslavije. Ljubljana, 1968, s. 61—65.

⁸ Bošković-Stulli M. O folklorismu.— In: «Zbornik za narodni život i običaje». Zagreb, 1971, knj. 45, s. 175—186.

⁹ Bausinger H. Folklorismus jako mezinárodní jev.— «Národopisné aktuality». Brno, 1970, roč. VII, č. 3—4, s. 217—220.

Между тем, разумеется, фольклоризм старше и самого термина, и тех явлений, которые характерны для современности. Наивно было бы думать, что фольклоризм возник только в нашу эпоху. В европейских странах фольклоризм сопровождает и эпоху Ренессанса, и эпоху Просвещения, и Романтизм. «Вспышкой» фольклоризма отмечено начало XX в. В общей форме можно утверждать, что фольклоризм как общественное явление появляется тогда, когда объективные условия социального и культурного прогресса затрудняют развитие традиционных форм создания и бытования фольклора в самой народной жизни, когда фольклор из своей естественной и локальной бытовой среды переходит в иную социальную среду, становится объектом интересов интеллигенции, когда фольклор воспринимается как утрачиваемая ценность и вместе с тем как необходимый источник и материал для создания или для возрождения национальной культуры. В зависимости от исторических, социальных и национальных условий в той или иной стране фольклоризм может приобретать различный облик, наполняться различным идеологическим содержанием, выполнять различные общественные функции. Антиисторично переносить признаки современного фольклоризма на фольклоризм прошлых эпох.

Фольклоризм конца XVIII — первой половины XIX в. — процесс, сопутствующий национально-освободительному движению, пробуждению национального самосознания славянских народов, процесс, который сам по себе в значительной мере способствовал образованию национальных культур славянских народов, был фактором, содействующим их становлению.

Не представляется возможным в небольшой статье рассмотреть конкретные и частные случаи фольклоризма интересующего нас времени, все национальные и тем более индивидуальные оттенки фольклоризма отдельных деятелей славянской культуры. Это привело бы к неизбежным в таких случаях перечням бесчисленного ряда имен и произведений, из чего можно было бы извлечь лишь тривиальный вывод о том, что фольклор сыграл важную роль в становлении национальной культуры. В наше время это уже не требует доказательств. Более целесообразным и актуальным представляется другое — попытаться определить типы фольклоризма и предложить тем самым программу изучения его как сложной системы, как универсального процесса, охватывающего многие элементы национальной культуры, но выявляющегося по-разному в каждом из ее видов.

Интерес к фольклору в рассматриваемый период проявляется не только в сфере художественного творчества, но и в научной деятельности, а также в повседневном быту. При этом, рассматривая проблему исторически, нетрудно заметить, что первичной и наиболее доступной широким слоям общества, а потому и наиболее распространенной формой увлечения фольклором были различные проявления фольклоризма в быту и лишь затем общест-

венный интерес привлекают занятия фольклором ученых и художников.

В соответствии с этими различными формами освоения фольклора нарождающимися национальными культурами можно следующим образом представить структуру фольклоризма этого периода: а) фольклоризм бытовой и б) фольклоризм идеологический, причем последний, в свою очередь, следует дифференцировать на фольклоризм научный и художественный. Рассмотрим эти типы фольклоризма конкретнее.

Наименее изученным и даже почти не учтенным является бытовой фольклоризм, для которого характерен «выход» фольклора из естественной, народной среды в иную, ненародную сферу и с иным, чем в самом народном быту, функционированием. Этот фольклоризм проявляется в самых различных повседневных занятиях и развлечениях национальной интеллигенции славянских народов, в домашнем быту патриотически настроенных кругов дворянства и буржуазии, стремящихся подчеркнуть и продемонстрировать свою национальную принадлежность. Проявляется это в самых различных формах — в участии вместе с крестьянами в их традиционных обрядах, в слушании и даже рассказывании народных сказок, в пении народных песен. Напевы народной песни слышатся все чаще не только в дворянских усадьбах, где хоры народных песенников и плясуны развлекают хозяина и его гостей, но и в музенировании горожан¹⁰.

Иногда народные песни и пляски выплескиваются на улицы и площади городов. Когда Франц II со своей супругой Каролиной в 1818 году посетил Загреб, украшенный по этому случаю классицистическим декором, на фоне которого исполнялись заранее подготовленные соответствующие музыкально-театральные представления и читались немецкие стихи, неожиданно среди этих декораций появилась группа загребчан, одетых в народные одежды, и демонстративно запела и заплясала народное хорватское коло. Это были молодые, патриотически настроенные интеллигенты во главе с профессором Янко Драшковичем¹¹ (он известен тем, что основал в Загребе «Читаоницу», ставшую одним из очагов национального возрождения). Так выглядел первый публичный всплеск того течения, который получил впоследствии название «иллиризма». Замечу, что в 1830—1840-е годы иллирийцы часто устраивали подобные манифестации, наряжаясь в народное платье и громогласно исполняя народные песни.

В бытовом фольклоризме следует различать две формы: меценатскую, иногда показную (как это было, например, в дворцах польских магнатов или русских вельмож), и другую, демократиче-

¹⁰ См. Трубицын Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века.—«Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета». Спб., 1912, ч. 110.

¹¹ Bošković-Stully M. Указ. соч.; с. 165—166.

скую форму, сопровождавшую быт передовой, патриотически настроенной интеллигенции. Так или иначе этот тип, пронизывающий всю эпоху становления национальной культуры, способствовал развитию национального самосознания и стимулировал иные типы фольклоризма.

Более высокой ступенью был идеологический фольклоризм, охватывавший разные сферы общественного сознания. Прежде всего, это — обращение первого поколения просветителей к родному языку, их борьба за права языка как первоэлемента национальной культуры. Фольклор был одним из первоисточников созданных ими словарей славянских языков, и часто именно этой задаче была подчинена собирательская деятельность в области самого фольклора. В известных записках и письмах Вука Караджича, в том числе и в опубликованном в свое время мною документе, он сам недвусмысленно писал, что первоначально собирание и публикация песен была для него не самоцелью, а лишь необходимым подступом и средством к работе над словарем¹². Такой же целенаправленный характер имела деятельность Добровского и Юнгмана, а в России — Востокова. Этот тип фольклоризма можно было бы назвать лингвистическим, или филологическим. Можно сказать, что подчас этот фольклоризм был несколько ограниченным, лишенным понимания эстетического значения народного искусства. Так, Добровский пренебрежительно отзывался о художественности народных песен. Тем не менее лингвистический фольклоризм рассматриваемого времени имел огромное значение для формирования национальных культур славянских народов в целом.

В этом процессе большую роль сыграла также историческая наука. Известны заслуги русских историков XVIII в., замечательная деятельность Лелевеля, Палацкого, Шафарика, Швеара, Мажураница, Третеняка. Вопрос о фольклоризме славянских историков — один из самых сложных, требующих специального исследования. Бессспорно одно — фольклор служил для них одним из важнейших первоисточников, что в известной мере определило как сильные, так и слабые стороны их исторических концепций. Например, в вопросе о происхождении славян и в попытках воссоздать ранний этап истории славянских народов ученые рассматриваемого периода пользовались не только историческими документами, но и преданиями и легендами, как нашедшими отражение в письменных источниках (летописи, хроники и т. п.), так и непосредственно почерпнутыми из устной традиции.

Методика критического анализа, который позволил бы отделить вымысел от исторической правды, еще не была тогда выработана. Поэтому в исторических сочинениях имело место во мно-

¹² См.: Гусев В. Е. Содействие русских ученых путешествиям Вука Караджича.— In: Rad XI-og Kongresa Saveza Folklorista Jugoslavije u Novom Vindolskom 1964. Zagreb, 1966, s. 272.

гом непосредственное отражение народного взгляда на историю. Но и сам фольклор тогда зачастую трактовался как поэтическая летопись. В особенности настойчиво такой взгляд проводился в отношении украинских дум и южнославянского эпоса. Так или иначе, но именно сквозь призму фольклора — легенд и преданий, исторических и героических песен — смотрели тогда на прошлое славянских народов и историки, и филологи, и фольклористы, и писатели, и композиторы, и живописцы. Мифологические, легендарно-исторические и героико-эпические сюжеты и образы прочно входили в национальное сознание в качестве исторически достоверного материала, как реальные персонажи, как национальные идеалы. Это способствовало воспитанию патриотизма, чувства национальной гордости. Но, поскольку фольклорный материал зачастую интерпретировался в духе идей панславизма, это порождало и известные романтические иллюзии о патриархальном «золотом веке» славянства, а подчас и играло на руку реакционным силам. Поэтому историографический фольклоризм XVIII — начала XIX в. представляется весьма противоречивым явлением, требующим к себе критического отношения.

Что касается фольклорных интересов славянских писателей, композиторов, драматургов, деятелей театра и отражения этих интересов в их творчестве, т. е. художественного фольклоризма, то он хорошо изучен и описан, особенно если речь идет о писателях и композиторах. Необходимо лишь отметить некоторые типологические особенности этого фольклоризма.

Прежде всего обращает на себя внимание различная степень «проницаемости» разных видов искусства для фольклора: сначала и сильнее всего это обнаружилось в области поэзии, затем — музыки и значительно позже и труднее процесс усвоения фольклорного наследия захватил драматургию и театр. Но дело не только в определенной последовательности и различной интенсивности проявления фольклоризма в разных видах искусства. Эта закономерность преломляется по-разному в фольклоризме просветителей и романтиков.

Для просветителей было характерно двойственное отношение к фольклору. Они принимали и культивировали в своем творчестве народные традиции в области «национальных» форм фольклора — пословиц и поговорок, исторических преданий и отчасти исторического эпоса, особенно народной сатиры. И вместе с тем они критически относились к предрассудкам в фольклоре. Их фольклоризм носит дидактический и героико-патриотический характер, в фольклоре они находят опору для своих просветительских идей.

Романтики, в отличие от просветителей, открывают в фольклоре иррациональную сферу «народной души», ориентируются на народную мифологию, религиозные легенды, волшебные сказки, на народные обряды и народный театр. Революционно настроенные романтики обращаются к вольнолюбивой народной лирике,

к антифеодальным историческим и героическим песням и балладам («збойницкие» и «хайдуцкие» песни).

И для просветительного, и для романтического фольклоризма была характерна существенная трансформация фольклорного материала, переработка его в соответствии с выбранными им художественными методами.

Мы затронули лишь некоторые стороны чрезвычайно интересной проблемы фольклоризма. Это не столько ответы и решения, сколько постановка вопросов. Предстоит еще исследовать структуру фольклоризма периода становления национальных культур, познать соотношение и закономерности развития отдельных типов фольклоризма — бытового, лингвистического, историографического, художественного, постичь специфику отдельных видов художественного фольклоризма — литературного, музыкального, театрального, наконец, выяснить национальную специфику фольклоризма в культуре каждого славянского народа. Предстоит большая увлекательная работа, в которой, хочется надеяться, примут участие не только фольклористы, но и литературоведы, лингвисты, историки, искусствоведы.

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

A. V. Липатов

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛЬШЕ XVIII В. (к постановке проблемы)

В XVIII в. в Польше не появилось целостной концепции национальной культуры в виде особых, специально разработанных программ отдельных политических группировок, равно как и в форме научных трактатов. Не было и манифестов (охватывающих проблематику культуры как целостность), которые появились бы в среде литераторов и представителей искусства. Отсутствовала и единая (в доктринальном смысле) линия в политике меценатов, начиная с крупнейших из них (Станислав Август Понятовский, Адам Казимеж и Изабелла Чарторыские), чья деятельность не только наложила определенный отпечаток на литературу и искусство эпохи национального Просвещения¹, но и в значительной степени предопределила ее облик. Поэтому попытка реконструировать концепции культуры в Польше эпохи Просвещения означает поиски и вычленение высказываний о культуре из публицистических, научных и художественных текстов, с тем чтобы потом упорядочить их в соответствии с определенной классификацией, а затем попытаться обобщить. Другой слой факто-графического материала, который необходимо привлечь в целях воссоздания общей картины культуры исследуемой эпохи,— конкретные явления (и проявления) самой культуры. Поиски этого

¹ Общая проблематика польской культуры эпохи Просвещения рассматривается в настоящей работе в основном в рамках периодизации общественно-политической истории, т. е. с 30-х годов XVIII в. (образование партий реформаторов) до 1795 г. (крушение национальной независимости). Периодизация же собственно литературных явлений и явлений искусства как особых областей общественной жизни, по моему мнению, не совпадает с периодизационными вехами политической истории и замыкается в границах 40-х годов XVIII—30-х годов XIX в. (См. подробнее об этом: *Липатов А. В. Проблемы периодизации литературы польского Просвещения.—«Советское славяноведение», 1971, № 3; он же. Периодизация литературы польского Просвещения.—Там же, 1972, № 6.*)

материала, выделение его и интерпретация в собственно национальном и общеевропейском контекстах в сумме своей будут способствовать попытке синтеза (помогут выработать суждение о целом на основе отдельных и частных его проявлений). Поэтому, если речь идет о принципах обобщения во взаимосвязи с характером самого привлекаемого материала, следует, думается, отдать предпочтение методу экстраполяции.

Существуют разные трактовки понятия культуры. Проблема интерпретации явления и его дефиниции весьма сложна и отнюдь не однозначна. Если речь идет о данном исследовании, то здесь привлекаются избранные составляющие элементы культуры, которые рассматриваются в категориях: 1) идеологии, 2) социологии, 3) литературы и искусства — в их взаимосвязи и взаимообусловленности, что предопределяет и сам характер селекции материала. Под углом зрения первой категории группируются материалы политической жизни, экономики, партийных программ и связанного с ними процесса формирования понятия (а вернее, понятий) народа. В непосредственной соподчиненности и взаимосвязи с данным кругом явлений находятся явления социологического плана — речь идет о сословиях, внутрисловной дезинтеграции, национальных меньшинствах, о том, какую роль они играли в идеологических процессах и как идеологические процессы, в свою очередь, обусловливали их общественное бытие. Закономерности идеологического и социологического планов отразились на судьбах литературы и искусства, рассматриваемых в категориях художественных направлений². Эта определяемость просматривается в плане проблемно-тематическом, в степени распространенности, отчасти в хронологии данных явлений, а также в моде на определенные каноны и типы художественной экспрессии. Говоря о последней, следует отметить, что речь идет не о внутренней специфике искусства, обусловленной закономерностями поэтики (в литературе) и системами гармонии (в изобразительном искусстве и архитектуре), а о сфере восприятия, об избирательном отношении к тому или иному направлению, течению, тенденции, соответствующим общественным потребностям и связанным с этим психологическим особенностям определенной социальной среды, политической группировке и т. п. В этой связи следует отметить, что и явления искусства могут в свою очередь — по принципу своего рода обратной связи — влиять на общественное восприятие различных сторон материальной и духовной жизни, на индивидуальное воображение, обуславливая определенные увлечения,

² См. об этом: Липатов А. В. Литературные направления эпохи польского Просвещения и проблема художественного метода.— «Советское славяноведение», 1968, № 4; он же. Проблемы классицизма.— Там же, 1969, № 3; он же. Предромантизм на Западе и в Польше XVIII века (опыт дефиниции и сопоставления).— В кн.: Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973; он же. У истоков польского предромантизма (национальное и общеевропейское).— В кн.: Славянские литературы. М., 1973.

создавая моды, а тем самым детерминируя литературную жизнь, формируя систему и соотнесение направлений в литературе, живописи, архитектуре. Причем это художественное влияние, эстетическое воздействие осуществляются вне соотнесенности с определенной социальной средой или политической группировкой. Так, например, сентиментализм и рококо в литературе, живописи, прикладном искусстве, сентиментальный тип парков, неоготика в архитектуре пользовались успехом как среди сторонников просветительских преобразований, так и среди их противников.

Следует подчеркнуть, что во времена Просвещения культура — в светской ее трактовке — впервые со временем Возрождения становится проблемой не только философской, но и прикладной, будучи одним из важнейших компонентов реализуемой идеи преобразования общества. Это предопределило социально-политическую и — если речь идет о борьбе партий — идеологическую сущность проблематики культуры во всей полноте и взаимосвязи ее составляющих, от быта до мировосприятия. Культура в «век разума» рассматривалась как совокупность определенного опыта, рационального и эмпирического, необходимого для познания реальности и ее преобразования. Само социально-политическое преобразование общества мыслилось как преобразование в первую очередь именно сферы культуры, что, по мнению просветителей, должно было обусловить появление и распространение нового типа мышления, необходимого для разумного переустройства.

С практическим решением этой задачи связана особая роль, отводимая просветителями системе воспитания и типу образования, а в этой связи наукам во главе с философией, литературе и искусству, призванным служить этой цели и в максимально доступной форме³ распространять и популяризировать новые идеи среди широких масс. Основным объектом направленности этой воспитательно-пропагандистской концепции и — как ее практической реализации — общественной кампании был индивидуум, личность. Персонализм просветительской философии и идеологии находится в непосредственной связи с идеей практической реализации идеалов и опирается на учение Д. Локка, согласно которому человек — это продукт воспитания. Просветители верили, что новое воспитание индивидуума и нового поколения как совокупности индивидуумов, перевоспитание-переубеждение находящих-

³ В этой связи знаменателен художественно-публицистический стиль философских работ, появление в литературе таких специфически просветительских жанров, как философская повесть, дидактический роман, мещанская драма. Идея трактовки литературы и театра как орудия в борьбе за реформы и преобразование человеческой личности обусловила то, что тенденциозность, дидактизм стали ведущей и характерной чертой фабульно-сюжетной сферы просветительского произведения. Эта просветительская концепция литературы и ее художественная реализация обусловили и характерные изменения в жанровой иерархии: наибольшее внимание уделяется тем жанрам, которые пользуются особой популярностью — басне, сатире, притче, повести и роману — в литературе, комедии и драме — в театре.

ся в плену старых воззрений и предрассудков индивидуумов старшего поколения и общества (как их совокупности) обусловит победу «идей разума» и их практическую реализацию⁴.

Поставив личность в центре своей морально-общественной доктрины и выработав идею социальных реформ, реализация которых была призвана создать справедливое по отношению к личности, «разумное», «естественное» общество, просветители разных стран при всей общности основных идеалов расходились (и иногда существенно) не только в программах, методах, практике, но и в выборе актуальных и главных целей. Так, например, во Франции просветительские идеи привели к революционному взрыву, результатом которого было выдвижение на первый план политico-экономической жизни страны «третьего сословия». В Англии же, где революция свершилась еще в минувшем столетии, а политico-экономическая система успешно развивалась на основе буржуазно-дворянского компромисса, просветители в качестве основной задачи выдвинули программу морального перевоспитания общества, а в этой связи — совершенствования государственных институтов и системы образования.

В Польше, находящейся под угрозой извне и переживающей общий кризис, определенный изжившей себя феодальной системой, просветители стремились к централизации власти в руках короля, что позволило бы «сверху» провести реформы, призванные укрепить страну и сохранить национальную независимость. Идеалом был «английский образец». В то же время еще с предпросветительских времен поляки присматривались к урокам Петра I («Анатомия Речи Посполитой» С. Гарчинского, 1742; созданный Залускими проект Академии), а позднее — Фридриха II. Однако пути решения, возможные в условиях абсолютной монархии, были нереальны в шляхетской республике, где традиции парламентаризма и демократического мышления (естественно, в границах правящего шляхетского сословия) укреплялись и развивались с XV в. (Именно к этим временам восходит и концепция «шляхетского народа»). В данной связи следует подчеркнуть, что отмечая обусловленность национальных вариантов Просвещения местной общественно-исторической спецификой, необходимо обратить особое внимание на существеннейшую ее составляющую — местные особенности процесса формирования нации.

Думается, что проблему формирования нации, национального самосознания уже в силу самой специфики этого явления плодотворнее всего рассматривать в диахронном аспекте. Синхронный подход целесообразен при исследовании явлений в их сформиро-

⁴ Время сравнительно быстро развеяло эти просветительские убеждения, которые оказались еще одной гуманной иллюзией, еще одной Аркадией, основанной на вере в классовую гармонию. Уже Вольтер — во Франции и Свифт — в Англии первыми уловили непрятливые черты общества и государства, создаваемого победившим «третьим сословием», на которое так упивали просветители.

вавшемся и завершенном виде, диахронный — при рассмотрении явлений как определенного процесса — от зарождения к кристаллизации и завершенности.

В силу этих соображений исторические явления и факты, относящиеся к вопросу формирования нации и национального самосознания в Польше эпохи Просвещения, в настоящей работе будут рассматриваться начиная с 40-х годов XVIII в. К этому времени в идеологии основным «народоопределяющим» моментом было понятие «шляхетского народа». Понятие это опирается прежде всего на критерии не этнические, а социально-политические (что отражается уже в самом определении). История этого понятия — это одновременно и история формирования Речи Посполитой как сословной — шляхетской — республики с ее государственными институтами и идеологией.

«Шляхетский народ» — это правящее сословие. Правящее единовластно уже с XVI в. Единовластно не только с точки зрения сословного представительства в органах власти, но и административно-политической реализации этой власти: роль короля, законодательно ограничиваемая с XVI в., уже в XVII в. была фактически сведена на нет. Последствия этого известны: страна, по определению Маркса, представляла собой конгломерат феодальных провинций, что повлекло за собой внутренний кризис и ослабление международных позиций Речи Посполитой, чем не преминули воспользоваться соседние государства.

Шляхта как правящее сословие создала идеологический миф, функционирующий во всей полноте с XVII в., миф, генетически отделяющий шляхту от других социальных слоев народа. Речь идет о так называемом сарматизме — версии о происхождении шляхты якобы от воинственных сарматов, покоривших местные племена, от которых ведет свою родословную численно преобладающая часть народа — крестьяне. Преобладающая, но не включаемая в само понятие народа. Этническая общность была рассеяна мифологическими (псевдоисторическими) аргументами, имеющими сугубо социальную, классовую подоплеку. Тем самым уже существующий классовый антагонизм идеологически обосновывался, усугублялся и искусственно заострялся вымышленным антагонизмом этническим (который на самом деле — с исторической точки зрения — был псевдоэтническим). Собственно этнические критерии отступали на дальний план перед лицом идеологических. В этом отношении характерно, что сами «потомки сарматов», этот «шляхетский народ» не был — вопреки собственной идеологической доктрине — этнически единым, включая в себя не только польскую шляхту, но и представителей социальных верхов Литвы, Белоруссии и Украины, чьи земли входили в состав польско-литовского государства.

Итак, основными критериями принадлежности к «шляхетскому народу» были социальное происхождение и — после победы контрреформации (с середины XVII в.) — религиозная принад-

лежность (католицизм). Эта последняя была составной частью национального самосознания шляхты и находилась в непосредственной связи с другим аспектом сарматской идеологии: «Польша — твердыня христианства». Этот религиозно-государственный миф, типологически сопоставимый с идеей «третьего Рима» в Московском государстве того же исторического периода, служит тем же внутри- и внешнеполитическим целям. Постоянные конфликты с протестантскими, православными и мусульманскими соседями особо питали этот миф, подогревая веру в национальную исключительность и способствуя распространению ксенофобии. С другой стороны, развитию и усилению этого мифа объективно способствовала и значительная роль Польши (второго по величине европейского государства) в политической жизни Запада, ее большой, а в венской кампании (1683) Яна III Собеского решающий, вклад в защиту Западной Европы от турецкой угрозы⁵.

«Шляхетский народ», идеологически монолитный, не был единым в социальном отношении. Его внутренняя структура была весьма дифференцирована⁶ — от безземельной и малоземельной шляхты, быт которой мало чем отличался от быта горожан или крестьянства, до магнатов, фактически обладавших властью удельных князей. Внутрисословные противоречия призвана была слаживать сарматская идеология (освященное законодательством юридическое равенство всех внутри «шляхетского народа») и стереотип культуры общения, опирающийся на давнюю традицию (здесь в данной связи следует особо выделить панибратство). Так, сарматизм, игравший дезинтегрирующую роль по отношению к другим сословиям⁷, составляющим единый народ (как

⁵ Венская победа Собеского положила конец турецкой экспансии в Западной Европе. После этого разгрома Османская Порта начинает постепенно утрачивать завоеванные центральноевропейские территории; одновременно на Балканах возрастает национально-освободительное движение.

⁶ Так, например, Т. Лепковский выделяет 9 групп (см. *Łepkowski T. Polska. Narodziny nowoczesnego narodu 1764—1870*. Warszawa, 1967, s. 139).

⁷ Знаменательно, что представители «третьего сословия», критикуя шляхетскую концепцию, не противопоставили ей своей точки зрения. Они полемизировали в рамках этой же концепции шляхетской идеологии, не отрицая ее, а лишь корректируя. Так, один из крупнейших представителей народно-городской (совиджальской) литературы Ян Юрковский (ок. 1580 — ок. 1635) ратовал за включение в рамки сарматского народа всех сословий. Насколько типичной и распространенной была такого рода концепция (как бы восполняющая узкосословную доктрину шляхты) судить на основе имеющихся в настоящее время памятников письменности пока еще трудно. Однако уже сам ее характер весьма красноречиво свидетельствует как о преобладающей силе и распространенности в Польше шляхетской идеологии сарматизма, так и о слабости «третьего сословия», теряющего свои права (а с ними и роль в политico-экономической жизни страны) с конца XVI в. в результате монополизации власти шляхтой. Это одна из тех важнейших общественно-политических тенденций, которые привели Речь Посполитую к кризису ее экономической и государственной системы, что особенно отчетливо начинает проявляться со второй половины XVII в.

этническое целое), был в то же время интегрирующим по отношению к шляхетскому сословию.

Что касается практической деятельности, общественной практики, то юридические установления и идеологические декларации не были адекватны фактическому положению вещей. Внутрисословное шляхетское равенство было столь же иллюзорным, как и шляхетский идеал добродетели, выводимый идеологами шляхетской республики из гражданственного идеала республики римской. Низкопоклонство перед стоящими выше в сословно-служебной иерархии, продажность и беспринципность, низкий культурный уровень и тип взорений, ограниченный рамками контрреформационных догматов,— эти черты основной массы «рыцарского сословия» проявлялись во всех областях общественной деятельности и, быть может, особенно пагубно — в политической жизни, когда провинциальные сеймики и общегосударственный сейм в сущности утратили свое первоначальное предназначение и функции, став ареной соперничества магнатов и орудием в руках крупных феодалов, преследующих своекорыстные интересы в ущерб общегосударственным. Панибратский же тип общения «сильных» с «малыми» под покровом юридического равенства и культурной общности скрывал фактическую социально-экономическую и политическую сущность взаимосвязей верхних и низших слоев правящего в условиях феодальной системы сословия — отношений сюзеренов с вассалами.

Кризис ренессансных идеалов шляхетской демократии во времена победившей контрреформации (со второй половины XVII в.) ощущался и внутри «шляхетского народа» (речь идет об интеллектуальной элите), вызывая беспокойство таких крупнейших писателей и идеологов сарматизма, как В. Коховский и А. М. Фредро. Ощущение кризисности усиливается в период катастрофического упадка «саксонских времен» (конец XVII — середина XVIII в.), когда делаются первые, правда, неудавшиеся попытки исправления существующего положения. В этот же период формируется и партия сторонников просветительских преобразований. В 1764 г. с возведением на престол Станислава Августа Понятовского эта партия приходит к власти. В общественно-политической жизни страны открывается новая эпоха, которая началась с попыток реформ «сверху». Реализация реформ в условиях шляхетской республики⁸ могла осуществиться только парламентарным путем — через большинство в провинциальных сеймиках и общегосударственном сейме. Поэтому борьба за реформы стала борьбой за умы. Идеалам незыблемости традиций была противопоставлена идея преобразований и нововведений, соответ-

⁸ В это время шляхта составляла 9—10% населения. После первого раздела (1772), по подсчетам Б. Лесьнодорского, среди 40% населения, которое родным языком считало польский, было 25% шляхты. В Европе подобное процентное соотношение выступало лишь в Испании и, в меньшей степени, в Венгрии (см. Łepkowski T. Polska..., s. 138—139).

ствующих духу времени. Что касается идеологии, то здесь все старые концепции сопоставлялись с новой реальностью, чтобы выявить их пригодность или непригодность в сложившейся обстановке. Отсталости и упадку Речи Посполитой противопоставлялся политико-экономический успех ведущих стран Запада, а со времен Петра I — и России. Тем самым развенчивалась одна из характерных черт сарматизма — ксенофобия и неотделимый от нее миф национальной исключительности. Заново прорубая «окно в Европу», основательно замурованное во времена контрреформации, польские просветители применительно к местным условиям использовали опыт и методы своих западноевропейских соратников по идеи. Это отразилось во всех областях общественной деятельности и искусстве. Основная направленность и главные усилия просветителей были нацелены на создание новых этических канонов, ибо как уже здесь ранее отмечалось, путь к реформам шел — по убеждению реформаторов — через перевоспитание общества. В Польше общепросветительский канон морали, основанный на идеализации добродетелей «третьего сословия», проявляется в проповедуемой для шляхты идее ценности человеческой личности, ценности, определяемой не сословной принадлежностью, как это было раньше, а общественной деятельностью и личными качествами (здесь следует отметить роль «Монитора», ведущего органа сторонников преобразований, который, подобно западноевропейским и русским просветительским журналам, использовал опыт знаменитого «Зрителя» Аддисона и Стиля).

В течение второй половины XVIII в. в связи с философско-идеологическими доктринаами польских реформаторов, с одной стороны, и под воздействием социально-экономических и политических процессов — с другой, можно отметить относительно быстрое складывание новой концепции народа. «Сарматскому» отождествлению этого понятия с шляхтой противопоставлялись две тенденции в лагере реформаторов: 1) отождествление с шляхтой и «третьим сословием», т. е. со всеми, кто обладал личной свободой и определенным имущественным цензом; 2) отождествление народа со всеми сословиями. Тенденции эти просматриваются не всегда ясно и последовательно, усиливаясь и дифференцируясь к 90-м годам, что отразилось и в Конституции 3 мая 1791 г., снискавшей общеевропейскую известность в эпоху Просвещения.

Однозначность названия отнюдь не означает однозначности составляющих ее тенденций. Это особенно характерно для Польши, где просветительство, будучи исторически (качественно) прогрессивным, в количественном отношении уступало тенденциям традиционалистским, что в конечном итоге привело к политическому крушению государства. Только совокупность просветительских и непросветительских концепций дает представление об облике эпохи, как, впрочем, и о каждой из этих концепций, ибо в общественной жизни, являющей собой борьбу идей, каждая из них была объектом соотношения (и противопоставления) для дру-

гой, каждая — через отрицание — стимулировала развитие другой, каждая — в борьбе с другой за массы — способствовала углублению аргументации, расширению круга охватываемых проблем, выявлению их взаимообусловленности и, что особенно важно, — сближению с психологией масс (фактор, необходимый для общественного функционирования идеи). Это сближение осуществлялось на основе становившегося все более интенсивным обращения к национальным традициям.

В этом пункте — при всех различиях используемых традиций и различиях в самом их использовании — заключалась объективная возможность сближения двух противоборствующих, но единых в отношении своих корней и национально-исторической принадлежности тенденций, тенденций, в своей диалектической сумме составляющих единое целое — национальную культуру⁹. Анализ конкретных явлений приводит к выводу, что взаимопротивопоставление этих тенденций не исключало их взаимодействия. Исследование отдельных конкретных материалов эпохи и их рассмотрение в исторической перспективе последующих эпох показывают, что это взаимодействие означало не только взаимообогащение и своего рода амбивалентное сближение, аналогичное физическим законам взаимодействия тел, заряженных положительно и отрицательно. Это было и проявлением диалектического единства складывающейся в противоречиях — исторических, идейных, социальных, философско-художественных — единой общенациональной культуры как своеобразного отражения процесса зарождения нации.

Романтизм — следующая эпоха в истории Польши — был подготовлен, если речь идет о родословной нового и использовании этим новым непосредственно предшествующих традиций, не только Просвещением, но и сарматизмом (тип идеологии и культуры традиционалистов). Однако он подготовлен в значительной степени не этими явлениями, выступающими порознь, в противоборстве, а их синтезом, отправным пунктом которого было обращение к традициям, синтезом, породившим — в плане мировосприятия и искусства — предромантизм. Начало этого синтеза восходит к эпохе Просвещения и датируется 80-ми годами XVIII в.¹⁰ Именно тогда завершился первый «боевой период» просветительской борьбы. Политическое поражение просветителей, само развитие духовной жизни общества поставили их перед необходимостью

⁹ При этом нельзя упускать из виду и другой предпосылки к сближению двух вышеназванных тенденций. Этой предпосылкой была общеевропейская мода — рококо и сентиментализм, не только как направления в литературе и искусстве, но и как тип культуры (преимущественно высокообразованных кругов), который был распространен как среди сторонников просветительских преобразований, так и среди традиционалистов. При этом следует выделить еще один немаловажный аспект этого явления — его роль в процессе интеграции национального и общеевропейского.

¹⁰ См. Липатов А. В. Предромантизм на Западе и в Польше XVIII века...

переосмыслиения максималистской однозначности своей платформы, где, если речь идет о сфере культуры, преобладали концепции перенесения западного (англо-французского) образца на польскую почву. Учет особенностей мировосприятия и психологии шляхты (единственной тогда политической силы Речи Посполитой) в идеологической программе и политической тактике сочетался (и был связан) с учетом национальных традиций (исторических, духовных, художественных) в культуре. Именно в эти годы появляются первые ростки предромантизма. Именно эти годы стали начальным периодом просветительского синтеза в литературе, что шло параллельно с просветительскими устремлениями к сплочению всего народа путем выработки компромиссной социально-политической программы. Говоря о связях просветительского и традиционалистского, нельзя забывать и о сугубо персональных связях: яркий пример — будущий автор национального гимна Ю. Выбицкий, который был сторонником и участником Барской конфедерации, а затем стал одним из ведущих просветительских политиков и публицистов, видным драматургом и поэтом национального Просвещения.

Факторографические данные и выводы исследований отдельных проблем свидетельствуют о том, что взгляды на культуру и на отдельные ее аспекты, элементы в течение второй половины XVIII в. менялись, причем не только в среде просветителей, но и традиционалистов. Это было обусловлено развитием национальной и общеевропейской общественно-политической жизни данного исторического периода. Общая направленность этих изменений отражает социально-экономические закономерности, свойственные периоду формирования нации: при всех различиях концепций просветителей и традиционалистов просматривается тенденция к некоему относительно общему (что отнюдь не означает абсолютному) сближению в существенно важных моментах при нередко диаметрально противоположной трактовке этих моментов. Речь идет о религии, трактуемой по-разному (в духе контрреформации и рационально-просветительски), религии, являющейся общей составной частью как мировосприятия традиционалистов, так и официальной доктрины просветителей (официальной, ибо в частной жизни некоторые польские просветители были деистами и даже материалистами). Речь идет об использовании современного зарубежного опыта, правда используемого по-разному: знаменательный факт — связи идеологов Барской конфедерации с Руссо, применение его идей и употребление его авторитета в борьбе с просветителями¹¹. Речь идет об отношении к национальной истории, об обращении к традициям национального прошлого (при разных критериях выбора этих традиций) перед лицом угро-

¹¹ См. Липатов А. В. Идеи Ж.-Ж. Руссо в Польше XVIII в. и «Нипуанская утопия» И. Красицкого.— В кн.: Польское освободительное движение XIX—XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966, с. 99—115.

зы извне и последующей постепенной утраты государственной самостоятельности. Речь идет о появлении патриотизма (в современном его понятии), хотя и выступающего в разных своих качествах — национально-католическом, фанатически-религиозном (традиции контрреформации), национально-просветительском, демократическом, а в отдельных случаях и революционном (польские якобинцы). Следует отметить анализированное здесь ранее изменение концепции народа: от давней, отождествляющей народ с шляхтой, до новой, просветительской, демократичной, включающей в это понятие все сословия. Во взаимосвязи с этим изменяется и концепция государства — от Речи Посполитой как шляхетской республики до Речи Посполитой как республики шляхты, городского сословия, а в перспективе и крестьянства. От Речи Посполитой времен контрреформации с ее нетерпимостью к иноверцам и инородцам до Речи Посполитой, где просветители проповедовали веротерпимость и уважение к другим народам¹². Отметим еще одну амбивалентность связи нового со старым. Речь идет о шляхетском демократизме. Государственные (парламентаризм), психологические, наконец сугубо бытовые традиции демократизма внутрисословного способствовали развитию демократизма мышления, что в эпоху Просвещения обрело новое, выходящее за узкосословные рамки качество, наложившее отпечаток на деятельность польских просветителей, которые лишь за единичными исключениями были выходцами из шляхты.

При всем принципиальном различии польских просветителей и традиционалистов следует особо принимать во внимание, что, во-первых, речь идет о конфликте внутриполитическом и внутринациональном, а во-вторых, что конфликт этот не был столь однозначным, ибо при противоречиях идеино-политического характера имелось и связующее звено — национальная общность, национальный характер.

Теперь, с перспективы времени следует избегать односторонности и последовательно принимать во внимание тот факт, что и просветители, и традиционалисты стремились к совершенствованию Речи Посполитой, но каждые понимали это по-своему, в соответствии со своим мировосприятием. Яркий пример этой национальной драмы, завершившейся национальной трагедией, — Барская конфедерация, где глубочайший патриотизм сочетался с религиозным фанатизмом и социально-политической платформой, отражающей вчерашний день истории.

Отмеченная выше амбивалентная взаимосвязь просветительского и традиционалистского была, по-видимому, своеобразной предпосылкой явно просматриваемой тенденции к сплочению нации — своего рода попыткой каждой из противоборствующих сторон трансформировать центробежные силы в центростремитель-

¹² Здесь устремления просветителей смыкаются с традициями национального Возрождения (конец XV — начало XVII в.).

ные. Это было продиктовано как угрозой извне, так и стремлением к сплочению всех сил для осуществления возможных и необходимых преобразований структуры Речи Посполитой. В этой связи особый интерес, если речь идет об одной из просветительских концепций национальной культуры и литературы, представляют Пулавы — резиденция Адама Казимежа и Изабеллы Чарторыских, создавших центр, конкурирующий с королевским салоном. Здесь был осуществлен опыт синтеза просветительства и сарматизма, трактуемого как национальное, но очищенное от издержек старины. Так возникает «просвещенный сарматизм». Здесь таятся истоки предромантизма и того, что в полную силу заявит о себе в следующей — романтической — эпохе, знаменующей уже очередной этап истории формирования польской нации и польской национальной культуры.

Л. А. Софронова

САРМАТИЗМ В ПОЛЬСКОЙ ДРАМАТУРГИИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В эпоху Просвещения в польской истории и культуре решительно перестраивалась общественно-политическая жизнь страны, открылись и заняли свое место в системе культуры пресса, театр, научные общества, библиотеки. Это было время, когда распространялись новые идеологические течения. На польской почве прививались идеи французского Просвещения, ширилось демократическое направление отечественной общественной мысли¹. Просветители разработали обширную программу общественно-экономических преобразований. Они требовали прогрессивных реформ в интересах всех сословий, перестройки социальной системы в целом. Огромную роль в реализации этой программы они отводили моральному воспитанию общества, стремились преобразовать его в общество «просвещенных граждан», боролись с наследием саксонской эпохи, противопоставляя ей свою систему ценностей. В решении общественных и этических задач, в пропаганде реформ, с точки зрения просветителей, значительное место должны были занимать литература и искусство, в том числе искусство театральное².

¹ Dmochowski F. K. Sztuka rymotwórcza. Wrocław, 1956; Niemcewicz J. U. Pamiętniki czasów moich. Warszawa, 1957.

² Klimowicz M. Początki teatru stanisławowskiego. Warszawa, 1965; он же. Oświecenie. Warszawa, 1972; Teatr Narodowy w dobie Oświecenia. Warszawa, 1967.

Театр Просвещения своей основной задачей ставил моральное преобразование общества, стремился стать «школой жизни», включиться тем самым в сложную, насыщенную противоречиями борьбу со старыми морально-этическими нормами. Драматурги-просветители, верившие в безграничные возможности человеческого разума, создавали сценические образы сторонников «общественного договора» и его противников. В театре зритель получал уроки морального и общественного воспитания, убеждался в преимуществе знаний перед невежеством, воспринимал житейские советы.

Просветители преимущественно обращались к жанру комедии. Они, «смеясь, исправляли нравы». Следуя уже устоявшимся классическим канонам, драматурги строили «правильные» драматические произведения по общепринятым образцам. Они не добивались разнообразия сценических конфликтов и ситуаций, не искали разнообразного литературного материала, повторяя заданную европейской комедией эпохи классицизма условную схему и постепенно наполняя ее своим, отечественным содержанием, почерпнутым из реальной жизни.

Все просветители-драматурги разрабатывали примерно одинаковый круг понятий и идей. Они призывали к уважению личности вне зависимости от социального положения человека, к выполнению гражданского долга, пропагандировали новые формы бытового поведения, образцы которого они находили в сочинениях западноевропейских просветителей. Поэтому пьесы театра Просвещения, начиная от ранних комедий Ф. Богомольца и кончая политическими комедиями Ю. У. Немцевича и Ю. Выбицкого, имеют много общего. Их объединяет ярко выраженная дидактическая направленность, общность художественных средств, вызванная доминирующим положением классицизма среди прочих направлений, существовавших в Польше в конце XVIII в., общность идеиного содержания, определявшаяся принадлежностью большинства их авторов к прогрессивному лагерю в польской общественной жизни того времени³. Это позволяет рассматривать польскую комедию эпохи Просвещения как нечто целое, как некое структурное единство.

Действие такой комедии всегда происходит в одном доме, в Варшаве или в деревне, где собираются герои, обычно связанные семейными узами. Сюжет комедии реализует в различных вариантах примерно один и тот же конфликт, который сводится к тому, что родители не дают согласия на брак своих детей. Юные влюбленные добиваются своего счастья с помощью различных уловок, обманов, мистификаций, в которых им помогают слуги. Зачастую интрига ведется слугами, дублирующими главных героев, а иногда и переводящими конфликт в комиче-

³ См.: *Kitowicz J. Opis obyczajów za panowania Augusta III. Wrocław, 1951; Magier A. Estetyka miasta stołecznego Warszawy. Wrocław, 1963.*

ский план. Главные персонажи чаще всего статичны. Они в основном излагают в пространных монологах свои взгляды и иллюстрируют их немногочисленными поступками, что характерно для риторического театра. Действие комедий свободно прерывается рассуждениями, диспутами на моральные темы, часто никак не связанными с развитием сюжета. Герои, преодолевая препятствия на пути к счастливому браку, обращаются к зрителям с речами о гражданском долге и патриотизме, о необходимости изучать отечественную историю.

Система действующих лиц комедии построена таким образом, что герои образуют как бы два лагеря, два круга, между которыми проходит строгая граница. Каждому положительному персонажу соответствует выгодно оттеняющий его отрицательный, обычно входящий с ним в конфликт. Герой, олицетворяющий недостатки и пороки, обязательно сталкивается со своим антиподом. Все действующие лица комедии никогда не выходят за пределы своего круга и имеют четко очерченное поле действий. Нарушить границы, предписанные действием, они могут только в finale. Это происходит или с влюбленными, которые наконец соединяются в браке, или с раскаивающимися в своих поступках отрицательными персонажами (Я. Дроздовский, «Ухаживания из любезности»).

Все герои комедий имеют однозначные характеристики, которые строятся на одной, доминантной черте (злой барин характеризуется только как злой барин и т. д.). В подавляющем большинстве случаев это специальные характеристики. Если драматург делает доминантной какую-либо черту характера, то только для того, чтобы показать, как она преломляется в социальных отношениях героя. Конечно, доминантные черты могут сочетаться с другими — скряга может оказаться суеверным, злой барин — плохим отцом,— но эти качества будут только дополнительными. Главные и дополнительные черты могут свободно меняться местами. В одной комедии какая-то черта является доминантной, а в другой — дополнительной и на ней может быть построен драматический конфликт. Но они никогда не сочетаются с чертами, которые характеризуют героев другого круга. Например, качества, свойственные сутяге, не переходят к вертопраху. Это очень важное свойство системы действующих лиц комедии польского Просвещения.

Наблюдая его, мы обнаруживаем, что герои, различно охарактеризованные, могут быть сходны по функциям, которые они выполняют в сюжете. Например, просвещенный философ может выполнять ту же функцию, что скромный провинциал, прибывший в столицу,— быть резонером. Отсталый помещик, строящий свою жизнь по календарям и приметам, и столичный житель, проматывающий свое состояние на модные развлечения, могут выполнять в пьесе одну и ту же задачу — препятствовать счастливому браку дочери или сына. Совпадающие по своим функциям

герои в большинстве случаев охарактеризованы таким образом, что их доминантные черты дополняют друг друга. Сочетаясь, они складываются в единое целое, создают характеристику типа в целом. Так из отдельных частных проявлений создается целостная картина. Из одноплановых, схематически очерченных типов складывается многоплановая фигура, чьи отдельные черты по веерному принципу раскрываются в отдельных пьесах.

Учитывая эту важную особенность просветительской комедии, мы с большой убедительностью сможем выявить, какие общественные типы были представлены просветителями-драматургами на польской сцене конца XVIII в. и в каком аспекте — в положительном или отрицательном.

В польской науке о театре уже давно говорилось о том, что одной из главных задач польской сцены эпохи Просвещения было отрицание и осмеяние тех культурных явлений, идеологии или стиля жизни, которые носили общее наименование «сарматизм»⁴.

К XVIII в. в сознании польского общества потеряли свою привлекательность основные лозунги сарматизма — вера, свобода, родина. Взамен условных фигур носителей сарматской идеологии, защитников «золотой свободы», христианской веры, мирного селянина на первый план вышли реальные типы польской шляхты, для которой идея сарматского происхождения стала самоцелью, так как она «возвышала» шляхту над всем польским народом. В эпоху Просвещения идеология сарматизма особенно отличалась крайним консерватизмом и ксенофобией. В ранг традиции приверженцы сарматизма возвели шляхетское своеволие в оплот всего якобы истинно польского — «либерум вето».

Много раз говорилось и о том, что объектом сатиры XVIII в. и в театре и в литературе была та часть общества, которая легко рассталась с наследием прошлого и слепо копировала все нововведения, проникавшие в Польшу с Запада. «Галломан» (Фирцик), усвоивший только французские моды и манеры, дискредитировавший идеологию Просвещения, не веривший в возможности родного языка, наряду с «паном Сарматским» служил мишенью для польских драматургов и публицистов.

В меньшей степени исследователи занимались одним из вариантов положительного типа, представленного на польской сцене, хотя он был выведен и в первых повестях и романах просветителей, в журнальных статьях и публицистических сочинениях⁵.

⁴ Общую характеристику «сарматизма» XVI—XVIII вв. см. в кн.: История польской литературы, т. I. М., 1968, с. 95, 113 и др.; см. также: Klimowicz M. Oświadczenie. Warszawa, 1972, s. 8—11; Maciejewski J. Sarmatyzm jako formacja kulturowa. Teksty. 1974, s. 13—42.

⁵ Ozimek St. Udział «Monitora» w kształtowaniu Teatru Narodowego (1765—1785). Wrocław, 1957; Staszyk St. Przestrogi dla Polski. Warszawa, 1954.

Наши наблюдения над польской комедией XVIII в. показали, что этот положительный тип во многом был средоточием просветительской идеологии и что он был противопоставлен как представителю старой сарматской культуры, так и ориентировавшемуся на Запад «галломану», хотя и имел с каждым из них общие черты. Перед тем как перейти к подробной характеристике каждого из названных типов и их взаимоотношений, остановимся на их происхождении в польской комедии.

Положительный тип, представляющий предлагаемую просветителями модель общественного поведения, ведет свое происхождение от резонера. Являясь носителем здравого смысла, резонер неукоснительно выполняет нормы поведения и призывает к этому обществу. Так он выглядит в первых польских пьесах, появившихся еще на сцене школьного театра, в комедиях Ф. Богомольца⁶. Постепенно он принимает на себя обязанность декларировать общественную программу польских просветителей, и поэтому в его функции входит, с одной стороны, пропаганда идей Просвещения и следование им, а с другой — поддержание традиций отечественной культуры, выбор тех из них, которые могут быть приняты польским обществом конца XVIII в. и которые, будучи критически переосмыслены, еще хранят актуальность. Этот тип имеет устоявшееся наименование «просвещенного сармата». Отрицательный тип польской комедии, резко осуждаемый просветителями, — это «отсталый сармат», генетически связанный с таким постоянным персонажем классицистической комедии, как «отец героини». Он олицетворяет борющегося против нововведений во всех областях жизни консерватора. Тип неудачного претендента на руку героини, традиционно изображаемый в комическом плане, в польских пьесах конца XVIII в. обогатился чертами «галломана». Только в «Чарах» Ф. Богомольца он — «отсталый сармат». Так в польском театре отразились три основные модели общественного поведения: «отсталый сармат», «галломан», «просвещенный сармат».

Их противопоставленность очевидна. Схематически взаимоотношения этих типов могут быть представлены в виде треугольника, где «просвещенный сармат» противопоставлен «отсталому сармату» и «галломану», а они в свою очередь противопоставлены между собой. Сущность этих противопоставлений становится очевидной после анализа их характеристик, который мы проводим на материале изданных в настоящее время пьес, шедших на сцене Национального театра в последней трети XVIII в.⁷

⁶ Bohomolec F. Komedie konwiktowe, t. I. Warszawa, 1959.

⁷ Bohomolec F. Komedie, t. I—II; Czartoryski A. K. Komedie. Warszawa, 1955; Drama mieszczańska. Warszawa, 1955; Komedia obyczajowa warszawska, t. I—II. Warszawa, 1960; Krasicki J. Komedie. Warszawa, 1958; Zabłocki F. Dzieła, t. I—II. Warszawa, 1877; Niemcewicz J. U. Powrót posła. Wrocław, 1957.

«Отсталый сармат» — антипод просвещенного гражданина, религиозный фанатик, суеверный невежда, строящий свою жизнь по календарям и приметам. Таков он в пьесах Ф. Богомольца «Брак по календарю», «Чары» и в пьесе Ф. Заблоцкого «Суеверный». На этой черте «отсталого сармата» строится их драматический конфликт. Просветители выводят его на сцену злым помещиком, делая социальный конфликт основным конфликтом пьесы («Добрый барин» Ф. Богомольца, «Юбилияр» И. Красицкого, «Сарматизм» Ф. Заблоцкого). «Отсталый сармат» — это приверженец старины, возмущающийся решительно всеми иностранными влияниями в польской культуре, ксенофоб, крайний традиционалист. Он помнит и восхваляет не только мужество, воинственность, суровый образ жизни старых сарматов, но и их пьянство («Пьяницы» Ф. Богомольца), заносчивость и драчливость («Сарматизм» Ф. Заблоцкого). «Отсталый сармат» — сутяга, кляузник («Кляузник» Ф. Орачевского, «Возвращение депутата» Ю. У. Немцевича). Очень часто он выводится как ревностно соблюдающий устаревшие нормы этикета («Юбилияр» И. Красицкого, «Церемонный» Ф. Богомольца). Подавляющее большинство просветительских комедий строится на его характеристике как сторонника патриархальных семейных отношений.

Выход на сцену «отсталого сармата», показ всех его недостатков вызывал недовольство со стороны части польской публики, видевшей в этом персонаже оскорблению отечественных традиций. Достаточно вспомнить письма, опубликованные «Монитором», направленные против Ф. Богомольца, выступление в сейме Я. Сухожевского и стихотворные инвективы на Ю. У. Немцевича в связи с постановкой «Возвращения депутата». Драматурги обвинялись в том, что легкомысленно осмеивали героическое прошлое страны, издевались над национальным польским характером.

«Отсталый сармат» обычно вступает в конфликт с «галломаном». В структурном единстве просветительской комедии они противопоставлены практически по всем признакам, начиная от костюма — элемент большой значимости в театре и жизни XVIII в., с помощью которого декларировались идеальные позиции, положение в обществе — и кончая общественными идеями, которые они выражают. Внешне они борются как приверженцы старых и новых обычаяев. Один — сторонник всего польского, другой — всего иностранного. Один не выезжает за пределы деревни, другой — не покидает Варшавы. Один оснащает свою речь латинскими выражениями, другой — французскими. Их образ жизни диаметрально противоположен. Их контраст дополняется и тем, что обычно «отсталый сармат» — это скупец, «галломан» — мот, первый из них — старик, второй — юноша⁸. Эти герои —

⁸ Klimowicz M. Oświecenie, s. 251.

явные противники. Один последовательно отрицает нормы, которым следует другой. Но их борьба — это отстаивание только форм жизни, а не ее сути. Внутренне «сармат» и «галломан» смыкаются. На самом деле «галломан» только сменил вид развлечений и костюм. Он, правда, появляется в театре, где никогда не бывает «сармат», но для него — это место приятных встреч. Он читает не календари, а книги, но и это — дань моде. Его французский так же плох, как латынь «сармата». «Галломан» поверхностно отрицает систему ценностей «сармата». Все, что не входит в его представления о современной жизни и удовольствиях, именуется сарматизмом. Связи «галломана» с культурой Просвещения чрезвычайно слабы, почти ничтожны. Он сумел усвоить только обрывки и приспособил их, как и «старый сармат», к своей линии поведения. «Галломан» запомнил только «несколько модных слов, пять стихов из Вольтера, научился водить полонез, выбирать прическу, пудру и румяна» («Ночная прогулка по Варшаве» Ф. Заблоцкого). Так выглядит «галломан» в комедиях не только Ф. Заблоцкого («Ухаживания франтика»), но и А. К. Чарторыского («Кофе»), Я. Дроздовского («Бигос бродяг», «Вынужденные ухаживания»). В каждой из этих пьес выдвигается как доминирующая одна какая-нибудь черта «галломана». У Ф. Богомольца это прежде всего слепое копирование французских образцов (см. еще школьную его комедию, основанную на «Смешных жеманницах» Мольера), у Ф. Заблоцкого — мотовство. В комедии нравов высмеивается непостоянство «галломана».

Хотя «сармат» и «галломан» принадлежат к разным культурным эпохам, они не противопоставлены по своей сущности и оба получают одинаково негативную оценку. И «отсталый сармат» и «галломан», по мнению драматургов,— это отрицательные явления в общественной жизни, две крайние точки отклонения от идеальной нормы поведения. Следует заметить, что иногда все-таки «сармат» в глазах просветителей перевешивает «галломана» (ср. творчество Ф. Д. Князьнина, Ф. С. Езерского). В плане оценки этим двум персонажам противопоставлен «просвещенный сармат», который обязательно появляется вместе с ними на правах резонера.

Формально «просвещенный сармат» наделен чертами, которые потенциально могли быть присущи и «сармату» и «галломану» одновременно или сходны с ними. Например, он носит контуш, но читает по-французски, любит жить в деревне, но не отрицает достоинств столичной жизни. «Просвещенный сармат» связан и со старойпольской культурой и с новой западноевропейской, но иначе, чем «галломан» или «отсталый сармат». Он совершил сознательный выбор, взяв из старого и нового то, что могло принадлежать складывавшейся в эпоху Просвещения культуре нового типа. Он не потерял уважения к историческому прошлому своей страны, в какой-то степени остался «сарматом»,

но и воспринял основные идеи философов-просветителей. Поэтому этот персонаж является одной из моделей идеального общественного поведения, которую драматурги-просветители предлагали польскому обществу⁹.

«Просвещенный сармат» стремился найти «в сердце добродетели, а в разуме — просвещение» (Ф. Заблоцкий, «Сарматизм»), призывал общество к согласованию влечений сердца и велений ума, что должно стать основой счастья каждого человека, боролся против предрассудков, зная, что они губят человечество. Он требовал обеспечения прав человека и справедливого отношения к крестьянам, заботился о счастье всего народа («Добрый барин» Ф. Богомольца, «Пяльца» И. Красицкого, «Пышиноскомпский» и «Кофе» А. К. Чарторыского, «Вот так, поваршавски» и «Супруги в разводе» Д. Боньчи-Томашевского, «Ухаживания из любезности» Я. Дроздовского). «Просвещенный сармат» осуждал праздность, призывал к общеполезному труду. Он понимал значение истории как науки и стремился к тому, чтобы каждый гражданин знал прошлое своей страны. Этим объясняется интерес к истории и военным традициям, свойственный всем положительным героям просветительской комедии. «Просвещенный сармат» осуждал погоню за модой, щеголих и вертопрахов. Он был героем не только дидактической, бытовой, нравоучительной комедии, но и центральной фигурой политической комедии Просвещения; имеется в виду первая пьеса этого жанра — «Возвращение депутата» Ю. У. Немцевича, в которой в сентенциях и рассуждениях Подкомория и его сына Валерия содержится вся система ценностей «просвещенного сарматизма». «Просвещенный сармат» в отличие от «отсталого» может быть и стариком и юношей. Эти герои со сцены излагают прогрессивные взгляды просветителей, указывают на общественный долг гражданина, выступают против «либерум вето». В «Возвращении депутата» представлены все три оппозиции, описанные нами, так как Подкоморий и его сын противопоставлены «отсталому сармату», старосте Гадульскому, черты которого современникам напоминали таких реакционных деятелей той эпохи, как Сухожевский, Гулевич, Браницкий.

Фигура «просвещенного сармата» сделалась особенно популярной в период разделов, когда воспоминания о былой польской славе и независимости были одним из источников национального самосознания.

Имея в виду то обстоятельство, что театр во многом служил образцом для подражания в общественной жизни, о чем свидетельствуют многочисленные документы эпохи, что созданные

⁹ См.: *Raszewski Zb.* Staroświecczyzna i postęp czasu.— In: *Staroświecczyzna i postęp czasu. O teatrze polskim 1765—1865*. Warszawa, 1963, s. 295—346; *Klimowicz M.* Sarmatyzm oświecony.— In: *Prace Literackie*, t. XI—XII, 1970, s. 183—214.

им модели поведения находили отражение в жизни¹⁰ в конце XVIII в., мы можем утверждать, что театр выполнял задачу, поставленную перед ним просветителями. Он объяснял, показывал, убеждал, что с их точки зрения должно было решительно помочь в переустройстве всей жизни, в победе новых демократических представлений над старыми. Он не только участвовал в литературной борьбе своего времени, но и создавал нормы общественного поведения. Он должен был «высмеять старые польские обычай и привязанность к либерум вето, господство шляхты, униженное положение низшего сословия, ограничение королевской власти, одним словом, все то, что должна была уничтожить новая конституция», — писал один из зрителей Просвещения¹¹, и Национальный театр это действительно делал.

¹⁰ Лотман Ю. М. Театр и театральность в строем культуры начала XIX века.— In: Semiotyka i struktura tekstu. Warszawa, 1973.

¹¹ Цит. по: Żawadzki W. Bogusławski w oczach obcych.— «Pamiętnik Teatralny», 1954, N 3—4, s. 300.

Л. И. Тананаева

ОСОБЕННОСТИ ПОЛЬСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Специфика польского Просвещения, предопределившая то особое, чрезвычайно важное место, которое эта эпоха занимает в истории польского искусства, во многом объясняется ее переходным характером, двойственной и неоднородной природой. В развитии художественной культуры эта сложность, в частности, проявляется в чрезвычайно пестром стилевом составе искусства, где трудно выделить не только относительно чистое, но хотя бы доминирующее стилевое начало. Не случайно среди искусствоведов стал употребительным термин «искусство эпохи Просвещения», сменивший попытки ввести собственно искусствоведческие определения (например, «классицизм Станислава Августа»)¹. Принятое определение ничего в сущности не говорит о формально-стилевых параметрах искусства (в отличие, скажем, от наименований типа «Ренессанс» или «Барокко», за которыми видится вполне определенная художественная система). Термин «искусство эпохи Просвещения» характеризует изобрази-

¹ См. Tatarkiewicz W. O sztuce polskiej XVII—XVIII wieku. Architektura, Rzeźba. Warszawa, 1966, s. 53—60.

тельное творчество в основном с точки зрения его содержания, связывая с идеологией общества, с тем духом эпохи, который еще В. Смоленский назвал «умственным переворотом».

Отказ от формально-стилевого определения отчасти вызван типологическими особенностями художественного процесса в XVIII в. вообще, который действительно не знал единого, определяющего лица искусства стиля. Развитие искусства начинает идти теперь одновременно по нескольким руслам, причем в формальном отношении они могут быть даже антагонистичными, как рококо и классицизм. В Польше, где большинство новых течений приходило с Запада и появлялось одновременно, течения эти тем более не имели возможности проявить себя полностью, не развивались с той мерой определенности, как это происходило во Франции или даже Германии, но зато с легкостью сочетались, порождая огромное количество сложных, смешанных форм. Но стилевая неоднозначность польского искусства порождена не только этими причинами.

Специфическая «переходность» эпохи, о которой говорилось, заключается прежде всего в том, что на протяжении второй половины XVIII в. в искусстве Польши происходят значительные изменения; это касается всей сферы искусства, всех его уровней: формально-стилевого, содержательного, символического. Резко расширяется сфера светского искусства, не только отличающегося, но и сознательно стремящегося противопоставить себя прежнему, находившемуся под прямым диктатом католической церкви. Искусство эпохи Просвещения решает другие задачи, ориентируется на другие ценности, формирует новый тип художника, иное соотношение творческой личности и общества². Кроме того, Польша преодолевает длительный период культурной стагнации³.

² Rewski Z. *Zagadnienia sztuki w działalności Hugona Kollataja*. Wrocław, 1953; Tałarkiewicz W. *Rządy artystyczne Stanisława Augusta*. Warszawa, 1919.

³ Указанные обстоятельства, кстати, не позволяют, как нам кажется, ставить Польшу в ряд стран, как это делают некоторые наши исследователи, проходивших в конце XVIII — начале XIX в. этап развития если не равнозначный, то стадиально подобный европейскому Ренессансу. Свойственный всей Европе взлет светского искусства в XVIII в., его антиклерикальный, просвещенческий характер отнюдь не предполагает такой общности. Иное дело, что искусство этой эпохи проявляло интерес и внутреннюю солидарность именно с периодом Ренессанса и не раз к нему обращалось. Не носило ренессансного характера, по нашему мнению, и искусство Чехии того периода; национальное возрождение, связанное с этапом становления буржуазной нации, проходило в это время новый и интенсивный этап, однако, если говорить об искусстве, то формы его были типично просвещенческими, с нотами романтизма, в то время как собственно ренессансный этап Чехия уже давно прошла: во времена правления короля Рудольфа II страна оказалась одним из ведущих европейских центров маньеристской культуры, которая была вариантом постренессансного искусства, сильно трансформирующего эту образную систему. Странно было бы проходить Ренессанс через два века после постренессанса, имея за собой и барокко, и раннее

Эпоху польского Просвещения можно рассматривать и под углом зрения рождения и программной выработки новых, европеизированных идей и форм в искусстве, что означало явный прогресс по сравнению с эпохой саксонского правления. Тогда перед нами развернется впечатляющая картина динамичного, бурного развития новаторства во всех видах искусства, возникновения новых функций культуры, новых культурно-художественных связей, нового типа меценатства. Венцом этих новаторских устремлений является сложение тех основ (и идеально-эстетических, и художественных) национальной школы польского искусства, которая несет в себе все существенные признаки искусства нового времени.

Просвещение послужило в истории польского искусства тем тиглем, в котором национальная традиция сплавлялась с разнообразными европейскими формами и на основе их широкого усвоения получила новые стереотипы художественного мышления, оказавшиеся очень прочными. Не случайно исследователи распознают традиции Просвещения в искусстве крупных мастеров XIX в., например самого яркого романтика в живописи, Петра Михаловского. И в том, что отсталость и провинциальная замкнутость сарматского периода была так решительно преодолена огромным напряжением передовых сил общества — великая заслуга культуры этой эпохи. Несколько десятилетий, в которые укладывается правление последнего польского короля (1764—1795), ввели Польшу в сферу универсальных европейских идеалов и художественных форм (об этом свидетельствует, в частности, возобновившаяся прочность и свобода контактов мастеров польского и европейского искусства)⁴. Приведем, как пример, деятельность французского художника Жана Пьера Норблена, которому именно в Польше удалось развернуть полностью свое дарование: он прожил здесь двадцать лет и создал собственную художественную школу, ставшую одним из важных центров искусства эпохи Просвещения.

Нам кажется необходимым отметить в связи с этим следующее: исследования последних лет показали, что идеи Просвещения появились и даже успешно развивались в Польше задолго до правления Станислава Августа. Деятельность Залуских, Конарского и их сторонников, возникновение очагов светского просвещения, как Collegium Nobilium (основан в 1740 г.), и ряд других фактов заставляют взглянуть по-иному на мрачные

Просвещение. Сознательное же воскрешение некоторых традиций XVI в. является вторичным явлением и возникло как закономерное стремление возродить дух прежней независимой Чехии в условиях подъема национального самосознания. Что касается Венгрии, то этап гуманистической культуры, ренессансной по характеру, она прошла раньше Польши и Чехии.

⁴ Batowski Z. Norblin. Lwów, 1911; Ryszkiewicz A. Francusko-polskie związki artystyczne. Warszawa, 1967; Jaroszewski T. Architektura doby Oświecenia w Polsce. Warszawa, 1971.

«саксонские времена». Однако эти факты были связаны в основном с частной инициативой и оставались островком среди сарматской провинциальной Польши. Только с появлением государственной программы преобразований в области искусства и с возникновением национальных художественных кадров, способных воплотить эту программу, чему Станислав Август придавал огромное значение и посвящал много сил и времени, появлялась реальная возможность перемен. Основание «Комиссии от строений», проекты Академии художеств, система заграничных стипендий и многие другие мероприятия, хотя и не были осуществлены полностью, но создали предпосылки для серьезного перелома в области искусства, после которого уже нельзя было говорить о повороте вспять.

Поэтому, если речь идет об изобразительном искусстве и (в меньшей степени) об архитектуре, мы не рискнули бы передвигать границу эпохи Просвещения далеко вперед, в 30—40-е годы XVIII в. (как это делают некоторые литературоведы). Лишь в эпоху Просвещения, имея в виду ее узкое, «станиславовское» понимание, можно говорить о рождении и широком распространении новых форм, об их столкновении со старыми стереотипами⁵. Что касается первой половины и середины XVIII в., то здесь, как нам кажется, можно говорить лишь об отдельных тенденциях: о росте более камерного и интимного начала в портрете, о проникновении некоторых элементов европейской художественной системы в стилистику произведений нескольких крупных мастеров (Чеховича, например) или о новых тенденциях в области книгопечатания и оформления книги, что было связано с пионерской деятельностью кружка Залуских. Ни о каком «просвещенческом искусстве», которое послужило бы аналогом упомянутых явлений из области художественной литературы, говорить, как нам кажется, в это время нельзя.

Тем более драматичным и напряженным оказывается в этой области действительно уникальный по своей роли в истории польской культуры «станиславовский» этап Просвещения.

Возвращаясь к анализу изобразительного искусства, назовем следующее очень важное обстоятельство: происходит распадение прежней системы искусства, прежней иерархии жанров. В Польше появились и были возведены в ранг истинного искусства те жанры его, которые ранее искусством не считались. Нечто подобное происходит и в литературе, где публицистика, романтика, ранее не существовавшие в польской литературе на правах «серьезных жанров», вырвались вдруг вперед. В области изобразительного творчества такая роль была отведена бытовому жанру, в прежние времена почти неизвестному в Польше. Теперь же он стал играть необычайно важную роль, ибо именно

⁵ См. Klimowicz M. Oświadczenie. Warszawa, 1972.

в его рамках развивалась и окрепла патриотическая тематика в польском искусстве времени костюшковского восстания.

Искусство «сарматской» Польши отличала высокая степень интеграции. В сущности и мелкий шляхтич, и «король-сармат» Ян Собеский пользовались теми же культурными стереотипами. Ярким подтверждением этого является, например, концепция рыцарского портрета, а отчасти и весь сарматский портрет — самая обширная область светского искусства того времени. В период Просвещения возникает, напротив, резкая поляризация искусства, отвечающая политическому расслоению общества. Появляется искусство, отражающее вкусы и позиции партии реформ, ему противостоит традиционно-охранительское течение, связанное с широкими слоями шляхты, стремившимися продлить прежний стиль жизни и культуры.

Партию реформ мы понимаем здесь широко, учитывая различные существовавшие в ней направления. Сюда можно отнести короля и его непосредственное окружение, крупнейших магнатов, как Чарторыские и Радзивиллы, но одновременно с идеологией реформаторов связаны и общественные движения предреволюционной Варшавы начала 90-х годов — складывающегося польского «третьего сословия».

В этой сфере общества пропагандировались идеи европейского Просвещения, утверждался классицизм, возникали элементы сентименталистских концепций, элементы рококо. Именно здесь появились первые большие художественные собрания нового типа, создавались проекты Академии художеств, которым не суждено было осуществиться, но которые отражали высокую стадию национального самосознания. Роль Академии, кстати, отчасти выполняла мастерская первого королевского живописца Марцелло Баччарелли, обучившего целый ряд молодых польских художников. Лагерь реформ знал и более радикальную программу искусства, ориентированного на гражданственность, на воплощение патриотических, а во времена восстания Костюшки и национально-освободительных идей (работы Ф. Смуглевича, школа Норблена).

Искусство, развивавшееся в кругу просветителей после кассации ордена иезуитов, под воздействием идей Эдукационной комиссии приобрело ряд новых функций. Если до самого последнего времени в Польше дидактическая, морализаторская функция осуществлялась через религиозное искусство, то теперь эту задачу, необычайно важную для искусства XVIII в., берет на себя светская живопись, в первую очередь — историческая картина.

Расцвет исторической живописи тесно связан с общим подъемом историографии, имевшим место в Польше времен Станислава Августа. Воплощение событий национальной истории ставило перед художниками серьезные задачи воспитания молодого поколения на примере великих деяний прошлого. Истории предназначалась роль «истца и судии» прошедших времен и право

выносить приговор во имя «общего блага». Светское искусство поднимается на такую общественную высоту, на какой оно никогда раньше в Польше не стояло. Живопись воспринимается как государственное дело, оно становится учителем и воспитателем общества.

Виды исторической живописи того времени чрезвычайно разнообразны: она отражает и абсолютистско-просветительские тенденции королевского двора (М. Баччиарелли, Б. Каналлетто, отчасти — Смуглевич), и более демократические идеи. Возникает, например, серия гравюр, непосредственно адресованная массовому зрителю (иллюстрации Смуглевича к «Истории» Нарушевича, которые должны были составить по проекту Коллонтая цикл из 100 гравюр; из них осуществлены были лишь 9)⁶.

Это начинание разделило судьбу многих благородных проектов, возникших в эпоху Просвещения, но так и не дождавшихся своего осуществления. Однако нельзя не отметить принципиальное значение такой задачи — попытки дать в руки простому народу его историю, просветить его ум и воспитать патриотическое чувство. Эту линию в польском искусстве, ее истоки, особенно хотелось бы подчеркнуть как типичную и значительную для дальнейшей его судьбы, как одну из важных традиций, пронизавших собой всю польскую историческую живопись XIX в. Действительно, во времена разделов сохранилась роль исторического жанра: в творчестве Матейки национальная историческая картина поднялась до ранга высокого искусства.

Основы этой традиции, даже некоторые типовые признаки ее — принцип исторической серии, апологетический оттенок в трактовке событий прошлого, ряд постоянных сюжетов — сложились в рассматриваемую эпоху. Тогда же определился и жанр исторического портрета, характерный для Польши, бывший изобразительной параллелью к биографиям крупных деятелей прошлого, которые тоже появились в период Просвещения (в частности, биография Ходкевича, написанная А. Нарушевичем).

Историческая тема воплотила одно из важных устремлений конца XVIII в. Не менее характерным был и другой процесс в искусстве, рожденный общественным подъемом 80—90-х годов. В польское искусство впервые широко входит реальная действительность, причем не как отдельная деталь религиозной композиции или скромный пейзажный фон, но как самостоятельный и эстетически полноценный предмет изображения. Реалистическое отображение мира как бы рождается теперь заново, проникаясь социально-критической тенденцией. Как ни в каком другом виде искусства, в бытовой и патриотической графике отразился демократический дух Просвещения, его озабоченность социальной несправедливостью, его возросший общественный потенциал.

⁶ Porębski M. Malowane dzieje. Warszawa. 1961.

Эти качества нашли свое выражение и в литературе, в частности — в появлении боевой публицистики, обширной, целенаправленной, оказавшей значительное воздействие на формирующуюся национальную литературу нового времени. Сходное явление имело место, как мы видим, и в искусстве: здесь действительность с ее разнообразной проблематикой утверждается через «малый» жанр, казалось бы не приспособленный к решению больших творческих и общественных задач. Речь идет о бытовой зарисовке, перерастающей (хотя и не всегда) в скромную жанровую композицию, о наброске пером или рисунке сепией, черпающих свою тематику исключительно в реальной повседневности.

Большая группа таких рисовальщиков возникла в Варшаве и развивалась в основном усилиями учеников Жана Пьера Норбленна. Они оказались выразителями наиболее радикальных общественных тенденций в изобразительном искусстве Польши того времени. Вся Польша — ее растущая столица Варшава и провинция, магнатские усадьбы и бедняцкие хаты, народные праздники, быт сельской шляхты и жизнь городской улицы с ее характерными типами, а под конец существования независимого государства восставшие мещане и крестьяне, окопы на Праге, сам Костюшко — таков диапазон тем и сюжетов творчества Норблена и его учеников. Эти ученики — А. Орловский, М. Плоньский, Г. Вакуевич и ряд других (под влиянием Норблена практически была вся польская художественная молодежь варшавского круга, включая даже крупного портретиста К. Войняковского) — символизируют своим творчеством появление основ национального искусства на новом этапе своего развития. Традиции школы Норблена долгим эхом будут отзываться в польском изобразительном искусстве всего XIX в.

Черты нового отношения к человеческой личности и поиски новой изобразительной системы видны и в портрете того времени. Понимание человеческой личности изменилось и усложнилось. Преимущественным типом портретного изображения в саксонский период был так называемый сарматский портрет, в основе которого лежал эмблематический принцип изображения. Такой портрет по существу имперсонален, он выступает в первую очередь как носитель социально-репрезентативных признаков личности, хотя и может передавать модель с большой физиономической точностью. Сарматский портрет достигает своей цели во многом за счет внехудожественных компонентов (вспроизводя герб, девиз, многочисленные надписи). Это специфический тип искусства, стоящий на пограничье собственно профессионального и фольклорного творчества, в котором типология отодвигает индивидуальную характерность, психический склад модели на задний план.

История портрета в эпоху Просвещения — это постоянное вытеснение эмблематизма живым, жизненным содержанием, проникновением взгляда художника в духовный мир своей модели

и поиски изобразительных средств, которые смогли бы охватить и выразить новое отношение к человеческой индивидуальности. Здесь происходит тот же перелом, который мы наблюдали и в других жанрах. Усвоив уроки мастерства у Баччиарелли, И. Грасси, И. Лампи, польские художники-портретисты создают по сути новое для Польши искусство портрета, в котором явственнее, чем в других жанрах, выступает национальное начало.

Творчество А. Раецкой, К. Александровича, Ю. Фаворского отражает разные стороны этого процесса, наиболее полное и многостороннее выражение нашедшего в искусстве К. Войняковского, одного из лучших польских портретистов. От этих художников уже можно наметить прямую линию, ведущую к портретному творчеству романтиков.

Таким образом, в разных областях польского изобразительного искусства эпохи Просвещения наметился в 80-х и произошел в 90-х годах решительный сдвиг, в результате которого была преодолена длительная локальная замкнутость изобразительной культуры и начало возникать качественно новое национальное искусство.

Однако, возвращаясь к нашему тезису о переходности рассматриваемого периода, мы должны отметить, что было бы слишком просто и однозначно видеть в искусстве Просвещения только то, что делало его духовным эквивалентом «умственного переворота». Более углубленное рассмотрение эпохи заставляет ощутимо почувствовать, что традиция искусства барокко и шире — эпохи сарматизма, идет ли речь о поэзии, живописи, архитектуре, не только не была побеждена просветителями, но тянулась через все Просвещение, оставаясь в польской провинции единственным существующим типом искусства. В живописи сарматские мотивы угадываются в родовых циклах 90-х годов, в прочности традиции портрета, не исчезающей несмотря на наплыв новых форм, в «рыцарском» оттенке эстетического идеала, дающем знать о себе и в историческом жанре. Эта стойкость барочной подосновы искусства эпохи Просвещения является очень характерной чертой польской культуры и отчасти разъясняет легкость и прочность, с которой укрепился в ней в недалеком будущем романтизм. В том-то и заключалось своеобразие этой эпохи, что, новинуясь исторической необходимости, отвечая на массу новых запросов и потребностей общества, создавая новый тип светской культуры, она парадоксальным образом одновременно входила в огромный пласт старопольской культуры, как его последнее звено. Мы говорили о некоторых реставраторских тенденциях эпохи: может быть, их даже неверно называть «реставраторскими», ибо барокко еще не исчерпало себя, оно существовало не только как сильно задержавшаяся в этом ареале художественная система, уже анахроничная, но как искусство еще вполне способное к развитию и образованию новых форм.

В области культовой архитектуры и скульптуры на землях

Речи Постполитой были созданы превосходные памятники в последние десятилетия XVIII в. Таков, например, храм св. Юры во Львове, а также многочисленные костелы на землях Виленщины и Малопольши. Там, по словам Яна Бялостоцкого, «барокко вошло в симбиоз с поздним рококо, там же; примененное как система декораций интерьера, было использовано для переделки многих готических церквей и создало ошеломляющий стиль, рафинированный и одновременно «наивный». Зедельмейр хотел этот своеобразный симбиоз... назвать *Sonderrokoko*⁷. (Близкие по типу произведения искусства возникали в ряде областей Германии). Великолепная львовская школа деревянной резьбы, полностью остающаяся в рамках церковного искусства, давала такие высокие образцы, как работы Пинцеля или Осиньского в 60-х годах XVIII в. Отзвуки барокко в его «сарматском» варианте будут различимы в польском искусстве еще долгое время.

Л. Н. Виноградова

ИНТЕРЕС К СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ В ПОЛЬСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ НАЧАЛА XIX В.

Зарождение славистических интересов в польской фольклористике связано со сложным процессом становления национального самосознания и развитием национально-патриотического движения. Общественная идеология Польши того периода складывалась таким образом, что романтическое отношение к собственной истории, культуре, народному творчеству подводило одновременно и к осознанию близких связей и единства всех славянских народов. Становление фольклорно-этнографической науки (так называемого народоведения) в Польше приходилось на годы ее политического упадка (конец XVIII — начало XIX в.) и в известной степени определялось стремлением сохранить и воззвеличить духовные ценности своего народа и показать его германское прошлое. Именно обращение к прошлому приводило ученых к наблюдениям об общих корнях народной культуры славян. Эти тенденции отчетливо заметны, например, в деятельности варшавского «Общества друзей науки», основанного в 1800 г. и просуществовавшего до 1832 г. Начиная с первых лет деятельности Общества многие из его заседаний были посвящены вопросам славянской истории, археологии, языка, этнографии, мифологии.

⁷ См.: Rokoko. Studia nad sztuką pierwszej połowy XVIII wieku. Warszawa, 1970; Tatarkiewicz W. O sztuce polskiej..., s. 58—59.

Широкие контакты со славянскими учеными усиливали славистическое направление научных разысканий членов Общества.

Характерно, что в 1802 г. почетным своим членом Общество избрало «отца чешской славистики» Иосифа Добровского, который впоследствии активно переписывался с варшавскими коллегами, высыпал им свои труды и писал рецензии на польские работы.

В 1803 г. на заседании Общества был заслушан доклад только что вернувшегося из Праги Я. Коссаковского «Взгляд на чешскую словесность и связи славянских языков», в котором придавалось большое значение сравнительному изучению славянских языков, названных автором «ответвлениями одного ствола».

Ряд интересных сообщений сделал историк и археолог В. Суровецкий об этногенезе славянских народов, призывая при этом использовать фольклорные и мифологические данные для изучения истории древних славян.

Первая программа в области конкретных этнографических исследований на польских землях была сформулирована в письме Г. Коллонтая к издателю Я. Маю в 1802 г. В ней говорилось о необходимости начать планомерную работу по собиранию в народной среде особенностей диалектов, описаний костюмов, старинных обрядов, народных игр, музыки, танцев, суеверий, песен, сказок, преданий, сведений по народной медицине и т. п.

Но эта программа по изучению народной культуры, с широким комплексным охватом этнографического, лингвистического и фольклорного материалов, смогла осуществиться в Польше лишь во второй половине XIX в. в трудах выдающегося собирателя Оскара Кольберга. Но факт ее возникновения в самом начале XIX в. в польской этнографической науке свидетельствует о ее связях с достижениями начинающей развиваться этнографии и фольклористики в славянских странах, где к тому времени уже были известны первые сборники народных песен и сказок.

Инициатива Г. Коллонтая, составившего первую программу, была подхвачена Виленским университетом, который в 1805 г. опубликовал анкету для собирания материалов из жизни народа. Это была попытка найти рациональные моменты в суеверных и обрядовых действиях, а также в народной медицине. «В популярных народных традициях,— отмечалось в анкете,— затуманенных тьмой предрассудков, часто скрываются важные для физики, натуральной истории, медицины, земледелия и т. д. истины»¹.

Особенностью развития польской фольклористики XIX в. было широкое включение в сферу собирательства наряду с польским также украинского и белорусского материалов. Конечно, этот факт определялся тогда не столько славистическими интересами польских учёных, сколько сложившейся традицией охва-

¹ «Nowy Pamiętnik Warszawski», 1805, t. 18, s. 355.

тывать в процессе полевых обследований и земли, входившие прежде в границы Речи Посполитой. Но именно в результате повышенного интереса польских ученых, а затем и поэтов и композиторов к яркому и более богатому восточнославянскому фольклорному материалу постепенно накапливались в польской науке факты из области славянской народной культуры, формируя тем самым предварительные научные выводы о славянской фольклорной общности.

Именно с собирания восточнославянского фольклора начал свою деятельность Зориан Доленга-Ходаковский, который в поисках славянских древностей одним из первых «пошел в народ». Живя некоторое время на Украине и в Белоруссии, он вращался в кругу своих соотечественников — Л. Ширмы, Ю. Немцевича, Ф. Князнина и других,— где в то время горячо обсуждались вопросы славянской истории и древней культуры, работал в библиотеках имений А. Чарторыского и Т. Чацкого, изучая труды по славянским древностям. У него сложилась программа собирания археологических, этнографических и фольклорных материалов, которые должны были дополнить скучные исторические сведения о древнем периоде существования славян. В своих многочисленных поездках по Украине, Белоруссии, Польше, России он собирал сведения по топонимике, изучал способы постройки жилищ, типы славянских захоронений, особенно же тщательно записывал народные обряды и обрядовые песни. В 1818 г. он писал, что у него набралось уже «несколько тысяч старых славянских песен и другие обширные материалы, которые все растут и дают неколебимую уверенность, что вскоре будет снят заслон неизвестности с нашей древней истории»².

Его программный труд «О дохристианском славянстве» (1818) привлек внимание широкого круга ученых славянских стран. Год спустя он был принят в члены варшавского «Общества друзей науки», которое, обсудив деятельность энтузиаста-собирателя, поручило ему провести ряд исследований, в том числе, например, о границах славянских поселений на Юго-Востоке Европы, о диалектах славянских племен, о самоназваниях населения отдельных славянских территорий, об исторической достоверности ряда фольклорных сведений, о типах славянских захоронений, об изображениях древнеславянских богов и т. д. Эта программа дает представление о тенденциях развития польского народоведения в начале XIX в.

² Dolęga-Chodakowski Z. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy. Warszawa, 1967, s. 40. Собрание песен Ходаковского (более двух тысяч текстов) долгое время считалось утерянным. Лишь недавно были открыты автографы нескольких тетрадей этих песен в архивах Киева и Тернополя, благодаря чему это собрание более чем через 150 лет увидело наконец свет (Dolęga-Chodakowski Z. Spiewy słowiańskie, pod strzechą wiejską zebrane. Warszawa, 1973; Українські народні пісні в записах Зоряна Доленги-Ходаковського. Київ, 1974).

Примерно в эти же годы в круг польских славистических интересов входит активная собирательская деятельность Вука Караджича и его первые сборники сербских песен. Первые сведения о нем появились в варшавском еженедельнике «Pamiętnik Naukowy». Вслед за этим начинают появляться в печати образцы сербских народных песен в переводах Л. Ширмы, И. Ходзька, А. Одынца, К. Бродзиньского и др.³

Под влиянием развернувшегося в славянских странах фольклористического движения, активной деятельности Вука Караджича и Ф. Челаковского, собирательского энтузиазма З. Доленги-Ходаковского в среде варшавского «Общества друзей науки» созрела мысль о необходимости составления и издания собственного сборника славянских народных песен. Ее высказал в 1821 г. Казимеж Бродзиньский. В своем докладе на заседании Общества под названием «Замечания о необходимости издания для молодежи собрания песен духовных и национальных» он высказался о народных песнях как об источнике познания не только древней истории и обычая народа, но и его психологии, характера и мировоззрения. Именно в этом докладе прозвучал впервые ставший впоследствии очень популярным призыв к национальным поэтам, писателям и композиторам черпать вдохновение из богатого источника народного искусства.

Особенно высоко оценил докладчик народные украинские, сербские и хорватские песни и считал исключительно полезным для патриотического воспитания молодого поколения издать сборник песен разных славянских народов, чтобы наглядно видна была их генетическая близость. Сам Бродзиньский в это время увлечен был как раз переводами на польский язык украинских и сербских песен.

Реализовать этот проект в те годы так и не удалось, но основные положения доклада Бродзиньского вскоре вошли в перспективную программу деятельности варшавского «Общества друзей науки», которая с 1827 г. включала предложения для секции музыки «заняться собиранием народных мелодий, ста-ринных польских полонезов и других танцев», а для секции поэзии — «стараться собрать и издать народные песни, необходимые для изучения истории народных обычаяй и для воспитания нашего национального духа»⁴.

Все новые и новые публикации переводов русских, украинских, чешских и сербских песен вселяли в души энтузиастов польского народоведения надежду, что в общеславянском поэтическом творчестве будет открыта и показана миру своя богатая мифология и героический эпос, не уступающие древнегреческо-

³ См. об этом: *Frančić V. V. St. Karadžić w kręgu słowianofilów polskich.* — «Pamiętnik Słowiański», 1966, N XVI.

⁴ Kraushar A. Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk. 1800—1832. Monografia historyczna, t. 6. Kraków — Warszawa, 1904, s. 470.

му. Большое впечатление произвели переводы К. Бродзиньским фрагментов «Слова о полку Игореве» и Краледворской рукописи, опубликованные в 1820 г. в журнале «Pamiętnik Warszawski».

Таким образом, первое двадцатилетие XIX в. в истории польской фольклористики было несомненно важным этапом в подготовке конкретной собирательской деятельности. Доклады и выступления на заседаниях Общества, статьи в журналах, переводы славянских народных песен, анкеты и инструкции по сбору этнографического материала — все это формировало общественное сознание в направлении изучения фольклора своего народа и других славян.⁵

Лишь в 30-е годы, как результат развития этих тенденций, начали появляться первые сборники польских, украинских и белорусских песен: в 1833 г. во Львове выходит сборник В. М. Залесского «Польские и русские песни галицкого народа», содержащий около полутора тысяч украинских и польских песенных текстов и 160 мелодий, обработанных для фортепиано К. Липиньским. Через три года издает свое собрание песен К. В. Вуйчицкий⁶, в котором впервые «для показания однородности духа» славянских песен приводились для сравнения с польскими текстами украинские, чешские, словацкие, сербские варианты (Вуйчицкий пользовался известными в то время сборниками М. Максимовича, Ф. Челаковского, П. Шафарика, В. Караджича). Вслед за этими появляются во Львове еще два сборника Жеготы Паули: «Песни польского народа в Галиции» (1838) и «Песни русского народа в Галиции» в двух томах (1839—1840).

Так постоянный интерес к славянской истории, фольклору, народной культуре в целом проявлялся себя как явление чрезвычайно характерное для романтического этапа становления национальной идеологии польского общества.

В свое время проф. А. Брюкнер высказал мысль о том, что этот этап увлечения всем славянским прошел в Польше довольно быстро и после революции 1830—1831 гг. был фактически преодолен⁷.

Но исследования последних лет показали, что и 30—40-е годы в Польше богаты вниманием к славянской культуре. Особенно это относится к общественно-научной жизни Krakowa, Poznani, Wrocławia, Галицкой Руси⁸.

⁵ Wójcicki K. W. Pieśni ludu Biało-Chrobotów, Mazurów, i Rusi, znad Bugu. Warszawa, 1836.

⁶ Brückner A. Dzieje literatury polskiej, t. 2. Warszawa, 1903, s. 83.

⁷ См.: Magnuszewski J. Sprawy słowiańskie na łamach poznańskiego «Tygodnika Literackiego» (1838—1845). — «Pamiętnik Słowiański», 1955, t. 5; Zabłocki T. Fr. L. Celakowski na katedrze slawistyki we Wrocławiu. — In: Prace Literackie, t. 6, Wrocław, 1964; Kukulska M. Materiały słowiańskie w czasopismach krakowskich. — In: Dzieje folklorystyki polskiej. 1800—1868. Warszawa, 1970, s. 253—277.

А. П. Соловьева

СВЯЗИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ
ЧЕШСКОГО РЕАЛИЗМА

В 60-70-е годы XIX в. чешская литература и искусство во многом реализуют стремления, идеалы и смелые начинания, которые были сделаны в предыдущий период и которые были прерваны в годы политической реакции. Концепция демократической чешской литературы, выдвинутая Сабиной в годы революции, была активно поддержана поколениями литераторов 60—70-х годов и успешно претворялась ими в жизнь. Тыловские театральные традиции были развиты в 60-е годы Временным театром, по существу первым профессиональным театром в Чехии, объединившим лучшие, наиболее прогрессивные творческие силы. Рождение чешской оперной классики связано с появлением первых опер Сметаны «Бранденбургцы в Чехии» (1863), «Проданная невеста» (1866—1869) и «Далибор» (1868)¹. В 60—70-е годы складывался и характер чешского изобразительного искусства, представленный такими крупными художниками, как Йозеф Манес, Карел Пуркине, Ярослав Чермак. Не случайно З. Р. Неедлы считал национально-освободительное движение 60-х годов одним из самых ярких периодов в истории чешского народа и, что особенно важно для нас,— в истории чешской культуры².

Каждая культурно-историческая эпоха отличается своей структурой, своей системой связей всех видов искусства, относительным преобладанием того или иного вида. Д. С. Лихачев утверждает, например, что иконописные образы Андрея Рублева «тонкостью психологического анализа и глубиной проникновения во внутренний мир человека»³ значительно превосходят литературные образы той же эпохи, а К. В. Пигарев, — что русская портретная живопись, графика и скульптура (Боровиковский, Тропинин, Кипренский, Шубин) с точки зрения художественного раскрытия образа человека своего времени опережала литературу вплоть до появления «Горя от ума» и первых глав «Евгения Онегина»⁴.

Во всех видах чешского национального искусства 60—70-х годов можно установить синхронность развития художественных

¹ См.: Бэлза И. История чешской музыкальной культуры. В трех томах, т. 2. М., 1973.

² См.: Неруда Ян. Стихи и повести. М., 1944, с. 3.

³ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, с. 104.

⁴ Пигарев К. Русская литература и изобразительное искусство. М., 1966, с. 217.

явлений, совпадение образно-стилистических форм. В это время в чешском обществе все более отчетливо развивается трезвый критический взгляд, побуждающий к пристальному анализу сложной, многогранной действительности, непрестанных изменений в обществе. Главной задачей становится не столько национальное пробуждение и воспитание в национально-патриотическом духе, сколько побуждение к борьбе за демократические преобразования. На первый план выдвигается познавательная функция литературы и искусства, их объективное содержание, усиливается социально-аналитическое начало. Поиски продуктивных национальных традиций, новых эстетических идеалов и художественных средств, призванных отразить современное бытие и сознание, были связаны в середине прошлого века с формированием реалистического направления, которое утверждается в это время в чешской литературе, музыке, театральном и изобразительном искусстве, хотя и не становится еще магистральной дорогой развития искусства. Просветительские, реалистические, романтические тенденции жили в Чехии в сложном переплетении и синтезе на протяжении всего XIX в. Это связано с историческими судьбами чешского народа, в том числе с незавершенностью буржуазно-демократической революции, которая, по определению В. И. Ленина, растянулась в Австрии на два десятилетия. Главенствующая роль в развитии чешской национальной художественной культуры, как и в предыдущий период, по-прежнему принадлежала литературе, которой выпала трудная и почетная миссия народного общественного трибуна.

В эти годы чрезвычайно остро встал вопрос о соотношении «национального» и «интернационального» начал в чешском искусстве. Задача «поднять свою нацию до уровня развития мировой мысли и просвещения», которая была выдвинута Нерудой и его единомышленниками, опиралась на твердую почву убеждения в невозможности изолированного культурного развития Чехии. Это характерно и для статей художника К. Пуркине, одного из первых теоретиков чешского изобразительного искусства. Утверждается более глубокое понимание национальной самобытности, где главным становится не тематика или этнографический аспект, а «истинно чешская основа поэтического действия, подлинно национальные черты драматических характеров»⁵, точка зрения художника, который ощущает себя сыном своего народа, своей эпохи.

Стремление передовых деятелей искусства и литературы «познать широкие проблемы и новые направления, которые определяют развитие прогрессивного поэтического искусства»⁶ у других народов, естественно приводит к попытке осмыслить развитие отечественной культуры в европейском контексте, соотнести

⁵ Neruda Jan. O umění. Praha, 1950, s. 88.

⁶ Neruda Jan. Spisy, sv. 12. Praha, 1958.

его с культурным развитием иных народов, и прежде всего — славянских. Отсюда волна горячих симпатий к национально-освободительному движению славянских народов, обращение к нему в чешской литературе и искусстве (повести и романы П. Хохолоушки, поэзия С. Чеха, картины Я. Чермака, «Славянская рапсодия», славянские танцы Дворжака и др.). Отсюда и сознательное приобщение к опыту русской литературы и искусства, художественные завоевания которых далеко перешагнули границы России. (Высокая оценка чешской критикой произведений Гоголя, Островского, Глинки, Айвазовского и др.).

Если в 20—30-е годы XIX в., как справедливо утверждает С. В. Никольский⁷, художественная задача зачастую усматривалась в том, чтобы поднять литературу и искусство до уровня народного творчества. Если многие произведения были инспирированы соревнованием с фольклором и были выдержаны в духе народной поэзии, народного искусства, то в 60—70-е годы рождаются новые принципы обращения к национальным истокам культуры. В общественном и художественном сознании эпохи возникает более широкое понятие народа, нации, куда прочно включаются уже трудовые слои города, развивающийся пролетариат (проза Неруды, драмы Ержабека, стихи Майера, Шольца, Чеха, портреты К. Пуркине и др.). Деятелей искусства уже не удовлетворяет фольклорно-этнографический аспект изображения действительности со всеми его внешними национальными приметами, уже нет своеобразного соревнования с народным творчеством, той повальной мании обработки и имитации фольклора, когда, по словам З. Неедлы, каждая «антихудожественная имитация народной песни объявлялась каноном национального искусства»⁸. Обращение к фольклору связывается теперь с демократической позицией автора и призвано более отчетливо выявить его общественные устремления.

Плодотворно обращался к народному творчеству Ян Неруда. У него мы нигде не найдем «стандартных слепков» с фольклора, вместе с тем его поэзия обнаруживает явственную близость к народной философии и морали, а широко привлекаемая фольклорная форма, хорошо знакомая и доступная читателю, прекрасно служит поэту для выражения нового отношения к действительности. Например, в балладе «О душе Карла Гавличка Боровского» поэт берет за основу народную песню, известную по многочисленным собраниям. Однако вместо добродетельной христианки он воспевает безбожника, грешника, возносившего к небу одну лишь молитву о сохранении чешскому народу его национального языка. Не христианское смиление, а воинствующий патриотизм открывает перед героем этой баллады две-

⁷ Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального Возрождения.—«Советское славяноведение», 1973, № 4, с. 57.

⁸ Неедлы З. Статьи об искусстве. М.—Л., 1960, с. 499—500.

ри рая. Первым в чешской литературе Неруда обратился к песенному творчеству нарождавшегося чешского пролетариата (повесть «Босяки»), к богатому ярмарочному фольклору, так называемым крамаржским песням, бытовавшим не только в сельских, но и в городских слоях населения.

Известно, что в партитуре «Проданной невесты» почти нет подлинных народных мелодий за исключением темы фурианта во втором действии. Однако творческая фантазия Сметаны питалась таким прекрасным знанием чешского песенного фольклора, что он сумел добиться необычайной правдивости национального колорита, сумел создать мелодии, которые стали народными.

Не случайна удивительная творческая встреча Неруды, создавшего прославленную «Балладу о польке», и Сметаны, автора не менее прославленных фортепианных полек или знаменитой польки из первого акта «Проданной невесты». В одной из своих статей Неруда связывает широкое распространение этого танца с революционным движением 1848 г. Понятен особый интерес к нему двух великих чешских художников-демократов, верных неосуществленным идеалам революции. И баллада Неруды и польки Сметаны прекрасно воссоздают жизнерадостную атмосферу народного гуляния (заметим, что поэт сам был прекрасным танцором, одним из создателей популярного в свое время танца «Беседа»; может быть, еще и поэтому так четок и убедителен ритмический рисунок этого удивительно «танцевального» стихотворения). Показательно, что именно Неруда глубоко постиг национальное величие Сметаны, народность и демократизм его музыки.

Для чешского искусства 60—70-х годов характерно широкое обращение к национальной истории, стремление поймать закономерности ее развития и социальные конфликты. Особое внимание художников привлекают народные восстания, эпоха гусизма. Движение гуситов стало не только символом борьбы за национальную независимость, но и примером революционного народовластвия.

Деятели различных видов искусства ищут прекрасное в самой обыденной жизни. Показательно стремление к правдивому изображению различных пластов действительности, попытка увидеть, «схватить» наиболее характерные моменты быстротекущей, изменчивой жизни, создать гибкие художественные формы. В чешской прозе этот процесс связан с интенсивным развитием малых форм, прежде всего очерка, рассказа, фельетона, в поэзии — с широким распространением жанра социальной баллады. Это сказывается и на развитии жанровой живописи, рисунка, а также карикатуры. Художники И. Навратил, И. и Г. Манесы, В. Барвицкус, позднее М. Алеш, К. Клич и другие создали богатую россыпь рисунков, небольших живописных полотен, юмористических зарисовок из жизни Праги, общественных нравов, типов пражан. Интересно, что многие из них, особенно рисунки

М. Алеша, смыкаются с очерками, фельетонами и рассказами Я. Неруды в критике чешского обывателя, его тупого самодовольства, ограниченности, бездуховности, а иногда образуют и прямые параллели (фельетон Неруды «Слива» и юмористический рисунок М. Алеша, возникшие в 80-е годы). В тесной связи с литературой развивается в этот период графика. Так, например, рисунки Алеша к произведениям чешских классиков содействовали более яркому выявлению их идейной наполненности, художественных достоинств, рождая прочные зрительные образы. Очень трудно представить себе Краледворскую рукопись или произведения Ирасека с иллюстрациями другого художника, подобно тому, как в сознании русского писателя «Мертвые души» запечатлелись в образах не только Гоголя, но и Агина или Боклевского.

И писателей и художников отличает попытка запечатлеть человека не в каких-либо исключительных жизненных ситуациях, а в реальной повседневной жизненной обстановке. Отсюда простота фабулы, композиции, внимание к характерным деталям, за которыми угадываются целые картины, остающиеся за пределами очерка или рисунка. На полотнах и рисунках чешских художников-жанристов рождается по-новому свободная индивидуальная композиция, мастерство в передаче света и тени («Студент» или «Крестьянская девушка перед зеркалом» Г. Манеса). Интересно, что Неруда особо подчеркивал значение «жанра» в становлении реалистического изобразительного искусства, в создании «картин действительной, самой обычной жизни»⁹. Однако чешские жанристы 60—70-х годов не достигли того уровня и не заняли в отечественной живописи того места, как Курбе во французской или передвижники в русской живописи, как польские художники-жанристы.

С. В. Никольский в упомянутой статье справедливо утверждает, что вершинные достижения художественного сознания в эпоху национального возрождения связаны с освоением принципа социальной типизации (прежде всего творчество сатирика К. Гавличка-Боровского).

В рассматриваемый период был сделан следующий важный шаг в приобщении чешской литературы и искусства к тем художественным достижениям, которыми уже владело реалистическое русское и западноевропейское искусство. Я имею в виду прежде всего конкретно-исторический принцип изображения действительности, многогранного внутреннего мира человека, его социального опыта.

С проникновением в суть социальной психологии человека, постижением его индивидуальности обогащается и представление о чешском национальном характере. Создаются образы, под-

⁹ См. рецензии на картины Г. Манеса, В. Барвицуса, А. Дворжака и др. (*Neruda Jan. Spisy*, sv. 20. Praha, 1962).

чийенные не априорной авторской логике, а послушные законам саморазвития, самодвижения, внутренней логике самого характера. Это подтверждают такие художественные удачи в литературе, как образ пана Роубинека («Философская история» А. Ирасека), студента Квоя из одноименной повести В. Галека, пражского обывателя-малостранца в «Малостранских повестях» Я. Неруды и др.

Достижения в реалистической трактовке человеческого характера, стремление постичь личность не только в ее душевных движениях, но и в социальной обусловленности, сказались и на искусстве портретной живописи. Уделяя много внимания искусству портрета, Неруда подчеркивал, что подлинный художник-портретист должен быть реалистом, должен уметь постичь индивидуальный характер человека и проникнуть в суть его социальной психологии. В качестве художника, который близок к этому идеалу, Неруда называет Чермака, прославившегося серией черногорских типов: «Их высокий реализм является прекрасной школой для наших признанных портретистов, вступивших на путь какой-то лакированной элегантности, которая напоминает роспись на фарфоровой посуде и похожа на лесть гораздо более, чем на истинное искусство и правду. Портреты Чермака являются мудрым проводником на истинном пути, указывая как важен и необходим реализм в этом виде искусства»¹⁰. Известно, что мастерство Чермака в создании характерных человеческих типов в свое время чрезвычайно восхитило Репина («какой бесподобный, какой реальный и красивый вместе художник»)¹¹. Подлинным мастером реалистического портре-та стал в этот период Карел Пуркине. В «Автопортрете», «Портрете Э. Кржижковой», знаменитом портрете «Кузнец Еха» и других Пуркине создал социально обусловленные, глубоко индивидуальные характеры окружающих его людей. Живописная манера художника несколько необычна для своего времени. Он пишет мазками, словно лепит форму, объем предмета, барельеф, подчеркивает светотеневые контрасты не усилением или ослаблением тона, а резкой сменой цвета и т. д. (Быть может, именно смелость художественного поиска, собственных средств в создании реалистического образа у двух таких талантливых художественных индивидуальностей как Карел Пуркине и Ян Неруда создали известное взаимное недопонимание, мимо которого не проходят обычно историки культуры)¹².

Портретная живопись Неруды была поистине новаторской. Для его предшественников — Тыла, Немцовой и других характерна известная романтическая прямолинейность в обрисовке

¹⁰ Neruda Jan. Spisy, s. 84.

¹¹ Репин И. Е. Письма, т. 1, М.—Л., с. 96.

¹² См., в частности: Шайкевич Б. А. Ян Неруда и реалистическая живопись 60—70-х гг. XIX в.—«Иностранная филология», 1966, вып. 8, с. 116—125.

внешнего облика героя. Портрет, как правило, состоял из «ходовых», принятых в сентиментально-романтической литературе этих лет эпитетов, определений, сравнений, близких фольклорной образности и лишенных конкретности, индивидуальной неповторимости (губки героинь, как малина; лицо, как маков цвет; они стройные, как сосенки и т. д.). Эта романтическая идеализация характерна и для серии акварелей этнографических типов Й. Манеса. Они малоиндивидуальны, несмотря на подчеркнутое стремление художника создать портретное сходство с оригиналом (о чем ярко свидетельствует точное обозначение лица, изображенного на рисунке — Веруна Гудова, Ян Постава и др.). Иная художественная традиция, обогатившая национальное искусство, рождается в творчестве писателей, тяготеющих к реалистическому направлению. Портрет в их произведениях постепенно приобретает подлинную индивидуальность и становится действенным средством в создании углубленной психологической характеристики. Особенno выразительные примеры могут дать повести и рассказы Я. Неруды. Писатель выбирает для портрета героя наиболее яркие черты, характеризующие его душевный склад. В частности, он широко пользуется приемом «овеществления», сравнивая героя с характерными для него предметами. Это помогает автору раскрывать внутреннюю прочную связь своих героев, чешских обывателей, с окружающим их вещным миром, рабскую привязанность к вещам, бездуховность. Одним из художественных открытий Л. Н. Толстого, обогативших развитие мирового реализма, был, как известно, «текущий портрет». Первые шаги в этом направлении делает и Я. Неруда: фиксируя изменения в портрете, он наглядно обозначает связь переживаний человека с внешними событиями, характера с внешними его проявлениями.

Для чешского театра, который в силу сложившихся исторических условий заметно запаздывал, отставал от развития иных видов искусства, характерны те же поиски реалистических средств выражения. Это ярко проявилось в борьбе прогрессивных сил за художественный репертуар, в частности — против засилья западноевропейской семейно-бытовой и салонной мелодрамы, за ориентацию на отечественную и реалистическую русскую драматургию (статьи Неруды и Галека о Гоголе, Неруды об Островском, Сухово-Кобылине). Не менее показательны стремления передовой театральной общественности создать национальную актерскую школу, в которой главными были бы принципы гражданского служения интересам народа, глубокого изучения жизни. Чешский Временный, а затем Национальный театры дали созвездие блестящих актерских дарований — Скленаржова Мала, Франтишек Колар, Ян Кашка, Индржих Мошна и др. Они отходят от устаревших приемов «лицедейства», с его ходульностью, штампом амплуа, ложнодекламационным пафосом, осваивая искусство «переживания» и перевоплощения, прин-

ципы социальной типизации, тонко нюансирующую, естественную манеру игры.

В этой связи интересно подчеркнуть, что чешский театр, пе-ренимая у прославленного театрального коллектива мейнингенцев общую театральную культуру, опыт постановочного мастерства в создании целостного художественного произведения, вместе с тем решительно избежал их главных ошибок и просчетов, а именно — консерватизма в актерском искусстве, низведение актера до уровня второстепенного компонента спектакля. Об этом интересно писал Ян Неруда, подчеркивая, что в драматургии главная роль отведена человеку, характеру: «Поэтическое целое для нас важнее виртуозной оранжировки сценических деталей, мастерски поданный характер безусловно выше любого светового эффекта оптических зеркал, а весомая реплика актера — важнее мастерски организованного гула голосов статистов»¹³.

В чешском искусстве в эти годы складывается новая концепция не только изображения человека, но и природы, которая приближается к человеку, делается доступной, познаваемой, ощущимой. Художники-пейзажисты открывают мир поэзии в обычной «будничной», реальной природе родной страны, в динамике ее явлений. Реалистический метод стремительно завоевывает ведущие позиции в пейзажной живописи, которая решительно обгоняет в этом отношении все другие жанры. Реалистическая линия пейзажа явственно наметилась уже с конца 50-х годов в творчестве А. Косарека, И. Манеса, А. Бубака. Однако подлинный расцвет реалистического пейзажа начинается в 70—80-е годы, со школы Ю. Маржака, который ввел работу в пленэр. Все его ученики — плеяда талантливых мастеров чешского пейзажа — прошли блестящий этап реализма. Чешские пейзажисты заметно отходят от традиционной романтической пейзажной схемы с ее обязательными видами древних развалин и исторических замков, повышенным лиризмом, пышной метафоричностью и внешними живописными эффектами. Постепенно меняется палитра живописцев, которая становится многоцветнее, воздушнее, солнечнее. Пейзаж все больше становится правдивым отражением, поэтической картиной реального мира. На полотнах чешских пейзажистов, осваивающих реалистический метод, рождаются «портреты» различных уголков родной страны.

Очень часто, желая подчеркнуть реальность, конкретность, индивидуальность пейзажа, художники точно обозначают его географию: «Пейзаж Средней Чехии» Косарека, «Лабский край» Манеса, «Пруд в Тршебонии» Хитусси, «Вековой лес на Шумаве» Маржака и др. Чешский пейзаж решительно теряет романтическую «всеобщность», отвлеченность. Каждый художник находит в родной природе что-то особенно близкое и волную-

¹³ Neruda Jan. O umění, s. 234.

щее именно его. Вольные просторы Средней Чехии, щедро освещенные солнцем, живут на полотнах Косарека. В мягкой пастельной гамме, так свойственной туманным чешским далям, выдержаны панорамные полотна Манеса. Живым серебром светятся сквозь влажную прозрачность воздуха пруды и озера на полотнах Хитусси. Бесконечным многообразием оттенков зеленого цвета чаются картины Маржака, замечательного певца чешских лесов. Лирически проникновенные картины природы приобретают явственное патриотическое, граждансское звучание. Через художественный образ родной природы создается образ Родины, рождается неразрывное чувство природы и Родины. В этом отношении чешская пейзажная реалистическая живопись родственна русской — Васильеву, Саврасову, Шишкину и др.

Успехи чешского реалистического пейзажа способствовали развитию параллельных процессов, происходивших в чешской литературе, несколько их опережая. (В русской живописи — наоборот. Так, по мнению К. В. Пигарева, реалистический пейзаж утверждается лишь в 60—70-е годы, тогда как типически обобщенный реалистический образ родной природы был впервые создан много раньше Пушкиным, Аксаковым, Тургеневым, и это было подлинным художественным открытием). Знание предмета, тонкая наблюдательность, живописная конкретность и наглядность описания, исключающие нейтральную «всеобщность», глубокий лиризм отличают в этот период и пейзажи многих чешских поэтов и писателей. В рассказах и романах К. Светлой перед читателем возникают прекрасные горы и луга Ештеда. В стихах Неруды рождаются тонкие приметы времен года в Средней Чехии, связанные с этапами человеческой жизни, а в его прозе — пейзажи любимой Праги. Р. Майер стал певцом суровой и величественной Шумавы, а В. Галек — лесов, холмов и рек Мельницкого края. И за всем этим встает высокое понятие Родины.

Здесь мы снова вынуждены обратиться к нерудовским статьям о живописи. Анализируя творчество современных ему пейзажистов, критик выделял те их особенности, в которых просматриваются черты принципиально нового изображения действительности: правду факта, правду чувства и настроения. Он обращает внимание на богатство цветовой гаммы Косарека, Хитусси, Маржака, конкретность, индивидуальность их пейзажей, умение передать свое настроение и в то же время донести ясное ощущение того, что все изображенные ими уголки — образ Родины. («Хитусси обладает редким даром видеть индивидуальный характер пейзажа, при этом его чешские пейзажи — это действительно чешские пейзажи»)¹⁴.

Большую будущность чешскому пейзажу предрекал К. Пуркине, высоко оценивая его реалистические тенденции.

¹⁴ Neruda Jan. Spisy, sv. 20, s. 325—326.

Значительные достижения чешского реалистического искусства середины прошлого века очевидны. Важно подчеркнуть аналогичность, синхронность развития важнейших художественных явлений в различных видах искусства в этот период, даже известную равномерность ценностей, созданных в литературе, театре, музыке, живописи, их тесное взаимодействие. Чешское искусство в годы утверждения реализма внесло огромный вклад в сложные процессы формирования чешской национальной художественной культуры.

Л. Н. Титова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА ЧЕШСКОГО ТЕАТРА 20—40-Х ГОДОВ XIX В.

Создание национальной драмы и театра является специфическим проявлением процесса национального возрождения. При этом становление национальной театральной культуры сопровождается перестройкой типов национальной драмы. От комической интермедии, пантомимы — жанров, присущих драматической литературе предшествующего периода, развитие идет к многоактной комедии из современной жизни, исторической драме и т. д. С завершением национального возрождения утверждаются в основных чертах и структуры драматических жанров. Как правило, на этом этапе можно говорить о создании национальной драмы, зрелых в идеином и художественном отношении произведений драматургии, вошедших в основной фонд национального репертуара.

Говоря о чешской театральной культуре, к таким произведениям можно причислить ряд пьес И. К. Тыла, прежде всего его исторические драмы и пьесы-сказки.

Развитие драматургии тесно связано и во многом обусловлено развитием театра. К драматическим произведениям, которые могут жить полноценной жизнью лишь при театральной реализации, предъявлялись в этом отношении особые требования, характерные для специфических чешских условий того времени, когда в театре и драматургии видели важнейшие факторы национального и социально-освободительного движения¹. Эти произведения обладали способностью вызывать глубокие эмоциональные переживания и одновременно в максимальной степени

¹ Tyl J. K. Divadelní zprávy.— In: Jindy a půně. 1833, s. 119.

служить средством общественного воздействия, особенно для пропаганды будительской идеологии.

Свидетельством успехов чешского театра рассматриваемого времени является его национальный репертуар. Создание национального репертуара наряду с зарождением профессионального театра и драматургии на родном языке стало одним из важнейших компонентов процесса формирования национальной театральной культуры.

Наиболее активный период создания чешского национального репертуара — 20—40-е годы XIX в. В трудных условиях немецкого засилья в театральной жизни чешская драматургия и театр вырабатывают свои специфические черты, борются за свой национальный характер, добиваются признания у чешского зрителя.

Бурное развитие чешского театра предъявляло большие требования к современной драматургии. За короткий период своей деятельности чешский театр «Боуда» располагал большим выбором драматургического материала. Если накануне открытия театра (1786) он имел в своем распоряжении лишь семь пьес, то через шесть лет их было уже свыше трехсот², причем оригинальные пьесы составляли около трети всего чешского репертуара. Для развития чешского театра на этом этапе характерна параллельность чешского и немецкого репертуара. Влияние немецкого театра было очень сильным и проявлялось не только в репертуаре, но накладывало отпечаток и на многие стороны чешского театрального искусства.

Деятели чешского национального возрождения хорошо осознавали, что задача создания оригинальных чешских пьес неосуществима в короткие сроки. Поэтому проблема репертуара чешского театра на его начальном этапе зачастую решалась при помощи переводов и адаптации чужих произведений.

Типичным признаком переводных пьес этого времени становится локализация сюжета и действующих лиц, приближение пьес к местным условиям. Сам отбор их пронизан стремлением поставить театр на службу будительскому движению, приспособить к духовным потребностям чешского зрителя. Это были первые попытки наметить пути перехода от театра на чешском языке к чешскому национальному театру. От них ведут нити не только к пьесам Штепанека и Клицперы, но и к драмам Тыла. Не случайно сам Тыл, неоднократно заявлявший о важности и необходимости именно национальной литературы, особенно драматургии, для развития чешской культуры³, начинал свой творческий путь с переводов и адаптаций зарубежных пьес.

² Dobrovský J. Dějiny české řeči a literatury. Praha, 1936, s. 171.

³ Еще в 1835 г. он призывает писателей к созданию произведений, в которых бы «отражалась национальная жизнь в различных ее проявлениях» (*Tyl J. K. České divadlo v Praze roku 1834—35.—«Květy», 1835, s. 332*).

Не менее важна была роль переводов в развитии чешского языка. Чешские драматурги по сути дела стояли в то время перед задачей создания чешского сценического языка, почти не находя опоры в современной традиции языка литературного. Переводы предоставляли большие возможности для совершенствования языка пьес с его лаконизмом, динамичностью, разговорным началом.

Переводной репертуар начала XIX в. помог определению сущности чешского театра как трибуны национальной борьбы, позволил удовлетворить на определенном этапе потребности чешского зрителя, много сделал для воспитания его вкусов, для подготовки национальных кадров актеров, помог раскрыть богатство чешского языка, проверить его возможности в своеобразном соревновании с немецким.

Переводной репертуар подготовил новый этап в развитии чешского театра — этап оригинальной драматургии. С начала XIX в. все чаще в репертуаре чешского театра появляются оригинальные пьесы, предназначенные для широкого зрителя. Как правило, они не выходят за рамки привычных жанров, опираются на старые традиции, подчинены дидактической функции театра.

Процесс творческого использования и развития традиционных жанров яснее всего можно проследить на примере так называемых рыцарских драм и мещанских фарсов. Эти жанры определяли проблемно-тематическое разграничение драматургии того времени. Рыцарская драма строилась на материале национальной истории, фарс — на материале современного чешского общества.

Жанр исторической пьесы на библейские, античные, мифологические сюжеты стал весьма распространенным жанром чешской драматургии. С ним генетически и типологически связана рыцарская драма. Уже в конце XVIII в. в рамках этой драматургии в Чехии возникали первые исторические пьесы, авторы которых отражали интересы реформаторской политики просвещенного абсолютизма. Достаточно вспомнить пьесу Ант. Зимы «Олдржих и Божена». На фоне этих же рыцарских драм в начале XIX в. стали появляться «патриотические драмы» с тематикой из чешской истории, служащие актуальным общественно-политическим потребностям.

Наиболее плодовитым их автором был Ян Непомук Штепанек (1783—1844). В основе большинства его пьес лежит идея защиты родины от внешнего врага: «Осада Праги шведами» (1812), «Бржетислав I» (1813), «Каринтийцы в Чехии» (1814) и др. Естественно, что автор, обращаясь к историческим событиям, не мог без изменений реализовать схему рыцарской драмы. В его произведениях происходит перемещение смысловых акцентов. Высшими рыцарскими добродетелями награждены положительные герои пьес Штепанека — горожане, студенты, ремесленники. Штепанек прославляет просвещенного властителя,

воспевает патриотизм пражских ремесленников, однако не для того, чтобы раскрыть конфликты внутри общества, а чтобы подчеркнуть верность феодальным принципам, выдвигая на первый план «нейтральную» в этом отношении тему обороны от внешних врагов, к тому же актуальную для Австрийской монархии в период наполеоновских войн.

По-иному использовал схемы рыцарских драм другой крупный драматург этого времени — Вацлав Клиппера (1792—1859). Он выбирает из чешских хроник исторические материалы («Вацлав IV», «Собеслав II»), но в то же время вводит в пьесы ряд вымышленных лиц. В одной из наиболее популярных его пьес «Бланик» (1813) используется сюжет из книжки для народного чтения «Зденек из Засмуга со своими товарищами, или Рыцари, плененные в Бланицкой башне». И в расстановке действующих лиц, и в основном конфликте (борьба с интриганами за невесту) видна ее тесная связь с рыцарской драмой. Однако чувство сцены, богатство и остроумие диалога, характерность фигур, способность строить драматически острые, композиционно сложные сцены — все это позволило избежать многих недостатков традиционного жанра. Подобно Штепанеку, Клиппера также стремится выйти за рамки рыцарской драмы, стоящей вне конкретной общественной ситуации. Сюжет произведения, связанный со сказочными образами бланицких рыцарей, освобождающих родину в момент наивысшей опасности, гораздо выразительнее подобных пьес Штепанека.

В ряде пьес Клипперы («Гадриан из Ржимсов», «Белые кони») рыцарская драма в сущности лишь средство, позволяющее на ее традиционной основе, используя ее отточенные традиционные образы, дать волю фантазии автора, создающего все новые ситуации, полные резких поворотов сюжета, случайных встреч и комических сцен.

Исторические пьесы Штепанека и Клипперы были важной составной частью сценической продукции своего времени. Они пропагандировали национальное прошлое, добились определенных успехов в области создания правдивых образов, главным образом из городской среды, сценического воплощения некоторых черт складывающегося буржуазного общества, а также многое сделали для развития сценического языка.

Если путь к исторической пьесе шел через рыцарскую драму, то пьеса из современной жизни во многом опиралась на фарс. Мещанский фарс сыграл важную роль в становлении оригинального чешского репертуара. Специфика этого жанра предоставляла большие возможности для отражения национальной жизни. Патриотически настроенных писателей того времени такие пьесы привлекали прямым отражением жизни современного общества, тем, что в них выступали живые люди и реальная среда. Естественно, это нельзя рассматривать как осознанное стремление усилить национальный характер театра, но тем не менее

фарс давал ценный материал в данном направлении. Во многом этому способствовали языковые и музыкально-выразительные средства пьес — обилие жаргонных слов в диалогах, богатое использование уличных песенок, городского фольклора.

Оригинальность первых пьес подобного рода Прокопа Шедивого — «Пражские пивовары» (1795), «Масляные лавки» (1796) и других — проявляется прежде всего в зарисовках среды, в отдельных характерных сценах из пражской жизни. Впервые в чешской литературе в них была изображена жизнь мелких пражских торговцев и ремесленников.

В творчестве ведущих чешских драматургов того времени Штепанек и Клицперы появляются уже более развитые образцы этого жанра. Оба они стремятся расширить рамки фарса, отразить в пьесах определенные жизненные конфликты, использовать популярность этих пьес в широких слоях зрителей для усиления воспитательной функции произведений. Однако подходят они к этой задаче по-разному.

Я. Н. Штепанек ориентируется на «третье сословие». Истинные герои его пьес — ремесленники, мельники, пивовары. Сатира его направлена против тех, кто угрожает их интересам («Пивовар в Сойкове», «Чех и немец»). Драматический конфликт построен, как правило, на раскрытии интриг, мешающих развитию молодой предпримчивой национальной буржуазии.

Центр тяжести сатиры Клицперы — в критике ограниченности и снобизма чешской буржуазии, высмеивании лгунов, скряг, спесивцев, образы которых взяты из современного ему чешского общества. В одной из лучших комедий Клицперы «Волшебная шляпа» (1817) осуждается равнодушие мещан к патриотическим делам. Средства драматического выражения у него богаче, чем у Штепанека. Клицпере свойственно чувство острой театральности. Неистощимая фантазия, выдумка, блестящее остроумие присутствуют в его ярких, жизнерадостных комедиях.

Можно смело сказать, что комедии Клицперы стоят у истоков нового чешского театра. Они значительно обогатили чешский театр 20—30-х годов XIX в. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что именно на драматургию Клицперы опираются в своей практической театральной деятельности чешские будители. И если в Сословном театре пьесы Клицперы все же отнеслись на второй план Штепанеком — одним из директоров этого театра в 1824—1834 гг., то на сценах любительских пражских⁴ и непражских театров пьесы Клицперы, в перв-

⁴ Речь идет прежде всего о театре пражского мещанина Тайзингера. В 1821—1824 гг. на его сцене было поставлено 13 пьес Клицперы (и всего 5 — Штепанека). И. К. Тыл, стоявший во главе Каэтанского театра (1835—1837), также опирался на драматургию своего учителя Клицперы. Только за один сезон 1835/1836 г. здесь было поставлено 8 пьес Клицперы, в то время как за десять лет «эры Штепанека» на сцене Сословного театра — всего 10 его пьес. Различие было и в отборе произведений. В Сословном театре шли

вую очередь комедии, занимают ведущее место в течение всего XIX в.⁵

Комедии Штепанека и Клицперы, рассчитанные на самые широкие слои населения, несомненно сыграли существенную роль в процессе создания национального репертуара чешского театра. Кроме того, они заложили традицию, ставшую одной из характерных черт чешской театральной культуры вообще — традицию синтетического спектакля, в котором драматическое действие, танец, пение сочетаются воедино. Это придает спектаклю яркость и красочность, позволяет насытить его богатым колоритом народной жизни, сохраняет драматичность и общедоступность народных зреши, к традициям которых в свою очередь восходит этот жанр. Здесь ярко проявляется и другая сторона чешского театра — его пристрастие к пародии, сатире, иронии, придающих комедиям и фрашкам Штепанека и особенно Клицперы остроту и публицистичность. Эта традиция на более высокой ступени была продолжена и развита Тылом, Ирасеком, Чапеком, Восковцем и Верихом. Влияние ее можно проследить и в репертуаре современных чехословакских «малых театров».

Однако модифицированная рыцарская драма и мещанский фарс не удовлетворяли уже чешскую интеллигенцию 20—40-х годов. Свидетельство этому можно найти в статье Шафарика и Палацкого «Начала чешской поэзии» (1818), где было выдвинуто требование создания такой зрелой в идеином и художественном отношении драмы, которую можно было бы поставить в один ряд с лучшими произведениями европейской драматургии, и в то же время драмы подлинно национальной, вырастающей из жизни чешского народа.

Драмы «Ангелина» Туринского (1821), «Ярослав Штернберг» Линды (1823), «Собеслав II» Клицперы (1825) и другие были серьезными попытками в этом направлении. Однако эти произведения не заняли значительного места в репертуаре чешского театра этого времени.

В первой половине 30-х годов романтическую историческую драму создает К. Г. Маха. В основе большинства его пьес («Братья», «Король Фридрих», «Братоубийца») лежит неразрешимый конфликт между личностью и обществом, столь характерный для европейского романтизма. Однако почти все эти пьесы остались в отрывках и набросках.

в основном сказки, созданные на основе рыцарских драм,— «Бланик», «Локетский колокол» и др. В Каэтанском театре ставились комедии из современной жизни, которые перекликались с актуальными проблемами чешского общества.

⁵ Я. Ладецкий в своей работе (*Ladecký J. Obzor hercetoagů ochotnických spolků v g. 1780—1894. Praha, 1895*), охватывающей историю любительского театра за период 1780—1894 гг., на основании анализа деятельности 159 любительских коллективов установил, что за это время было сыграно 18 147 спектаклей, в том числе 7530 чешских и 10 617 немецких. Из них 944 приходится на долю Тыла и 610 — на долю Клицперы.

Что касается комедии, то она хотя и не занимает в репертуаре чешского театра 30—40-х годов такого места, как в предшествующий период, но продолжает оставаться популярной среди самого широкого круга зрителей. Не отказывается от комедий в своей драматургической практике и Тыл, хотя и считает нужным подчеркнуть при этом: «Драматические произведения, которые мы называем местными фарсами, я никогда бы не переводил с другого языка, если бы я их так не мог переделать, чтобы показать что-то новое, оригинальное, взятое прямо из местной жизни, нравов и обычаяв»⁶.

Новаторской попыткой создания пьесы из современной жизни согласно новым условиям и задачам 30-х годов стала «Фидловачка». Тыла, показавшая удачное творческое использование наследия предыдущего периода, в том числе жанра мещанского фарса. Эта пьеса построена уже на реалистической основе, с полнокровными фигурами, которые являются выразительными представителями разнообразных общественных слоев чешского общества. «Фидловачка» успешно продолжает линию сатирического обличения онемечившихся пражских торговцев и чиновников, начатую Клицперой. Глубокое и искреннее сочувствие автора судьбе своих героев из народа, понимание социального расслоения чешского общества, сочетание патетического и комедийного начал, живой диалог — все это обусловило популярность «Фидловачки» и определило ее место в национальном репертуаре чешского театра.

Большим шагом вперед по пути создания национальной чешской драматургии стала пьеса Тыла «Пражский щеголь» (1846) и другие «драматические картины из жизни». Тыл создал в них целую галерею положительных образов народных героев — трудолюбивых, душевно богатых и самоотверженных людей. Возросший опыт драматурга позволил уделить большее внимание индивидуальной характеристике героев, показать диалектику развития их характеров. Эти образы придали пьесам особую ценность, стали основой той популярности, которой пользуются некоторые из них и на современной чешской сцене.

Еще более высокий идеальный и художественный уровень отличает драмы-сказки Тыла, рожденные непосредственно в годы революционной борьбы чешского народа. Такие пьесы, как «Волынщик из Стракониц» (1847), «Упрямая баба», «Видение Иржика» (1849) и другие наряду с историческими драмами стали основой репертуара чешского театра 40-х годов XIX в.

Одной из наиболее характерных черт, объединяющих эту группу пьес, является оптимизм, вера в неисчерпаемые творческие силы народа, его высокие моральные качества, которые противопоставляются морали буржуазного общества, власти денег («Волынщик из Стракониц»). Герои этих произведений уже

⁶ Tyl J. K. České divadlo v Praze..., s. 23.

не абстрактные выразители общественно-воспитательных идей Тыла, как это бывало в ранних его пьесах, а активные участники событий. Характеры героев сказок развиваются и формируются в процессе столкновения с действительностью, как бы проверяются жизнью в борьбе за правду и добро. Специфика концепции этих пьес — художественное соединение реальности и народной фантастики — один из источников их популярности у чешских, да и не только чешских зрителей⁷.

Наряду со сказками лучшей частью драматургического наследия Тыла стали его исторические драмы, созданные в 1847—1851 гг., — «Кровавый суд, или Кутногорские рудокопы», «Ян Гус», «Кровавые крестины, или Драгомира и ее сыновья» и др. Выдвигая национально-историческую тему в годы, непосредственно предшествующие революции, Тыл фиксировал внимание на переломных, кризисных моментах исторического процесса. В условиях этого времени историческая тематика, воплотившая национально-освободительную борьбу чешского народа, приобретала особое политическое звучание и, ассоциируясь с конкретными событиями действительности, становилась остросовременной.

О месте, которое заняли исторические пьесы Тыла в репертуаре театра того времени, об отклике, который они вызывали у современников, пожалуй, ярче всего свидетельствует премьера драмы «Ян Гус», состоявшаяся 16 декабря 1848 г. и превратившаяся в настоящую политическую демонстрацию. «Никогда мы еще не видели перед театром такой толпы, как в этот раз»⁸, — отмечает рецензент газеты «Вчела», а биограф Тыла И. К. Турновский пишет: «Слова горячего одобрения раздавались не только в зрительном зале, но и на близлежащих улицах, где толпы народа выслушивали подробные сообщения о каждом акте пьесы от знакомых, сумевших попасть в театр»⁹. Отклик, вызванный премьерой, показал, что Тылу удалось в этой гуситской драме отразить революционную атмосферу времени.

Историческая драматургия И. К. Тыла, ставшая вершиной национального репертуара чешского театра времени национального возрождения, продолжала лучшие традиции драматургии конца XVIII — первой половины XIX в., сложившиеся в творчестве В. Тама, Я. Н. Штепанека, В. К. Клицперы и других авторов. Драмы-сказки и исторические драмы Тыла явились крупным достижением чешской драматургии и театра, которые в течение всего периода национального возрождения, и наиболее активно в 20—40-е годы, боролись за утверждение национального театрального искусства.

⁷ «Волынщик из Стракониц» поставили 27 театров Советского Союза, а также театры ГДР, Австрии, Польши, Монголии и других стран.

⁸ «Včela», 1848, s. 409.

⁹ Turnovský J. L. Život a doba J. K. Tyla. Praha, 1892, s. 194.

А. А. Зайцева

АНТИЧНОСТЬ
В ЧЕШСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ
НАЧАЛА XIX В.

На западноевропейские и славянские литературы культура древней Греции и Рима всегда, прямо или косвенно, оказывала большое воздействие, хотя в разные исторические эпохи оно принимало различные формы и имело неодинаковый смысл.

Литературное движение в Чехии и Словакии первых десятилетий XIX в. было устремлено к решению основной задачи — созданию самобытной национальной литературы. Чешская и словацкая литературы, преодолевая последствия замедленного развития, широко используют опыт других, более развитых литератур — от древнегреческой и римской до современных, осваивают разнообразные, предстающие в сложном взаимодействии художественно-эстетические формы. Особое значение в этот период приобретает обращение к античности, как одному из компонентов формировавшейся национальной культуры.

Освоение античного наследия в чешской и словацкой литературах первых десятилетий XIX в. велось сразу по многим линиям и интерес к античному идеалу определялся целым рядом причин.

В соответствии с художественно-эстетическими критериями эпохи античная поэзия, искусство воспринимались как воплощение разума, недосягаемого идеала прекрасного, выше которого по ясности, верности природе, простоте и величию, разнообразию и богатству содержания ничего не было создано человечеством. Подобное отношение к античной культуре отражают все крупнейшие эстетико-теоретические суждения того времени — от выступления Яна Неедлы в начале века, более поздних литературно-критических высказываний Палацкого, Шафарика, Гневковского, Яна Коллара до статьи И. Юнгмана «О классичности в литературе вообще и, в особенности, чешской», которая относится уже к 1827 г. и в которой он первое место отводил древнегреческой и латинской культуре. Тяготение к античности, прямое влияние ее идеалов отчетливо проявилось и в «Эстетике» (1821) и в неоконченной «Истории эстетики» Ф. Палацкого, где он подчеркивал, что греки создали непревзойденные шедевры в философии, поэзии и искусстве, уровень которых так и не был достигнут последующим развитием. «Греческая и римская литература — это основа умственного и художественного просвещения народов нового времени, ее произведения остаются мерой вкуса в области изящных искусств, так что, как это подтверждает опыт, любой из народов, самовольно отвергающий эти извечные образцы красоты и правды, тем самым не-

избежно скатывается в своей литературе к безвкусному дилетанизму, жестокости и варварству», — писал в 1833 г. П. Шафарик¹. А Ян Коллар считал античность «краеугольным камнем всей культуры».

Знакомству с классиками греческой и особенно римской литературы в Чехии и Словакии начала XIX в. способствовало хорошее знание древних языков. В школах Венгрии, например, где до 1843 г. латынь была государственным языком, обучение практически велось на латыни. Многие из деятелей чешского и словацкого национального возрождения читали классическую литературу в оригинале и нередко, как мы об этом узнаем из воспоминаний Я. Коллара или Ш. Гневковского, с произведениями античной литературы знакомились раньше, чем с западноевропейскими или даже отечественными. Коллар описывает в «Воспоминаниях», какой мир высокой поэзии открыла перед ним «Илиада» (в переводе Я. Неедлы), когда ему было всего 12 лет. И позднее, в гимназии, Гораций, Вергилий, Цицерон, Квинтилиан, Саллюстий, Боэций способствовали формированию его личности, воспитывали в нем твердость, стойкость, чувство справедливости и прекрасного.

Традиционное «классическое» школьное образование оказывало существенное влияние на выработку литературного вкуса. Классическая школа культивировала ораторское искусство и красноречие, считала возможным научить поэтическому мастерству путем подражания античным авторам. Подобное образование, благодаря которому в сознание прочно входил мир античной поэзии, ее образов, приемов, правил, получили многие крупнейшие деятели чешского и словацкого национального возрождения — Б. Таблич, Ю. Палкович, Я. Коллар, Ф. Палацкий, И. Юнгман и др. Нередко представители словацкой интеллигенции завершали свое образование в немецких университетах, в частности в Иене, где в то время были распространены идеи так называемого нового гуманизма.

Важным посредником на пути восприятия античного культурного наследия была переводная литература. Переводы классиков на французский и особенно на немецкий и польский языки, выполненные Лессингом, Фоссом, Шимановским, Дмоховским, Карпиньским, Красицким и другими, были хорошо известны чешским и словацким писателям. Рано становится популярной и «Илиада» в переводе Гнедича.

Интеллектуальное и художественное влияние античной культуры на чешскую и словацкую литературы первой трети XIX в. подтверждает обилие переводов из древнегреческих и римских авторов, насыщенность произведений чешских и словацких писателей образами античной истории и мифологии, крылатыми «золотыми» словами и изречениями. Так, например, перевод пер-

¹ «Krok», 1833, s. 42.

вой песни «Илиады» почти одновременно, хотя и независимо друг от друга, был осуществлен в 1801 г. Яном Неедлы в Чехии и Ю. Палковичем в Словакии, позднее ее переводят А. Пухмайер, Я. Голлы и К. Винаржицкий. Переводом «Энеиды» занимались Ян Голлы, Й. Циглер, П. Якубович, К. Винаржицкий. Полностью перевод «Энеиды», осуществленный Я. Голлы и переработанный им на основе метрического стихосложения, был опубликован в 1828 г., а перевод К. Винаржицкого в 1851 г. За редким исключением почти все писатели времени чешского и словацкого национального возрождения занимаются переводами античных классиков: од и сатир Горация, идиyllий и буколик Феокрита, анакреонтической поэзии (Я. Неедлы, И. Раутенкранц, А. Пухмайер, Д. Кинский, Ф. Ветешник, Ш. Гневковский, Й. Юнгман, Я. Голлы, К. Винаржицкий). Эпиграммы Марциала переводят И. Байза, И. Раутенкранц, А. Пухмайер, Ш. Гневковский, Ф. Челаковский. В 1812 г. выходят «Песни Анакреона» в переводе С. Рожная, «Облака» Аристофана, Бион — П. Шафарика, Сапфо — И. Раутенкранца. Неоднократно переиздаются на чешском и словацком языках басни Эзопа, Овидий (Голлы, Мареком), Катулл (Кинским, Мареком) и др.² Обилие таких переводов объясняется тем, что они рассматриваются как вклад в развитие национальной литературы. Не случайно крупнейшие деятели возрождения — Циглер, Палацкий, Юнгман, Челаковский не раз настойчиво призывают делать переводы древнегреческих и римских авторов. Характерно, что позднее в чешской и словацкой литературах уже никогда не было подобного увлечения античностью.

Переводы античных авторов нередко оказывались ступенью для перехода к оригинальному творчеству. Так, например, глубокое проникновение в дух античной культуры отличало творчество Яна Голлы, некоторые его идиyllии-селянки были навеяны античными мотивами, буколиками, писались в подражание Биону, Вергилию, Феокриту. Увлечение античностью у Яна Голлы было настолько велико, что на одном из портретов он изображен в римской тоге. Первые стихи другого крупнейшего поэта времени чешского и словацкого возрождения — Яна Коллара были написаны на латыни. Ш. Гневковский писал в автобиографии, что его к поэзии привело увлечение Вергилием и Овидием. Причем, с эклогами Вергилия он познакомился раньше, чем с образцами западноевропейской литературы.

Рассмотрение чешской и словацкой поэзии конца XVIII — начала XIX в. показывает, что она вся наполнена античными reminiscенциями, насыщена мотивами и образами древнегреческой и римской мифологии и поэзии. Музы, Харитки-грации, различные «славянанизированные» божества, дублирующие

² Svoboda K. Antika a česká vzdělanost. Praha, 1957.

античных,— Лада, Милек-Амур, Мудржена-Минерва и прочие — буквально наводняют ее.

Интерес к античности был вызван не только художественно-эстетическими ценностями древних литератур, он поддерживался и теми гражданско-республиканскими идеалами, с какими связывалось представление о древней Греции и Риме. В древнем мире, в многочисленных примерах античной истории и нравов чешские будители, стремившиеся к национальной независимости, видели образец гражданского патриотизма, гражданских свобод и добродетелей. Вслед за Винкельманом чешские будители проводили прямую связь между расцветом греческого искусства и политической свободой в древних республиках. Апелляция к гражданским идеалам древности нередко звучит в выступлениях чешских и словацких будителей. Ян Неедлы в рассуждении «О любви к родине» (1806) недвусмысленно напоминал о греческом и римском патриотизме, а И. Юнгман в статье «О классичности...» прямо связывал высокую степень развития древних языков, «великое богатство уже в древнее время разнообразных поэтических, прозаических и ораторских форм» с мыслью о политической свободе Афин и Рима, о превосходстве античной государственности. Юнгман писал: «Чем свободомысленное правительство, чем более оно всеобщую свободу прививает и поддерживает... тем быстрее развивается язык, тем быстрее национальные классики создают золотой век литературы». А сама литература тем выше, «чем более огонь политических ораторов из восторга и любви к родине исходит...»³

Подобное понимание античности вело к выработке новых эстетических критериев, способствовало развитию и укреплению анти monархической и антифеодальной идеологии. Для поколения, воспитанного на античной культуре, античная государственность, история становятся непреходящим источником нравственных и гражданско-республиканских идеалов.

В начале 20-х годов интересу к античности, ко всему греческому способствовали и политические события. Героическая борьба греческого народа, восставшего против турецкого рабства, привлекла к себе симпатии всех передовых людей Европы. Движение филэллинизма получило отклик и в чешской среде. Чешские патриоты невольно проводили параллели между своим положением и положением греческого народа. Так, поэт Антонин Марек в 1817 г. в «Послании к Юнгману» сравнивал судьбу родины с судьбой Греции, находившейся под властью турок. А в оде «Патриот» Коллара уже прямо прозвучало сочувствие греческому народу, сражавшемуся за свою независимость.

Освоение классического наследия в чешской и словацкой литературе проходило разные этапы. В то время как применительно к западноевропейской культуре в целом можно говорить

³ «Časopis Muzea Království Českého», 1827, гоč. 1, s. 32.

о трёх основных периодах «возвращения» к античности (Ренессансе, классицизме XVII—XVIII вв. и классицизме конца XVIII — начала XIX в.), в чешской и словацкой литературах начала XIX в. они как бы сливаются, наслаиваются один на другой. В конце XVIII — начале XIX в. наряду с непосредственным воздействием античной литературы оказывается известное влияние и французского классицизма, поэтики Буало.

Определенное развитие в этот период получают различные типы просветительского классицизма. Увлечению нормативной поэтикой способствует и осуществленный Б. Таблицием перевод «Поэтического искусства» Буало. Эта стадия литературного развития, представленная творчеством В. Тама и его окружения, Б. Таблицием, дружиной А. Пухмайера, еще не может решить проблему обновления национальной литературы.

Во втором десятилетии XIX в. усиливается влияние немецкого классицизма. Определенное распространение в чешской и словацкой среде получают взгляды Винкельмана, Лессинга, Гердера, поэзия Клопштока, пользуется популярностью книга мадам де Сталь «О Германии». Это период, когда культ античности развивается под знаком эллинизма. В критико-эстетических высказываниях П. Шафарика, Ф. Палацкого, И. Юнгмана преимущество отдается Гомеру перед Вергилием, «божественной Элладе», греческой культуре вообще по сравнению с римской, которая рассматривается теперь как подражательная. Гомер ставится выше римских классиков, потому что в нем видят тип «естественного», «народного», «наивного» поэта. Литература отказывается имитировать образцы французской нормативной поэзии, быть «копией копий», она стремится отвечать требованиям оригинального, самобытного искусства, опирающегося на национальные традиции, выражающего национальную проблематику. Эти новые тенденции отчетливо отразила программа-манифест — «Начала чешского стихосложения и особенно просодии», изданная в 1818 г. одновременно в Братиславе и Праге. Анонимные авторы «Начал...» — П. Шафарик и Ф. Палацкий, идейным вдохновителем которых был Юнгман, выдвинули задачу обновления национальной литературы на основе античного идеала, в котором они видели недосягаемый образец прекрасного. «Полет поэтического гения должен быть полетом классическим», — утверждали они, призывая к введению в чешскую поэзию метрической системы стихосложения. «Просодия, основанная на метрике, — свидетельство образованности народа и развитости его языка»⁴, — подчеркивали они, исходя в своей эстетико-теоретической концепции, основанной на несколько искусственном сближении греческой поэзии со славянской, а древнегреческого языка с чешским. Позднее Ян Коллар в со-

⁴ Цит. по кн.: Počátkové českého básnictví, obzvláště prozódie. Bratislava, 1961, s. 69, 107.

чинении «Старо-Италия славянская» (1853) распространил это представление о сходстве с античностью уже на все стороны славянской культуры.

Призыв авторов «Начал...» к разработке античной метрики и строфики был направлен против мелкотемья, прозябанья, низкого художественного уровня чешской литературы тех лет. Выход они видели в создании монументальной, высокой поэзии, наполненной большим содержанием, в использовании античного стихосложения для воплощения национальной проблематики и современной темы.

Однако уже вскоре развернувшаяся вокруг «Начал...» полемика показала, что в чешской литературной среде существовало различное понимание роли античной культуры в развитии национальной литературы. Против «Начал...» выступил с сатирическим стихотворением «Богини» (1819) представитель старшего поколения поэт Войтех Неедлы, а также поэт Ш. Гневковский, сочинение которого «Наброски о чешской поэзии и, особенно, просодии» (1820) прямо перекликалось с «Началами...» и своим названием, намеренно перефразировавшим сочинение Палацкого и Шафарика, и формой, стилизованной под их переписку.

Ш. Гневковский решительно высказался против основного положения авторов «Начал...» «ввести на чешский Парнас греческий и латинский метр и поэзию Клопштока»⁵. Характерно, что сам Гневковский был классицистом и высоко ценил античную культуру. Он считал, что поэзия нового времени приобрела «критический вкус и чувство» лишь «после знакомства с греческой благородной простотой и естественным величием». Стремясь поднять значение чешских поэтов первого десятилетия XIX в., к когорте которых он принадлежал и против которых были направлены «Начала...», Гневковский высоко оценивает их творчество, прибегая к античным критериям. Так, А. Пухмайера он характеризует как «чешского Горация», Я. Неедлы сравнивает с Тиртеем и Алкеем, Войтеха Неедлы с Вергилием, Богуслава Таблица с Тибуллом, Рожнаи с Анакреоном и Бионом и т. п. Более того, в отдельных случаях Гневковский даже готов допустить использование античной метрики. Но наряду с этим он принципиально стремится разграничить античность и современность. Гневковский всячески подчеркивает, что «современная европейская национальная поэзия — это не греческая и латинская поэзия»⁶, утверждает самобытный путь развития каждой из них и отказывается считать классиками лишь греков и римлян. Сравнивая чешскую литературу с античной, он доказывал, что образцы старочешской поэзии — Краuledворская рукопись (считавшаяся тогда подлинной) — равны Оссиану и не уступают древним классикам.

⁵ Hněvkovský S. Zlomky o českém básnictví, zvláště pak o prozodii. Praha, 1820, s. 7.

⁶ Там же, с. 8.

Таким образом, позиция Гневковского наметила иной путь использования античных традиций. А именно: опираясь на античную культуру, развивать национальные основы поэзии. «Каждый народ должен идти по пути своей национальной самобытности, как это и делают другие просвещенные народы», — писал он⁷. При этом Гневковский выступал против исключительной разработки какой-либо одной формы, даже самой великолепной. Поэтому он решительно высказывался и против введения в чешский язык античной метрики. «Никому в Европе не придет в голову взять римскую просодию за основу своего языка и в соответствии с ней комкать или растягивать слова»⁸, — писал он. В другом месте он еще резче высказался против того, чтобы «чешский язык распинали на дыбе вымерших древнеклассических языков». Чем была обусловлена эта почти противоположная авторам «Начал...» позиция Гневковского? Он сам отвечает на этот вопрос: «Героический стих классиков — ненароден». Гневковский и впоследствии неоднократно подчеркивал эту мысль, показывая, что прославленная «Мессиада» нравится лишь знатокам классических литератур, но ее не читает народ. В увлечении высокими жанрами литературы Гневковский усматривал опасность отрыва от жизни.

Слабым местом в концепции Гневковского было то, что он отрицал гражданское значение современной литературы, отводя ей удел лишь «развлечения», и в этом именно и видел ее основное отличие от древних литератур.

В этом смысле преимущество принадлежало авторам «Начал...», работавшим за большое, гражданское искусство. Тем более, что хотя авторы «Начал...» и призывали к обновлению литературы на основе античного идеала, в их сознании Гомер смыкался с Клопштоком, Мильтоном и Шекспиром. «Я свято почитаю великих гениев природы, каковы Гомер и Шекспир», — писал, например, Палацкий. Новое, более широкое понимание поэзии греков, как «естественной», «запечатленной духом Греции», «народной», открывало путь к воспроизведению своей национальной истории, давало возможность перехода к собственной национальной литературе. Увлечение Гомером порождало интерес к «первобытным» произведениям других народов — Оссиану, Библии, величественным памятникам европейской и славянской поэзии — творчеству Мильтона и Клопштока, «Слову о полку Игореве» и другим. Не случайно именно в это время были «открыты» Краледворская и Зеленогорская рукописи: «Все народы Европы вспомнили свою первобытную поэзию, которую они сравнивали с Гомером и Оссианом»⁹. В конечном

⁷ Там же, с. 108.

⁸ Там же, с. 73.

⁹ Рейзов Б. Г. У истоков романтической эстетики. — «Известия АН СССР», 1967, т. XXVI, вып. 4, с. 314.

счете это увлечение Гомером и Оссианом способствовало интересу к народному творчеству. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда одни и те же писатели культивируют античную поэзию и собирают народные песни (например, Б. Таблиц, Ф. Палацкий, П. Шафарик, Я. Коллар и др.). Характерно, что призыв авторов «Начал...» нашел поддержку у крупнейших поэтов того времени — Яна Коллара и Яна Голлы, воплотивших в своей поэзии с помощью античных форм национальное содержание.

Осмысление наследия античной культуры при формировании программы национального искусства отразилось и в других теоретических выступлениях чешских и словацких писателей того времени: в статьях Коллара «О благозвучии», «О народных песнях», в его художественном творчестве, опиравшемся всегда и на античное начало.

Своеобразным подведением итога споров о значении античного наследия была статья Й. Юнгмана «О классичности в литературе вообще и особенно в чешской» (1827), в свою очередь откликнувшегося на дискуссию, начатую в 1818 г. авторами «Начал...». Обойдя молчанием вопрос о просодии (хотя Юнгман был сторонником метрического стихосложения), он развил наметившийся уже у Гневковского тезис о народности литературы. Юнгман также опирается на античную литературу, но новое понимание античности, как культуры, отразившей дух своего времени, ведет его к новым эстетическим критериям. Путь к созданию национальных классических произведений И. Юнгман видит в том, чтобы «предметы песнопений черпать из нужд жизни, из истории духа народа», чтобы «литература наша как можно более исходила из жизни и в жизнь народную входила»¹⁰. Классическую литературу он связывает с представлением о литературе, которую понимает весь народ. Именно такой, в представлениях теоретиков того времени, и была античная литература, которая «своей достойной простотой и красотою, большим разнообразием содержания и своим пластическим совершенством безгранично помогла образованию и достижению подобной классичности позднейшим народам»¹¹.

Таким образом, в манифестах чешских будителей первой трети XIX в. проблема классического наследия занимает одно из центральных мест. Обращение к античности не было уходом от действительности, а наоборот, вело к сближению с ней. Глубокое и многостороннее влияние античной культуры включало не только совершенствование поэтических форм, метрики, но и идеи патриотизма, гуманистические идеалы. В афоризме «Подражание греческому» Я. Коллар подчеркивал, что у греков нужно заимствовать не «греческое», а то, что было общечеловече-

¹⁰ Casopis Muzea Království českého, 1827, č. 1, s. 39.

¹¹ Там же, с. 34.

ским,— их гуманизм. Однако основным моментом воздействия античности на молодые, развивающиеся чешскую и словацкую литературы было осознание задач национальной поэзии. «Значение древности в том, что она позволяет понять настоящее»,— записывает Ян Коллар в своем «Дневнике».

При всем своеобразии чешского и словацкого литературного процесса, проблема отношения к античному наследию имеет и типологический смысл, свидетельствуя о том, что на определенном этапе развития каждая из национальных литератур, раньше или позже, решала общие для всех европейских литератур проблемы.

Л. Н. Смирнов

ВОПРОС О СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В идеологических и культурных концепциях и программах словацкого национального возрождения (с 1780 г. до середины XIX в.) значительное, а порой и доминирующее место занимал вопрос о литературном языке словаков. Он не снимался с повестки дня на протяжении всего указанного периода. Однако на разных этапах словацкого возрожденческого движения можно обнаружить определенные различия в постановке этого вопроса, в идейных и социально-политических мотивах его выдвижения, в теоретическом и историко-философском обосновании различных путей и форм его решения. В этом проявилась неразрывная связь решения вопроса о словацком литературном языке с общими задачами движения за национальное возрождение, с развитием словацкой национальной идеологии.

Начальный этап словацкого национального возрождения в плане языковом ознаменовался реформой А. Бернолака, с имеющимся которого связана первая научно обоснованная программа узаконения самостоятельного словацкого литературного языка¹. Как известно, в силу специфических условий формирования словацкой народности словаки до конца XVIII в. не имели литературного языка, основанного на родной речи. Начиная с XV в. в Словакии в литературно-письменной функции применялся чеш-

¹ Детальная характеристика лингвистических трудов А. Бернолака дается в кн.: *Habovštíaková K. Bernolákovo jazykovédené dielo*. Bratislava, 1968, s. 445. См. также: Смирнов Л. Н. О роли Антона Бернолака в истории словацкого литературного языка.— «Вопросы языкоизнания», 1969, № 6, с. 103—113.

ский язык. Языковая реформа Бернолака явилась продолжением и результатом сознательных стремлений и неоднократных попыток писать по-словацки, развивать литературу на родном языке, обусловленных постепенным пробуждением и ростом национального сознания словаков. Она была осуществлена в то время (первый труд Бернолака «Филологическо-критическое рассуждение о славянских письменах» с приложением краткого наставления по словацкой орфографии был издан в 1787 г.), когда Австрийская монархия, в состав которой входила и Словакия, вступила в полосу серьезных социально-политических и экономических перемен, вызванных кризисом феодализма и зарождением новых капиталистических отношений². В эту переломную эпоху начинается процесс постепенного перерастания словацкой народности в нацию³. Естественно, что в этих условиях в кругах словацких патриотов, возглавляемых Бернолаком, остро ощущалась необходимость введения в литературно-письменную сферу родной словацкой речи.

Для мировоззренческой платформы бернолаковцев характерно сочетание просветительского рационализма с элементами идеологии словацкой народности⁴. Они исходили из представления о принадлежности словаков («паннонских славян») к единому «славянскому народу». У них еще не было достаточно четкого разграничения понятий «словак» и «славянин». Словакам и словацкому языку они приписывали признаки и качества абстрактно понимаемого славянского народа и славянского языка (древность, широкую распространенность славянского племени и языка, «выразительность, изящество, красоту и своеобразие» славянского языка, его использование в богослужебной функции и т. п.). Бернолаковцы проявляют большой интерес к истории славян, к их славному прошлому. Для обоснования своих национально-патриотических стремлений они ищут опору в великоморавской и кирилло-методиевской традициях⁵.

Вместе с тем в их идеологических концепциях на фоне общеславянских мотивов все более определенно проявляются идеи и представления, свидетельствующие об осознании ими языковой и этнической индивидуальности словаков. Так, в трудах Бернолака словацкий язык рассматривается как отдельный и самостоятельный в ряду прочих славянских языков. В предисловии к

² Подробнее о социально-исторической обусловленности бернолаковского движения см.: Tibenský J. Historická podmienenosť a spoločenská báza vzniku bernolákovského hnutia.— In: K počiatkom slovenského národného obrodenia. Bratislava, 1964, s. 55—96.

³ См.: Slovensko. Dejiny. Bratislava, 1971, s. 405.

⁴ См.: Tibenský J. Počiatky slavistickej vedy na Slovensku.— In: Československé přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů (Varšava, 1973). Praha, 1973, s. 423.

⁵ См.: Mráz A. Zástoj cyrilometodejskej idey u bernolákovcov.— In: Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, roč. XIV. Philologica. Bratislava, 1962, s. 7—53.

«Словацкой грамматике» (1790) он говорит о том, что «паннонские славяне» еще мало сделали для культивирования «самостоятельного им славянского языка»⁶. Выдвигая задачу его обработки и совершенствования, Бернолак ссылается на заслуги «проповедников мужей» других славянских народов (прежде всего чехов, поляков и русских) в развитии славянского языка и призывает следовать их примеру. Стремясь преодолеть диалектную разобщенность словаков, Бернолак закладывает основы единого нормированного словацкого литературного языка. При этом значительное внимание он обращает на то, чтобы показать отличие словацкого языка от чешского.

Кодифицированный Бернолаком язык («бернолаковщина») не стал единым литературным языком для всех словаков. Он получил признание и распространение лишь в среде словацкой интеллигенции католического вероисповедания. Словаки-протестанты продолжали пользоваться чешским литературным языком («билингвизмом»). Наступил период своеобразного литературно-письменного двуязычия — сосуществования и конкуренции двух литературно-письменных форм. Указанное литературно-письменное двуязычие явилось следствием и отражением сложной идейной борьбы и противоречивых тенденций, характерных для начального этапа словацкого национально-возрожденческого движения. Силы патриотически настроенной словацкой интеллигенции, возглавлявшей это движение, были в тот период разобщены. По принадлежности к разному вероисповеданию, а также по своим национально-идеологическим концепциям они были разделены на два течения. Словацкие протестанты, более тесно и непосредственно связанные с чешской культурой, с чешским национальным движением, отстаивали концепцию «чехословацкого племени» и выступали за верность трехсотлетней традиции чехословацкого литературного и языкового единства (Ю. Риба, Ю. Палкович, Б. Таблич и др.). Католическая часть словацкой интеллигенции выдвигала идею самобытности, самостоятельности словаков и их языка (А. Бернолак, Ю. Фандли и др.). Естественно, что после реформы Бернолака между представителями этих двух течений развернулась ожесточенная полемика и по вопросу о литературном языке словаков.

По мере развития национально-возрожденческого движения разобщенность словацких патриотических сил все отчетливее осознавалась (в обоих лагерях) как существенное препятствие на пути решения актуальных общенациональных задач. Представители обоих течений прилагают немало усилий для налаживания контактов и сотрудничества во имя защиты национальных прав словаков перед лицом усиливающейся мадьяризации⁷. Это

⁶ Цит. по кн.: Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava, 1964, s. 129.

⁷ Подробнее об этом см.: Butvin J. Slovenské národnozjednocovacie hnutie 1780—1848. (K otázke formovania novodobého slovenského buržoázného náro-

проявляется и в попытках по-иному подойти к вопросу о словацком литературном языке. Не случайно, что именно в 20—30-е годы XIX в. наряду с двумя основными противоборствующими концепциями литературного языка словаков предлагаются компромиссные пути решения этого вопроса.

В среде словацких протестантов наряду с ревнителями чистоты «библичтины» в этот период активно выступают Я. Коллар и П. И. Шафарик, которые осознают известную ограниченность этого языка как средства развития словацкой национальной культуры, как средства просвещения и укрепления национального сознания родного народа. Правда, они еще не приходят к признанию необходимости самостоятельного словацкого литературного языка. Они выбирают, говоря словами Шафарика, «средний путь»⁸ между чистым чешским литературным языком и отвергаемой ими «бернолаковщиной». В ряде своих работ они пытались обосновать необходимость приближения чешского литературного языка к словацкой народно-разговорной речи. При этом известную роль играли их романтическо-эстетические воззрения на язык: ведь по существу их усилия были направлены на создание особого, соответствующего словацкому диалекту литературного стиля⁹ путем обогащения чешского языка элементами «благозвучной» народной речи словаков. Этот особый литературный стиль, по их мнению, мог быть создан на основе чешской грамматики посредством привнесения словацкой лексики, фразеологии, некоторых синтаксических конструкций и фонетических элементов. Я. Коллар и П. И. Шафарик надеялись, что подобный «чешско-словацкий» язык, сохраняющий чешские литературные нормы и в то же время отражающий специфический колорит словацкой речи, будет более понятен и близок словацкому народу, сможет стать базой для сближения словацких патриотов протестантского и католического лагерей, для объединения их сил в борьбе за свои национальные права. Они полагали, что такой язык позволит уберечь литературное единство чехов и словаков. Коллар и Шафарик не только разрабатывали теорию особого литературного языка для словаков, но и стремились воплотить ее в своих сочинениях, в переписке и т. п. Именно в 20—30-х годах они допускают в своей языковой практике особенно большие отклонения от норм «библичтины», причем не только в лексике и фразеологии, но также в грамматике (фонетике и морфологии) и в правописании¹⁰.

da). Bratislava, 1965. Ср. также: *Vyvíjaloval M. Bernolákovci a stúpenci bibličtiny v rokoch 1790—1830*.—In: K počiatkom slovenského národného obrodenia, s. 243—284.

⁸ «Casopis Musea Království Českého», 1873, roč. XLVII, s. 121.

⁹ «Casopis Musea Království Českého», 1874, roč. XLVIII, s. 286.

¹⁰ Cр.: *Tébik Stefan, Safárikov a Kollárov jazyk. Príspevok k vývinu českého a slovenského spisovného jazyka v období národného obrodenia*. Bratislava, 1966, s. 74.

Говоря о концепции «чешско-словацкого» литературного языка, следует подчеркнуть, что она была тесно связана с общими теоретико-философскими и идеологическими взглядами Коллара, на которого заметное влияние оказали идеи И. Г. Гердера. В частности, в ее разработке определенную роль сыграло учение Коллара о славянской взаимности¹¹. Согласно этому учению, словаки относились к «чехословацкому племени» славянского народа, а не являлись отдельной нацией или хотя бы самостоятельным славянским племенем.

Пропагандируемый Колларом и Шафариком особый литературный стиль («чешско-словацкий» язык) в условиях динамически развивающегося словацкого и чешского национальных движений не встретил понимания ни в Словакии, ни в Чехии¹². Он не стал (да и не мог стать) реальным фактором объединения национально-патриотических сил словаков.

Однако были и другие попытки сближения и объединения двух течений словацкого национально-возрожденческого движения. Активные усилия в этом направлении прилагали и католики-бернолаковцы (особенно М. Гамульяк, Я. Голлы), и протестанты (М. Годра и др.). В 1834 г. представители обоих течений создают в Будапеште «Общество любителей словацкого языка и литературы» (председатель — Коллар, секретарь — Гамульяк). Это общество издавало альманах «Zora», в котором публиковались материалы и на чешском (в разных вариантах), и на словацком языках¹³. Такая форма сотрудничества в литературно-языковой сфере была лишь «проявлением взаимного уважения»¹⁴. Подобным путем вопрос о литературном языке словаков не мог быть решен, так как в принципе та и другая сторона все же оставалась верной своей национально-идеологической концепции и в качестве основы для сближения выдвигала свою форму литературного языка. Так, например, Я. Голлы, признавая идею славянской взаимности, подчеркивал специфичность, своеобразие отдельных народов, и прежде всего словацкого народа¹⁵, и не хотел отказываться от «бернолаковщины».

В 40-х годах XIX в. словацкое национально-возрожденческое движение претерпевает глубокие изменения, связанные с расширением его социальной базы, с активизацией борьбы за социальные и национальные права словаков, с классовой дифференциацией самого движения¹⁶. Оно уже не может ограничиваться

¹¹ См.: Rozenbaum K. Konceptia slovanskej vzájomnosti v období P. J. Šafárika a J. Kollára.— «Historický časopis», 1960, roč. VIII, s. 2—3; Harakšim L. Slovanská idea v obrozenske ideoalogii Slováků.— In: Slovanství v národním životě Čechů a Slováků, 1968, s. 134—142.

¹² Tóbiš Stefan. Šafárikov a Kollárov jazyk, s. 139.

¹³ См.: Haboštiaкова K. Almanach «Zora» z jazykovedného hľadiska.— In: Biografické štúdie. Martin. 1970, s. 95—106.

¹⁴ Butvin J. Slovenské národnozjednocovacie hnutie 1780—1848, s. 185.

¹⁵ Cp.; Turčány V. Na krásnú záhradu Hollého Jána. Bratislava, 1972, s. 30.

¹⁶ См.: Slovensko. Dějiny, s. 477.

борьбой по преимуществу за решение культурно-языковых проблем, как это было на начальном этапе. Правда, вопрос о литературном языке словаков по-прежнему остается чрезвычайно острым и актуальным. Его решение стало «основным условием достижения национального единства и сформирования общей идеино-политической платформы и программы» патриотических сил словаков¹⁷.

В кругах молодой словацкой буржуазии протестантского лагеря, возглавляемой Л. Штуром, в эти годы постепенно преодолевается идея «чехословацкого племени», связанная с колларовской концепцией славянской взаимности. На передний план выступает идея национально-этнической самобытности словаков и самостоятельности словацкого языка. Она обретает «второе дыхание», становясь одним из важнейших компонентов системы взглядов и представлений, характеризующих новую концепцию словацкой национальной идеологии.

В середине XIX в. благодаря усилиям Л. Штура, Й. М. Гурбана, М. М. Годжи и их сторонников был кодифицирован и введен в жизнь новый вариант словацкого литературного языка. В 1844 г. были опубликованы первые произведения на этом языке, названным позднее «штурковщиной». В 1845 г. начинает выходить и первая газета на словацком языке — «Slovenskje národnje novípy» с приложением «Orol Tatránski». В следующем году выходят из печати основные труды Л. Штура, в которых дается развернутая аргументация в пользу нового литературного языка словаков и характеризуются его нормы и правила¹⁸.

К идее необходимости самостоятельного словацкого литературного языка штурковцы подошли уже на основе иной историко-философской и идеологической концепции, чем бернолаковцы. На самого Штура и его ближайшее окружение большое влияние оказали, в частности, идеи Гердера и Гегеля. Это проявилось во взглядах на историю славянства, в представлении о высокой миссии славян в прогрессе человечества. Штур исходил из гегелевского положения о том, что история народов — это прежде всего история их духовной жизни, это развитие таких явлений, в которых живет «дух народа» (язык, религия, искусство и т. п.). В этой связи показателен, например, главный довод штурковцев в защиту самостоятельности словацкого языка — идея национальной самобытности словаков. Эта идея основывалась на тезисе о расчлененности «славянского народа» на «племена». По мнению Штура, указанная черта — признак огромной духовной силы «народа», она особенно характерна для славян, ее надо всячески «сохранять, защищать, разви-

¹⁷ См.: Slovensko. Dejiny., s. 477.

¹⁸ См.: Štúr L. Nárečia slovenskou alebo potreba písania v tomto nárečí. V Prešporku, 1846; Nauka reči slovenskej. V Prešporku, 1846.

вать¹⁹. Выдвигая идею национальной самобытности словаков, Штур критически переработал учение Коллара о славянской взаимности, подняв его «в новых исторических условиях на качественно новую ступень»²⁰, приведя его в соответствие с новыми требованиями жизни. Штуровская концепция уловила определяющие тенденции развития национальных движений славянских народов Австрийской монархии в первой половине XIX в.

В отличие от Коллара, который в своих теоретических рассуждениях исходил из того, что славянство, как целое, складывается из четырех самостоятельных «племен» (русского, польского, чехословацкого и иллирийского), Штур в рамках единого славянского «народа» выделяет одиннадцать «племен» (великорусы, малорусы, болгары, сербы, хорваты, словенцы, поляки, чехи, верхние лужичане, нижние лужичане, словаки). Таким образом, в концепции Штура словаки уже выступают как равноправный член семьи славянских народов, а не через промежуточное звено. Идея национальной специфики словаков широко пропагандировалась сторонниками Штура. И. М. Гурбан в предисловии к книге Б. П. Червенака «Зеркало Словакии» (*«Zrkadlo Slovenska»*, w Pešti, 1844) выдвинул ряд доводов в пользу правомерности и необходимости самостоятельной национальной жизни словаков, говорил о своеобразии словацкого племени, о его вычленности в рамках славянского целого²¹.

Следует, однако, подчеркнуть, что штуровцы в принципе не отвергали концепцию славянской взаимности. Они стремились, говоря словами Штура, ее «расширить, дополнить и вдохнуть в нее жизнь»²². Славянская идея и для них была дорога и необычайно важна. Ведь именно через славянство (славянский «народ») они видели свою духовную связь с «европейским человечеством»²³. Таким образом, модифицируя учение о славянской взаимности, штуровцы перенесли акцент с абстрактного целого на реально существующие компоненты, составляющие это целое. Иначе говоря, оставаясь в рамках славянства, они подчеркивали роль и значение отдельных славянских «племен», обладающих своей спецификой. «Славянскую жизнь» Штур сравнивает с деревом, у которого много ветвей, и замечает: «Народ один, но он един в многообразии»²⁴. Подобное понимание соотношения целого и части, в котором сказывается знание гегелев-

¹⁹ Štúr Ľ. Nárečie slovenské alebo potreba písani v tomto nárečí. Turč. sv. Martin, 1943, s. 18.

²⁰ Matula V. Štúr a slovanstvo.—In: Ľudovít Štúr. Život a dielo. Bratislava, 1956, s. 359.

²¹ См.: Hurban J. M. Předmluva k Červenákovu «Zrkadlu Slovenska».—In: Antologie z dějin československé filosofie, I. Praha, 1963, s. 313—323.

²² Там же, с. 24.

²³ См.: Hodža M. M. Dobruo slovo slovákom, súcim na slovo. Levoča, 1847, s. 43.

²⁴ Там же, с. 20.

ской диалектики, было типично для штуротовцев. Опираясь на такое понимание, они провозглашали, что расцвет, развитие отдельных «племен» как национальных индивидуальностей будет способствовать дальнейшему усилению и процветанию славянского «народа» в целом.

С тезисом о самобытности, национальной индивидуальности словаков в концепции Штура неразрывно связано и положение о самостоятельности, специфики словацкого языка.

Расчлененность «народа» на «племена», по мнению Штура, должна сопровождаться дифференциацией «единого общего языка» на различные «способы говорения» (наречия, диалекты)²⁵. Подобное понимание характерно и для Годжи, который писал о славянском языке, что он «везде один, но не одинаков»²⁶. В соответствии с выделенными в рамках славянского народа племенами Штур называет одиннадцать живых славянских наречий.

В своих лингвистических трудах Штур стремится доказать, что словацкий язык по структуре и качествам имеет ряд отличий от других славянских языков, в том числе и от чешского. Он приходит к выводу, что словацкий язык — «наречие особенное и самостоятельное»²⁷. Говоря об отношении чешского и словацкого «наречий», Годжа подчеркивал, что «одно и другое имеет свою необходимую самостоятельность»²⁸.

Обосновывая самостоятельность, специфичность словацкого языка, выделяя его признаки и особенности, Штур не всегда научно объективен, не во всем точен. Некоторые его утверждения вызывали возражения даже среди самих штуротовцев (Годжа и др.).

В известной мере субъективизм в оценке некоторых черт и свойств словацкого языка был обусловлен идеалистично-романтическими представлениями, характерными для языковых теорий того времени, в частности, усиленным подчеркиванием преимуществ и положительных качеств (нередко мнимых) своего родного языка, в такого рода характеристиках, как «более совершенный», «более пригодный для поэзии», сохранивший «словацкий и славянский дух в своей чистоте и свежести» (Л. Штур), «самый совершенный, самый распространенный, самый красивый» (Й. М. Гурбан) и т. п. В этом проявлялась и глубокая любовь к родному языку. Такое же отношение к родному языку штуротовцы стремились пробудить и в широких слоях словацкого народа. Они активно пропагандировали достоинства словацкого языка, используя для этого наряду с филологическими соображениями и такой аргумент, как свое эмоциональ-

²⁵ См.: *Štúr Ľ.* Nárečie slovenské..., s. 15.

²⁶ *Hodža M. M. Dobruo slovo...*, s. 76.

²⁷ *Štúr Ľ.* Nárečie slovenské..., s. 89.

²⁸ *Hodža M. M. Větin o slovenčine. Levoča, 1848*, s. 53.

но-эстетическое восприятие его качеств. Й. М. Гурбан писал: «Наше словацкое наречие обладает такими достоинствами, такими богатствами и сокровищами, каких, пожалуй, не имеет ни одно славянское культурное наречие»²⁹.

Оценивая подобные высказывания, следует учитывать, что они в известной мере обусловлены ожесточенными полемиками, которые велись в то время по вопросу о правах словацкого языка, о возможностях его самостоятельного развития, о его пригодности для использования в литературе. Заметим также, что подобная оценка качеств родного языка в той или иной степени характерна для деятелей национального возрождения и других народов.

Характеризуя взгляды штуровцев, важно подчеркнуть другое: глубокое понимание ими роли и значения родного языка в системе культурных ценностей нации, осознание его социальных функций. Для них язык — главный, определяющий признак нации. В то время еще не было полного представления о всех факторах, на базе которых складывается нация, поэтому неудивительно, что значение языкового признака штуровцы несколько преувеличивали. В одной из своих работ, опубликованной в 1843 году, Л. Штур утверждал: «Только язык делает нацию нацией, без него она была бы ничем; нация признается нацией лишь при условии, если она имеет собственный язык»³⁰. По мнению штуровцев, язык — это основное проявление «духовности» нации и, следовательно, выражение ее своеобразия. Не случайно они так часто и столь последовательно подчеркивали неразрывную связь языка и народного духа (ср.: «Речь народа есть голос души, воплощенная сущность духа»)³¹. Примечательно, что иногда они отмечали и соответствие языка «типу национального характера»³².

Высоко оценивали штуровцы роль родного языка как важнейшего средства сближения патриотической интеллигенции с народными массами. Они рассматривали словацкий язык как «ключ к сердцу и мысли» народа³³. Для обращения к народу, писал Л. Штур, нужен такой язык, «который на люд наш оказывает наибольшее воздействие»³⁴. Таким языком, естественно, был родной язык словаков, который штуровцы стремились поднять до уровня литературного языка. Для них было характерно более глубокое, чем у бернолаковцев, понимание общественной роли последнего. Он рассматривался ими не только, как сред-

²⁹ Hurban J. M. Slovensko a jeho život literárny. Bratislava, 1972, s. 118.

³⁰ Цит. по кн.: Štúr Ľ. Zaloby a ponosy Slovákov (Die Beschwerden und Klagen der Slaven in Ungarn). Turč. sv. Martin. 1946, s. 14.

³¹ Hurban J. M. Slovensko..., s. 35.

³² См.: Štúr Ľ. Hlas proti Hlasom.— In: Štúr Ľ. Slovenčina naša. Bratislava, 1957, s. 129.

³³ См.: Štúr Ľ. Nárečie slovenské..., s. 74.

³⁴ Štúr Ľ. Hlas proti Hlasom, s. 127.

ство культурно-просветительной и религиозной пропаганды (хотя и этим аспектам штуровцы придавали большое значение), как средство развития национальной культуры, но и как необходимое орудие в борьбе за улучшение социальных условий жизни народа, за устранение пережитков феодализма, за активизацию широких слоев словацкого населения. Штуровская концепция литературного языка была тесно связана с решением важнейших задач кульмиационного этапа развития словацкого национального движения середины XIX в. Когда Л. Штур говорил, что «всякая сухая теория ничто, если она отрывается от жизни»³⁵, то это говорилось не для красного словца. В этом проявлялась принципиальная позиция активного борца за национальные и социальные права словаков. И если вообще для деятельности штуровцев типична демократическая направленность, ориентация на народ, то это в полной мере относится и к их концепции словацкого литературного языка (в частности, это проявилось в сближении литературных норм с живой народно-разговорной речью, в стремлении значительно расширить социальную сферу использования литературного языка). Литературный язык для штуровцев никогда не был самоцелью. Вопрос о языке понимался ими как составная часть общей программы развития и демократизации словацкого общества.

В создании литературного языка на базе живой словацкой речи штуровцы видели мощный объединяющий фактор, способный положить конец языковой и конфессиональной разобщенности словацких патриотических сил и ускорить процесс консолидации нации. Именно это имел в виду Штур, когда писал своему русскому другу И. И. Срезневскому о том, что они ввели в литературу словацкий язык, «желая объединить все сословия, дворянское, буржуазное и люд, желая объединить религиозные партии, протестантскую чешскую и католическую бернолаковскую»³⁶.

Введение в жизнь нового словацкого литературного языка («штуровщины») было делом нелегким. Штуровцам пришлось вести острые дискуссии, отстаивая необходимость и правильность избранного ими пути, разъясняя и пропагандируя предпринятую языковую реформу. Новый литературный язык постепенно входил в разные сферы общественной и культурной жизни, постепенно уточнялись и стабилизировались его нормы. И хотя споры о том, каким быть литературному языку словаков, еще продолжались (по некоторым конкретным вопросам строя языка, его формального облика и т. п. не было единодушия даже в лагере штуровцев), все же можно сказать, что в принципиальном отношении вопрос о словацком литературном языке уже был решен. В довольно короткий срок объединенными усилиями

³⁵ Stúr L. Nárečie slovenské..., s. 37.

³⁶ Listy Ľudovíta Stúra, zv. 2. Bratislava, 1956, s. 237.

лиями штурковцев и бернолаковцев удалось выработать единые литературные нормы словацкого языка, приемлемые для обеих сторон. В сущности это была штурковская кодификация с некоторыми поправками в правописании, фонетике и морфологии, принятыми по настоянию М. М. Годжи, М. Гатталы и др.³⁷. Опубликованная в 1852 г. «*Krátka mluvnica slovenská*» М. Гатталы узаконила эти единые нормы, которые послужили основой для дальнейшего развития словацкого литературного языка.

³⁷ Ср.: *Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny*, I. Bratislava, 1966, s. 121.

К. К. Трофимович

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
КАК ПЕРВОЭЛЕМЕНТ И СРЕДСТВО
РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ
В 30—70-е ГОДЫ XIX В.

В настоящей статье мы не рассматриваем общественных процессов, протекавших на всей территории Лужиц, так как в Нижней Лужице национальное движение лужицких сербов находится вне указанных в заглавии хронологических рамок¹.

В связи с бурным развитием капитализма в Германии в XIX в. произошло столь же быстрое становление буржуазной немецкой нации. Но проживающие в Саксонии и Пруссии потомки автохтонных славянских племен — лужицкие сербы², хотя и были частично охвачены экономическими преобразова-

¹ См.: *Jenč R. Stawizny serbskeho pismowstwa*, I. Bautzen, 1954, s. 461—464; *Solta J. Zur Frage der Herausbildung des Nationalbewusstseins bei den Lausitzer Sorben in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts*. — «*Lětopis Instituta za serbski ludspryt*» (далее — «*Lětopis*»), 1968, г. В, з. 15/2, с. 223. Заметим, что ни запоздалое пробуждение к национальной жизни, ни слабая интенсивность ее проявления у нижнелужицкого славянского населения, а также наличие у нижних лужичан особого варианта литературного языка, не дают достаточно оснований для того, чтобы признать существование двух отдельных народов: верхнелужицкого и нижнелужицкого (см.: *Die Sorben. Wissenwertes aus der Vergangenheit und Gegenwart der sorbischen nationalen Minderheit*. Bautzen, 1968, с. 159; Рец. Х. Фасске на кн.: *Sewc H. Gramatika hornjoserbskeje rěče*. — «*Lětopis*», г. А, 1969, з. 12/2, с. 244—246; *Lötzsch R. Einheit und Gliederung des Sorbischen*. Berlin, 1965. Иначе излагается этот вопрос в 3-м издании книги «*Die Sorben...*» (Bautzen, 1970, S. 129—130).

² В середине XIX в. в Верхней и Нижней Лужицах проживало примерно 150 тыс. лужицких сербов. Подробно об этом см. в кн.: *Tschernik E. Die Entwicklung der sorbischen Bevölkerung von 1832 bis 1945. Eine demographische Untersuchung*. Berlin, 1954.

ниями в германских государствах, серболужицкой нацией не стали. Для этого не было всех необходимых условий³. И все же национальное возрождение верхних лужичан (30—70-е годы XIX в.) сыграло значительную роль в превращении отсталой феодальной лужицкой народности в народность более высокой ступени развития. В период национального возрождения у лужичан произошло перерастание этнического самосознания в национальное (здесь и далее «национальный» соотносится не с понятием «нация», а «национальность», «народность»)⁴.

Лужицкое национальное движение (возрождение) имело разные проявления, однако в основном оно находило свое выражение в защите и развитии национальной культуры, подвергавшейся со стороны немецких эксплуататорских классов денационализации⁵. На первый план выдвигалась борьба за право беспрепятственного пользования родным языком в разных сферах общественной жизни⁶.

Письменность на верхнелужицком языке зародилась в XVI в., но до конца XVIII в. была весьма скучной и однообразной. Ограниченная религиозной тематикой и бедностью жанров, она не давала простора авторам переводов и оригинальных произведений для развития стилей и выразительных средств литературного языка. Беден был словарный состав, не упорядочены были грамматические нормы и правописание.

Неразвитость лужицкого (серболужицкого) письменного языка объясняется также и другими факторами, например тем, что он никогда не был языком преподавания в школе⁷, а из учреж-

³ Mětšk F. Einige Erwägungen über die Auswirkungen der territorialen Veränderungen zu Beginn des XIX. Jh. auf die sorbische Nationalität.—«Lětopis», 1962, г. В, з. 9/1, с. 69; Nowotny P. Vuk Stefanović Karadžić a Łužicy Serbja.—В кн.: «Анали Филолошког факултета (Београдски универзитет)», 1964, књ. 4, с. 310.

⁴ О национальном возрождении у лужичан см.: Лаптева Л. П. О национальном возрождении у лужицких сербов.—В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальное движение в славянских странах. М., 1972; Petr J. Lužickosrbské národní obrození.—In: Přednášky ve XIV. běhu Letní školy slovanských studií v roce 1970. Praha, 1971.

⁵ Глубокое и всестороннее теоретическое обоснование закономерности такого проявления национальных движений дано в работе: Злыднев В. И., Лещиловская И. И., Львова Е. П. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур.—В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973.

⁶ О других аспектах национального движения (политической и экономической борьбе) см.: Hartstock E. Die sorbische nationale Bewegung in der sächsischen Oberlausitz während der bürgerlich demokratischen Revolution 1848/49.—«Lětopis», 1969, г. В, з. 16/2.

⁷ В разных местностях лужицкий язык использовался в школах в качестве вспомогательного при изучении немецкого языка и на уроках закона божьего (см.: Reuther M. Beiträge zur Geschichte des deutschen und sorbischen

дений допускалось пользование лужицким языком только в суде, да и то в очень ограниченной мере (допрос свидетелей). Из всех сфер общественной жизни лужицкий язык находил применение в церкви, но и здесь существовала тенденция к его ограничению.

Серболужицкий язык (во многих его диалектных разновидностях), бывший средством общения в семье и в узком кругу односельчан (это также общественная сфера!), стал в период возрождения основным средством пробуждения национального самосознания, инструментом борьбы за социальные и национальные права, за сохранение культуры предков. Как от орудия борьбы, от него требовалась отточенность, богатство лексики, гибкость и разнообразие стилей, стабильность грамматических норм и т. д. Поэтому лужицкие будители хорошо понимали, что основным содержанием их деятельности должно быть создание нового, единого для всех верхних лужичан литературного языка. Они видели на примере других возрождающихся к национальной жизни народов, что отстаивание прав родных языков и создание их литературных разновидностей предопределяли в значительной степени успех национальных движений⁸.

Одним из главных препятствий в развитии единого верхнелужицкого литературного языка было существование двух литературных традиций: у верхних лужичан с самого возникновения письменности произошло ее разделение на католическую и протестантскую. Писатели-католики на протяжении двух с половиной столетий вырабатывали свои нормы орфографии и словоизменения, пользовались некоторыми особыми, только ими употребляемыми словами и словосочетаниями, облаченными в своюственную только им фонетическую оболочку. Произведения протестантов также характеризовались своими языковыми особенностями. Надо, однако, заметить, что различие между «католическим» письменным языком и «протестантским» не было велико. Во всяком случае, католики без труда могли читать произведения протестантов, равно как протестанты не испытывали затруднений при чтении католической литературы⁹. Существовавшая долгое время взаимная неприязнь католиков и проте-

Elementarschulwesens der Stadt Bautzen bis zum Jahre 1873.—«Летопись», 1953, г. В, з. 1.

⁸ «Постановка и решение проблем литературного языка, возникших в процессе складывания нации, оказывали подчас кардинальное воздействие на формирование самосознания этнической принадлежности и национального самосознания в целом. На определенном этапе решение этих проблем становилось необходимым для национального развития» (Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII—70-е годы XIX в.).—В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов, с. 136).

⁹ Schuster-Sewc H. Die Geschichte der sorbischen Schriftsprache (Ein Grundriss).—В кн.: Славянска филология. Доклади, съобщения и статьи по езикознание, III. София, 1963.

стиков, переходившая в отдельных случаях во враждебность¹⁰, не позволяла ни католическим писателям, ни протестантским (в обоих случаях по преимуществу священникам) сделать шаг для сближения своих письменных языков. И хотя видные деятели культуры сознательно отступали в своих литературных сочинениях и научных языковедческих трудах от норм сугубо «католических» или «протестантских» с целью приблизить свою речь к речи языкового антипода¹¹, тем не менее даже после принятия в 1848 г. решительных мер по созданию единых норм все еще продолжали выходить не только художественные произведения на «католическом» и «протестантском» языках, но и грамматики. Так, Ф. Шнейдер в 1853 г. издал труд, на титульном листе которого подчеркивалось, что он написан для католиков¹².

В деле создания и кодификации единого верхнелужицкого литературного языка огромную роль сыграло общество «Матица сербская», созданное в 1847 г. по образцу таких же организаций у других славян¹³. В 1848 г. начал выходить «Журнал Матицы сербской», просуществовавший до 1937 г.¹⁴. Он был призван решить задачу объединения двух вариантов литературного языка. В первом же выпуске были опубликованы принципы нового правописания на основе латинской графики. В следующем выпуске К. Пфуль опубликовал краткий обзор грамматики — вариант, рекомендованный писателям обоих вероисповеданий. В журнале публиковались языковедческие статьи К. Брониша, М. Горника, К. Пфуля, Я. Смолера, Ю. Веляна, Я. Нычки и других, направленные главным образом на решение практических задач создания единого литературного языка верхних лужичан. Становлению нового литературного языка способствовал также беллетристический журнал «Лужичанин». Уже в его первом номере (1860) М. Горник ввел рубрику «Чистильщик и исправитель», в которой давались рекомендации о правильном употреб-

¹⁰ Michalk S. Kulowski dialekt džensa a před 300 letami.— In: Sorabistiske přínoški k VI. međeznarodnemu kongresu slawistow w Praze 1968. Budysin, 1968, s. 39.

¹¹ Так, например, Я. Иордан, католик, в издаваемом им журнале «Денница» и в грамматике применял усовершенствованное правописание, более близкое протестантскому, а также устранил в фонетике и морфологии некоторые особенности, отличающие литературный язык католиков от литературного языка протестантов. Крупнейший деятель лужицкого возрождения Я. Смолер, протестант, со своей стороны прилагал усилия к сближению обоих вариантов верхнелужицкого литературного языка.

¹² Schneider F. Lehrbuch der serbisch-wendischen Sprache katholischen Dialekt's. Budissin, 1853.

¹³ Были и более ранние попытки кодифицировать верхнелужицкий литературный язык (см.: Seiler A. Kurzgefasste Grammatik der Sorben-Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialekte. Budissin, 1830; Jordan J. P. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. Im Systeme Dobrowsky's abgefasst. Prag, 1841).

¹⁴ В год выходило по два выпуска от четырех до пяти печатных листов каждый.

лении слов и выражений, грамматических форм и т. д. Особое место в рубрике отводилось борьбе с германизмами.

Однако пуристы, боровшиеся с германизмами, чуть было не стали могильщиками общенародного верхнелужицкого литературного языка. Вследствие слишком усердной пурристской деятельности литературный язык все больше и больше начал удаляться от народного языка, в котором германизмы продолжали сохраняться. В период, когда происходило только становление литературного языка, который должен был служить объединению самых широких масс народа, сразу же наметились тенденции к его изоляции от живого разговорного языка. На протяжении всего периода возрождения (т. е. до 70-х годов XIX в.) верхнелужицкий литературный язык еще не стабилизировался и не приобрел важнейшего свойства — коммуникативности в широких кругах населения¹⁵. Продолжали выходить «католические» и «протестантские» книги и журналы¹⁶. Фактически до конца периода возрождения сосуществовали три варианта языка письменности: «католический», «протестантский» и новый «матичный» (т. е. язык изданий «Матицы сербской»).

Однако дело будителей не пропало. Литературный язык, созданный в кругу «Матицы», в следующий период истории лужицан преодолел нездоровые пурристские тенденции и начал завоевывать главенствующее положение в литературе. Однако окончательная победа единого верхнелужицкого литературного языка произошла только в наше время — в Германской Демократической Республике.

Борьба за создание верхнелужицкого литературного языка в период национального возрождения была органически связана с борьбой за утверждение и развитие лужицкой культуры. В духе времени (под влиянием аналогичных акций у других славян) молодые деятели лужицкой культуры с энтузиазмом взялись за изучение фольклора. Их интересовали не только содержание, поэтические формы и образы устного народного творчества, но также и язык народа, знание которого было необходимо для укрепления создаваемого литературного языка¹⁷. Из всех собирателей фольклора Г. Любенский, Я. Йордан, Г. Зейлер, Я. Ра-

¹⁵ Lötzschen R. Einige Auswirkungen des Purismus die grammatische Normierung slawischer Schriftsprachen.— In: Sorabistische přinoški..., S. 31; Stone G. Lexical Changes in the Upper Sorbian Literary Language during and following the National Awakening.— «Lětopisz», 1971, г. А, з. 18/1; Stone G. Der Purismus und der Entwicklung des Wortschatzes der ob obersorbischen Schriftsprache.— In: Přinoški k serbskemu rěčespytej. Budysin, 1968.

¹⁶ В 1862 г. для распространения книг были созданы «книжные общества» — католическое и лютеранско.

¹⁷ «Обращение романтиков к фольклору имело большое идеиное значение: оно помогло литературе показать народную жизнь, раскрыть положительные ее стороны, а также лучшие моральные качества народа, углубляло демократизм литературы и ее революционный дух». (Кравцов Н. И. Романтизм в славянских литературах и фольклор.— В кн.: История, культура этнография и фольклор славянских народов, с. 360).

диссерб-Веля и др.) самым заслуженным был Я. Смолер. Как один из виднейших создателей нового верхелужицкого литературного языка, он очень внимательно изучал язык народных песен. Неудивительно, что к его монументальному сборнику «Песни верхних и нижних лужичан»¹⁸ был приложен очерк о языке и диалектах. Впервые в книге была применена новая система орфографии, предложенная Я. Смолером. У этого деятеля лужицкого национального возрождения интерес к культуре народа и к его языку неразрывно связаны между собой. Пропагандируя обращение к народной культуре, он одновременно пропагандировал повсеместное пользование лужицким литературным языком в Верхней Лужице (единым для католиков и протестантов). Для Я. Смолера, и не только для него, язык был и первоэлементом и средством развития национальной культуры. Все действия лужицких будителей, направленные на развитие просвещения, науки, музыкального искусства, художественной литературы, книгопечатания, журнального дела и т. д. всегда так или иначе определялись потребностями борьбы за язык. С одной стороны, например, для издания журнала, призванного пробуждать национальное самосознание, нужен был гибкий, отшлифованный, понятный всем литературный язык, с другой — язык шлифовался, приобретал гибкость, унифицировался в периодической печати. То же самое следует отметить и в художественной литературе и книгопечатании, школьном деле и музыкальном искусстве.

О последнем необходимо сказать особо, так как его роль в лужицком национальном возрождении была чрезвычайно велика. Важное место в национальном возрождении занимали праздники песни. Плодом глубокой дружбы между поэтом Г. Зейлером и композитором К. Коцором были выдающиеся произведения национальной культуры, поднятой на невиданный ранее уровень. Это были песни, воспевающие родную природу, любовь к родному краю, труд простого сельского труженика, веру в будущее народа. Г. Зейлер и К. Коцор организовали в 1845 г. в Будишине праздник песни, сыгравший значительную роль в становлении самосознания лужичан. Это было «самое выдающееся событие в культурной жизни в мелкобуржуазном национальном движении домартовского периода», — пишет современный лужицкий исследователь¹⁹. Семидесятичленный хор учителей исполнил при небывалом стечении народа 26 песен (21 была создана К. Коцором на слова Г. Зейлера). Это мероприятие, ставшее впоследствии традиционным, сплотило учителей всей Лужицы в их просветительской и патриотической деятельности. Праздники песни «несли лучшие плоды сербской национальной

¹⁸ Haupt H., Smoler J. E. Pjesnički hornych a delnych Łužiskich Serbow. Grimma, 1841.

¹⁹ Brankač A. Korla Awgust Kocor a jeho doba.— In: Kościów. Korla Awgust Kocor. Wobraz žiwjenja a skul'kowanja. Budyšin, 1972, s. 17.

культуры в широкие массы сербского народа... укрепляли в сербском человеке чувство собственного достоинства, поднимали чувство национальной гордости, так как представляли в совершенной форме сербскую культуру среди немецкой и широкой общественности»²⁰.

Важным моментом этих мероприятий было то, что песни (также и оратории) исполнялись для широкой аудитории на лужицком языке, который в этих произведениях нес уже на себе печать нового наддиалектного средства общения.

Из всей совокупности культурных ценностей, созданных в период национального возрождения, самое видное место занимает литература. Она была активным участником национального движения лужичан, мощным фактором становления их национального самосознания.

Большую роль в борьбе за родной язык и лужицкую культуру сыграла поэзия основоположника национальной литературы Г. Зейлера. Его стихи, распространявшиеся в виде листовок и в списках, публиковавшихся в журналах, воспевали прекрасную природу лужицкого края, благородный труд лужицких крестьян, превозносили достоинства характера простого лужичанина, призывали любить все лужицкое. Его стихотворение «Прекрасная Лужица», положенное на музыку и исполненное на одном из торжеств лужицких студентов в Лейпциге в 1827 г., стало национальным гимном лужицких сербов. Г. Зейлер помог крестьянам, ремесленникам и интеллигентам убедиться в том, что высокую поэзию можно сочинять не только на немецком, но и на лужицком языке²¹.

Литературный язык шлифовался также и в малой прозе Я. Радысерба-Вели, Я. Мучинка, в сатирических рассказах Ю. Веляна и в других жанрах художественной литературы.

Большую роль в пропаганде и публикации художественных произведений сыграла «Матица сербская», печатавшая небольшие литературные произведения в своем «Журнале» и издававшая художественные произведения отдельными книгами. Этот факт имеет особенно важное значение, так как во всех изданиях «Матицы» применялось новое правописание и по возможности произведения редактировались в соответствии с нормами нового единого литературного языка. Нельзя не отметить и тот факт, что кроме развития жанров художественной литературы, в изданиях «Матицы» появлялись образцы публицистики, а также научно-популярный прозы (в области гуманитарных наук) и научных исследований (в области естественных наук). Все это

²⁰ Mlynkowa M. Wučbnica za stawizny serbskeje literatury, I. Berlin, 1958, s. 134.

²¹ О творчестве Г. Зейлера см.: Wićaz O. Handrij Zejler a jeho doba (Ze zastojenstwa wudał Pawol Nowołny).—«Spisy Instituta za serbski ludospyt». Budyšin, 1955, č. 2.

свидетельствует о том, что верхнелужицкий литературный язык становился многофункциональным средством выполнения задач, необходимых для развития национальной культуры в самом широком смысле этого слова.

Верхнелужицкий литературный язык, национальная культура лужичан окрепли в следующий период истории (после 1870 г.), но лишь в Германской Демократической Республике их развитие стало заботой не только самого некогда угнетенного народа, но и немцев, создавших первое в истории Германии государство рабочих и крестьян. Лужицкая культура стала неотъемлемой частью культуры всех граждан, строящих в этом государстве социализм²².

²² Шиллер К. Ю. Воплощение демократических традиций лужицкого национального движения в ГДР.— В кн.: Ежегодник германской истории, 1970. М., 1971; Kola C. Kultura w našim času.— «Rozhlad», 1973, N 8.

Д. С. Прокофьев

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОЛЬСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ КРИТИКЕ

Проблемы, связанные с формированием концепций национальной литературы, относятся к числу наиболее важных и сложных в истории польской литературы XIX в. Исчерпать их в столь краткой публикации не представляется возможным. Поэтому придется ограничиться лишь некоторыми аспектами этой достаточно широкой темы. Сразу же следует подчеркнуть, что в романтической критике не было единой концепции национальной литературы. Различие концепций зависело как от этапов формирования национального сознания, так и от идеологических взглядов: в эпоху национального пробуждения к проблемам национального, и в том числе национальной литературы, обращались представители самых разных ориентаций и содержание понятия «нация», «национальное» было далеко не одинаковым.

Предшественник романтиков Казимеж Бродзиньский, которого называли «первым апостолом идеи национальности»¹, в ряде своих исследований ставил вопрос о национальной функции литературы («призвание литературы — быть совершенно национальной»). В «Письмах о польской литературе» Бродзиньский писал о том, что «художественная литература должна укрепить

¹ См.: Chrzanowski J. Optymizm i pesymizm polski. Studie z historii kultury. Warszawa, 1971, s. 283.

моральное существование нации, оживить дух сынов ее»². Обычаи и язык он считал наиболее устойчивыми признаками национальности, а искусство и литературу называл зеркалом национальных нравов и обычаев³. «Литература каждой нации,— писал К. Бродзиньский,— должна быть ее отражением, должна соответствовать ее обычаям, склонностям и положению, чтобы вместе с ней совершенствоваться»⁴. Он призывал отказаться от слепого подражания чужеземным образцам и развивать национальное начало в поэзии, обращаясь к фольклору и старопольской традиции.

Высказывания Бродзиньского об оригинальной поэзии и ее роли в формировании «национального духа»— основы идеальной, «сердечной» родины, не составили еще конкретной программы национальной литературы, но сыграли важную роль в формировании ее концепции. Лозунг Бродзиньского «не будем эхом чужеземцев» явился не только квинтэссенцией его теории, но и во многом определил постулаты раннего романтизма, в частности основной постулат романтиков — национальную индивидуальность. Как И. Гердер, который своим учением об оригинальности творчества, борьбой против подражательности подготовил почву для романтизма европейского, так и К. Бродзиньский, воспринявший многое от Гердера, по праву считается предтечей польского романтизма.

Немаловажное значение в развитии идей о неповторимости, самобытности творчества разных народов сыграли своеобразно пойманные тезисы Гегеля о специфической миссии каждой нации в истории человечества, в развитии абсолютного духа, философия Канта, работа де Сталь. Однако глубинные причины, истоки формирования концепции национальной литературы кроются в историческом созревании польской нации.

Формирование романтизма в Польше означало не только смену литературной системы. Оно означало глубокие перемены в сознании, растущую роль литературы в общественной жизни. Видный романтический критик 20-х годов XIX в. Мауриций Мочнацкий подчеркивал выдающуюся роль литературы в национальной жизни. Он считал именно романтизм тем «благотворным феноменом, влияние которого не только сможет переделать, но, и, собственно говоря, создаст национальную литературу»⁵. Мочнацкий понимал литературу как «самопознание нации в своем естестве». Он оценивал поэзию с философской точки зрения: поэт должен творить так же свободно и оригинально, как при-

² Brodziński K. Pisma estetyczno-krytyczne, t. I. Warszawa, 1934, s. 167. См. также: Skret R. Kazimierz Brodziński jako historyk literatury. Warszawa — Kraków, 1962, s. 12.

³ См.: Kamionka-Straszakowa J. Nasz naród jak ława. Studia z Literatury i obyczaju doby romantyzmu. Warszawa, 1974.

⁴ Цит. по кн.: Skret R. Kazimierz Brodziński jako historyk literatury, s. 12.

⁵ См.: Mochnacki M. Pisma wybrane. Warszawa, 1957, s. 34.

рода, поскольку его вдохновение есть та же действенная, сози-
дательная сила. Поэтому основным принципом творчества объ-
являлась оригинальность.

Мохнацкого и его единомышленников уже не устраивали умозрительные концепции Бродзиньского. Их теории и высказывания опирались и были отражением конкретной литературной и общественно-политической действительности, передавали атмосферу предповстанческих настроений.

К поэтической революции в Польше приравнивается выход в свет в 1822 г. тома «Баллад и романсов» Адама Мицкевича. В своем кратком очерке европейской литературы, который был предпослан этой книге, А. Мицкевич изложил свое понимание романтизма. Он считал это новое направление носителем национального начала. Поэт поставил вопрос о новых эстетических ценностях, которые были связаны с народной поэзией. Для Мицкевича народность не была лишь одним из чисто литературных стимулов творчества. Ориентация на народ была связана с патриотически-бунтарскими стремлениями. Более подробное освещение роли и значения концепций Мицкевича, их эволюции потребовало бы отдельного фундаментального исследования⁶. Здесь же хотелось бы подчеркнуть лишь то, что понимание соотнесенности поэзии с насущными потребностями нации было главной и важной чертой литературной программы Мицкевича.

Восстание 1830—1831 гг. стало, в известной степени, рубежом в понимании и толковании идеи нации, как и в дискуссиях о национальной литературе. В отличие от раннеромантической фазы, когда выделялась и подчеркивалась прежде всего национальная индивидуальность, после восстания формируется и другая концепция, объединяющая национальные и универсальные начала. Поэзия, по мнению романтиков этого времени, разделяющих подобное мнение, должна была стать представительницей польского народа перед миром. А для этого она должна была быть и национальной и универсальной. Однако в статье С. Гощинского «Новая эпоха польской поэзии» (1835), которая оказала существенное влияние на формирование понятия «национальная литература», снова слышится необходимость сохранения национальной самобытности в литературе и мышлении. Его программа в самом общем виде может быть сведена к лозунгам: «Предадим анафеме всякую иностранщину», «Освободимся от европейской мешанины», «Покажем миру нашу литературу во всем ее самородном блеске». По мнению Гощинского, польская поэзия должна опираться на «дух древнеславянской литературы», обращаясь к старославянским источникам. «Только такую поэзию можно назвать национальной, а всякую другую

⁶ См.: Жмиеродская М. Романтический перелом и выбор литературной традиции.— В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973, с. 64—85.

гую, даже если она объявила в стихах, написанных чистейшим польским языком, даже сияющую самым большим талантом, не считаю ни чем более, как только проявлением и собственностью определенной касты,— одним словом, поэзией кастовой»⁷.

Для Гощинского проблемы народности были главными жизненными проблемами, а не только данью времени. Народ не был только фоном в его произведениях, экзотическим элементом, а составлял сущность такого произведения, как «Каневский замок». Программное появление народа-люда на страницах художественной литературы подготавливало мысль о его полноправии и в общественной жизни. Борясь за демократизацию литературы и оригинальность, понимая национальное как одновременно народное, самородное, незаимствованное, Гощинский упрощал многие проблемы, преувеличивая опасность заимствований и подражаний. Этим объясняются полемические крайности его суждений.

В 30-е годы критик консервативного толка М. Грабовский также выступал против заимствований и подражаний. Он работал за создание национального исторического романа, призванного прославить шляхетские традиции. Выступая поборником развития польской национальной литературы, Грабовский неоднократно признавался в том, что он не разделяет идей «постоянного и неограниченного прогресса». В его понимании и толковании национальное предполагало верность религиозно-консервативным началам, неизменному общественному устройству.

В отличие от Грабовского, идеолог революционной демократии Э. Дембовский считал национальную поэзию двигателем прогресса. Полемизируя с Грабовским, он писал о том, что не всякое прошлое может служить предметом поэзии, поскольку каждая эпоха имела свои положительные и отрицательные стороны⁸. В оценках литературных произведений Дембовский впервые применил критерий прогрессивности, рассматривая литературу с точки зрения отражения в ней актуальных общественных идей. Рост национального самосознания Дембовский связывал, как и многие его предшественники, с романтизмом. Более того, он считал, что «чисто польская» эпоха начинается с 20-х годов XIX в., то есть со времени утверждения романтизма. В основе его представлений о такой эпохе лежит идеалистический тезис о том, что «суть польской нации составляет стихийный демократизм»⁹, а классовое неравенство и его общественно-полити-

⁷ См.: *Polska Krytyka literacka (1800—1918). Materiały*, т. 2. Warszawa, 1959; *Zmigrońska M. Edward Dembowski i polska krytyka romantyczna*. Warszawa, 1957; *Morawski S. Program sztuki narodowej w polskiej krytyce artystycznej okresu romantyzmu — «Myśl filozoficzna»*, 1956, z. 3.

⁸ *Dembowski E. Pisma*, t. I. Warszawa, 1955, s. 187.

⁹ См.: *Zmigrońska J. Edward Dembowski i polska krytyka romantyczna*. Warszawa, 1957, s. 338.

ческие и культурные последствия являются якобы результатом чуждых влияний. Эта позиция Дембовского, на наш взгляд, во многом объясняет его резкие выступления против подражаний иностранным образцам. Вообще в основе борьбы против подражаний, против следования инонациональному нередко кроется нечто большее, чем забота о самобытности и оригинальности национальной литературы. Это уже очевидно на примере борьбы против подражаний Дембовского. Для подтверждения этой точки зрения можно обратиться и к представителю полярного идеиного лагеря, реакционеру Грабовскому. Он выступал против подражаний, против проникновения якобы чуждых польскому духу европейских литературных веяний, поскольку с ними он связывал распространение «натурализма», то есть реализма, противником которого он был и позже, в период, когда, обращаясь к минимореалистической фразеологии, выступал за отражение в литературе действительности, дабы утвердить ее неизменность.

Неодинаковым было и отношение к инонациональному опыту. Для одних этот опыт был необходимым этапом становления национальной культуры и литературы, в других же он вызывал к жизни идеи преодоления чуждых влияний. Разное отношение к этой проблеме означало, на наш взгляд, и разную степень развития национального сознания, разные этапы, и неодинаковость задач, стоящих на повестке дня.

Понятие иностранного, чужеземного представляло собой антитезис понятию национального, сосредоточивало в себе все то, что противостояло целям и задачам, признанным национальными¹⁰. Противостоящая подражательной национальной литературе для многих теоретиков этой литературы представлялась связующим элементом между разделенными частями Польши. Национальный язык и литература вырастали до интегрирующей силы, объединяющей нацию, лишенную независимости. Таким образом, нередко идея национальной литературы была связана с тенденцией солидаристского объединения различных классов, служила смягчению, стиранию противоречий. Лишь после восстания 1830—1831 гг. стал очевидным этот аспект спора о национальной литературе¹¹.

Против узкого понимания оригинальной, самобытной литературы выступали многие поэты и литературные критики. В их числе Ю. Словацкий, который высмеивал требование абсолютной оригинальности; З. Красиньский, оценивая «Пана Тадеуша» Мицкевича, связывал это произведение не только с национальной, но и мировой традицией; Ц. К. Норвид, по мнению которого, «как копернистами не следует называть астрономов, так

¹⁰ См.: Zieliński A. Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815—1831. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969.

¹¹ См.: Szacki J. Ojczyzna. Naród. Rewolucja. Warszawa, 1962, s. 213.

байронистами — поэтов, так как ни те, ни другие не могли пройти равнодушно мимо достижений, обязательных для всего человечества», и др. Все эти высказывания свидетельствуют о новом этапе формирования национального сознания, концепции национальной культуры и литературы.

Критик и историк литературы Войцех Цыбульский (1808—1867), фигура в истории польской литературы, быть может, менее известная и заметная, достойный упоминания в числе более крупных имен, поскольку он также представляет то направление в польской критической мысли, которое условно можно было бы связать со шляхетско-демократической идеей нации как единстве «всеобщего прогресса народов» и «национальной индивидуальности»¹². Цыбульский считал подлинно значимым только национальное с универсальными горизонтами. По его мнению, национальная литература не должна отрываться от европейской. Он писал о взаимодействии, а не об обособлении. В противовес лозунгу К. Бродзиньского Цыбульский выдвинул свое требование: «Не будем бояться подражаний...»

Для писателя и критика Александра Тышинского (1811—1880), который принимал участие в полемике о творчестве А. Мицкевича, главным в литературе был не «предмет». По мнению Тышинского, «предмет» мог быть заимствованным. Оригинальной должна быть его «обработка». На примере «заимствованного» образа Тышинский доказал оригинальность главного героя поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод», отвергнув упрек в подражании байроновскому образцу.

Циприан Камиль Норвид в своих многочисленных высказываниях по проблемам национальной культуры и литературы пришел к мысли о том, что «для того, чтобы быть национальным, нужно быть наднациональным». Иначе говоря, он считал, что национальное и универсальное, общечеловеческое должны составлять единое целое.

Приведенные примеры, конечно же не исчерпывающие, отражают наиболее характерные тенденции в формировании концепций национальной литературы. В этих концепциях нашли отражение противоречия шляхетско-революционной мысли¹³. Так, например, в одно и тоже время речь шла о борьбе с подражанием западноевропейским образцам и о солидарности с европейским революционным движением и необходимости социальных преобразований, подобных европейским. Борьба за национальное находилась как бы в естественном союзе с «космополитическими» антифеодальными движениями в других странах.

Прошлое нередко осуждалось за угнетение народа, хаос, а одновременно идеализировалось, поскольку с ним было связано

¹² Там же, с. 114—115.

¹³ Там же, с. 115.

представление о национальной независимости. В прошлом также видели источник антифеодальных идей и выступлений. Поэтому не всякое обращение к прошлому при выработке концепции национальной литературы есть свидетельство непрогрессивности.

Историзм не был академической проблемой, он отвечал потребностям польской нации в процессе самосознания. Историческая ориентация направляла мысли теоретиков литературы и искусства к источникам национальной культуры, к славянским древностям, к духу старославянской литературы. Результатом этой ориентации стала борьба против латинской культуры, якобы навязанной польскому народу, которая отождествлялась с господствующей культурой. Полемика велась и Мохнацким и Дембовским. Эта полемика позволяет понять сущность борьбы против так называемых подражаний, заимствований и т. п.

Для многих теоретиков непременным условием создания национальной литературы было обращение к национальному прошлому. Культ великого национального прошлого, национального характера, национальных традиций, обычаяев, языка, одежды, служил сохранению моральных ценностей нации, лишенной самостоятельной государственности.

Итак, одна из концепций национальной литературы была связана с поисками национального колорита, утверждением национального начала в прошлом.

Содержание понятия «нация» исторически изменялось, что влекло за собой и эволюцию концепции «национальной литературы». Новое к тому времени понимание нации, ядро которой составляет трудящийся народ, оказало воздействие и на концепцию национальности и народности литературы.

В период романтизма идея национального находится в тесной связи с народностью. Сельский люд, как наиболее невосприимчивый и сопротивляющийся чужим влияниям, считался единственным хранителем, носителем самобытной культуры, истоки которой восходят к праславянской, а реликты которой сохранились в обычаях, обрядах, представлениях и языке, песнях, преданиях и т. п. К этому источнику охотнее всего обращались романтики, призывая именно здесь черпать вдохновение, чтобы создать оригинальную национальную литературу.

Существовала программа национальной литературы, понимаемая как утверждение народности литературы. Носителем национального начала считался народ. Но представления о народе и его роли в жизни нации были неодинаковыми. Для одних это была самостоятельная сила, противостоящая шляхте, для других понятие «народ» объединяло в себе и шляхту и простонародье. Отношение к народу-«людю» было мерой радикализма воззрений, концепций, постулатов. Для представителей наиболее прогрессивной для своего времени ориентации народность была тесно связана с идеями демократической революции.

Таким образом, проблемы нации, национального в Польше, как и в ряде других стран, были стержнем идеологической борьбы, которая оказывала определяющее воздействие на литературное развитие, в первую очередь на формирование различных концепций национальной литературы.

И. М. Порочкина

РОЛЬ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.
В КУЛЬТУРЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯН

При формировании национальных культур у славян важную роль играла периодическая печать. Журналы и газеты славянских стран в то время были насыщены материалами, знакомившими с историей и культурой других славянских народов. С самого начала эпохи национального возрождения так называемая идея славянской взаимности была очень популярной и широко освещалась на страницах славянских периодических изданий. Общественность славянских стран проявляла повышенный интерес к России, ее духовной жизни, литературе и искусству. В русской печати ее в первую очередь привлекало то, что имело какое-либо отношение к национальным проблемам зарубежных славян, к их истории, языкам, деятельности писателей и ученых, не говоря уже о вопросах, которые носили политический характер. Что касается русской художественной литературы, то наибольший интерес возбуждали произведения, которые, по мнению славянских деятелей, наиболее ярко выражали специфику русской национальной жизни: сочинения Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Жуковского и др. Среди русских журналов особую популярность у зарубежных славян в первой половине XIX в. приобрели «Москвитянин», «Северная пчела», «Денница», «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения».

Нередко славянские журналы перепечатывали из них целые статьи, как «Даница» В. Ст. Караджича в 20-е годы, пражский журнал «Ииды а ныни» (начало 30-х годов) или основанный в 1847 г. в Белграде А. Караджорджевичем «Гласник дружства српске словесности».

В 30—50-е годы Л. Гай, Л. Штур, В. Ст. Караджич, П. И. Шафарик и другие поддерживали оживленные связи с русскими славистами Погодиным, Бодянским, Срезневским, Прейсом. В их поле зрения оказывались в первую очередь русские славистиче-

ские исследования, которые сыграли важную роль в борьбе славян за национальную культуру. Вспомним значение для болгар труда Венелина «Древние и нынешние болгары» (1829) и статей Григоровича о наречиях болгарского языка, работ Срезневского о соотношении словацкого и чешского языков и научной деятельности Бодянского для борьбы словаков за создание литературного словацкого языка.

Однако контакты русской культуры с культурами зарубежных славян нередко затруднялись обстоятельствами политического характера. Известны случаи преследования австрийских славян за чтение русских книг. Л. Штур писал Погодину 31 октября 1846 г.: «Сердечно благодарим вас за «Москвитянина», замечательный славянский журнал, и сердечно просим вас высылать его нам и в дальнейшем. Очень прошу вас ничего из этого письма не публиковать в журнале, потому что это нам только бы повредило»¹.

Мешали культурным связям и отсутствие налаженного книгообмена между Россией и славянскими культурными центрами. Многочисленные сетования по этому поводу рассыпаны в письмах зарубежных славянских деятелей к русским ученым. По мнению Срезневского, создание «книжной лавки в Праге, где бы можно было доставать все новые произведения на всех славянских наречиях», знаменовало бы «новый этап» в славянском сближении². Большая заслуга в деле распространения русской книги в славянских землях принадлежит русским славистам. «Многие из русских книг первой половины XIX века и предшествующих столетий, которыми обладает ныне Загребская университетская библиотека,— писал Й. Бадалич,— присланы были именно в 40-х годах хорватским иллирцам в дар первыми русскими славистами или через их посредничество. Доказательством этого служат многочисленные автографы, посвящения русских друзей»³.

Однако постепенно стали налаживаться устойчивые связи с Прагой, превратившейся в своеобразный центр — посредник между русскими и зарубежными славянскими деятелями науки и культуры. Многие русские издатели переписывались с В. Ганкой, ученым, литератором, посыпали ему свои издания (Д. М. Княжевич, попечитель Одесского учебного округа, издатель «Библиотеки для чтения» (1822—1823), «Одесского альманаха» (1839—1840), «Новороссийского календаря» и др.; Н. И. Надеждин, редактор «Журнала Министерства внутренних дел»; А. И. Кошелев, издатель и редактор «Русской Беседы» (1856); И. С. Аксаков, редактировавший «Русскую беседу», а

¹ Письма к М. П. Погодину из славянских земель, вып. 3. М., 1880, с. 467.

² Срезневский И. И. Письмо к Ганке от 10.III 1842 г. из Вены.— В кн.: Письма к В. Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, с. 1016.

³ Бадалич Й. Русские писатели в Югославии.— В кн.: Из истории русско-югославских литературных связей. М., 1966, с. 37.

после Кошелева издававший газету «Парус», и многие другие). «Самое замечательное в Праге,— писал П. Дубровский министру народного просвещения в 1841 г.—это не столько ее библиотеки и музеи, сколько ученые и литераторы: Шафарик, Юнгман, Палацкий, Ганка, Челаковский, Тыл, Винаржицкий, Пресл, Амерлинг, Станек, Коубек... Пражские, или, что одно и то же, чешские ученые сверх трудов, относящихся к их отечеству, с любовью следят за успехами и других славянских ученых, привязанность их к славянскому миру и добросовестность их трудов приобрели им сильный авторитет между учеными всех славянских народов»⁴.

Сохранились свидетельства о том, что О. М. Бодянский посыпал книги Ст. Вразу через Шафарика и Эрбена⁵. Он же через Ганку выписывал журналы из югославянских земель—«Даницу» из Загреба и «Српски Летопис» из Пешта (1843)⁶. В. А. Панов, писатель славянофильского толка, сопровождавший Н. В. Гоголя в его втором путешествии за границу, пересыпал через Ганку книги в Черногорию и в Дубровник. «Не можете ли вы при случае,— писал Панов,— отправить два пакета с четырьмя книгами: один к владыке Черногорскому, другой в Дубровник (Рагузу) на имя отца Георгия Николаевича. Удобнее вы можете их отослать в Триест к негоцианту Ивану Скулевичу, моему корреспонденту, который их и доставит по адресу». Далее Панов интересуется, получил ли Ганка книги, которые тот ему уже переслал. «Всего послал я 18 пакетов, в каждом по 10 книг. 5—в Прагу, (для вас, Шафарика, Палацкого, Юнгмана и Музеума), 2—в Бреславль, 2—в Будишин, 2—в Лейпциг, 2—в Вену, 2—в Пешт, 2—в Пресбург, 2—в Загреб и пр. Все это послано (180 книг) franco в Лейпциг на имя книгопродавца Thick». Здесь же Панов сообщал Ганке о посылке 8 книг «Москвитянина», о намерении выслать на его имя «Библиотеку для воспитания», Симбирский и Исторический сборники⁷. Сербский типограф и издатель из Пешта И. Миловук получал из Праги «Часопис Ческого Музея» и по рекомендации Ганки вел переговоры с «Матицей сербской» о приобретении ее «Библиотеки для чтения»⁸.

Чешская столица долго сохраняла свою роль центра в общеславянском культурном общении. Внимание к славянским литературам стало здесь традиционным и отразилось в богатейших славянских фондах, которыми и поныне располагает Прага. В 30-х годах нашего века именно пражская Славянская библиотека купила вывезенное из России, но, к сожалению, к этому

⁴ Францев В. А. Очерки из истории чешского возрождения. Варшава, 1902, с. 265—266.

⁵ Slovanská korespondence K. J. Erbena. Praha, 1971, s. 419.

⁶ Письма к В. Ганке..., с. 120, 122.

⁷ Там же, с. 845.

⁸ Там же, с. 803.

времени уже разрозненное, известное книжное собрание А. Ф. Смирдина⁹.

Анализ славянских периодических изданий первой половины XIX в. (имеются в виду издания В. Ст. Караджича, Л. Гая, «Српски Летопис», «Часопис Ческого Музея», «Инды а ныни», «Кветы», «Ческа Вчела», литературно-художественные сборники, выходившие в Словакии, Пеште и других местах) позволяет утверждать, что получаемые в славянских землях русские журналы были главным источником познаний о русской литературе. Они содержали не только новинки, но и драгоценную для славян информацию о литературной жизни. С большим подъемом воспринимались русские отклики на положение славян и рецензии на славянские книги, которые время от времени публиковали «Отечественные записки», «Журнал Министерства народного просвещения», «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Телескоп» и другие периодические издания. Первые отзывы о труде Шафарика «Славянские древности» из «Журнала Министерства народного просвещения» (1837) и из «Литературного прибавления к «Русскому инвалиду» на 1837 год» в обширных извлечениях были перепечатаны чешским журналом «Кветы», а из него — журналом Л. Гая «Даница»¹⁰.

Возникшая вокруг труда Шафарика полемика между Максимовичем, Бодянским и Срезневским¹¹ также сыграла свою роль в развитии славяноведческой мысли. Такое внимание со стороны зарубежных славянских издателей накладывало на русских ученых и журналистов дополнительную ответственность.

Бодянский, путешествуя по славянским землям, в одном из писем к Погодину призывал «быть чрезвычайно осмотрительными в выборе» при печатании славянских материалов в русских журналах¹². Случалось, что некоторые публикации вызывали у славянских деятелей возражения. Так, «Нови Српски Летопис» в 1841 г. поместил резкий отклик на «Москвитянина»: «Профессор Московского университета М. П. Погодин начал с этого года издавать свой журнал под названием «Москвитянин», который должен оживить литературную деятельность Москвы».

Погодин, который, как он сам утверждает, путешествовал по всем славянским землям и установил литературные отношения с европейскими столицами, обещает, что будет стараться распространять сведения о славянских племенах, но нам было бы приятнее, если бы он или его наперсник впредь сообщали своим

⁹ См.: Савицкий И. Новая жизнь русской библиотеки в Праге.— «Советское славяноведение», 1967, № 4.

¹⁰ Hlasy ruských recensentů o Šafářkových «Starožitnostech slovanských».— «Květy», 1838, č. IV, s. 13—15; Glasi učenih Rusah verhu děla Šafarikova «Starožitnosti slovanské».— «Danica», 1838, N 32.

¹¹ «Журнал Министерства народного просвещения», 1843, т. IV; «Москвитянин», 1843, № 2, 5, 10.

¹² Письма к М. П. Погодину, вып. 1. М., 1880, с. 44.

соотечественникам о нас, сербах, достоверные сведения, которые можно почертнуть из журналов «Српски Летопис», «Српски Народни Лист», «Српски Далматински Альманах», а не из какого-то случайнога немецкого журнала и книг. Таким путем издатель «Москвитянина» не достигнет своей цели¹³. «От моих брошюрок (В. Ст. Караджича и С. Текелие писма etc.), которые я послал вам через Петербург,— писал в свою очередь из Вены к Погодину в 1847 г. В. Ст. Караджич,— прошу доставить 1 экземпляр редакции «Московского сборника», чтобы она и те мысли мои назвала заблуждением или чтобы признала, что она сама, заблуждая[сы], меня в этом неправильно обвиняет»¹⁴.

Несмотря на политические и цензурные запреты, ненадежность почтовой связи, дальность расстояний, небольшие тиражи, славянские журналы были тесно связаны между собой. Их издатели оперативно обменивались информацией и материалами. Характерным для всех этих изданий было: недовольство современным политическим положением славян, исторический оптимизм и пронизывающая все материалы идея славянской общности. Личные контакты издателей, редакторов, деятелей славянской культуры способствовали обмену материалами. Например, Ст. Враз для издаваемого им журнала «Коло» (Загреб, 1842) запросил и получил от К. Я. Эрбена статью по истории чешской литературы¹⁵. В. Ганка заказал А. Пыпину во время его пребывания в Праге «Письма о русской литературе» (1848).

В 1851 г. новый издатель «Кола» Дерлич просит Ганку помочь получить из Праги статью о новейшей чешской литературе¹⁶. О том, какое большое значение придавалось периодической печати деятелями славянского возрождения, свидетельствуют обзоры, помещаемые на страницах журналов, в частности обзор, сделанный Шафариком для журнала «Часопис Ческого Музея». В нем рассматривались «Даница» Л. Гая, «Иллирски Забавник», «Српска Новина», выходившие в Пеште, «Српски Летопис» (Белград) и другие¹⁷. Статья Шафарика была перепечатана «Журналом Министерства народного просвещения» под названием «Славянские периодические издания в Австрии, Пруссии и Сербии»¹⁸.

В 30—40-е годы в славянских странах возникает особый тип журнала, который можно назвать журналом-посредником. Таковыми для западных, восточных и южных славян были: «Деннница» (Варшава), «Часопис Ческого Музея» (Прага), «Кветы

¹³ «Нови Српски Летопис», ч. I, год. XV, кн. 54, с. 108.

¹⁴ Письма к М. П. Погодину, вып. 3, с. 680.

¹⁵ Slovanská korespondence K. J. Erbena, s. 364.

¹⁶ Письма к В. Ганке, с. 290.

¹⁷ «Casopis Českého Muzea», 1838, č. 1.

¹⁸ Шафарик П. И. Славянские периодические издания в Австрии, Пруссии и Сербии.— «Журнал Министерства народного просвещения», т. 22, отд. 6, с. 213—218.

Ческе» (Прага), а также некоторые загребские, львовские, венские и лейпцигские периодические издания. Напечатанное в 1840 г. в журнале «Нови Српски Летопис» «Слово М. Погодина к своим ученикам» (1834) было взято из немецкого журнала 1836 г., материалы из «Москвитянина» попадали в «Кветы Ческе» зачастую через варшавскую «Денницу», а сам журнал «Кветы Ческе» поставлял значительную долю публикаций для «Данницы» Л. Гая. Возможность получить известия из России, например в Хорватию, даже опосредственным путем, было редкостью, и, по мнению И. Бадалича, «непосредственного соприкосновения с Россией в 30-х годах хорваты, по-видимому, вообще не имели»¹⁹. Вероятно, и в 40—50-е годы положение в основном оставалось прежним.

Уже упоминалось, что русский ученый Бодянский посыпал книги в Хорватию Ст. Вразу через чешских ученых Шафарика и Эрбена, а видный деятель хорватского возрождения В. Пацель еще и в 50-х годах сетовал на слабые связи с Россией и русской литературой²⁰. Как писал Р. Бртани, в 30-х годах сведения о русских и России словаки получали именно из журнала Л. Гая²¹. Москва — Петербург — Варшава — Прага — Загреб — Пресбург — таков был один из извилистых путей движения русской периодики к зарубежным славянам. Прямого пути долгое время не было. Даже пражанин Ганка жаловался в письме к М. Корфу, что, выписывая русские книги через пражских книгопродавцев, приходилось «ждать год и более и платить втрое против напечатанной цены»²².

Русские журналы часто становились научной трибуной для славянских деятелей. Особое значение это имело для болгар, в то время лишенных возможности печатать книги и издавать собственную периодику у себя на родине²³. В «Москвитянине» Погодина публиковались болгарский поэт Н. Геров, Н. Палаузов и другие деятели болгарского возрождения.

Русская периодическая печать начала — середины XIX в. сыграла, таким образом, видную роль в становлении и развитии большинства молодых славянских литератур, славянской филологической науки, в борьбе славянских народов за национальную независимость.

¹⁹ Бадалич И. Русские писатели в Югославии, с. 35.

²⁰ Письма к В. Ганке, с. 847.

²¹ Бртани Р. Штурцовы и русская литература.— В кн.: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968, с. 152.

²² Письма к В. Ганке, с. 523.

²³ Книги на болгарском языке выходили в Белграде с начала 30-х годов. Там же и в Нови-Саде Г. Раковский издавал впоследствии болгарский журнал и газету.

III

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

И. С. Достян

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СКЛАДЫВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ У БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

Процесс складывания буржуазных наций в Юго-Восточной Европе протекал замедленно и сложно не только потому, что этот регион был более отсталым по уровню социально-экономического развития в сравнении с другими европейскими землями, но также из-за чрезвычайно большой этнической пестроты.

Конец XVIII и почти весь XIX в.—время формирования в Юго-Восточной Европе буржуазных наций как динамичных общностей нового типа, общностей не просто этнических и культурно-исторических, но и социально-экономических. Этот процесс сопровождался широким размахом национально-освободительных движений, которые в большинстве случаев приводили к образованию самостоятельных национальных государств. Во всем этом сложном процессе, протекавшем разновременно и с различной интенсивностью, громадная роль отводилась созданию культурной целостности каждого из народов, которая складывалась из целого ряда компонентов.

Одним из главных признаков реального существования нации является наличие национального самосознания ее членов, включающего взаимное различие (антитеза «мы—оны»), представление об общности происхождения, исторических традиций и, наконец, стойко установившееся самоназвание (этноним). Формирование национального самосознания сопровождалось или разрушением представлений о существе прежних этнических общностей, или включением их в формирующуюся структуру новой этнической общности — нации¹.

¹ См.: Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель.—«Краткие сообщения Ин-та этнографии», новая сер., 1949, т. XV, с. 3; Козлов В. И. О понятии этнической общности.—«Советская этнография», 1967, № 2; Поршинев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с. 81—111; Никонов В. А. Этнонимия.—В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 5; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 31, 95—113.

На Балканах реально существовавшие размежевания многочисленных этнических групп издавна отражались в сознании большей части населения и складывались в своеобразную иерархию. Так, уже в средние века, когда в основном определился этнический состав населения Балканского полуострова, стали ясно осознаваться различия между греками, южными славянами, албанцами и т. д. Существовали и осознавались различия между отдельными славянскими и неславянскими народами, например, между болгарами и сербами, или молдаванами и валахами.

В иерархии этнических и культурно-исторических структур на Балканах большую роль играла религиозная принадлежность населения. В этом отношении, как известно, происходили значительные перемены и после турецкого завоевания, когда в ислам перешло не только много отдельных лиц, но и компактные группы населения некоторых областей и районов — в Боснии, Албании, Болгарии, Македонии и других землях. Однако подавляющее большинство жителей европейских провинций Османской империи продолжало исповедовать христианскую веру, преимущественно православие. В условиях иноземного порабощения, отсутствия собственной государственности религия в некоторой мере содействовала сплочению этих народов. В этом отношении характерно, что название «греки» вплоть до XIX в. имело два значения: этнонима и гораздо более широкого понятия, распространявшегося на все балканские народы православного (греческого) вероисповедания.

В то же время конфессиональная общность в известной мере замедляла осознание этнических различий, особенно, в силу наличия церковно-религиозных организаций, общих у греков и болгар (Константинопольская патриархия) или у сербов, герцоговинцев, черногорцев (Печская патриархия).

Социальное неравенство в тогдашних представлениях, как большей частью и в реальной жизни, сливалось с неравенством национальным. В этом отношении характерна эволюция, которую претерпел термин «райя» со времени турецкого завоевания до XIX в. Первоначально райей называли феодально зависимых крестьян, невзирая на их религиозную принадлежность. В XVII—XVIII вв. это название относилось уже только к зависимому сельскому населению христианской веры, кроме того райей часто называли вообще всех немусульман — подданных султана в Европейской Турции.

Социальный и национальный антагонизм между господствовавшей народностью Османской империи и народностями, которые находились под властью османов, преломлялся в сознании последних, а также в представлениях других народов Европы, как антагонизм между религиозными системами — мусульманством и христианством. Единоверие становилось, таким образом, важным идеологическим фактором, влиявшим на политические

связи и международные отношения в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Преодоление закрепившихся на протяжении столетий стереотипных представлений шло медленно. Однако стимулирующее влияние в этом отношении в конце XVIII—XIX в. оказывал процесс формирования у балканских народов нового типа самосознания — самосознания национального. Помимо непосредственных социально-экономических сдвигов, наблюдавшихся в это время в Юго-Восточной Европе, и как их следствие большую роль играли национально-освободительные движения и возникавшие в результате их автономные или полностью самостоятельные государства. Именно под влиянием этих явлений формирование у порабощенных османами христианских народов новых этносоциальных организмов — наций осознавалось современниками быстрее и конкретнее. Притом не только самими этими народами, но также общественностью и правительствами европейских государств, что имело немалое значение для самоутверждения молодых балканских наций. Сильное влияние в этом процессе имели специфические особенности национально-освободительного движения балканских народов.

Известно, что попытки ряда балканских деятелей организовать совместные вооруженные выступления христианского населения Европейской Турции неизменно проваливались. Восстания против султанской власти возникали как локальные движения, а позднее как национальные революции отдельных народов. В результате их, а также благодаря русско-турецким войнам, из состава Турции отделялись небольшие государства или автономные области. Многонациональная империя османов постепенно разваливалась. Многие политические и общественные деятели балканских народов, России и других европейских государств в XVIII—XIX вв. постоянно предрекали, что «колoss на глиняных ногах» рухнет до основания и это произойдет в самое ближайшее время. Но в действительности распад Оттоманской империи оказался процессом длительным, завершившимся лишь в результате первой мировой войны. Именно в ходе его все яснее становилось, что общественно-политическое развитие народов Юго-Восточной Европы ведет не к их объединению в одну нацию и одно общебалканское государство, что процесс этот гораздо сложнее и протекает как в направлении сплачивания и политического объединения отдельных близких друг другу этнических общностей (например, молдаван и валахов, интегрировавшихся в румынскую нацию), так и за счет усилившегося размежевания в среде южнославянской этнолингвистической общности (например, между сербами и черногорцами, сербами и болгарами).

Но понимание всего этого пришло не сразу, и представления современников об этносоциальном составе населения Балкан, о дальнейшем направлении его развития в какой-то мере можно

проследить на примере политических программ и проектов, выдвигавшихся в различное время.

Так, в конце XVIII в. (1797) греческий революционер Ригас Велестинлис пытался разработать проект создания на месте Османской империи унитарной демократической республики. Захваченный идеями Великой французской революции, он предполагал, что в будущей «Греческой республике» все жители будут равны, независимо от их религиозной и национальной принадлежности, а также имущественного положения. Но Ригас не принимал во внимание пестрый этнический состав Балкан и Малой Азии, полагая, что там образуется единый «эллинский народ», а греческий язык станет государственным в республике².

Но уже в начале XIX в. подобные идеи не появлялись, что можно объяснить ростом национального самосознания у народов Балканского полуострова, чьему в немалой мере содействовали национально-освободительные революции в Сербии и Греции, создание независимого Греческого королевства, автономных княжеств Сербии, Молдавии, Валахии.

В то же время внутренние экономические, политические и культурные связи в балканском регионе, а особенно в той его части, которая в прошлом или настоящем составляла турецкие владения, сохранялись достаточно стойко. Это обстоятельство побуждало некоторых балканских и русских деятелей выдвигать проекты политической перестройки владений Турции в Европе, создания там единого федеративного государства, отдельные части которого, размежеванные в большинстве случаев на национальной основе, сохраняли бы свою внутреннюю самостоятельность.

В период наполеоновских войн такие планы вынашивались в правительстве Александра I его министром А. Чарторыским и некоторыми другими русскими дипломатами и политиками³. Во втором десятилетии XIX в. они вызревали у греков-этеристов, которые пытались организовать всеобщее восстание европейских подданных султана (их замысел потерпел поражение уже в самом начале вооруженной борьбы в Дунайских княжествах и в Греции)⁴. Подобный проект обсуждался и правительством Николая I во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и по его просьбе был разработан греческим президентом Иоанном Каподистрией⁵. Позднее, в 50—70-е годы XIX в. замыслы создания балканской федерации получили еще более широкое распространение.

² Ариш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970, с. 100—106.

³ См.: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798—1807. М., 1962, с. 335—358; она же. Россия и Греция в конце XVIII и начале XIX в. М., 1976; Skowronek J. Antynapooleńskie konserwcy Czartoryskiego. Warszawa, 1969.

⁴ Botzaris N. Visions balkaniques dans la préparation de la Révolution grecque (1789—1821). Génève — Paris, 1962, p. 137—138.

⁵ Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 285—306.

нение⁶. Все такого рода программы в большой мере отражали наличие стойкого стереотипа в представлении о тесных внутренних связях в балканском регионе, связях, якобы достаточных для политического объединения.

Действительных же возможностей и потребностей для такого объединения не было. Поэтому подобного рода проекты оставались обычно на бумаге.

Сопоставление процесса формирования отдельных балканских наций во времени приводит к заключению, что у греков национальное самосознание появилось несколько ранее, чем у других балканских народов. Но это нельзя считать только следствием более высокого уровня социально-экономического развития греческих земель по сравнению с другими областями Европейской Турции. Важным, на наш взгляд, было и то, что греки как этническая общность не имели в своем окружении родственно близких групп. В этом отношении условия национального развития греков значительно отличались от тех, в которых жили сербы, болгары и другие юнославянские народы.

Следует учитывать также, что в представлении всей «просвещенной Европы» и, конечно, самих греков они были законными наследниками величайших культурно-исторических достижений античности и средневековья, имеющих мировое значение, что не могло не способствовать национальному самоутверждению.

Не меньшую роль играло и то, что процесс политического объединения у греков протекал несколько раньше, чем у других балканских народов. Десятилетнее существование Республики Семи Соединенных островов, находившейся под верховной властью Порты и под покровительством России (1798—1807), воспринималось тогда как начало возрождения греческой государственности. Еще большее значение имело образование в 1830 г. независимого Греческого королевства. Оно объединяло далеко не все территории, населенные греками, но сам факт его существования стимулировал национальное самосознание греков, остававшихся под властью Турции, и ионитян, находившихся под владычеством Великобритании.

И наоборот, то обстоятельство, что в болгарских землях до 1878 г. не существовало какой-либо политически самостоятельной или автономной единицы, не способствовало национальной консолидации. Отчасти поэтому региональная принадлежность (в соответствии с турецким административным делением и так называемыми историческими провинциями) долго сохраняла свое значение, отделяя, например, население Северной Болгарии — бывшей Мезии, а после 1864 г. Дунайского вилайета, от населения Южной Болгарии, или Румелии.

⁶ Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, с. 116—146.

Развитие национального самосознания болгар в XVIII и первой половине XIX в. замедлялось и ввиду значительного процента мусульманского населения, большего, чем это иногда представляется по литературе. Статистические данные свидетельствуют, что в 30-х годах XIX в. в болгарских санджаках процент мусульманского населения колебался от 33 до 39⁷. Кроме того, здесь жило немало греков (особенно в городах), а в придунайских районах также и валахов.

Демографические особенности болгарских земель, слабая осведомленность иностранцев о их населении, живущем вдали от магистральных путей, отчасти объясняет тот факт, что в Европе и даже в России долгое время представления о болгарах и Болгарии оставались очень туманными и неточными. На тогдашних картах название «Болгария» носила область, ограниченная Дунаем и Балканским хребтом, которая и воспринималась невольно как территория болгарского народа. Но после войны России с Турцией 1828—1829 гг., когда русские солдаты побывали в южной части болгарских земель (Румелии) и тесно общались с местным населением, после выхода в свет книги Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары» (1829) прежние представления начали разрушаться.

Процесс формирования национального самосознания у сербов (турецких и австрийских подданных), черногорцев, босняков, герцеговинцев в некоторых отношениях протекал в более благоприятных условиях, чем у болгар, но имел свои сложности.

В югославянских землях, находившихся под властью Турции, было много горных, отрезанных от внешнего мира районов, очень отсталых в общественном и экономическом развитии (в Черногории, Герцеговине, Старой Сербии). У населения этих земель стойко сохранялись архаичные представления о своих этнических связях (кровное родство, общий предок и т. д.). Они преодолевались и заменялись осознанием национального единства отдельных соседствующих групп медленно и с трудом, несмотря на близость языка, происхождения, традиций и т. д.

Интересные данные об особенностях процесса развития национального самосознания у югославянских народов дают этнографы и их изменение.

Так, например, в материалах, связанных с балканскими событиями конца XVIII и начала XIX в., нередко встречается термин «славяно-сербы». Он обозначает достаточно высокого уровня общность южных славян, говорящих на сербском языке, исповедующих православие, имеющих много общих историко-культурных особенностей и традиций (население Сербии, входившей в состав Турции, и сербских земель Австро-Черногории, Герцеговины, Боснии). Название это активно вводилось в

⁷ Тодоров Н. Балканският град. XV—XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972, с. 297.

жизнь общественными и культурными деятелями Воеводины, где в XVIII в. началось национально-культурное возрождение.

В период наполеоновских войн, после начала Первого сербского восстания появляются всевозможные проекты создания «славяно-сербского» государства, выдвигаемые югославянскими и русскими деятелями. Это название начинают употреблять воожди сербских повстанцев: оно встречается в их обращениях к европейским правительствам. О «славяно-сербах» говорится, например, в так называемой конвенции Паулуччи — Карагеоргия. Характерно, что обычно этот этноним употребляется в более широком смысле, чем просто «сербы», который не выходит из употребления. Название «славяно-сербы» проникает и в Россию: фигурирует во всевозможных политических проектах о создании на месте турецких и австрийских владений нового славянского государства⁸.

Одновременно с этим представления некоторых югославянских деятелей Черногории, Далмации о римской провинции Иллирик как о целостном регионе, который теперь населяли близкие между собой в этнокультурном отношении народы, привело к попытке ввести в употребление забытое название «иллиры», «Иллирийское королевство». В конце XVIII в. уже выдвигались идеи создания такого королевства⁹. Это произошло раньше, чем появились «Иллирийские провинции» Наполеона, задолго до начала иллирийского движения в Хорватии. Но термин этот также оказался нежизненным.

Появление такого рода искусственных этнонимов, вскоре вышедших из употребления, можно считать следствием попыток политически активных югославянских деятелей осмыслить тенденции объединительных процессов в балканском регионе, стимулировать создание общностей на определенной, заранее заданной основе (например, религиозной и языковой).

Но в XIX в. большинство объединительных тенденций в югославянских землях не могло быть реализовано. Существование самостоятельных, разделенных между собой политических единиц — Сербии, Черногории, Воеводины, ярко выраженные социально-экономические различия между отдельными областями наряду с другими причинами, на которых мы здесь не останавливаемся, не способствовали изживанию представлений об очень сложной и дробной иерархии этнических общностей, существующих в западной части Балканского полуострова.

Несмотря на все это развитие национального самосознания

⁸ О проектах создания «славяно-сербского» государства см. подробнее: *Документы И. С. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в.* — «Советское славяноведение», 1970, № 5; *она же. Планы основания «славяно-сербского» государства с помощью России в начале XIX в.* — В кн.: *Россия и славяне. М., 1972.*

⁹ *Пантелић Д. Београдски пашалук пред Први српски устанак. 1794—1804. Београд, 1949, с. 378—381.*

югославянских народов протекало достаточно активно с самого начала XIX в. в значительной мере благодаря успеху национально-освободительной борьбы сербов и черногорцев, благодаря наличию соответствующих национально-политических центров. Сербское княжество, хотя и не полностью самостоятельное до 1878 г., являлось в этом отношении важным фактором для населения прилегающих к нему территорий, остававшихся под властью Турции и находившихся в составе Австрии, а Черногория — для жителей Герцеговины.

В развитии национального самосознания большую роль играли не только реально существующие национальные государства, но и традиции государственности. Они стойко сохранялись у балканских народов, уходили корнями в далекое прошлое. В народной памяти болгар бережно хранились воспоминания о Болгарских царствах, у молдаван — о государстве Стефана Великого, у албанцев — о Скандербеге. У греков и сербов представление о своей средневековой государственности было еще более стойким.

Эти исторические традиции государственности активно участвовали в процессе формирования национального самосознания, помогали поискам генетического родства и часто служили идеологической опорой в борьбе за создание новых государственных образований. Но они же подчас являлись благодатной почвой для пышного расцвета великодержавности и шовинизма. В этом отношении идеологи феодального класса, в первую очередь духовенство, как бы передавали эстафету идеологам буржуазии.

Э. А. Джапаридзе

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
«ОБЩЕСТВО РУМЫНСКИХ СТУДЕНТОВ» В ПАРИЖЕ
И ЕГО РОЛЬ
В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ
ДВИЖЕНИИ (1845—1848)

Изменения, произшедшие после Адрианопольского договора и введения Органического регламента, двадцать лет мирной жизни создали благоприятную обстановку в Дунайских княжествах для политического, экономического и культурного развития.

Характерными особенностями этого периода являются укрепление автономии княжеств, ослабление зависимости от Турции и одновременно усиление борьбы между крупным консервативным боярством, стремившимся сохранить свои привилегии, и

либеральным обуржуазившимся боярством, предпринимавшим попытки вырвать власть из его рук. Эта борьба либеральной части боярства и буржуазии против феодальных порядков, за объединение княжеств и приобретение ими политической независимости становилась все более активной. Частью этой борьбы стало политическое и культурное движение в 30—40-е годы XIX в., охватившее все стороны духовной жизни Дунайских княжеств и получившее в румынской литературе название «пашоптизм».

Румынские историки делят этот период на два этапа: просветительский и революционный. С пашоптизмом связывается создание национальных школ и театров, музеев и библиотек, появление первых газет и журналов, первых трудов по национальной истории, первых сборников национальной поэзии и многие другие явления общественной и культурной жизни княжеств. Важной стороной пашоптистского движения стала в этот период организация культурно-просветительских обществ. Общества эти носили неодинаковый характер, объединяли людей с разными политическими взглядами и принадлежавших к разным социальным слоям, иногда они являлись легальной формой какого-нибудь тайного общества, нередко создавались по профессиональному признаку (театральное, естествоиспытателей и др.). Эти общества способствовали утверждению национального самосознания, воспитывали любовь к национальному языку, литературе, истории, содействовали борьбе за национальное объединение и достижение политической независимости. В 40-х годах общественное движение в Дунайских княжествах значительно активизировалось.

Трудности вести политическую борьбу в самих княжествах, где свирепствовали despотические режимы М. Стурдзы (в Молдавии) и Г. Бибеску (в Валахии), заставила руководителей общественного движения перенести центр своей деятельности во Францию, страну с либеральным режимом, который допускал существование иностранных политических организаций.

Одна из таких культурно-политических организаций — «Общество румынских студентов» — была создана в Париже 2(14) декабря 1845 г. по инициативе К. Росетти и С. Вырнава, которые ставили перед собой задачу объединить в политическую организацию всех молдаван и валахов, обучавшихся и проживавших во французской столице.

В «Общество», в большинстве своем состоявшем из студентов, входили люди различных политических взглядов, такие, как буржуазный демократ, республиканец К. А. Росетти, буржуазные либералы Ион Гика и М. Когэлничану, революционер-демократ Н. Бэлческу, но их объединяла общая ненависть к феодальному строю, реакционному боярству, стоявшему во главе княжеств, желание создать объединенное независимое государство. Члены «Общества» занимались философией, литературой, историей. На своих заседаниях они проводили дискуссии по со-

циальным вопросам, проблемам взаимоотношений между крестьянами и земельными собственниками, обсуждали политические вопросы, связанные с внутренним и внешним положением Молдовы и Валахии. Они посещали курсы известных французских историков Эдгара Кине, Жюля Мишле, слушали лекции известного польского поэта Адама Мицкевича. Это имело большое влияние на формирование взглядов румынской молодежи. На заседаниях общества горячо обсуждались лекции французских профессоров, в которых говорилось о свободе и демократии, борьбе против иностранного господства. Когда Э. Кине и Ж. Мишле были отстранены от чтения лекций за свои демократические взгляды, румынские студенты приняли участие в митингах, проводимых в их защиту. На одном из таких митингов с пламенной речью выступил один из самых активных членов общества Дм. Брэтиану.

Любовью румынских студентов, обучавшихся в Париже, пользовался Адам Мицкевич, который в своих лекциях говорил больше «об освободительной миссии народов, чем о славянских литературах, которые были темой его курса»¹.

Важной задачей молдавско-валашской организации, созданной в Париже, было установление контактов с французской прогрессивной общественностью.

Члены «Общества румынских студентов» делали много для того, чтобы привлечь внимание французской общественности к своей родине, многие из них сотрудничали во французских газетах и журналах. К. Росетти, И. Гика, Д. Брэтиану, Н. Бэлческу и другие помещали свои статьи о Молдове и Валахии в таких газетах как «National», «Revue des Deux Mondes»; Ион Гика сотрудничал также и в английских газетах.

К. Росетти, один из основателей «Общества» и его секретарь, был активным сотрудником журнала «Ecole», основателями которого были Бланк и Прудон. Об этой стороне деятельности «Общества» один из его членов писал: «Мало тогда кто в Европе знал о далеких наших княжествах, и мы старались через французские газеты и влиятельных политических деятелей рассказать о них, привлечь внимание»².

Братья Ион и Дмитрий Брэтиану и К. Росетти принимали участие в деятельности масонской ложи для иностранцев («Общество для иностранцев»), в которую входили представители различных народов Европы, борющихся за свою национальную независимость. Братья Брэтиану и К. Росетти находились в радикальной, республиканской ее группе. Здесь они познакомились с известными французскими политиками, общественными деятелями и публицистами Ф. Бастиа, Одиллоном, Баро и др.³

¹ Breazu. Edgar Quinet et les Roumains. Paris, 1928, p. 226.

² Kretzulescu N. Amintiri istorice. Bucureşti, 1940, p. 56.

³ Rosetti C. A. Yinditorul. Omul. Bucureşti, 1969, p. 12.

Братья Брэтиану и К. Розетти получили доступ и в другую масонскую ложу — «Роз дю парфэ Силянс» (*Rose du Parfait Silence*), или «Париж», в которую обычно иностранцы не допускались. В ее деятельности принимали участие архивист-палеограф П. Батайядр, доктор права Д. Пилле и другие известные общественные деятели Франции⁴. Во время польского восстания 1846 г. «Общество румынских студентов» приняло деятельное участие в оказании помощи полякам. К. Розетти возглавил сбор денежных средств среди молдаван и валахов, объявленный газетой *«National»*, и добывал румынские паспорта для польских революционеров⁵.

Общество имело тесные связи с нелегальными революционными организациями Молдовы и Валахии. Некоторые румынские историки не без оснований считают, что оно было создано как филиал «Фрэции» и по заданию руководителей последней К. Розетти был послан в Париж. И. Гика, К. Розетти, Н. Бэлческу одновременно являлись членами «Общества румынских студентов» и «Фрэции».

Деятельность в пользу польских повстанцев, налаживание тесных контактов с демократическими организациями и отдельными деятелями Франции и других стран — все эти мероприятия не вызывали разногласий между членами «Общества», а способствовали их сплочению. Но это согласие нарушилось, когда речь заходила о внутренних делах княжеств. Среди членов «Общества» в этих вопросах отчетливо выделялись две группировки: «умеренных» (главным образом молдаване) во главе с М. Когэлничану и И. Гика и «радикалов», предводимых К. Розетти.

Руководители обеих группировок были представителями буржуазно-демократического направления. Непримиримые врачи феодализма, сторонники буржуазных преобразований в княжествах, они, тем не менее, часто не находили общего языка в вопросах тактики борьбы и будущего государственного устройства.

Автор страстных манифестов и возвзаний, где нашли яркое выражение его демократические и республиканские взгляды, К. Розетти являлся сторонником самых радикальных буржуазных реформ в Молдавии и Валахии. Будучи активным деятелем национального движения в княжествах, сторонником революционных мер при установлении республиканского строя, он в то же время очень осторожно относился к решению аграрного вопроса, отрицал возможность включения в революционную борьбу крестьянства. Ближайшими соратниками К. Розетти были братья Ион и Дмитрий Брэтиану.

⁴ *Gretzianu Al.* Din arhiva lui Dimitrie Brătianu. 1840—1870, v. I. Bucureşti, 1933, p. 115.

⁵ *Rosetti C. A.* Pagini din trecut. Note intime. 1844—1859. Bucureşti, 1902, p. 99.

Группировка, возглавляемая М. Когэлничану и И. Гика, также выражала взгляды нарождающейся молдавской и валашской буржуазии, но ее представители в своих взглядах сохраняли большую умеренность. Эти представители молдавской буржуазии, еще более слабой, чем валашская, были склонны к компромиссам с феодалами, их идеалом была конституционная монархия, а средством борьбы — постепенные и умеренные реформы.

Радикальные взгляды Росетти, его связи с левыми силами на родине вызывали все большую озабоченность Гики и его сторонников. Поэтому в Париж для регулирования отношений между двумя группировками было решено пригласить Н. Бэлческу. В это время Н. Бэлческу был уже признанным руководителем революционных сил не только Валахии, но и Молдовы, Социальные и политические взгляды Н. Бэлческу носили революционно-демократический характер. Он рассматривал грядущую революцию в Дунайских княжествах не только как национально-освободительную, но и социальную. Основным в революции он считал решение аграрного вопроса. По его мнению, революция должна была покончить с нищетой народа, преобразовав формы собственности, сделать более демократическим не только государственное управление, но и землевладение, т. е. сделать крестьянина собственником.

3(15) июля 1846 г. К. Росетти встретил Н. Бэлческу на границе Франции и Бельгии. Он надеялся, что Бэлческу его поддержит, — об этом свидетельствуют записи в его дневнике. 5(17) июля Бэлческу встретился с И. Гикой. В дневнике Росетти в связи с этим появляется недоуменная фраза: «Почему они вместе?» Действительно, Росетти был ближе Бэлческу по своим взглядам, но последний понимал, что главный залог успеха «Общества» — в совместных согласованных действиях, и он не мог допустить раскола в революционном движении в такой ответственный момент.

На собраниях общества, которые проходили в отсутствие К. Росетти с 11(23) по 15(27) августа 1846 г., была разработана тактика румынского революционного движения, обсуждены вопросы подготовки восстания в Дунайских княжествах с учетом возможности близкой революции во всех странах Европы. «Было решено, — писал И. Бэлэчану, один из участников этих собраний, — что каждый возвратится в скором времени в свою страну, чтобы подготовить движение против царского протектората, против режима боярских привилегий, записанных в Органических регламентах... Студенты должны были покинуть Париж в течение года, чтобы продолжить свою деятельность у себя на родине»⁶.

⁶ Цит. по кн.: *Maciu V. Mouvements nationaux et sociaux en roumains au XIX siecle*. Bucureşti, 1941, p. 49.

Так как И. Гика и К. Росетти должны были покинуть Францию, руководителем общества оставались Н. Бэлческу и С. Вырнав. И. Гика сразу же возвратился на родину, но Росетти еще в течение трех недель отказывался подчиниться принятым решениям. Однако после собрания, которое состоялось 7(19) августа, он все же согласился вернуться в страну, чтобы принять участие в подготовке революции.

После возвращения на родину Росетти вместе со своим товарищем Е. Винтерхалдером основал типографию, сыгравшую немаловажную роль в идеологической подготовке революции 1848 г. В этой типографии печатались произведения передовых румынских писателей Ч. Боллиака, Гр. Александреску, Д. Болинтияну, публицистические статьи и речи прогрессивных общественных деятелей И. Гики, П. Войнеску, П. Поенару, Е. Потеки и др. Здесь же были напечатаны многочисленные манифесты, воззвания, а также акт Исполнительного комитета, занимавшегося непосредственно подготовкой революции в Валахии. В работе этого комитета принимал участие К. Росетти. Руководителями его были — Н. Бэлческу, И. Гика, А. Голеску⁷.

В один из прежних приездов на родину К. Росетти основал библиотеку и читальню, которые вскоре превратились в место собраний передовой молодежи, где они узнавали о последних новостях политической жизни Европы, внутренних событиях⁸.

После кризиса 1846 г. оставшиеся в Париже члены «Общества румынских студентов» продолжают заниматься просветительской и политической деятельностью. «Все среды вечером я в Румынской библиотеке у Вырнава,— сообщает в письме домой один из его членов,— где собираются все румыны Парижа, чтобы послушать лекцию по истории Молдовы. Находясь далеко от своей родины, молодые румыны не забывают ее ни на минуту и стараются насколько возможно укрепить свое братство здесь, так же, как на родине, когда они возвратятся»⁹.

Бэлческу продолжал активно заниматься делами «Общества» после отъезда К. Росетти и И. Гики. «Я не остаюсь без дела,— писал он И. Гике 3 февраля 1847 г.— Я не могу написать тебе все то, что я делаю, но когда-нибудь ты об этом узнаешь»¹⁰.

«Общество» под его руководством становится центром идеологической подготовки к революционной борьбе на родине. Боль-

⁷ Rosetti C. A. Yînditorul..., p. 13.

⁸ АВПР, Консульство в Бухаресте, д. 467, л. 134.

⁹ Цит. по: Revoluția din Paris de la 1848 decrisă de un român.— In: «Floarea darurilor», 1907, N 31, p. 486. С. Вырнав, будучи человеком состоятельным, основал в Париже Румынскую библиотеку. Большое количество книг было получено из княжеств от частных лиц, книги из своей библиотеки прислал и К. Росетти. Румынская библиотека превратилась в своеобразный клуб, в котором собирались молдаване и валахи, живущие в Париже. Почетным гостем библиотеки был венгерский поэт Шандор Петефи, который подарил библиотеке сборник своих стихов с дарственной надписью.

¹⁰ Bălcescu N. Opere, v. IV. Corespondență. București, 1964, p. 75.

шую помошь Н. Бэлческу оказывал С. Вырнав, о котором Д. Брэтиану писал, что он «его («Общества») кассир, его секретарь, его председатель, его библиотекарь, его слуга, его душа»¹¹.

В феврале 1848 г. члены «Общества» во главе с Н. Бэлческу восторженно приветствовали начавшуюся во Франции революцию и провозглашение республики¹². Они были в отряде Э. Кине, который штурмовал Тюильри.

Газета «Constitutionnel» писала о том, что валахи и молдаване пришли в отель «Villede Paris» со своим трехцветным национальным флагом приветствовать Временное правительство. От имени последнего речь произнес Буше Филипп: «Мы не удивлены, что вы находитесь с нами на баррикадах Франции, принцип братства наций был провозглашен нами давно, и вы должны нас считать своими братьями»¹³.

8(20) марта, после начала революции в Вене, Н. Бэлческу провел собрание валахов и молдаван, проживавших в Париже, где обсудил вопрос о подготовке революции в княжествах.

Вскоре после этого Н. Бэлческу возвратился в Валахию, следом за ним уехали на родину остальные члены «Общества», и оно фактически прекратило свое существование.

Ю. А. Кожевников

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

Проследить движение общественной мысли в Дунайских княжествах во время подготовки революции 1848 г. как процесс выработки определенной программы представляется задачей, которая, во-первых, важна уже потому, что еще ни один исследователь не рассматривал эту проблему под таким углом зрения. Во-вторых, эта задача представляет немаловажный интерес для литературоведения, поскольку спор о том, какой характер носила румынская литература данного периода, все еще не прекращается, и определение характера общественной мысли, с которой так тесно была связана литература, может явиться веским аргументом в этом споре.

Первую половину XIX в. можно назвать эпохой национально-

¹¹ Anul 1848 în Principatele Române, v. I. Bucureşti, v. I, p. 12.

¹² Bălcescu N. Opere, v. IV. Corespondența, p. 86.

¹³ Anul 1848 în Principatele Române, v. I, p. 140.

го возрождения румынского народа, которое немного раньше или чуть позже началось у всех балканских народов. Это был период пробуждения национального самосознания, проявившего себя в различных формах,— в общественной, культурной и литературной деятельности. Это — период становления и развития буржуазной общественной мысли, еще не ставшей космополитической, еще ищущей опоры в народных массах. Это — период подготовки буржуазной революции 1848 г.

Первое двадцатилетие XIX в. отмечено медленным, но упорным накоплением антифеодальных сил. Переломным был 1821 г. Он потряс Дунайские княжества, Молдавию и Валахию, восстаниями гетеристов и Тудора Владимиреску.

Никаких социальных целей, по крайней мере вступая с отрядом на территорию Молдавии, Александр Ипсиланти перед собой неставил. Его задачей было пройти через Молдавию, Валахию и Болгарию и слиться с восставшим против османского ига греческим народом. Владимиреску же выступал как против румынских бояр, так и против турецких поработителей, за права и улучшение судьбы крестьянства. Так наглядно столкнулись две идеи: национального освобождения и освобождения социального.

Идея национального освобождения от иноземного ига и в третьем десятилетии прошлого века продолжала оставаться главенствующей в общественной жизни Дунайских княжеств. Могло казаться, что на данном историческом этапе она как бы стирала классовые противоречия, однако в действительности она включала важную социальную задачу — наделение крестьян землей, без решения которой нельзя было разрешить и другие политические и социальные вопросы.

История Дунайских княжеств 20—40-х годов представляет собой сложное переплетение трех тенденций. Во-первых, в это время укрепляется национальный феодализм. После столетнего правления «фанариотов», прямых ставленников Турции, княжества получают право выбирать господарей из национального боярства. В 1831 г. вводится Органический реламент — первый свод законов феодального государства. Во-вторых, не прекращается крестьянское движение, в разных формах выражается антифеодальный протест угнетенных крестьян. В-третьих, развертывается широкая культурная деятельность, призванная будить национальное самосознание, в которую все органичней вплетается идея необходимости социального преобразования общества, идея революции.

Подавление восстания 1821 г. вовсе не означало, что огонь крестьянской войны потушен. Пламя восстания превратилось в подземный пожар, то и дело прорывающийся наружу то в виде местных восстаний, то политических заговоров. В 1839 г. конюший Леонте Раду замышлял государственный переворот в Яссах, а в 1840 г. Д. Филипеску с группой революционеров, среди которых был и Н. Бэлческу, организовал заговор с целью провозгла-

шения республики и наделения крестьян землей. В январе 1846 г. происходили волнения в Яссах, а несколько месяцев спустя был раскрыт антиправительственный заговор В. Мэлинеску и Т. Рышкану, которые имели склад оружия и организовали разветвленную сеть заговорщиков.

Всему этому сопутствовала и широкая культурно-национальная деятельность. В 1829 г. выходят в свет первые газеты: в Валахии И. Элиаде-Рэдулеску выпускает «Куръерул ромынеск» («Румынский курьер»), в Молдавии Георге Асаки — «Албина ромыняскэ» («Румынская пчела»). Постепенно количество газет увеличивается. Возникает идея создания национального театра со своим национальным репертуаром, что должно было способствовать не только развитию культуры, но и национальной консолидации. Одновременно передовая общественность ищет выхода из той феодальной трясины, извлечь из которой княжества не могла никакая реформа.

В 1833 г. Ион Кымпиняну (1798—1863), Ион Элиаде-Рэдулеску (1802—1872) и Костаке Аристия (1800—1880) основали в Бухаресте «Филармоническое общество».

Плодотворная деятельность «Филармонического общества» в области созидания национального театра сочеталась с политической деятельностью. Ион Кымпиняну, выбранный в Общественное собрание, возглавляет в нем так называемую национальную партию, которая в 1838 г. приняла программу, составленную в виде манифеста, требовавшего объединения княжеств, выборов нового господаря и принятия конституции, которая должна предусматривать всеобщее избирательное право и освобождение барщинных крестьян без земли.

В 1840 г. потерпел неудачу заговор Димитрие Филипеску (1808—1843), программа которого резко отличалась от программы Кымпиняну: она требовала установления республики и освобождения барщинных крестьян с наделением их землей.

Хотя заговоры Кымпиняну и Филипеску являются звенями одной цепи, хотя их связывают даже некоторые имена участников, однако они олицетворяют две в достаточной мере противоположные друг другу точки зрения на общественное устройство, два различных идеологических течения.

Программы Кымпиняну можно назвать стремлением к обуржуазиванию феодализма. Демократизация государственного устройства, выражавшаяся в требовании всеобщих политических прав, могла быть только внешней, поскольку «столпами государства» должны были оставаться пожизненно избираемый господарь и Общественное собрание, состоящее из имущих классов. Неведомо, какие ограничения «всеобщих политических прав» в пользу имущих классов могла установить подобная законодательная и исполнительная власть, поскольку полное сохранение крупного землевладения и вопиющая несправедливость, заключенная в освобождении крестьян без земли, уже сами по себе свидетель-

ствовали о жесткой охране прав имущих от посягательств обездоленных.

Если программа Кымпиняну была достаточно консервативной, то программа Филилеску требовала установления республиканского строя в сочетании с освобождением крестьян, наделяемых землей, что обеспечивало возможность существования демократического государства и создавало благоприятные условия для развития капитализма.

Участник заговора Филилеску Николае Бэлческу, выйдя из заключения в 1843 г., организует новое тайное общество — «Братство». Если весь ход событий на протяжении почти тридцати лет, все усилия в области просвещения, вся общественная борьба так или иначе подготавливали революцию 1848 г., то деятельность Бэлческу, начиная с организации «Братства», занимала в этой цепи особое место. Именно с этого момента начинается продуманная и планомерная (насколько это было возможно) подготовка к революции.

В 1846 г. выходит в свет работа Бэлческу «О социальном положении трудящихся крестьян в Румынских княжествах в разные времена». Бэлческу призывает обеспечить материальное положение и будущее крестьян, ставших собственниками наделов земли «с помощью постепенного денежного выкупа оных и необходимых для пропитания крестьян, что соответствовало бы их возможностям и было бы человечно»¹. Он впервые четко формулирует наиболее радикальную программу румынской буржуазии по крестьянскому вопросу и в 1848 г. добивается включения ее в Ислазскую декларацию; ее пункт тринадцатый требовал «освобождения барщинных крестьян, которые делаются собственниками через выкуп»².

Позиция Бэлческу стала общественным требованием, поскольку была доведена до крестьянских масс и поддержана ими. Требование наделения землей за выкуп было по тем временам единственной реальной мерой, улучшившей положение земледельца. Именно денежный выкуп, не отработки и никакие платы натурой, обеспечивал плательщику личную свободу, независимость от помещика. Денежный выкуп вводил крестьянство в круг товарноденежных, т. е. капиталистических, а не феодальных отношений, что должно было послужить стимулом для развития капитализма. И если В. И. Ленин, говоря о России конца XIX в., писал, что она страдает не столько от капитализма, сколько от слабого его развития, то еще больше страдали от этого Дунайские княжества в первой половине XIX в. Миновать стадию капитализма нельзя было, и оценивать любой политический или социальный шаг того времени нужно с этой точки зрения. Требование наделения

¹ Istoria literaturii române, v. II. Bucureşti, 1968. p. 160.

² Cornea Paul, Zamfir Mihai. Gîndirea românească în epoca pașoptistă, v. I. 1969, p. 55.

крестьян за выкуп повторяет и Михал Когэлничану в брошюре под названием «Требования национальной партии в Молдавии».

Среди прочих требований, касающихся разных сторон общественного и государственного устройства, следует остановиться на пунктах, трактующих форму государственного правления. И Ислазская декларация и «Требования национальной партии в Молдавии» единодушно провозглашали равенство гражданских и политических прав. Весьма примечательно, что оба документа начинают «построение» системы государственного правления снизу, с уравнивания всего народа населения перед лицом закона и делают его равно ответственным за управление страной. Принцип гражданского и политического равенства находит свое практическое выражение в требовании создания Общего собрания, составленного из представителей всех слоев общества, а также и в праве выбирать господаря. В Ислазской декларации глава государства именуется «ответственным господарем, избираемым на пять лет и искомым среди всех слоев общества»³. В «Требованиях» формулировка несколько иная: «Господарь, избранный из всех слоев общества согласно древнему обычаю»⁴. Нужно подчеркнуть, что в документе составленном Когэлничану, все время делаются ссылки на те или иные казусы древней юрисдикции или обычая, которые подтверждали бы законность, традиционность выдвигаемых требований, их как бы некоторую национальную «чистоту», а потому избрание господаря «согласно древнему обычаю» нужно понимать как избрание народным сходом или вече.

Разрабатывая крестьянский вопрос, Бэлческу касался только его истории, которая с неумолимой логикой подводила к необходимости освобождения крестьян и наделения их землей. Но была и другая сторона проблемы. После революции должна была наступить новая эра, должно было организоваться новое государство. Но какое? На какой основе?

Вопрос этот занимал умы, хотя и ставился не столь отчетливо и прямо, как тот же крестьянский вопрос. Мы говорим об этом осторожно потому, что ни в каких работах румынских деятелей революции 1848 г. развернутого и последовательного ответа на него нет. И все-таки ответ на него находится, если его искать в целом ряде работ, статей, лекций, диссертаций, если проследить весь ход общественной мысли. Анализируя целый ряд работ, мы можем сказать, что прогрессивное крыло румынской буржуазии пыталось создать нечто вроде теории капиталистического сельскохозяйственного государства, поскольку целая цепь высказываний обнаруживает внутреннюю взаимосвязь и замыкается в едином кругу идей.

Димитрие Брэтиану (1818–1890) в своей «Диссертации о правах на собственность и о различных методах приобретения ее, о

³ Cornea Paul, Zamfir Mihai. Gîndirea românească..., p. 55.

⁴ Там же, с. 74.

предъявлении личных прав и публичных действиях» (1841) пишет:

«Мы без колебания выводим право собственности из права на личную свободу и утверждаем, что свобода без собственности — это бессмысленное слово»⁵.

Задача диссертации Брэтиану — утвердить «святое» право частной собственности. Дальше этого он не идет. Однако частная собственность в пассивной форме простого обладания теряет всякий смысл. Смысл собственности — в производстве. Этот вопрос разрабатывает Ион Гика (1816—1896) в лекции «О значении политической экономии» (1843). «Нам, — подчеркивает Гика, — производство более необходимо, оно для нас более насущно, чем было для американца, потому что не только улучшение морального и физического состояния, но и наше политическое существование зависит от развития производства. Если мы сейчас политически существуем, то мы обязаны этим целиком и полностью производству, сельскохозяйственному производству, огромным и плодоносным полям, которые обеспечивают пищу нам самим и многим миллионам жителей Англии и Германии»⁶ (имеется в виду широкий экспорт хлеба).

В промышленном производстве Гика видит великий стимул и основу прогресса: «Промышленность является плодом подчинения материального мира силе разума... Промышленность дает человеку средства культивировать науки, словесность, изящные искусства, которые все вместе служат ему для его же собственно-го просвещения и воспитания»⁷.

Гика отдает себе отчет в противоречиях между трудом и капиталом, но далек от того, чтобы видеть их антагонистичность. Ему кажется, что «разумная организация сил, которые сейчас воюют между собой» могла бы примирить «интерес капиталистов и производителей разной руки, мастеров и рабочих»⁸. Разрешение тех противоречий, которые несет в себе капитализм, не занимает Гику. Перед его глазами его собственная страна, и он оценивает ее положение, исходя из конкретной ситуации. «Нас эти трудности не затрагивают, — пишет он об антагонистических противоречиях капитализма, — потому что наше производство останется еще на много веков сельскохозяйственным производством, которое этих трудностей не имеет; что касается другой стороны многих экономических условностей, как-то монополии, пошлины, запреты, которые, как я могу сказать, принесли все эти затруднения, к нам, слава богу, не проникли, и сейчас люди ищут, как бы их ликвидировать и там, где они уже глубоко внедрились»⁹.

⁵ Cornea Paul, Zamfir Mihai. Gîndirea românească..., v. II, p. 463.

⁶ Там же, с. 35.

⁷ Там же, с. 36.

⁸ Там же, с. 37.

⁹ Там же, с. 38.

Ион Гика выступает апологетом мелкособственнического сельскохозяйственного капиталистического государства. Эта же идея проводится и в «Требованиях национальной партии в Молдавии» (1848) М. Когэлничану, который писал, что наделение крестьян землей происходит «в интересах страны, поскольку собственность является самым сильным инструментом цивилизации, и если мы серьезно хотим цивилизовать страну, то должны иметь много собственников. Только страна, имеющая много собственников, сильна, потому что только там, где распространена любовь к земле, там распространена и любовь к родине»¹⁰.

Несомненные выгоды такого способа ведения хозяйства и подобного общественного устройства видит Ион Ионеску де ла Брад (1818—1892). В статье «Английская промышленность» (1848) он пишет о распространении машинного производства, которое требует все увеличивающегося количества сырья. Румынский крестьянин может и должен стать, по его мнению, если не мировым, то по крайней мере всеевропейским поставщиком льна для бурно развивающейся текстильной промышленности. «Румынский крестьянин,— пишет Ионеску де ла Брад,— не сможет избежать влияния машин, изобретенных гением нашего века, вследствие этого румынское крестьянство не только воспримет воздействие этих машин как благодеяние, но еще и сможет господствовать благодаря сырью, производимому сельским хозяйством. Благодаря льну перед нашим сельскохозяйственным производством открывается новая эпоха. Нашего льна будут добывать немцы, французы и другие государства, объединившиеся против Англии... Румынский крестьянин, рассматривая производство льна только с точки зрения сельского хозяйства, не только не будет подвержен жестоким несчастьям, которые следуют за новым открытием и оставляют без хлеба насущного фабричных рабочих, но и будет более решительно использовать все открытия, уменьшающие цену продуктов мануфактурного производства, занимая в сельскохозяйственном производстве льна положение, весьма выгодное для него самого и весьма притягательное для всех промышленных наций Европы»¹¹.

Итак, общий ход рассуждений, вытекающий из конкретной обстановки в княжествах, приводит к созданию весьма романтической и утопической теории мелкособственнического сельскохозяйственного государства. Эта теория обнаруживает недоучет или незнание одного из основных законов капиталистического производства — конкуренции. Если еще можно было предположить, что румынские хлеб и лен могут остаться в течение длительного времени вне конкуренции на внешнем рынке, что могло бы обеспечить процветание крестьянства, нужно было учитывать, что именно это процветание должно было породить неизбежную

¹⁰ Cornea Paul, Zamfir Mihai. Gindirea românească..., v. II, c. 84.

¹¹ Там же, с. 137—138.

внутреннюю конкуренцию, которая неуклонно приведет к обогащению одних и разорению, обезземеливанию других, поскольку и сама земля является предметом купли-продажи. Таким образом, теория благополучного, процветающего государства мелких сельских производителей никакой реальной почвы под собой не имела. Именно в романтизме этой теории проявилась общая черта всех румынских революционеров, размышлявших в этом направлении: все они продолжали думать в «национальном масштабе», все они находились под обаянием понятий «нация», «народ» и потому идеализировали крестьянство, мелких земельных собственников.

В своих общих построениях румынские революционеры не были одиноки, у них был предшественник, и весьма близкий — Сисмонди, чья основная работа «Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношениях к населению» вышла в 1819 г., а второе издание — в 1827 г. Сисмонди, «горячий сторонник мелкого производства, выступающий с протестом против защитников и идеологов крупного предпринимательства»¹², как охарактеризовал его В. И. Ленин, был знаком румынским революционерам (Ион Гика цитирует его), и он должен был оказать на них несомненное влияние.

Румынские революционеры — тоже сторонники мелкого производства, они тоже протestуют против крупных предпринимателей, как Сисмонди, как полвека спустя делают это русские народники. В этом отношении они все похожи друг на друга, в этом они романтики. «Желания у романтиков весьма хорошие (как и у народников), — писал В. И. Ленин. — Сознание противоречий капитализма ставит их выше слепых оптимистов, отрицающих эти противоречия»¹³. И вместе с тем В. И. Ленин резко критикует экономический романтизм и даже называет его реакционным. Насколько же были реакционны румынские романтики от экономики? В чем их отличие и от Сисмонди и от народников?

Румынская экономическая мысль развивалась в период господства феодализма. Если Сисмонди и русские народники становились в оппозицию развивающемуся капитализму, то румынские революционеры стремились всячески ему способствовать. Если Сисмонди и русские народники полагали, что можно замкнуть производственный процесс в рамках цеха, общины, с тем чтобы таким образом была возможность учесть интерес, выгоду каждого члена подобного «союза», то румынские революционеры, не имея в прошлом аналогичных исторических примеров (т. е. примеров из национальной истории), создавали чисто умозрительный идеал всекрестьянского союза как государства мелких собственников, основанного на капиталистических, товарно-денежных отношениях. Этот идеал, весьма расплывчатый и неопределенный,

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 123.

¹³ Там же с. 237.

объединял в себе различные чаяния: национальное единство и независимость, равенство гражданских и политических прав, подкрепленное крестьянским землевладением. Он объединял в себе все буржуазные требования и стирал все зло, порожденное феодализмом. Этот идеал звал вперед, но та форма, в которую он был облечен — крестьянская республика,— была чистой фикцией, восторженной, романтической мечтой, но не больше.

В романтическом характере экономического идеала румынских революционеров сказалась и еще одна весьма немаловажная черта предреволюционного периода в Дунайских княжествах. Эта черта — слабость румынской буржуазии, ничтожная доля машинного производства в национальном хозяйстве, а следовательно, и почти полное отсутствие пролетариата. В подавляющем большинстве торговая (а не промышленная) буржуазия Дунайских княжеств в первой половине прошлого века не накопила еще достаточно сил, чтобы самой совершить буржуазно-демократическую революцию. Для революции еще не было прочной экономической базы. Опора на ремесленников и рабочих мануфактур, которые насчитывались единицами, была слишком слабой. Действительно массовую и решительную поддержку революции могло оказать только крестьянство. Отчетливо понимая это, Бэлческу и настаивал на включение в Ислазскую декларацию пункта о наделении крестьян землей. В этом проявилась дальновидность румынских революционеров. Здесь они мыслили реалистически. Но обостренное внимание к судьбе крестьянина, «надежде и силе родины»¹⁴ (выражение М. Когэлничану), рождало идеализацию этого крестьянина, стремление представить его в каких-то искусственных социальных условиях. Здесь-то и зарождается мечта о крестьянском государстве.

Развитие общественной мысли в Дунайских княжествах привело к осознанию необходимости облегчить положение крестьянства, но в ходе революции 1848 г. радикальное крыло румынских революционеров не сумело привлечь на свою сторону широкие крестьянские массы, в результате чего революция потерпела поражение.

¹⁴ Cornea Paul, Zamfir Mihai. Gîndirea românească..., v. I, p. 84

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ В СЛОВЕНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ

Советская историография последнего десятилетия все большее внимание уделяет вопросам национального самосознания, его становлению, его значению в формировании нации. В. И. Козлов определил национальное самосознание как «чувство принадлежности людей к определенной нации, объединяющее их в один социальный коллектив»¹. Оно включает в себя ряд элементов. Прежде всего — чувство национальной принадлежности. В национальное самосознание входят также и приверженность к своим национальным традициям, чувство национальной гордости, сознание общности интересов в национально-освободительной борьбе, отношение к другим нациям и т. д.² Национальное самосознание вырастает и развивается под действием различного рода социально-экономических и политических факторов, но, раз возникнув, обретает определенную самостоятельность и большую устойчивость. В известной степени оно более устойчиво, чем такие признаки нации, как общность территории, экономическая общность и даже язык.

Содержание национального самосознания не остается постоянным, оно меняется с изменением социально-экономических условий жизни нации. На заре существования нации его отличает демократизм, ибо оно является идеологией молодой поднимающейся буржуазии, выражющей в борьбе против феодализма национальные интересы. С победой буржуазии, ростом классовой дифференциации буржуазного общества национальное самосознание усложняется. В некоторой части оно остается общим для всей нации, как бы абстрагируясь от классовой борьбы в сфере производства и опираясь на общеэтнические элементы: язык, культуру, представления об общности происхождения и т. д. Но на важнейшие его проявления накладывает отпечаток классовая дифференцированность, свойственная капиталистическому обществу. Понимание наибольшего блага для своего народа, представления о наилучших путях его развития прямо противоположны у буржуа и пролетария. Многие элементы, составляющие национальное самосознание, приобретают различное звучание у разных классов. Например, патриотизм у пролетариата тесно связан с интернационализмом, в то время как у буржуазии он нередко принимает националистические формы. Но все же общность элементов

¹ Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации.— «Вопросы истории», 1967, № 1, с. 91.

² Рогачев П. М., Свердлин М. А. О понятии «нация».— «Вопросы истории», 1966, № 1, с. 38.

национального самосознания у разных народов и классов остается достаточно высокой, ибо без этого невозможно существование нации как целостного общественного организма.

Развитие национального самосознания словенцев, как и любого другого народа, имеет свою специфику, связанную с особенностями их социальных, политических и культурных условий.

Прежде всего следует принять во внимание, что словенская нация формировалась в условиях иноземного гнета, продолжавшегося на протяжении целого тысячелетия. Он был главной причиной того, что у словенцев отсутствовала единая административно-политическая территория. Их земли были включены в несколько провинций Габсбургской монархии: Каринтию, Штирию, Крайну, Горицу, Приморье и земли венгерской короны. Только в Крайне и Горице словенцы были в большинстве. В Каринтии, Штирии они составляли $\frac{1}{3}$ всего населения, остальные $\frac{2}{3}$ были австрийскими немцами, в Приморье многочисленным был романский элемент, в землях Венгрии словенцы проживали только в двух комитатах. Административная раздробленность, существовавшая в течение многих столетий, явилась главной причиной формирования у них провинциального самосознания: словенцы, жившие в разных провинциях, чувствовали себя краинцами, штирийцами, каринтийцами и пр., но не единым народом.

Австрийское господство, установившееся в словенских землях в период перехода словенцев от первобытнообщинного строя к феодализму, стало причиной отсутствия у них собственного класса феодалов, неблагоприятно отразилось на их политическом и культурном развитии. У словенцев полностью отсутствовали традиции государственности, традиции политической борьбы, которые имелись у многих других подвластных Австрии народов, например у венгров, хорватов, поляков. Словенская культура в силу тех же причин в известной мере отставала от уровня культуры славянских соседей. Хотя в XVI в. благодаря деятельности словенских протестантов у словенцев появился алфавит, словенская грамматика, вышло несколько книг на словенском языке, традиции письменности были чрезвычайно слабы. Во-первых, потому, что результаты деятельности словенских реформаторов оказались во многом уничтоженными католической реакцией, а во-вторых, то, что удалось создать словенским протестантам, было слишком малым, чтобы говорить о существовании сколько-нибудь полноценной словенской письменности и книгопечатания. Кроме грамматики словенского языка и переводов различных религиозных сочинений на словенский язык, словенские реформаторы практически ничего не успели сделать. Не было исторических, географических и прочих сочинений на словенском языке, отсутствовала и словенская художественная литература.

Все эти особенности политического и культурного положения словенцев к началу развития капитализма оказали существен-

ное воздействие на формирование словенского национального самосознания, на его характер и черты.

Отсутствие господствующего класса феодалов у словенцев привело к тому, что с самого начала словенское национальное самосознание возникло и развивалось как чисто демократическое, присущее крестьянству и вышедшим из него молодой словенской буржуазии и пролетариату. Оно не несло на себе печати дворянской традиции, как польское, венгерское, хорватское. Острием своим оно было направлено против австро-немецкого господства, а поскольку феодалы были в большинстве австрийскими немцами, то объективно — и против феодализма. Это понимали наиболее дальновидные словенские деятели, например Ф. Левстик. Говоря об отношении немцев к славянской культуре, он подчеркивал, что их «культуртрегерская» миссия была всегда направлена на ее искоренение в завоеванных землях, чтобы тем легче превратить покоренный народ «в бессловесный скот для немецких феодалов»³. «Наше словенское дело насквозь демократично», — указывал Левстик⁴.

Отсутствие политических традиций и прочных традиций письменности и письмениой культуры у словенцев привело к двум своеобразным чертам в формировании национального самосознания. Во-первых, к значительной роли в нем фольклорной традиции, во-вторых, к большому значению для него идей славянской взаимности. В последнем отношении развитие словенского национального самосознания не отличалось от других небольших славянских народов, находившихся под чужеземным игом.

Наряду с осознанием себя отдельными самостоятельными народами чехи, словенцы, словаки, хорваты и др. вместе с тем осознавали себя и представителями всего славянства. Аргументы для своего национального развития молодые буржуазные нации черпали из истории, традиций, достижений культуры своих народов. У многих малых славянских народов эти традиции были слабы. В таком случае они утверждали себя, свое право на существование, базируясь на исторической деятельности и достижениях культуры всех славянских народов. Словенские национальные деятели призывали будить у словенцев славянское самосознание, воспитывать чувство славянской взаимности, ибо «словенцам необходима национальная гордость, а гордиться они могут прежде всего славянством вообще»⁵.

Всеславянские идеи развивались у словенских национальных деятелей в форме югославизма, австрославизма или русофильства. Обычно эти три формы всеславянского самосознания развивались и существовали одновременно. Но на различных этапах та или иная форма в силу определенных политических обстоя-

³ Levstik F. Zbrano delo, zv. 9. Ljubljana, 1961, s. 35—37.

⁴ Там же, с. 320.

⁵ «Slovanski svet», 20.XII 1895, N 29, s. 271.

тельств доминировала. До революции 1848 г. югославистские, австрославистские и русофильские элементы в национальном самосознании словенцев носили культурно-этнический характер.

Еще в 1789—1791 гг. словенский просветитель и историк А. Линхарт утверждал, что словенцы являются самостоятельным народом, принадлежащим к группе славян, что в австрийской монархии они вместе с другими славянами составляют большинство населения, поэтому Австрия по праву может считаться такой же славянской державой, как и Россия⁶. Идеи Линхарта были близки и словенскому филологу Ернею Копитару. Он мечтал о культурной консолидации славян внутри Австрии, о превращении Вены в центр славянской науки, о создании единого латинского алфавита для всех австрийских славян⁷. Линхарт и Копитар стояли у истоков австрославизма в словенском национальном движении.

Одновременно с рождением австрославизма у словенских просветителей появилось и русофильство. Современник и единомышленник Линхарта Б. Кумердей высоко оценивал сам факт существования России для развития словенцев. «Наша страна так мала, что ничем не может выделиться среди других,— говорил он в 1779 г. на заседании словенского просветительского общества.— Народ, от которого мы происходим, является самым презираемым в так называемом цивилизованном мире; только блестящие труды наших родных братьев русских могут это презрение в некоторой степени парализовать»⁸. Росту русофильства способствовал и проход войск Суворова через Каринтию, Штирию и Крайну в Италию в 1799 г. Первый словенский поэт и редактор первой словенской газеты В. Водник с восторгом приветствовал в своей газете русскую армию, подчеркивая, что русские, старшие братья словенцев, пришли защитить их от врагов. «Полторы тысячи лет тому назад,— писал он,— в наши края пришли первые славяне, они были из русского или других славянских родов: в этом причина, что мы легко понимаем русский язык; дело в том, что они — славяне, корень, от которого рождены наши отцы. Сейчас мы видим воочию, каких могучих и великих братьев мы имеем»⁹. Водник призывал словенцев учиться у русских беречь свой язык и защищать свою родину.

Если австрославизм и русофильство возникли в словенском национальном самосознании буквально у истоков его развития, то югославянские идеи появились на несколько десятилетий позднее. В 30-х годах XIX в. в хорватских землях оформилось течение, получившее название «иллиризма». Его родоначальник

⁶ *Prijatelj I. Duševni profili slovenskih preporoditeljev*. Ljubljana, 1935, s. 51.

⁷ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 191—192.

⁸ Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1964, s. 10.

⁹ Kreft B. Fragmenti o slovensko-ruskih stikih.— In: Slavistična revija. Ljubljana, 1958, s. 92.

Людовит Гай, считая всех южных славян единым народом, ратовал за их культурно-языковое единство. Среди словенских национальных деятелей иллиризм нашел горячий отклик, так как неразвитая словенская буржуазия и ее идеологи увидели в нем опору в борьбе за свои национальные права. Особенно это касалось Штирии и Каринтии, где угроза германизации была особенно сильной. За небольшим исключением у подавляющего большинства словенских иллиризов идеи иллиризма уживались со словенским национальным самосознанием. Они оказали значительное влияние на формирование словенского литературного языка. Последователи иллиризма выступили горячими сторонниками принятия словенцами общего с чехами и хорватами латинского алфавита — гаицы (по имени Л. Гая). Один из наиболее горячих иллиризов М. Маяр так аргументировал необходимость этого акта: во-первых, гаица более легка и проста, чем богорница (словенский алфавит, созданный в XVI в. протестантами), во-вторых, она наиболее широко распространена среди славян, пишущих латиницей. «Теперь мы,— заключал Маяр,— сможем читать их книги, а они — наши»¹⁰. Тот же Маяр призывал словенских писателей заботиться и о славянском стиле и духе своих произведений. При введении новых слов в литературный язык Маяр рекомендовал им предварительно ознакомиться со всеми славянскими словарями, чтобы это слово было словенским или славянским¹¹.

Таким образом, уже к началу 1848 г. словенское национальное самосознание представляло собою сложный комплекс, в котором главным элементом было осознание своей принадлежности к словенскому народу, но наряду с этим существовали элементы славянского самосознания, выражавшегося в формах югославизма, австрославизма или русофильства. 1848 г. стал переломным в развитии словенского национального самосознания. Если до этого оно развивалось преимущественно как культурно-этническое, то после 1848 г. в нем стали активно проявляться и политические моменты.

Революция 1848 г. была временем расцвета и в то же время в известной степени крушения австрославистских идей в сознании словенских национальных деятелей. Их мечтам о создании Австрийской Славии был нанесен удар, и это отразилось на национальном самосознании. И хотя затем в 60-е годы XIX в. и позднее австрославизм присутствовал в политических программах словенцев, он уже не занимал такого места в их самосознании, как в 1848 г. Югославянские идеи в период революции у словенцев были полностью подчинены австрославизму. Что же касается русофильства, то оно в это время сильно ослабло, поскольку словенские либералы были противниками крепостного права.

¹⁰ «Kmetijske in rokodelske novice», 1.I 1845, N 1.

¹¹ «Kmetijske in rokodelske novice», 13.I 1847, N 2, c. 7—8.

Вместе с тем обширные территории и государственное могущество славянской России оставались важным аргументом для словенцев в борьбе за политические права. М. Маяр, ставший в 1848 г. одним из идейных вождей словенских либералов, с гордостью писал, что всего славян 80 млн. и они являются одним из величайших народов мира, что «над славянами никогда не заходит солнце»¹².

Известное разочарование в австрославизме после 1848 г. опять привело к росту элементов русофильства и идеи славянской взаимности в словенском национальном движении. Идея славянского единства по-прежнему была важным аргументом существования и развития словенской национальной культуры. Влияние, которое оказывали славянские идеи в период иллиризма на формирование словенского литературного языка, резко возросло и усилилось. Но в это время словенские культурные деятели преследовали более широкие цели — сблизить словенский язык не только с сербскохорватским, но и с другими славянскими языками.

Поскольку словенская письменная культура имела слабые традиции, словенские национальные деятели уделяли большое внимание традициям общеславянской культуры, т. е. старославянскому языку и культуре эпохи Кирилла и Мефодия. Крупнейшие словенские ученые-слависты Е. Копитар и Ф. Миклошич пытались дать этому научное обоснование. Е. Копитар создал «паннонскую» теорию происхождения старославянского языка, утверждавшую, что в основу его Кирилл и Мефодий положили наречие паннонских славян, рассматривавшееся наукой как одно из ответвлений древнесловенского языка. Отсюда само собой напрашивался вывод, что старославянский язык и вся литература, написанная на нем, является непосредственным предшественником словенского литературного языка и словенской культуры. «Паннонскую» теорию поддержал и развил ученик Е. Копитара Ф. Миклошич. Он даже называл старославянский язык старословенским (*altslovenische*) в отличие от современного словенского, обозначавшегося им как новословенский (*neueslovenische*)¹³. И в конце XIX в., когда «паннонская» теория была развенчана учеными, ее упорно продолжали защищать словенские слависты, например В. Облак.

«Паннонская» теория происхождения старославянского языка, принятая словенскими деятелями науки и культуры, сыграла большую роль в формировании словенского литературного языка, особенно его словарного фонда. Многие слова и выражения из немецкого и итальянского языков, бытовавшие в разговорном языке, заменялись старославянскими словами и выражениями. Горячим проводником этого был известный словенский

¹² «Slovenija», 14.VI 1848, s. 13.

¹³ Ягич И. В. История..., с. 693.

филолог Ф. Левстик. Будучи убежденным сторонником культурной славянской взаимности, он считал, что старославянский язык должен стать основой языкового сближения славянских народов, ибо он — источник, из которого вытекают ручьи — славянские наречия и в котором они опять в конечном счете должны ситься в единую реку, постепенно сближаясь с ним в синтаксисе, грамматическом строе, лексике¹⁴. Близок к этому мнению был и известный словенский филолог М. Плетеरшник, автор знаменитого словенско-немецкого словаря.

В конце XIX в. Д. Хостник, создатель первых русско-словенского и словенско-русского словарей, называя источники обогащения словенского литературного языка, на первое местоставил старославянский язык, на второе — языки других славянских народов (особенно русский, который Хостник считал наиболее близким как старославянскому, так и словенскому), на третье — словенские говоры. Хостник призывал черпать из всех этих источников, не нарушая правил словенской грамматики и славянского духа в словенском литературном языке¹⁵.

Во второй половине XIX в. среди словенских филологов и культурных деятелей было и другое направление. Представители его, считая словенский язык слишком незначительным, чтобы он мог претендовать на роль самостоятельного литературного языка, полагали, что в качестве последнего они должны принять какой-либо существующий литературный славянский язык. Чаще всего они избирали сербскохорватский или русский языки.

Некоторые из представителей указанного направления мечтали создать из элементов всех славянских наречий единый литературный общеславянский язык. Эта идея нашла благодатную почву в словенских землях еще потому, что сам словенский литературный язык формировался в значительной степени как «койне», т. е. сплав из всех словенских наречий, и в основе его не лежал какой-то определенный словенский диалект. Такой путь формирования литературного языка порождал у ряда словенских филологов иллюзию возможности создать таким же образом и искусственный общеславянский язык. В своих взглядах они базировались только на культурных факторах, не учитывая ни социально-экономических, ни политических. Сторонники искусственного общеславянского языка развили особенно бурную деятельность в 50-х годах XIX в. «Мы должны трудиться,— писал один из них, Р. Разлаг,— чтобы разные наречия и под наречия (т. е. славянские языки.— И. Ч.) сливь в один литературный язык, чтобы нас перестали считать маленькими народами, но увидели бы, что мы, славяне, единый народ, один за всех и все за одного»¹⁶. Ряд словенских культурных деятелей, например

¹⁴ Levestik F. Zbrano delo, zv. 8, s. 118, 126—127.

¹⁵ «Slovenski svet», 25.III 1896, N 9, s. 101.

¹⁶ «Slovenska bčela», 1850, N 10, s. 126.

М. Маяр, О. Цаф, И. Вовк и другие, пытались изобрести для искусственного общеславянского языка особую азбуку, особые грамматические правила. Однако уже в 60-х годах большинству словенских филологов стала ясна невозможность создания искусственного общеславянского языка, ибо весь ход исторического развития вел к образованию самостоятельных буржуазных славянских наций. Деятельность создателей общеславянского искусственного языка в известной степени тормозила формирование словенского литературного языка, но и она не осталась бесследной для него.

Все указанные течения в среде словенских ученых и культурных деятелей оказали значительное влияние на формирование лексики словенского литературного языка. Увлечение старославянским, русским, сербскохорватским языками оставило в ней свой след в виде ряда заимствованных терминов, понятий, выражений, в виде алфавита (гайцы). Таким образом, идея славянской взаимности опосредованно через словенское национальное самосознание оказала значительное влияние на формирование словенского литературного языка.

Н. И. Хитрова

РАЗВИТИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЧЕРНОГОРИИ (школьное и издательское дело, 1796—1878)

Завоевание Турцией Балканского полуострова привело к изоляции Черногории и создало препятствия для духовного развития ее народа. Во время османского господства были разрушены многие памятники культуры и уничтожены ценные рукописи. К числу таких невозвратимых потерь относится и прекращение книгопечатания в типографии, открытой в 1493 г. на Ободе, где была издана первая печатная книга на Балканах.

Среди порабощенных народов Османской империи черногорцы первыми начали борьбу за политическое освобождение. В 1796 г. их многовековая борьба ознаменовалась крупным успехом — завоеванием фактической политической независимости, что сделало возможным в дальнейшем создать централизованное Черногорское государство. В связи с этим перед Черногорией возникла задача подготовки людей, способных принять участие в государственной, политической и культурной жизни страны, а это в свою очередь потребовало развития просвещения и налаживания школьного образования. Однако общая отсталость и необходимость отражать натиск Турции, которая постоянно стремилась

возвратить свое утраченное господство, создавало мало возможностей для культурного развития страны. Порта не только упорно продолжала считать Черногорию составной частью своей империи, но неоднократно предпринимала против нее вооруженные акции. Поэтому борьба с турками поглощала почти все силы народа.

В начале XIX в. просвещение в Черногории находилось на очень низком уровне. В стране не было ни одной светской школы. Единственно грамотными людьми были священники. Естественно, что при таких условиях была велика роль монастырей, которые стали хранителями самобытной народной культуры.

До провозглашения Черногории княжеством (1852) в ней была теократическая форма правления. Черногорские митрополиты, в руках которых была сосредоточена духовная и светская власть, не только возглавили борьбу за завоевание политической независимости, но и выступили в роли просветителей. Литература, искусство и просвещение в Черногории носили церковно-религиозный характер. Образование было ограниченным по размерам и очень скучным по содержанию. Все черногорцы, желавшие обучить своих детей грамоте, посыпали их в монастырь или отдавали под опеку священника¹. В начале XIX в. митрополит Петр I Петрович (1782—1830) организовал при Цетинском монастыре небольшую учебную группу. Занятия в ней проводились без всякой системы. Ученики собирались после богослужения у митрополита, который учил их читать церковные книги.

Начало школьного образования в Черногории связано с деятельностью митрополита и знаменитого югославянского поэта Петра II Негоша (1813—1851). Негош был широко образованным человеком. Он хорошо знал русскую, итальянскую и французскую литературы, собрал большую для того времени библиотеку, где было много русских книг. Став правителем, Петр Негош постарался еще больше укрепить связи с Россией, от которой он надеялся получить денежную поддержку для развития в стране просвещения. Первая его поездка в Петербург состоялась в 1833 г., куда он отправился для принятия высокого духовного сана. 6 августа 1833 г. в Казанском соборе произошло торжественное посвящение его в епископы². В России черногорскому правителю было даровано книг и икон на общую сумму 10 тыс. рублей. Кроме того, он получил 3 тыс. рублей на культурные надобности страны и 300 рублей на пополнение библиотеки.

В конце 1833 г. в Цетинье была открыта первая начальная светская школа на 30 человек. Поскольку это было единственное учебное заведение в стране, то для детей, проживавших в отда-

¹ Костич М. Школа и жизнь в Черногории.— «Славянский ежегодник», 1877. Киев, вып. 2, с. 192.

² Связанные с этим событием документы хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР (далее — ЦГИА), ф. 796, оп. 114, д. 687, 1833—1834 гг., лл. 1—12.

ленных местах Черногории, было устроено общежитие. Воспитанники жили при монастыре. Первым черногорским ученикам довелось учиться уже в юношеском возрасте. В 1837 г. во время военного конфликта с Турцией занятия в школе временно прекратились — все ученики ушли сражаться с турками. В 40-е годы XIX в. в стране действовало уже пять школ. Все они были небольшие. Дети обыкновенно сидели по несколько человек на немногих скамьях, а то и прямо на полу. Не хватало необходимых пособий и книг. В качестве первых учебников служили русские книги³.

Митрополит Петр II возобновил в стране издательскую деятельность, основав в 1834 г. типографию в Цетинье. В ней были напечатаны первые поэтические произведения самого Негоша — «Лиек ярости турске» и «Пустиняк цетиньски», а также «Пословице» Вука Караджича и драма Симы Милутиновича «Дика Црногорка». В 1835 г. в стране стал выходить первый черногорский научно-литературный альманах «Грлица» (1835—1839), в котором большое внимание было уделено поэзии. Из переводной литературы в альманахе были опубликованы два стихотворения А. С. Пушкина («Бонапарт и черногорцы» и «Песня о Карагеоргии»). В нем были представлены также научные и информационные разделы⁴.

Теократическая форма правления создавала многие препятствия в культурном развитии страны. Вследствие этого Черногория не сразу перешла к новому правописанию, реформу которого провел Вук Караджич, положив в основу литературного народный язык. Правитель Петр Негош в своих корреспонденциях и литературных трудах продолжал применять церковнославянский алфавит. Хотя он совместно с Караджичем собирал материалы для «Речника» («Словаря») и в Цетинье были опубликованы «Пословице» последнего (первое издание, вышедшее в Черногории на новой азбуке), все остальные книги печатались по-старому. По всей вероятности, это являлось следствием того, что черногорский митрополит не хотел обострять отношений с сербской православной церковью, которая сопротивлялась введению новой азбуки⁵. Переход к новому алфавиту был совершен в Черногории только в 60-е годы XIX в.

Отсутствие денежных средств создавало большие трудности для проведения в стране начинаний в области культурного прогресса. В 1839 г. было прекращено издание альманаха «Грлица». В дальнейшем Черногория почти 25 лет оставалась

³ Костић М. Школа и жизнь..., с. 194.

⁴ Букић Т. Преглед књижевног рада Црне Горе од владике Василија до 1918 године. Цетиње, 1951, с. 21—24.

⁵ Мартиновић Н. Вуковим трагом у Црној Гори.— В кн.: Старине Црне Горе, св. 2. Цетиње, 1964; он же. Вукова правописна реформа и борба за књижевно единство у Црној Гори.— В кн.: Библиографски вјесник. Цетиње, 1964, с. 1—3.

без своего печатного органа. Все попытки начать издание газеты или журнала кончались неудачей. Более того, во время войны с Турцией в 1852—1853 гг. черногорцам пришлось перелить на пули свой типографский шрифт и использовать драгоценные рукописи и книги на изготовление пыжей. При таких условиях все большее значение приобретала помощь из России, под покровительством которой Черногория находилась. Царское правительство было заинтересовано в сохранении своего влияния в Черногории, занимавшей большое место в проведении его восточной политики, поэтому оно выплачивало ей ежегодно субсидию, а также предоставило денежные средства на развитие просвещения. Наряду с церковными книгами из России присыпались художественная литература и учебники.

В 1869 г. на русские средства было открыто два первых средних учебных заведения: учительско-богословская семинария и женский черногорский институт. На содержание этих заведений переводилось ежегодно 13 700 рублей⁶. Семинария сыграла большую роль в подготовке преподавателей для начальных школ, а институт был первым в стране женским учебным заведением. Его директрисами были русские учительницы. Кроме того черногорцам было предоставлено несколько стипендий для обучения в русских учебных заведениях.

В середине XIX в. были достигнуты новые успехи в развитии черногорского просвещения. С 1863 г. стало осуществляться регулярное обучение в школах. В 70-х годах в Черногории действовала 41 школа, где обучалось 170 детей.

Культурное развитие Черногории было тесно связано с Сербией, Воеводиной и другими югославянскими землями. Югославянская интеллигенция — выходцы из Воеводины, Далмации, Герцеговины и Сербии — сыграла значительную роль в развитии просвещения. Первым учителем начальной школы в Цетинье, основанной Негошем, был Петр Чиркович из Боки Которской. Его сменил Влахович из Баната. Директором учительско-богословской семинарии был назначен серб Милан Костић из Воеводины, а учителями — далматинец Щ. Ковачевич и хорват Б. Новакович из Задара. В женском институте сначала преподавали сербиянки, а затем их заменили черногорки.

Большое влияние на развитие культуры оказали сербские деятели Симо Милутинович, Димитрие Милакович, Милорад Медакович, Йован Сундечич и Никифор Дучич. Все они являлись сторонниками идеи славянского единства, считая, что оно должно охватить в культурном отношении также Черногорию. Они выступали за укрепление национального самосознания и равноправие латиницы и кириллицы. Симо Милутинович (уроженец Боснии) воспевал в своей поэзии Черногорию и ее герои-

⁶ См.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40—80-е годы XIX века. М., 1975, с. 229—237.

ческое прошлое. Он был секретарем митрополита Петра и воспитателем молодого Негоша. Д. Милакович (родом из Герцеговины) и М. Медакович (из Военной Границы) являлись сторонниками и друзьями Негоша. Первый из них приложил много усилий к укомплектованию библиотеки в Цетинье и налаживанию школьного образования, был создателем букваря, грамматики и «Краткой истории Черногории». Медакович являлся издателем альманаха «Грилица». Деятельное участие в развитии школьного образования приняли герцеговинец Н. Дучич и сербский поэт Й. Сундечич. Поэзия последнего пользовалась популярностью среди югославян благодаря своему патриотизму и насыщенности идеей славянского единства. В 1864 г. Сундечич, став секретарем князя Николая, принял деятельное участие в организации второго периодического издания Черногории — литературного альманаха-календаря «Орлич» (1866—1870, 1885), став его редактором и издателем. В отличие от «Грилицы» этот альманах печатался на новой азбуке, что знаменовало принятие в Черногории правописания Вука Караджича. Большую роль в распространении новой азбуки сыграл также учитель начальной школы в Цетинье Божо Новакович (уроженец Задара).

«Орлич» являлся единственным печатным органом Черногории. После прекращения этого издания в 1871 г. в Черногории начала выходить еженедельная политическая и литературная газета «Црногорац», которая в 1873 г. была превращена в официальный орган под названием «Глас црногорца». Редактором этих газет был Симо Попович (уроженец Воеводины), в конце 60-х годов XIX в. сотрудничавший в белградской прогрессивной газете «Србија». За демократические выступления в печати он был выслан из Сербского княжества. Под его руководством «Црногорац» превратился в боевой орган, призывающий югославянские народы к борьбе за освобождение и объединение. Редакция газеты отклинулась также на Парижскую коммуну, провозгласив, что «друзья радуются всегда победам революции» независимо от того, где она победила⁷.

Вокруг «Црногорца» сгруппировалась часть югославянских деятелей, нашедших убежище в Черногории от преследования османских и австрийских властей. Значительный след в культурной жизни страны оставил Васо Пелагич, находившийся в 1871 г. четыре месяца в Черногории, которому было поручено управление народными школами. С пребыванием Пелагича связано проникновение в Черногорию социалистических идей. По его инициативе были открыты книжные лавки в Цетинье и Риеке. Вместе с изданиями Омладины он направлял для распространения среди пограничных с Черногорией сербских областей прокламации с призывом к борьбе против чужеземного гнета.

⁷ Вујовић Д. «Црногорац» о Парижкој комуне.— «Историјски записки». Титоград, 1952, књ. VIII, св. 4—12, с. 308.

В Черногории вокруг Пелагича сгруппировался небольшой кружок, в основном состоявший из представителей немногочисленной черногорской интеллигенции. По его инициативе в Цетинье было основано культурно-просветительское общество «Црногорски борац», члены которого решительно выступали за борьбу с Турцией. Среди сторонников Пелагича были упоминавшийся нами редактор «Црногорца» и автор статей о Парижской коммуне Симо Попович, сторонник правописания Вука Караджича Боже Новакович и учитель из Риеки Перо Костич. Тесные контакты установились у Пелагича также с учениками учительско-богословской семинарии в Цетинье, где ректором был член местного омладинского комитета Милан Костич. Сторонники Пелагича помогали ему осуществлять в Черногории пропагандистскую и культурно-просветительскую деятельность⁸.

В 60—70-е годы в Черногории было опубликовано много поэтических сборников, главной темой которых являлась борьба против османского угнетения, за объединение югославян. Патриотические стихотворения помещались также в литературном приложении к газете «Црногорец», вышедшему в 1871 г. под названием «Црногорка». Хотя эти произведения не отличались высокой художественностью, но они сыграли большую роль в пробуждении национального сознания и сплочении сил в борьбе против османского владычества.

Восстание в Герцеговине (1875) и вступление Черногории в войну с Турцией (1876—1878) прервало культурно-просветительскую деятельность в княжестве. Во время войны Симо Попович был назначен официальным корреспондентом на черногорско-турецкий фронт. Своей работой он положил начало журналистской деятельности в Черногории⁹.

Культурно-просветительская деятельность в Черногории протекала в трудных условиях, связанных с господством Османской империи на Балканах и ее стремлением добиться порабощения черногорцев. Однако при помощи России и поддержке югославских политических и культурных деятелей черногорцы смогли развивать школьное и издательское дело, что способствовало в дальнейшем прогрессу Черногории в области просвещения и культуры. Черногория, сыгравшая большую роль в антитурецкой борьбе на Балканах, внесла свой вклад и в дело развития югославянской культуры.

⁸ См.: *Бесаровић B.* Васо Пелагић. Сарајево, 1951, с. 69—72; *Милутиновић K.* Васо Пелагић на Цетињу.—«Историјски записи», 1951, књ. VII, св. 10—12, с. 428—430.

⁹ *Martinović N.* Razvitak štampe i Stamparstva u Crnoj Gori. 1943—1945. Beograd, s. 230.

М. Я. Гольберг

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ И РОМАНТИЗМА
(на материале южнославянских литератур)

Вопрос о взаимоотношении просветительской идеологии и романтизма давно привлекает внимание историков литературы. Однако до сих пор мы встречаемся с различными, по сути взаимоисключающими решениями этой важной проблемы. В недавно вышедшем сборнике «Польский романтизм и восточнославянские литературы» М. Жмигродская в интересной статье ставит вопрос о «романтическом переломе», о поэзии «романтического перелома»¹. И в том же сборнике помещена работа А. Липатова, который пишет, что «по мере изучения и дальнейшего проникновения в глубь явлений общественной жизни, искусства и литературы XVIII в. все яснее и рельефнее вырисовываются истоки великой романтической эпохи, назревающей и подготавливаемой эволюционными процессами предшествующего ей Просвещения. А по мере прояснения этого генезиса утрачивает свою категоричность давнее, но по-прежнему распространенное суждение «о романтическом переломе», «романтическом взрыве», «романтическом перевороте»².

Романтизм и Просвещение — взаимодействие или борьба? — так поставил вопрос исследователь немецкой литературы А. Дмитриев³. Точно так же, как и А. Липатов, он видит в историко-литературном процессе проявление не только революционно-деструктивных, но и эволюционно-конструктивных тенденций по отношению к предшествующему. Его ответ гласит: и взаимодействие и борьба.

Такая концепция опирается на положения Поля Ван-Тигема о европейском предромантизме⁴. Напомним, что академик Жирмунский писал по поводу интересующей нас проблемы: «Углубленное сравнительное изучение... переходных явлений обнаруживает в них многие спорные, исторически закономерные черты. В этом смысле большим достижением литературоведения начала XX века я считаю открытие «предромантизма» как общеевропейского литературного явления, сделанное Ван-Тигемом. Понятие

¹ Жмигродская М. Романтический перелом и выбор литературной традиции.— В кн.: Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973, с. 64—85.

² Липатов А. В: Предромантизм на Западе и в Польше XVIII века (опыт дефиниции и сопоставления).— Там же, с. 106.

³ Дмитриев А. А. Романтизм и Просвещение — борьба или взаимодействие? — «Вопросы литературы», 1972, № 10.

⁴ Van-Tieghem Paul. Le préromantisme. Etudes d'histoire littéraire européenne, v. 3. Paris, 1924—1947.

это объединяет первые романтические тенденции, выступающие повсюду в Европе в период, предшествующий французской революции, в рамках Просвещения XVIII века и просветительского классицизма»⁵.

Вопрос о взаимодействии просветительской идеологии и романтизма включает в себя комплекс проблем, изучение которых позволяет глубже понять динамику историко-литературного процесса, место и роль литературы в идеологической борьбе, в формировании национальной культуры, в становлении национального сознания, в укреплении и развитии связей между отдельными литературами.

Рассматривая романтизм как качественно новый этап в развитии отдельных национальных литератур, всего мирового историко-литературного процесса, необходимо видеть в нем закономерное звено историко-литературного развития, учитывать его связи с предшествующими и последующими этапами этого процесса. При этом необходимо сочетать типологическое и конкретно-историческое решение проблемы. Типологическое изучение предполагает включение широкого и многогранного материала, в том числе и славянского. Между тем авторы ряда обобщающих работ о романтизме не учитывают такого сложного и важного явления, как романтизм в славянских, в частности южнославянских странах. В работе В. Ванслова «Эстетика романтизма»⁶ нет ни одного упоминания о романтизме у западных и южных славян. Даже в таком фундаментальном исследовании, как книга И. Г. Неупокоевой о революционно-романтической поэме XIX в., мы не встретим имен Негоша и Радичевича. В своих последних работах⁷ исследователь обращается к южнославянскому материалу, высказывая важные соображения и по интересующей нас проблеме, но это все-таки скорее лишь наметки для будущих разысканий, нежели результат всестороннего обследования вопроса.

Без рассмотрения всех разновидностей, всех национальных вариантов романтизма типологическое обобщение невозможно⁸.

Сейчас совершенно ясно, что изучение романтизма в том или ином его национальном варианте может вестись в таких направлениях: а) в связи с исследованием потребностей национального

⁵ Жирмунский В. М. Литературные течения как явление международное (V конгресс Международной ассоциации по сравнительному литературоведению. Белград, 1967. Доклады советской делегации). Л., 1967, с. 12. Ср.: Шетер И. Романтизм. Предыстория и периодизация.— В кн.: Европейский романтизм. М., 1973, с. 57.

⁶ Ванслов В. В. Эстетика романтизма. М., 1966.

⁷ Неупокоева И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века (опыт типологии жанра). М., 1971.

⁸ Неупокоева И. Г. Романтизм в славянских литературах XIX столетия в общеевропейском контексте.— В кн.: Славянские литературы. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973; она же. Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей.— В кн.: Европейский романтизм.

развития; б) в связи с изучением внутренних закономерностей родной литературы; в) в соотнесении с мировым литературным процессом. Иными словами, изучение романтизма как системы, как «явления международного» (В. Жирмунский) может и должно осуществляться на различных уровнях: в рамках одной национальной литературы; на уровне определенного региона родственных литератур, в связи с изучением типологических особенностей литератур данного региона; на уровне мирового историко-литературного процесса, на основе исследования наиболее общих структурных особенностей данного явления.

В ряде работ, посвященных романтизму, справедливо подчеркивается его новаторский характер, отмечается, что он был новым шагом в художественном развитии человечества. Однако не всегда при этом учитывается диалектика литературного развития. Авторы некоторых работ отмечают лишь одну сторону — полемику, порой острую, романтизма с предшествующей ему литературой просветительской. При этом дается одностороннее определение как Романтизма, так и Просвещения⁹. Строится схема: рационализм—антирационализм. Эта схема выступает как основа дальнейших построений. Она проникла и в пособия, и в учебники для высшей школы. Между тем в противовес такому подходу в ряде исследований выдвинута и развита мысль о том, что в истории Просвещения взаимодействуют и ведут борьбу рационалистические и антирационалистические течения¹⁰.

Безусловно, нельзя забывать о том, что Просвещение и Романтизм — две разные, вступающие в определенный конфликт концепции мира и человека. Но нельзя не учитывать и того, что между этими концепциями происходит определенное взаимодействие. Вместе с тем в каждой национальной литературе отношения между просветительской идеологией и романтизмом приобретают особые черты.

В сербской литературе конца XVIII — начала XIX в. развивается сентиментальное направление, которое, по словам М. Поповича, представляет собой мост к романтизму и имеет значение, родственное значению предромантических писателей в западноевропейском романтизме¹¹. Характерно, что сентиментальное направление в сербской литературе проявило себя в разных жанрах. Сложным было положение сентиментализма в болгарской литературе, где он не столько является предшественником романтизма, сколько на первых порах сосуществует с ним.

⁹ См., например: Волков И. Романтизм.— В кн.: Творческий метод. М., 1960.

¹⁰ Эта точка зрения последовательно проведена в работах В. М. Жирмунского по истории немецкой литературы. (См.: Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972; см. также нашу рецензию на эту книгу в кн. «Іноземна філологія», Київ, 1974, вип. 33, с. 126—130 и кн.: Шетер И. Романтизм. Предыстория и периодизация).

¹¹ Поповић М. Историја српске књижевности. Романтизам, II. Београд, 1972, с. 28—29.

Исследование взаимоотношения южнославянского романтизма с Просвещением включает в себя две группы вопросов: с одной стороны, речь должна идти о Просвещении национальном, а с другой — о контактах с просветительской литературой Западной Европы и России. Вообще при решении проблемы о «борьбе» и взаимодействии просветительской идеологии и романтизма необходимо учитывать роль литературных контактов — как прямых, так и осуществлявшихся через посредников — в процессе литературного развития.

Уже в творчестве таких южнославянских просветителей, как Досифей Обрадович и Паисий Хилендарский, мы находим и антинационалистические, предромантические тенденции. В связи с этим в некоторых исследованиях были предприняты попытки именно с Паисия начинать историю болгарского романтизма. Так, К. Генов в монографии «Романтизм в болгарской литературе», ставя по существу знак равенства между эпохой национального возрождения и романтизмом, категорически утверждает, что автор «Истории славяно-болгарской» был «первым романтиком в болгарской литературе»¹². Доказательству этого тезиса Генов посвящает много страниц своей работы, но и он вынужден признать взаимодействие просветительских и романтических тенденций в творчестве Паисия, а затем и Софрония Врачанского¹³. Правда, эта мысль у него едва намечена. Точка зрения К. Генова была подвергнута убедительной критике в работе Е. Георгиева «Болгарская литература в общеславянском и общеевропейском литературном развитии»¹⁴.

Полностью солидаризируясь в этом вопросе с профессором Георгиевым, мы хотели бы в дополнение к сказанному им отметить лишь два момента. Во-первых, К. Генов не учитывает категорию преемственности в литературном развитии. В каждом литературном направлении, стиле, методе есть такие продуктивные элементы, которые подхватываются на последующих стадиях литературного развития. Во-вторых, К. Генов упускает из виду важнейшие понятия функции и системы. Романтизм — не сумма признаков, а органичная система, в которой наличествуют не только структурные, но и генетические связи, а также существуют сложные взаимоотношения между системой в целом и составляющими ее элементами. Предромантические тенденции у Обрадовича и Хилендарского не образуют систему. Эти писатели остаются в рамках просветительской идеологии, хотя отдельными сторонами своего творчества и соприкасаются с романтизмом. Совмещая в своей деятельности возрожденческие и просветительские тенденции, Паисий и Досифей вели борьбу против жестокого турец-

¹² См.: Генов К. Романтизъмът в българската литература. София, 1968, с. 101—154.

¹³ Там же, с. 133, 144.

¹⁴ Георгиев Е. Българската литература в общославянското и общеевропейско литературно развитие. София, 1973, с. 236, 238.

кого феодализма, выступали за распространение идей Просвещения, свободы и национального самоопределения. Именно это определило пафос их творчества.

Просвещение и Романтизм в южнославянских литературах — отражение двух различных этапов национального возрождения. Это и определяет их взаимодействие¹⁵. Другой момент определяется тем, что они были связаны с двумя стадиями национально-освободительной борьбы. В западноевропейских литературах, где романтизм развивался в условиях послереволюционной действительности, их взаимоотношения определялись именно непосредственным соотнесением просветительских идей с этой деятельностью, с результатами революции. В славянских, в частности южнославянских, литературах ситуация была иной. Здесь нет той остроты полемики романтизма с отдельными положениями просветителей, как в западноевропейских литературах, нет того отрицания просветительского культа разума, как, скажем, в литературе немецкой.

В славянских литературах просветительский лозунг защиты просвещения неразрывно связан с борьбой за развитие самобытной национальной культуры. Эту борьбу, начатую просветителями на первом этапе национального возрождения, продолжили и подняли на более высокую ступень романтики. Для славянского романсизма характерна острые и глубокая постановка проблемы народа. Он чутко откликался на процессы, связанные с формированием нации, национального сознания. Но в этом отношении романтики были в известной мере продолжателями просветителей. По существу еще Паисий в своей «Истории» представил глубоко демократическую программу национально-освободительной борьбы болгарского народа, подчеркнув при том, что решающую роль в этой борьбе должен сыграть именно народ.

Для славянских просветителей характерен огромный интерес к истории своего народа. И эта черта роднит их с романтиками. Но понимание истории у тех и других было различным. Собственно говоря, вся эпоха национального возрождения ознаменована обращением к национальной истории, которая рассматривалась как источник патриотического вдохновения. Сербская литература XVIII в. создала такие исторические сочинения и художественные произведения, из которых затем будут черпать сюжеты и образы романтики. Характеризуя сложный процесс освоения исторической тематики сербской литературой от начала XVIII в. к эпохе романтизма, известный сербский исследователь Миодраг Попович говорит о пути к поэтическому видению прошлого¹⁶.

Южнославянские романтики создали своеобразную поэтиче-

¹⁵ См.: Никольский С. В. Художественное сознание эпохи национального возрождения (на материале чешской, словацкой, болгарской литератур). — «Советское славяноведение», 1973, № 4, с. 53—61.

¹⁶ См. Поповић М. Историја српске књижевности..., II, с. 37—47.

скую историю, героем которой был народ. История рассматривалась как отражение борьбы за его свободу, как воплощение мечты о национальной независимости, об освобождении от турецкого ига и власти Австро-Венгерской монархии. Романтики связывают с этой проблемой и освобождение отдельной личности, обретающей силы в борьбе.

Деятели славянского Просвещения создали оригинальную национально-патриотическую концепцию, связанную с задачей морально-патриотического воспитания, общественного сознания формирующихся славянских наций¹⁷. В рамках этой концепции был выработан взгляд на писателя как на общественного деятеля, способствующего воспитанию патриотизма. Важные стороны этой концепции были усвоены и трансформированы романтиками. От Просвещения они унаследовали убеждение в высокой гражданской миссии искусства как могучего средства познания и исправления жизни. Но у них это включается в иную концепцию понимания искусства, взаимоотношений искусства и действительности. Романтическая концепция с особой силой подчеркивает творческую, преобразующую силу искусства. Постепенно формируется новый тип поэта, для которого поэзия неотделима от общественной деятельности, от активного участия в борьбе за свободу. В сербском романтизме большое место занимает мысль о поэте как о носителе Прометеева огня. Она звучит и у Радичевича («Кад орла ти имаш у руци»), и у Якшича («Ja сам стена»), и у Костича («У тамници је сужањ, окован», «На хладни груди стене прикован», «Прометеј»). Болгарский романтизм в лице Христо Ботева утверждал идею неразрывной связи поэзии и революционной борьбы.

Известно, что «писатели-романтики... открыли фольклор для искусства и литературы»¹⁸. Однако и здесь они могли опереться на идеи просветителей, которые проявили интерес к народному творчеству и в своих произведениях обращались к образам народной песни и легенды. Опять-таки и в этой области существуют глубокие качественные различия между двумя подходами к фольклору, но есть и определенная преемственность, о которой нельзя забывать.

В эпоху романтизма изучение фольклора, публикация памятников народного творчества приобрели огромный размах. Именно романтики широко познакомили читающую публику с самобытным творчеством славянских народов. Фольклорные образы органически входят в структуру произведений романтиков. Вместе с тем они вырабатывают свою теорию народной культуры. Эта теория находит свое ярчайшее выражение у Вука Караджича, деятельность которого имела общеславянское значение,

¹⁷ См.: Робинсон А. Н. Историография славянского возрождения и Пансион Хиландарский. М., 1963, с. 139.

¹⁸ Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. М., 1972, с. 272.

получила общеславянский резонанс. М. Попович превосходно показал, в чем заключался новаторский характер деятельности Вука — собирателя и исследователя сербского фольклора, строителя новой сербской культуры. Вместе с тем Попович указал и на те моменты, которые связывают Караджича с просветительской идеологией и предромантизмом. Вук осуществил огромную работу, создав синтез двух направлений, двух периодов сербской истории литературы, и на этой основе проложил новые пути ее развития¹⁹.

В сербской литературе именно романтики способствовали тому, что народная эпика выступила, по точному определению М. Поповича, как великая сила, объединяющая нацию, как выразитель и инструмент национальной и социальной революции²⁰. Именно этим определяется отношение романтиков к фольклору, их понимание роли фольклора в освободительной борьбе, в создании новой литературы, в строительстве новой культуры.

Сложные взаимоотношения между романтизмом и фольклором характеризуются тем, что в рамках романтизма происходит переход от фольклора к литературе, т. е. смена двух различных типов художественного мышления. Этот процесс находит свое отражение в творчестве сербских гусляров периода Первого восстания, а затем у Негоша и у Любичи²¹.

Говоря о фольклорном начале в южнославянском романтизме, следует учитывать еще одно важное обстоятельство. Западноевропейский романтизм характеризуется стремлением к фольклору. Ранний южнославянский романтизм неотделим от фольклора, рождается в его глубинах, как бы находится в нем. Европейский романтизм стремится извне к фольклору; он должен его достичь. Южнославянский романтизм — внутри фольклора, он должен его преодолеть²². И в том, и в другом случае осуществляется синтез фольклорной и литературной тенденции. Но, как видим, пути этого осуществления были различны.

Для южнославянских романтиков было характерным обращение к фольклору других славянских народов. Впрочем, это вообще присуще всему славянскому романтизму. Известно, что почвой для этого служила идея славянской взаимности, солидарности славянских народов. Просветители уделили большое внимание ее обоснованию и утверждению. В славянском, в частности южнославянском, романтизме эта идея становится одной из центральных, причем формируется два различных подхода к славянской взаимности: культурно-просветительский и революционный (впоследствии — революционно-демократический). Идея славян-

¹⁹ См.: Попович М. Историја српске књижевности. Романтизам, I. Београд, 1969, с. 110—144.

²⁰ Там же, с. 15.

²¹ См. об этом: Ничев Боян. Увод в южнославянскиј реализъм. София, 1971, с. 91—100. Этот процесс описан и М. Поповичем.

²² Ничев Б. Увод..., с. 112.

ской взаимности становится важным компонентом романтического мировосприятия, играет большую структурообразующую роль в создании романтической концепции нации и национально-освободительной борьбы.

При исследовании взаимоотношений и взаимодействий между просветительской идеологией и романтизмом в южнославянских литературах важно учитывать, что на определенных стадиях возрождения в этих литературах существуют и своеобразно переплетаются различные художественные концепции, разные литературные направления и течения. С другой стороны, южнославянское литературное развитие не синхронно западноевропейскому. Это имеет большое значение для понимания характера и роли контактов южнославянских литератур с другими славянскими и европейскими литературами. Речь должна идти о последовательном изучении проникновения произведений западноевропейских просветителей и романтиков к южнославянскому читателю. Здесь возникает вопрос о круге чтения южнославянских романтиков, о путях их соприкосновения с западноевропейской литературой. Вместе с тем не менее существен вопрос о том, как южнославянская литература национального возрождения включалась в общеевропейский литературный процесс.

Нельзя забывать того, что, скажем, в Сербии первые переводы из Байрона появились в 1831, а из Гюго в 1838 г.²³ Факт этот весьма показателен. Он характеризует тот климат, ту атмосферу, в которой развивается южнославянский романтизм. На первых порах он был тесно связан с европейскими просветительскими и предромантическими направлениями. И только позднее на первый план выступят его контакты с западноевропейским романтизмом.

Решение вопроса о взаимодействии между Просвещением и романтизмом предполагает и рассмотрение таких компонентов художественных систем, как время и пространство. Здесь выявляются и различия между этими системами, их своеобразие, присущее каждой из них видение мира.

В просветительской литературе, особенно в сочинениях южнославянских просветителей на исторические темы, образ времени занимает большое место. С этим образом связано определенное понимание истории. История — важнейшее доказательство того, что южные славяне имеют право на свободное и самостоятельное развитие. Программа, скажем, Паисия заключалась в призывах к возрождению всего того, что было необходимо для самостоятельной жизни болгарского народа и что было утрачено в результате турецкого завоевания и греческого влияния²⁴. Устанавливается своеобразная зависимость между прошлым и будущим, когда будущее должно именно возродить прошлое и доказать тем самым жизнеспособность нации. Но своеобразие исторических

²³ См.: Поповић М. Историја српске књижевности..., II, с. 36.

²⁴ См.: Робинсон А. Н. Историография..., с. 95.

эпох, сложность отношений между ними не были еще уловлены. Понимание времени у просветителей метафизично. Они видят лишь одну форму временной связи — последовательность, чередование временных пластов, которые, по их представлениям, во многом, в самом существенном, малоразличимы, сменяют и повторяют друг друга. Вместе с тем для просветителей время реальное и поэтическое почти тождественны друг другу. Однако уже в их концепции вызревало понимание того, что в истории есть также продуктивные элементы, такие продуктивные временные пласти, которые получают свое развитие в последующие эпохи. Вместе с тем в рамках просветительской идеологии формируются предромантические концепции, в которых намечается новый подход к образу времени, зарождается своего рода переживание времени. Это в какой-то мере мы находим у Паисия и Досифея.

Основываясь на предромантических открытиях, романтики создают новую концепцию времени. Для них жизнь — движущийся поток, в котором своеобразно взаимодействуют, взаимно проникая друг в друга, прошедшее, настоящее и грядущее. Понятие поэтического времени у романтиков включает в себя и его субъективное осмысление. Романтики подошли к пониманию соотношения между временным потоком и человеческим характером. Они поставили важнейший вопрос о соотнесенности ритма бытия, исторического времени с жизнью отдельной личности, ее внутренним миром. Чрезвычайно показательна в этом отношении поэма Негоша «Горный венец», в поэтическом времени которой совмещается несколько исторических времен.

Формирование, становление романтизма в южнославянских литературах — длительный и сложный процесс. На разных стадиях этого процесса взаимодействие с просветительской идеологией было различным. Но патриотические и национально-освободительные идеи Просвещения всегда были близки романтикам. Вместе с тем романтизм использовал некоторые художественные открытия просветителей.

Во взаимоотношениях между просветительской идеологией и романтизмом в южнославянских литературах проявляются общие закономерности, характеризующие динамику историко-литературного процесса; прогресс не исключает преемственности, «романтический перелом» неотделим от использования и преобразования того, что было накоплено в процессе предшествующего развития. Но это использование является одновременно и обогащением, ибо те или иные используемые элементы включаются в качественно новую систему.

Своебразие указанного процесса в условиях южнославянских литератур, для которых, как известно, характерно ускоренное развитие, проявляется еще в одном: здесь порой сосуществуют различные художественные методы и стили, и это также накладывает свой отпечаток на характер взаимодействия между романтизмом и просветительской идеологией.

К ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ «СЛАВЯНО-СЕРБСКОГО» ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В истории сербского народа и его культуры четко выделяется период, охватывающий в основном середину и вторую половину XVIII в., отчасти начало XIX в., называемый нередко «славяно-сербским». Этот своеобразный период, очень любопытный сам по себе и важный также для понимания последующего крупного этапа истории сербской культуры — этапа национального возрождения, до недавнего времени оставался малоизученным и односторонне освещенным. Одну из причин такого положения можно видеть в том, что лингвисты, литературоведы и историки, исследующие сербский XVIII в., подходили к нему не сообща, а порознь, каждый со своим, иногда довольно ограниченным каноном. Ослабленный в прошлом интерес лингвистов к «славяно-сербскому» литературному языку объяснялся прежде всего взглядом на него как на язык далекий от диалектной («народной») речи и от последующего «вуковского» языка (давшего начало современному литературному), язык «искусственный», чужой, мало что дающий для изучения подлинно сербской речи¹. Литературоведов долгое время настораживали во многом аналогичные мотивы. «Славяно-сербская» литература казалась многим литераторам, привнесенной извне, не имевшей глубоких национальных корней и, главное, почти лишенной художественной ценности. Среди историков сербской литературы долго авторитетным и справедливым считалось мнение Йована Скерлића о том, что «за небольшим исключением вся наша (т. е. сербская.—Н. Т.) литература того времени — литература только по названию, из-за убожества, из-за недостатка чего-либо иного и лучшего; все это только первая подготовка и закладка фундамента для настоящей литературы, которая возникнет (придет) только в XIX веке»².

¹ Преодолению этого одностороннего и по сути дела неверного взгляда в последние годы способствовал ряд весьма ценных работ А. Младеновича и его коллег и учеников — И. Кашича, А. Альбина и др., посвященных «народному» языку («народному» варганту литературного языка) таких писателей, как Иван Раич (1726—1591), Захарий Орфелин (1726?—1785), Стефан Раич (1763—1813), Милован Видакович (1770—1841) и языку первой сербской газеты, редактируемой Стефаном Новаковичем.— «Славено-сербскія вѣдомости» (1792—1794). Эти исследования, особенно книги А. Младеновича «О народном језику Јована Рајића» (Нови Сад, 1964), продемонстрировали прежде всего неоднородность (характерную и для многих других славянских языков XVIII в.) «славяно-сербского» литературного языка.

² См.: Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923, с. IX.

Много лет и постепенно вырабатывался довольно устойчивый взгляд на сербский XVIII в. сквозь призму конца XIX — начала XX в., сквозь призму представлений о литературе реализма и языке этой литературы³, едином (не стилистически, а грамматически-нормативно) для всех жанров, о языке одинаковом в устной и письменной разновидности, в художественной, публицистической и деловой сфере. Для большинства сербских лингвистов XX в. к тому же путь значительного разрыва с традицией⁴ при образовании национального литературного языка казался в определенных литературных условиях неизбежным и принципиально обоснованным. По их представлениям, литературный язык должен строиться исключительно на определенной диалектной основе, которая может быть даже не главным компонентом, а единственным материалом формирующегося литературного языка. Все же остальное отбрасывается как «чужое», причем чуждые элементы в диалекте (турцизмы и т. п.) воспринимаются как «свои»⁵. Естественно, что такой путь нельзя считать универсальным и единственным возможным даже для славянских языков, о чем свидетельствует хотя бы история современного русского литературного языка (путь органического слияния традиционных древнеславянских и народных элементов, даже без четкой диалектной базы).

В 1939 г. А. Белич в статье «Народный и литературный язык» писал, что «точно так же, как чужеземная власть может распространиться над отдельным народом, так же может распространиться и чужой язык»⁶. «Мы,— продолжал А. Белич,— тоже, как одно время чехи и словаки, затем русские,— все приняли старославянский язык, сначала как язык своей церкви, а затем и— своей литературы! Был же в употреблении у части наших народов этот все же чуждый их языковому восприятию церковный язык до половины XVII в., чтобы потом оказаться замененным еще более отдаленным от этого восприятия церковнорусским языком того времени. Конечно, в XIX веке он был заменен чистым народным языком, который ныне господствует в нашей

³ О связи программы реалистического словесного искусства с принципами норм и стилей национального литературного языка см.: Виноградов В. В. Реализм и развитие русского литературного языка.— В кн.: Проблемы реализма. М., 1959, с. 199—262.

⁴ Разрыва значительного, а не полного, так как полный разрыв, на мой взгляд, невозможен (см. об этом, в частности: Толстој Н. И. Архаизам и новаторство у језичкој реформи Вука Каракића.— В кн.: «Анали Филолошког факултета Београдског универзитета», 1966, св. 5, с. 227—283).

⁵ Любопытно, что сторонники противоположной тенденции (еще в XVIII и XIX вв.) в славено-сербском и даже в славено-российском языке не без некоторых оснований (исторических прежде всего) видели язык «более чистый», чем диалектная («засоренная и испорченная» иноземными заимствованиями) речь. Таким образом, проблема «своего» и «чужого», а также «чистого» и «нечистого» оказывается не только и не столько лингвистической, сколько социально-исторической, историко-культурной.

⁶ См.: Белић А. Око нашег књижевног језика. Београд, 1951, с. 183.

литературе, но понадобилось пятьдесят лет нечеловеческой борьбы Вука Караджича, чтобы достичь этой победы»⁷. В другой своей работе 1940 г. «Начало нашего литературного языка» А. Белич допускал иной, русский ход развития литературного языка, считая, однако, это совершенно непригодным для сербских условий, так как «старославянский язык сербской редакции не вошел так глубоко в сербскую культуру и в литературный язык, как это было на Руси (в России)»⁸. Четверть века спустя М. Стеванович в исследовании «Значение и нужды детального исследования языка Вука», утверждая ошибочность мнения, что Вук не знал славяно-сербского языка, писал: «Безусловно, можно сказать, что Вук знал и этот (славяно-сербский.—Н. Т.) язык, хотя это не был установившийся язык, такой, который бы мог кто-либо вполне знать. Мы хотели только сказать, что Вук должен был быть знакомым с той языковой мешаниной (курсив мой.—Н. Т.), на которой до него писались книги и которая была в употреблении в общественной и культурной жизни сербов до тех пор, пока он в общем не завоевал это право для чистого народного языка»⁹. Число подобных высказываний довольно значительно, и они все в общем близки к приведенным выше.

Итак, многие литературоведы рассматривали XVIII в. как период подготовительный к XIX в., лингвисты — тот же период как эпоху, от которой произошло отталкивание при формировании национального литературного языка¹⁰. Поэтому издавна в XVIII в. филологов больше интересовали явления, сближающие XVIII в. с XIX — ростки нового, а не факты, объединяющие его с предшествующими веками, не структура и элементы прежнего порядка вещей. Не случайно литературоведы и лингвисты в равной мере проявляли повышенный интерес к творчеству и языку Досифея Обрадовича, видя в нем предтечу, предшественника новой сербской литературы и нового литературного языка¹¹.

Лишь историки и историки культуры, как нам представляется, были относительно свободны от взгляда, который можно условно назвать «обратно проекционным», от трактовки XVIII в.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 44.

⁹ См.: Вуков зборник. Београд, 1966, с. 6.

¹⁰ Типологически сходный процесс наблюдался при формировании словацкого национального литературного языка — отталкивание от чешского и «бернолаковщины» конца XVIII в., украинского и белорусского — отталкивание от русского и от своей традиции — языка Г. Сковороды и И. Некрасевича и др. Применительно к истории белорусского литературного языка можно говорить о некотором перерыве в его развитии в XVIII в., так как белорусские интермедиумы того времени — жанрово сильно ограниченное явление.

¹¹ Из последних лингвистических работ см. очень значительную по разработке материала монографию: *Kina H. Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića*. Sarajevo, 1970. Из исторических исследований следует выделить следующий фундаментальный труд: *Костић M. Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII и XIX века*. Београд, 1952.

по мерилам и канонам века XIX и даже XX¹². В этом плане особенно интересны работы историков искусства, изучающих сербский XVIII в. (и начало XIX в.) на широком фоне развития европейской живописи, графики, архитектуры и скульптуры (барокко, ранний классицизм и др.)¹³.

Возвращаясь к лингвистическим проблемам, следует вновь подчеркнуть, что страстная нетерпимость Вука и его немногочисленных приверженцев первой половины XIX в. по отношению к литературным противникам, публицистически-полемическая, а потому не всегда конкретно-историческая аргументация сторонников «чистого» народного языка в литературе была принята многими филологами последующих поколений и дожила до наших дней. Структура сербского литературного языка XVIII в., структура его стилей и норм, зависимых от жанров, норм, пусть даже в свое время еще не полностью определившихся, находившихся в стадии становления, воспринималась адептами Караджича как «мешаница», как чужой, неродной язык, как нечто пришедшее с иноземной книжно-литературной модой, нечто вызванное внешними обстоятельствами — в первую очередь стремлением защитить национальную культуру и религию. Безусловно, нельзя отрицать существенной роли этого внешнего фактора — необходимости борьбы с ассилияторской политикой Габсбургов, с униатско-католической пропагандой, хотя следует признать, что славяно-сербский (и церковнорусский и т. п.) язык, равно как и литература на этом языке, не могли быть единственным, неизменным, незаменимым словесным орудием в этой борьбе. Дело, видимо, заключается также (а может быть, более всего!) в другом моменте, моменте скорее «внутреннем» — литературном, чем «внешнем» — конкретно-историческом. «Славено-сербский» литературный язык, вернее, «славено-сербская» система подъязыков (одним из которых оказывался несколько осербленный «славяно-российский») была принята во второй половине XVIII в. почти всеми сербскими писателями и переводчиками, потому что она отвечала требованиям литературного процесса XVIII в., что ее принятие культтивировало в сербской среде систему литературных жанров XVIII в. с ее довольно четкой языково-стилистической противопоставленностью. Вместе с языком воспринималась определенная сумма культурных ценностей, характерная для русской и европейской литературы XVIII в. Жанрово-стилистическая дифференциация и связанное с ней разнообразие норм не означает мешанину норм. К тому же к концу XVIII и началу XIX в. в языковом отношении эта дифференциация и у сербов стала постепенно ослабевать и устанавливалась,

¹² См. работы историков, начиная с братьев Димитрия и Иллариона Руварцев, затем Радосава Груича, Иована Радонича, Миты Костича и др., и кончая Душаном Поповичем и др.

¹³ См. исследования Миодрага Коларича, Деяна Медаковича и др.

как хорошо показал в своих последних исследованиях А. Младенович, некий стандарт норм с довольно единообразным инвентарем. Генетически этот инвентарь был двоякого плана: его источники — сербский народный язык (диалектная речь) и «славяно-российский» (книжная письменная речь)¹⁴.

XVIII в. был настолько же «противоречив», насколько «противоречивы» любые периоды становления новых основ и норм литературного языка. В славянском мире, пожалуй, самым характерным примером в этом отношении оказывается пример русских литературно-языковых процессов в век барокко и классицизма. Их движущей силой было противоборство двух тенденций: тенденции к развитию системы «подъязыков» (resp. стилей) и тенденции к созданию «общего» языка чаще всего на компромиссной основе. На этой почве возник спор «шишковистов» и «нешишковистов». Типичным «шишковистом» в сербской культурной среде был Йован Раич, а путь Досифея Обрадовича напоминает путь Карамзина. В несколько суженной проекции на сербской почве можно проследить те же основные тенденции и формы развития, что были характерны и для русского XVIII в.

Литературно-языковые особенности русского XVIII в. в кратких чертах метко охарактеризовал Б. В. Томашевский. «Ломоносов, — писал Б. В. Томашевский, — твердо сознавал, что русский язык и церковнославянский — это разные языки, что только часть церковнославянского словаря усвоена русским письменным языком. Для Шишкова уже нет двух языков. Он считает, что существует один славено-российский язык и что отличия церковнославянского языка от русского языка — это только стилистические различия. При этом в понятия «стиль», «стилистическое» он вкладывает содержание, характерное для человека XVIII в. В наше время под стилем понимают нечто индивидуальное, свойственное лицу, творящему в данных условиях. Эта индивидуальность стиля отрицалась в XVIII в. Люди XVIII в. насчитывали три стиля: «высокий», «средний» и «низкий». Для них стиль — это замкнутая система, следуя которой можно написать целое произведение. Ода — от начала до конца пишется одним стилем; комедия от начала до конца пишется другим стилем. Стиль XVIII в. — это своеобразные подъязыки, подразделения в языке. Если стиль всегда обнаруживает говорящего, субъект речи, то эти субъекты речи в XVIII в. были зафиксированы, т. е. образ одописца был заранее задан, и он с начала до конца должен был свой восторг выражать определенным языком, который тогда назывался стилем»¹⁵.

¹⁴ См.: Младеновић А. Језичка кодификација и књижени језик код Срба друге половине XVIII и првих деценија XIX века.— В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1974, с. 27—28.

¹⁵ Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. М., 1969, с. 39.

Попытаемся рассмотреть, как складывалась и сложилась ли в полной мере подобная ситуация у сербов в XVIII и в начале века XIX.

Стилистическая система славено-сербского литературного языка XVIII в. оформилась не сразу. Ей предшествовал определенный период времени, определенный подготовительный процесс. В науке до сих пор известна лишь одна периодизация сербского литературного языка XVIII в. Она была предложена в 1935 г. известным русским ученым Б. Г. Унбегауном. «Эволюция литературного языка до реформы Караджича,— писал Б. Г. Унбегаун,— позволяет нам выделить три периода: 1-й от 1690 г. до 1740 г.— литературный язык церковнославянский сербской редакции, продолжающий средневековую традицию; 2-й с 1740 г. до 1780 г., это язык церковнославянский русской редакции или русский церковнославянанизированный, с которым начинают конкурировать сербский церковнославянанизированный и эпизодически русский литературный; 3-й, в течение двадцати последних лет XVIII в. и в начале XIX в. мы видим триумф сербского церковнославянанизированного и русифицированного языка в качестве языка литературного и попытки его заменить языком крестьянским, совершенно лишенным славянизмов»¹⁶.

Эта периодизация, основанная на ряде исторических, историко-культурных и лингвистических фактов, была принята в науке и до сих пор не пересматривалась и не подвергалась резкой критике. Как видно, она удовлетворяла требованиям научной практики и потому ее принимали все слависты, правда, иногда с некоторыми поправками и дополнениями. Так, А. Белич сразу же после ее появления отмечал, что творчество отдельных писателей, пользовавшихся тем или иным «типом» языка, не всегда укладывалось в хронологические рамки, отведенные Б. Г. Унбегауном для конкретного типа. Например, произведения Йована Раича, написанные на русскоцерковном (по А. Беличу) языке, появились в третий период, хотя их языковая форма очень близка к русскому церковнославянанизированному языку, т. е. к языку второго (по Б. Г. Унбегауну) периода¹⁷. К справедливым замечаниям А. Белича можно добавить также, что в первый период, определяемый Б. Г. Унбегауном как период языка церковнославянского сербской редакции, уже наблюдалось проникновение русско-церковнославянских и русских элементов в язык сербских

¹⁶ Unbegau B. *Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes*. Paris, 1935, p. 15. Вслед за приведенной выше цитатой следует пояснение автора: «Эта хронологическая схема представляет собой, естественно, план нашего исследования. Добавим, что этот план учитывает только эволюцию литературного языка; его не следует применять без изменения к исследованиям самой литературы» (там же).

¹⁷ См. рецензию А. Белича на книгу Б. Унбегауна «Les débuts...» в журнале «Јужнословенски филолог», књ. XIII. Београд, 1933—1934, с. 191—195.

писателей¹⁸. Дело, конечно, не в противоречии отдельных фактов общей периодизационной схеме. Схема может быть снабжена поправками и несколько модифицирована. Дело в том, отвечает ли периодизация общему положению вещей и можно ли русское языковое влияние, т. е. его наличие или отсутствие, считать достаточно ярким и релевантным показателем для характеристики процессов XVIII и начала XIX в. На этот вопрос следует ответить положительно. Так называемое русское, равно как и русско-церковнославянское, влияние было столь значительным и глубоким, что на него можно вполне опереться при выделении основных этапов развития «славяно-сербского» литературного языка XVIII — начала XIX в.¹⁹

Однако следует признать, что эта периодизация, как и большинство периодизаций подобного рода, не раскрывает многих причин эволюции литературного языка сербов в донациональный период, не объясняет в полной мере процесса развития, становления, кратковременного апогея и довольно рано начавшегося затухания (кризиса) «славяно-сербского» литературного языка XVIII в. Остается неясным, почему ранние стремления (начала и середины XVIII в.) ввести живой народный язык в литературу, например попытки Гаврилы Стефановича Венцловича²⁰, оказались напрасными, непринятыми и неподдержаными, а аналогичные опыты почти век спустя (в начале и середине XIX в.) были восприняты многими авторами и одержали верх в языковой борьбе.

Ответить на эти вопросы с чисто лингвистической точки зрения трудно. Для их выяснения необходимо обратиться к проблемам несколько иного характера — историко-литературного, историко-культурного и чисто исторического.

В самых кратких чертах они сводятся к следующим моментам.

Сербская литература XVIII в., подобно некоторым другим славянским и неславянским литературам, переживала период ускоренного развития. Эта ускоренность у сербов была весьма значительной. Сам момент ускоренности, а также степень ее интенсивности может служить существенным, релевантным

¹⁸ Так, например, у Ерофея иеромонаха Рачанинского в его «Путьшаствії къ граду Єрусалиму» (1727) встречаются такие русизмы (и русские церковнославянismы), как: орелъ, соборъ, сограждена, восстани, мѣсяца, вода святая, отъ грядущихъ, чернѣ, горькую смерть, крестъ, по святымъ церкамъ, волни, три холма, держаше руками, погрузи се у море (но на морю) и т. п., наряду с сербизмами валаза и излаза, велми много множество, предъ крстомъ, свѣће (но и свеща и свѣћце) и т. п. «Путьшаствіе» опубликовано О. Бодянским в «Чтениях при Императорским обществе истории и древностей российских» (1861, октябрь — декабрь, кн. 4. М., 1861).

¹⁹ Из новых работ на эту тему см.: Мокутер И. Русско-сербские литературные связи в XVIII веке (общий обзор). — «Studia slavica». Budapest, 1972, t. XVIII, f. 1—2, s. 1—29 (там же богатая литература вопроса).

²⁰ См.: Павић М. Гаврил Стефанович Венцлович. Београд, 1972.

показателем при типологических (или сравнительно-типологических) исследованиях литератур и литературных языков. Сербский литературный язык развивался в XVIII в. значительно более быстрыми темпами, чем русский литературный язык той же эпохи. Но и русский литературный язык той поры, если его сравнивать, например, с французским, переживал в эпоху Просвещения более скоропалительный процесс смены норм (при одновременном их сосуществовании в какой-то период), становления их, выработки изобразительных средств, формирования стилистических систем и т. п. Это же можно сказать и о литературе. При этом скорость развития находится, в принципе, в отношении обратно пропорциональном к степени развитости и богатства литературы и литературного языка.

Сербский читатель XVIII в., подобно болгарскому читателю XVIII и начала XIX в., в массе своей (в общем не очень значительной) был приучен, благодаря системе церковно-школьного обучения²¹, к чтению конфессиональных, конфессионально-дидактических и агиографических книг, наряду с книгами нового направления и веяния — с «Исторіей о житії и славныхъ дѣлахъ... Петра Первого самодержца всероссійскаго» Захария Орфелина, с «Велізаріемъ» Мармонтеля в переводе Павла Юлинца и др.

Дуалистичность художественно-эстетических, религиозно-нравственных и философских представлений православного южнославянского образованного читательского круга в XVIII в. несомнена: старое сочетается или сосуществует с новым. Но, говоря о старом, важно учитывать один момент, который ярко оттенил Георгий Гачев, исследуя болгарскую литературу первой половины XIX в. «Вступая в XIX в. — писал он, — в новую fazu, литература начинает не с того, чем кончил XIV век, но в некоторых звеньях как бы повторяет цикл древней литературы. В XIX веке мы встречаем такие жанры, как житие, слово, сборник поучений, псалтырь, часослов, катехизис и т. д. И в XIX веке в стране, где литературная традиция была прервана, приходилось писать отчасти по-средневековому. Эта архаика имела свою новизну, поскольку она создавала фундамент для последующего органического развития литературы»²².

Аналогичное положение наблюдается в сербской литературе XVIII в.

Творчество «рачан» (Киприана Рачанинского и Ерофея Рачанинского), монастырских переписчиков и писателей, последних представителей средневековой книжной — «сербульской» школы, в жанровом отношении еще близко к канонам шестисотлетней

²¹ См.: *Грујић Р. М.* Српске школе (од 1718—1739 г.). Београд, 1908.

²² Гачев Г. От синкретизма к художественности (на материале болгарской литературы первой половины XIX века). — «Вопросы литературы», 1958, № 4, с. 126.

сербской рукописной традиции. Это та «архаика», которая в условиях обостряющейся борьбы с турками и габсбургскими ассилияторами, в условиях новой среды в Угрии (в Воеводине) начинает звучать по-новому. «Путьщаствіе къ граду Јерусалиму Јерофея іеромонаха Рачанинскаго» (1727) еще пишется в старом духе, хотя и на сильно обновленном языке. Оно продолжает жанр хождений, известный в литературе православных славян с XII в., но одновременно предвещает «Животь и приключение Димитріа Обрадовича нареченога у калућерству Досіфеа» (1783) и «Житіє Герасима Зелина архимандрита» (1817). Гаврило Стефанович Венцлович, как и Киприан и Ерофей Рачанинские, занят перепиской часослова, тропарей, псалмов, житий, поучений и т. п. Но наряду с перепиской предметом его книжных занятий оказываются и вирши, и переводы проповедей Лазаря Барановича и Ионикия Галятовского, переводы и компиляции, часто вольные и субъективные. В переписываемых литургических и канонических текстах иеромонах Венцлович сохраняет церковнославянский язык, в проповедях же — он приближается к народному языку и умело им владеет²³. Его деятельность, локально довольно ограниченная, протекает в 30-е и 40-е годы. Слабо наметившийся переход от сербульского типа языка к сербскому народно-разговорному не осуществился в широких масштабах — он был связан с одним лишь проповедническим жанром (и то воспринятым Венцловичем достаточно утилитарно, а не на фоне сложной и цветистой стилистической системы барокко) и с замкнутым территиориально и почти индивидуальным скрипторием (списков компиляций и «переводов» Венцловича очень мало). Решительную роль в истории литературного языка должна была сыграть печатная продукция и развитие литературы — в первую очередь литературных жанров.

Если обратить взор на сербскую печатную продукцию XVIII в., то легко заметить, что до 1741 г. (с 1701 г.) вышло в свет только 16 книг, в основном букварей и катехизисов (в том числе и букварь Феофана Прокоповича «Первое учение отрокомъ», 1726, 1727, 1734), а с 1741 по 1780 год — 135 книг²⁴, среди которых немалое число светского содержания. Список этих 135 книг открывается стематографией Х. Жефаровича (1741) и продолжается «Описаніемъ стагѡ бжїа града Іерусаліма» иеромонаха Симеона Симоновича (1748), «Исторіей о Черной Горы»

²³ На этом основании было бы неверно видеть в лице Гаврила Стефановича Венцловича сторонника только народно-разговорного языка, как это делают некоторые исследователи. Подобно многим южнорусским писателям и поэтистам XVII в., Венцлович был сторонником применения «двух стилей» (двух языков) — книжного и простого, о чем существует и его собственное высказывание (см. подробнее: Толстой Н. И. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков XVII—XVIII вв.—В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 16).

²⁴ См.: Михаиловч Др. Г. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964.

Василия Петровича (издана в Петербурге в 1754 г.), «Грамматікай» М. Смотрицкого в переработке Ф. Поликарпова (1755), «Калліграфіей» (1759), «Одой на воспоминаніе втораго Христова пришествія» (1760, 1763), «Горестнымъ плачемъ, славныя иногда Сербія» (1761) Захария Орфелина, «Православнымъ исповѣданіемъ» митрополита Петра Mogилы (1763), рядом молитвословов, псалтырей, требников, часословов, октоихов и т. п., «Краткимъ введеніемъ въ історію происхожденія славеносербскаго народа» Павла Юлинца (1765), «Пъснію історіческою какосу Сербли съ Турци на Косовомъ Полю побилисе» (1765), «Славено-Сербскимъ восточная церкве календаромъ» (1766), «Славено-Сербскимъ магазиномъ» (1768) и фундаментальной «Исторіей о житіи и славныхъ дѣлахъ великаго Государя Императора Петра Перваго» (1772) того же Захария Орфелина, переводом «Велизарія» Мармонтеля Павла Юлинца²⁵ и др.

Следует отметить, что многие изданные в XVIII в. для сербов книги играли разную роль в истории сербской литературы и литературного языка. Так, например, букварь Прокоповича, грамматика Смотрицкого или катехизис Петра Mogилы могли оказать минимальное влияние на развитие сербской литературы, ее жанров и направлений и значительное на становление норм литературного языка.

Если же обратить взор на период 1740—1780-х годов, то не трудно заметить, что в это именно время сербская литература, идучи путем ускоренного развития и пользуясь для этой цели переводами-заимствованиями и оригинальными произведениями, разрабатывала систему жанров в духе литературного credo 40-х годов в России, вызвавшую в русской литературе, по словам Г. О. Винокура, «переворот, заново поставивший вопрос о литературном языке и придавший ему совершенно новое значение. Это был поворот к тому иерархическому распределению различных литературных жанров, которое является основной чертой литературного развития классицизма во вторую половину XVIII в.»²⁶ В сербской литературе в отмеченный период появляется ода и переводный роман, журнальный очерк и историческое сочинение («Исторія о житі...», «Краткое введеніе въ історію...» и т. п.), улично-школьная драма (правда, локально огра-

²⁵ Переводные сочинения играли в определенные периоды истории литературного языка не меньшую роль, чем оригинальные. Ср. значение для русского литературного языка и русской литературы XVIII в. «Езды в остров любви» — любовно-галантного французского романа Поля Тальмана в переводе В. К. Тредиаковского. В свое время А. Л. Бем писал, что «в ходе национального литературного развития чужое (иностранные) влияние чаще всего оказывается в моменты переломные, когда на почве общего культурного развития происходит смена литературного направления» (см. Сукобъавање народних и страних елемената као стваралачки чинилац у развоју нових словенских књижевности.— В кн.: III Medjunarodni kongres slavista. Zbirka odgovora na pitanja. Beograd, 1939, s. 109).

²⁶ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 133.

ниченная) и барочная проповедь (последние два жанра унаследованы от более раннего периода).

Внедрение славяно-русского языка, или, точнее, согласно терминологии Б. В. Томашевского, «подъязыка», наряду со славяно-сербским и сербским, близким к народно-разговорному, в литературу и возникновение некоторого разноязычия или разноподъязычия было продиктовано, на наш взгляд, новой структурой литературы XVIII в.²⁷ В России подобное разнообразие (более, однако, нормированное и упорядоченное) старались вложить в рамки теории трех стилей, которую принято называть «ломоносовской», хотя она была провозглашена задолго до деятельности этого великого ученого²⁸. Эта трехстилевая иерархия, существовавшая в общем непродолжительный период, сменилась, как известно, в период русского Просвещения и особенно сентиментализма тенденцией к слиянию двух стихий — церковнославянской и народно-разговорной. Нечто подобное происходило и в сербской литературе, но шло, как я уже отмечал, ускоренным темпом²⁹.

²⁷ Ранее в одной из статей мною отмечалось, что на сербскую почву были перенесены материально не все три русские стиля XVIII в., а лишь «высокий» стиль и часть «среднего» — деловой историографический «слог», занявший в славено-сербской школе стилей позиции «высокого» стиля (см.: Толстой Н. И. Роль древнеславянского литературного языка..., с. 12—17). Однако если говорить о системе трех стилей, то ее можно наблюдать в сербской литературе XVIII в.: помимо «высшего», общего с высшим «славено-российским», был «низший» сербский народно-разговорный и «средний» — смешанный «высший» и «низший» (там же, с. 16—21).

²⁸ Русский материал четко изложен в кн.: Волперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М. [1970].

²⁹ Интересные сравнительные наблюдения над языком трех авторов конца XVIII в., вернее трех произведений, принадлежавших разным авторам, сделаны А. Младеновичем. Этими произведениями были: «Краткое введение въ історію происхожденія славено-сербскаго народа...» (Въ Венеції, 1765) П. Юлинца, «Искусный подумарь...» (Въ Віеннѣ, 1783) З. Орфелина и «Терговци. Комедія у три акта...» (У Лайпцигу, 1787) Э. Янковича. Статистические выкладки и сопоставления показали, что «русско-славянские черты въ большей степени присущи языку П. Юлинца (73,33%), а народные — языку Э. Янковича (80%). Язык З. Орфелина характеризуется наличием отдельных смешанных черт в русско-славянском и народном духе (56,25%). Результаты исследования позволяют конкретнее говорить о различных типах литературного сербского языка XVIII в. в Воеводине: русско-славянском, смешанном (славяно-сербском) и народном. (См. Младеновић А. Однос између домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове Вуковске стандардизације.— В кн.: Зборник за филологију и лингвистику, XII. Нови Сад, 1969, с. 51. Нетрудно заметить, что тут дело не столько в разных авторах, сколько в разных жанрах. Первый случай касается жанра исторического сочинения, жанра достаточно отработанного и «высокого», второй — руководства по виноделию, т. е. «жанра», требующего популярно-технического языка, где должны содержаться и терминология, и пояснения для простых крестьян, третий — жанра комедии, где почти обязателен язык «подлый», «простонародный» для усиления комического эффекта и доходчивости, доступности массовому зрителю или читателю. Полагаю, что если бы наблюдения проводились над произведениями трех разных авторов, но одного жанра, например, над «Краткимъ введеніемъ въ...»

В последние два десятилетия XVIII в. были еще сильны позиции славено-сербского, иногда почти славено-российского по своей сущности (и форме) языка. Этот язык представлен в монументальной раичевой «Исторії разныхъ словенскихъ народовъ...» (1794), в ряде других произведений. Но в 1783 г. появляются «Животъ и приключенія Димитрія Обрадовича, нареченаго у калуђерству Досіфеа» и послание «Любезный Харлампіе, здравствуй. Христосъ Воскресе» того же автора, означающие переход к концепциям Просвещения, концепциям рационализма. И эпоха Просвещения, и эпоха классицизма на сербской почве резко не выделялись, так как в ту пору еще продолжалась синcretичность восприятия разных направлений, синcretичность самой литературы в целом, сосуществование разных форм и борьба, хотя еще не столь острая, как во времена Вука, но все же борьба норм.

С 1780 по 1800 г. вышло из печати 260 книг и изданий, т. е. больше чем в полтора раза, чем за предыдущие 40 лет. При этом объем, тираж и литературное значение многих из них сильно возросли по сравнению с предшествующим периодом. Среди этих изданий были: комедия Гольдони «Терговци» в переводе Э. Янковича (1787), эпическая поэма «Бой змая с орлови» И. Раича (1791), газеты «Сербскія новини повседневныя» (1791—1792) и «Славенно-сербскія вѣдомости» (1792), «Трагедія сирѣчъ печальная повѣсть о смерти... Уроша Платагѡ» Э. Козачинского (1798), «Повѣсть житія... фельдмаршала графа отъ Суварова» в переводе с немецкого Н. Лазаревича (1799).

Появление прессы — газет и журнала («Магазинъ» З. Орфелина, 1768) поставило вопрос об общем «среднем» языке, тяготение к которому к концу XVIII в. ощущалось и в других жанрах, и прежде всего в сочинениях Обрадовича. Начинался процесс слияния славено-сербского (и славено-российского на сербской почве) и сербского народно-разговорного языков на основании единой, еще очень широко понимаемой и компромиссной нормы. Этот процесс продолжался и в первой половине XIX в. до реформы Караджича.

Ускоренное развитие сербской литературы, формирование системы жанров и их видоизменение шли наряду с форсированным процессом становления сербской нации.

«емъ въ історію...» П. Юлінца (1765), «Исторіей о житіи... Петра Перваго...» З. Орфелина (1772) и «Исторіей разныхъ словенскихъ народовъ...» И. Раича (1794), процентные показатели были бы значительно единобразнее и ближе друг к другу. В различии показателей, полученных А. Младеновичем, некоторую роль сыграл и хронологический фактор (годы 1765—1783—1787). В более поздней работе того же автора (см.: *Младеновић А. Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века*.— В кн.: *Реферати за VII међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973, с. 39—53*) жанровая специфика произведений учитывается в полной мере, но статистические показатели не приводятся.

Сербская литература XVIII в. и литература XIX в. эпохи романтизма выполняли по сути дела одну и ту же важную национальную программу. Она способствовала созреванию национального, политического, культурного и литературно-языкового сознания. Литература, сама будучи формой национальной культуры, содействовала развитию других ее форм, устанавливала с ними коррелятивные связи³⁰. Поэтому не следует удивляться, что в идейном отношении сербская литература XVIII в. и XIX в. эпохи романтизма имела много общего. Так, и та и другая охотно обращались к национальной истории, затем к народной поэзии, и так называемым славистическим (общеславянским) проблемам, к идеи славянского единства³¹.

В качестве характерных в этом отношении произведений XVIII в. можно привести исторические сочинения П. Юлинца, И. Раича, И. Радича, затем «Троношскую летопись» («Троношский родослов»), опирающуюся на сербскую народную эпическую традицию, книги З. Орфелина о Петре Великом, «Стематографию» Х. Жефаровича с гербами разных славянских и балканских земель и др. В XIX в. в эпоху романтизма историческая тематика и особенно тематика народно-поэтическая ярко выступает в сочинениях Милана Миличевича, Вука Караджича, славянская идея у Николы Томазео и в произведениях многих других авторов — писателей, публицистов и очеркристов.

Однако в эпоху сербского барокко, классицизма и Просвещения, с одной стороны, и в эпоху сербского романтизма и особенно реализма — с другой, помимо ряда общих идейных устремлений имелись и существенные отличия. Одним из таких отличий в историко-культурном плане было различное понимание границ своей культуры, разное восприятие и отношение к факторам «свое» и «чужое». В XVIII и в XIX в. у сербов (да и не только у сербов, но и у русских и у многих других славян) по-разному оценивалась и ощущалась связь, замкнутость и открытость, зависимость и независимость отдельных культурных ареалов (неклассических, локальных и узколокальных) друг от друга. Сам термин «славяно-сербский язык» (это словосочетание широко применялось в XVIII в. наряду с *славяно-болгарский, славяно-российский*) и связанное с ним понятие «славяно-сербская литература» указывает на их принадлежность к более широкой культурной сфере, к так называемому греко-славянскому миру, миру православному, миру *Slavia orthodoxa*. Причастность славяно-сербской литературы к общей литературе мира *Slavia orthodoxa* ощущалась в XVIII в. еще достаточно сильно и явственно.

³⁰ Можно указать на связь сербской литературы барокко с сербским барочным изобразительным искусством и архитектурой XVIII в. Барочные формы можно усматривать и в науке, прежде всего в историографии XVIII в.

³¹ См. об этом подробнее в кн.: *Павић М. Историја српске књижевности барокног доба (XVII—XVIII век)*. Београд, 1970, а также в двухтомном труде: *Поповић М. Романтизам код Срба*. Београд, 1973.

Сама русская литература XVIII в. в лице таких ее представителей, как Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Гедеон Криновский, Лазарь Баранович, Иоаникий Галятовский и др.³², ощущала себя продолжательницей единой славянской православной средневековой литературы, берущей свое начало от Кирилла и Мефодия³³.

Среди литератур мира *Slavia orthodoxa* в XVIII в. самой развитой, многогранной и богатой была литература русская. Сербы в XVIII в. не воспринимали ее как чужую ни по содержанию, ни по языку. Отсюда столь сильное прямое и опосредованное русское влияние (ср. «русские» школы Максима Суворова и Эммануила Козачинского, покупка русских книг, учеба и служба в России и т. п.). Сербское литературное творчество XVIII в. можно воспринимать во многом как суженную и несколько видоизмененную проекцию русской литературы XVIII в. на сербскую почву, подобно тому, как средневековую славянскую литературу можно воспринимать в известном отношении как суженную и адаптированную в славянских условиях проекцию литературы византийской. В различной иерархии и соотношении культурных центров — ведущих и более периферийных — в пределах единого общего и весьма обширного культурного ареала кроются существенные причины типологических и конкретных (материальных) различий и схождений литературы и литературных языков³⁴.

Сербский литературный язык не стал развиваться в середине XVIII в. по тому направлению, по которому он пошел в середине XIX в. Между языком Гаврилы Стефановича Венцловича и языком Вука Стефановича Караджича, хотя они и очень близки друг другу, пролегает период далекого от народной основы языка «славяно-сербского». Но «славяно-сербский» язык был такой же исторической необходимостью, какой оказался и более поздний сербохорватский литературный язык на основе герцеговинского штокавского диалекта. Это можно утверждать потому, что сербский народ, носитель достаточно древней культуры, литературы и литературного языка как их орудия, ощущал свою неотъемлемую принадлежность к ареалу *Slavia orthodoxa*, и его духовное развитие и преуспевание в XVIII в. не мыслилось вне границ этого ареала.

³² Многих западнорусских (украинских) авторов можно считать русскими (общерусскими, общевосточнославянскими) писателями на основаниях, близких к тем, по которым Гоголь причисляется к русской литературе, или мы можем относить их к русской и украинской литературе (в принципе, во многих звеньях общей), подобно тому, как мы относим творчество Григория Цамблака и к болгарской, и к сербской, и к славяно-влахо-молдавской, и к русской, а точнее — к общеславянской литературе ареала *Slavia orthodoxa*.

³³ Толстой Н. И. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности.— В сб.: Исторические связи славянских народов. М., 1963, с. 34—38.

³⁴ Толстой Н. И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода.— В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V Междунар. съезде славистов. М., 1963.

XVIII в. у славян восточных и южных (исключение отчасти: предстаивают хорваты и словенцы) был не только веком новых «гражданских» устремлений, рационалистических представлений и художественно-литературных обобщений, выражавшихся и в содержательном, и в формальном (языково-стилистическом) плане, но также и веком прежних представлений и жанров, связанных с многовековой и устойчивой церковнославянской традицией, пестовавшейся в подвижнических скрипториях и школах с богатым арсеналом устоявшихся идеино-эстетических и морально-этических представлений, без которых нельзя оценить и воспринять ни творчество Андрея Рублева или Дионисия, ни пафоса Максима Грека или протопопа Аввакума.

К. И. Логачев

ГРЕЧЕСКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО
XVIII — НАЧАЛА XIX В. И ПРОБЛЕМА
ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

XVIII — начало XIX в. является одним из важных периодов в жизни греческого общества. В социально-экономической жизни его характеризует процесс зарождения и вызревания капиталистических отношений. С точки зрения политической истории конец этого периода ознаменован греческим национально-освободительным движением, в результате которого было воссоздано независимое греческое государство. С историко-культурной точки зрения он представляет большой интерес как время национального просвещения, заложившего основы современной греческой культуры.

Поскольку одними из существеннейших компонентов культуры являются письменные языки, вопрос о греческих письменных языках неизбежно должен вставать при изучении истории культуры греческого общества в рассматриваемое время, тем более, что с концом этого этапа новогрецисты обычно связывают переломные события языковой истории греческого общества — возникновение языкового вопроса и начало кафаризма и димотикизма как оформленных языковых движений.

Бытующие у нас взгляды на историю греческих письменных языков и их историю в названный период страдают некоторой односторонностью, ибо во многом обусловливаются взглядами греческих димотиков. Последние считали и считают органическое единство общего устного и общего письменного языков.

показателем нормального языкового состояния народа. Так, известный димотикист 30-х годов XX в. М. Триандафилидис писал, что «общий письменный и общий устный языки теоретически являются идентичными»¹, что «различия между этими двумя языковыми формами являются относительно немногочисленными и незначительными»² и что полиглоссию должна сменить «моноглоссия не только письменной речи, но и письменной речи с устной»³. Димотикисты утверждали, что в силу внешних причин в свое время (приблизительно в I в. н. э.) это органическое единство в греческом обществе было нарушено и не может быть восстановлено по сей день, в результате чего и ныне греческая языковая реальность характеризуется ненормальным противостоянием «народного» и «ненародного» языков. Поэтому-то греческую языковую историю с I в. они и характеризуют как «двойную» и все события в этой истории оценивают исходя лишь из того, содействовали ли они, с димотикистской точки зрения, восстановлению в греческом обществе якобы некогда существовавшего органического единства устного и письменного языков или же противодействовали этому.

Концепция димотикистов, несомненно, имеет слабые стороны. Прежде всего они игнорируют историческую обусловленность ядра своей концепции — идеи о том, что нормой для языкового состояния народа является органическое единство устного и письменного языков. Такая идея не является вневременной, а возникает на определенном этапе культурно-исторического развития в определенных слоях общества, взгляды которых могут и не совпадать со взглядами остальной его части. Одним словом, идея об органическом единстве устного и письменного языков является не отражением какой-либо природной закономерности, а своего рода программой социальной деятельности. Вопрос, таким образом, не в том, что в греческом обществе было нарушено некое органическое единство устного и письменного языков, а в том, насколько появившаяся на определенном этапе развития греческого общества идея о таком единстве соответствовала объективным потребностям этого общества и была в условиях этого общества осуществимой. Вопрос должен стоять не о «народе» вообще, не об оторванных от тех или иных лиц или кругов «народном» и «ненародном» языках, к которым эти лица или круги могут лишь проявить определенное отношение, а об их целенаправленной деятельности, абстрагирование от результатов которой дает понятия, составляющие в совокупности такое понятие, как «письменные языки». Нужно, следовательно, идти не «сверху» — от абстрактных представлений о греческом разговорном и письменном языке, а «снизу» — от конкретных говорящих и пишущих греков.

¹ Τριανταφυλλίδης М. Α. Νεοελληνική γραμματική, т. 1. Αθήνα, 1938, σ. 77.

² Там же, с. 79.

³ Там же, с. 146.

Говоря о «пишущих греках» в XVIII в., следует иметь в виду прежде всего аристократию (в частности, фанариотов) и образованное духовенство. Письменный язык этих слоев греческого общества в то же время не мог быть единообразным в силу целого ряда причин. Во-первых, культурные традиции, сохранявшиеся со времен Византийской империи и еще достаточно сильные в этот период, обязывали эти слои владеть тем письменным языком («традиционным языком»), который условно может быть назван «древнегреческим». Во-вторых, при общении с неграмотными слоями греческого общества они неизбежно должны были испытывать потребность в ином языке, который, будучи фиксирован на письме, давал иной письменный язык («язык для народа»), не идентичный «древнегреческому», ибо язык неграмотных греков сильно отличался от подлинного древнегреческого. В-третьих, отличие живой, т. е. устной речи этих слоев (отличие неизбежное ввиду их грамотности), как от древнегреческого, так и от языка неграмотных греков, приводило к тому, что при фиксации ее на письме появлялся еще один письменный язык («свой язык»), от которого отдельные представители этих слоев могли в силу различных причин отклоняться и «вверх» (приближаясь к «древнегреческому»), и «вниз» (приближаясь к «народному»).

Два обстоятельства наиболее характерны для ситуации с греческим «писанием» до 70-х годов XVIII в.: отношение к существованию древнегреческого и различных «недревнегреческих» письменных языков как к чему-то естественному и употребление владеющим письмом греками «своего языка» с теми или иными видоизменениями в качестве «языка для народа». Оба эти обстоятельства обусловливались взглядами представителей греческой культуры того времени на историю и современное им состояние греческого этноса, полагавших, что последний непрерывно существует с древних времен и непрерывно сохраняет свое единство, которое проявляется прежде всего в письменном языке.

Убеждение греческих интеллигентов в том, что греческий этнос непрерывно существует с древнейших времен, заставляло их считать, что традиционный («древнегреческий») письменный язык принадлежит как прошлому, так и настоящему греков. Однако поскольку нельзя было игнорировать тот факт, что давляющее большинство греков ни этим письменным, ни соответствующим ему устным языком не владеет и говорит на очень сильно отличающемся от них языке, греческие интеллигенты не могли, естественно, не уделять внимания проблеме «новогреческого» языка независимо от того, считали они эту проблему фундаментальной или прикладной.

В решении того, что признавать «новогреческим» языком, греческие интеллигенты до 70-х годов XVIII в. исходили, как кажется, прежде всего из стремления сохранить языковое единство греческого этноса. Поэтому они отказывались признавать «новогреческим» языком какой-либо из многочисленных греческих диа-

лектов или какой-либо из письменных языков, созданных на базе этих диалектов (например, язык критской литературы XVII в.). Единственным, что заслуживало название общего «новогреческого» языка, был для них язык книг, написанных греческими учеными «не по-древнегречески»⁴. Поскольку этот язык противопоставлялся как «древнегреческому», так и народному новогреческому языку в прямом смысле этого слова (т. е. совокупности новогреческих диалектов), он был ни чем иным, как разновидностью «своего языка» главных носителей тогдашней греческой культуры. Иными словами, новогреческий язык в понимании греческой интеллигенции рассматриваемого периода был своего рода культурным интердиалектом.

Вплоть до 70-х годов XVIII в. право на существование «новогреческого» письменного языка, отражающего культурный интердиалект, сомнению не подвергалось. Те, кто владел традиционным языком, употребляли и «новогреческий» письменный язык. Вопрос о выборе в каждом конкретном случае того или иного письменного языка решался в зависимости от предмета и адресата. Характерно высказывание Т. Кириакопулоса — одного из деятелей религиозного просвещения середины XVIII в.: «Когда ты пишешь богословские, философские и другие научные книги для серьезно занимающихся наукой, пиши так, как тебе нравится, но когда ты пишешь для спасения народа, ты должен писать и говорить так, чтобы народ мог тебя понять»⁵.

До сих пор при изучении истории языковой реальности в греческом обществе исследователи, находясь под влиянием димотикистских взглядов, не обращают должного внимания на тот факт, что вплоть до 70-х годов XVIII в. вся социально активная часть греческого общества считала нормальным и существование различных письменных языков и связь «новогреческого» письменного языка с культурным интердиалектом, а не с каким-либо народным диалектом. Между тем учет этого факта заставляет несколько по-иному взглянуть на языковую борьбу, развернувшуюся между греческими интеллигентами в 70-е годы XVIII в.

В то время среди греческой аристократии в силу многих причин (в частности, в связи с тем, что многие представители греческой аристократии, особенно фанариоты, выполняли функции дипломатических чиновников) получил широкое распространение французский язык, а вместе с ним и знакомство с тогдашней французской культурой. Следствием этого было проникновение в греческое общество просветительских идей. Хотя основными проводниками этих идей были фанариоты по происхождению, греческое просветительство XVIII в. нельзя отождествлять с фанариотской идеологией. Но вместе с этим нельзя отрицать и того, что греческое просветительство начиналось как просветительство

⁴ Σάθας К. Н. Νεοελληνικής φιλολογίας παράτημα. Ἀθῆναι, 1870, σ. 121.

⁵ Цит. по кн.: Τριανταφυλλίδης Μ. Α. Νεοελληνική γραμματική, σ. 433.

аристократическое по социальной принадлежности тех, кто его осуществлял. Нельзя также отрицать и того, что фанариотское языковое воспитание ощутимо сказалось на языковой стороне греческого просветительства.

Было бы неправильным утверждать, что аристократическому просветительству XVIII в. принадлежит заслуга самой постановки вопроса о книге, доступной широким массам народа. Еще в XVI в. Н. Софianос хотел изложить все тогдашние науки «на таком общем языке, чтобы его и женщины почти понимали»⁶. В XVI—XVIII вв. деятели религиозной пропаганды и контрпропаганды стремились писать так, чтобы их понимало большинство народа (ср. приведенное выше высказывание Т. Кириакопулоса). Но бесспорно, что представители аристократического просветительства первыми начали теоретическую разработку вопроса о языке книг для всего народа, т. е. об общем «новогреческом» письменном языке (Д. Катардзис и его последователи). С Запада они заимствовали целый ряд концепций, имеющих отношение к этому вопросу: естественность языкового развития общества, право народа на просвещение на родном языке, равнодостойность народного языка с классическими языками древности.

Основываясь на этих концепциях, представители аристократического просветительства утверждали, что переход от древнегреческого к новогреческому языку был естествен и закономерен, что просвещать простых греков нужно на их собственном языке, что язык простых греков не является «порченым». Все это сводилось к тому, что «новогреческим» языком, языком складывающейся новогреческой нации, следует считать язык простого народа.

Характерно, что и в это время и позднее постановка в Греции вопроса о возвышении языка простого народа на уровень «национального языка» стимулировалась идеями, шедшими с Запада, а не возникавшими на собственно греческой почве. Этим объясняются постоянные ссылки на опыт языкового строительства в западноевропейских государствах как на пример для подражания.

Рассматривая языковую политику представителей аристократического просветительства, целесообразно выделить в ней два аспекта: практическую деятельность по созданию «языка просвещения» для всех, т. е. в сущности национального языка, и борьбу за вытеснение из употребления в греческом обществе других письменных языков.

В практической деятельности по созданию и утверждению в разных сферах приложения нового «языка просвещения» представители аристократического просветительства столкнулись с весьма серьезным противоречием, обязанным тому, что они основывались на итогах предшествующего этапа истории греческой культуры. С одной стороны, в XVIII в. язык необразованных греков, т. е. язык народный в прямом смысле этого слова, выпол-

⁶ Цит. по кн.: Τριαυταφυλλίδης М. Α. Νεοελληνική γραμματική, σ. 324.

нял не те функции, которые должен был выполнять «язык просвещения» для всех: в виде локально употребляемых диалектов он обслуживал бытовую сферу. С другой стороны, основанный на культурном интердиалекте новогреческий письменный язык (к его использованию сами представители аристократического просветительства, фанариоты по происхождению, были приучены с детства), употреблявшийся уже на протяжении определенного времени и выполнявший некоторые функции «языка просвещения», отличался от народного языка. Поэтому заимствованные представителями аристократического просветительства с Запада идеи, требовавшие разрушения языковых сословных перегородок, мешали принять в качестве «языка просвещения» основанный на культурном интердиалекте новогреческий письменный язык, но вместе с тем легко стало представлять языковое новаторство деятелей аристократического просветительства как подрыв языкового единства и языкового авторитета греческого этноса, т. е. обвинять сторонников языка народа в антинационализме.

Языковая практика представителей аристократического просветительства заключалась не в фиксации какого-либо из диалектов, а в сближении с данным диалектом того новогреческого письменного языка, который они усвоили с детства. Так, Д. Катардзис сближал последний с константинопольским диалектом, И. Виларас — с яинским, и т. д. На выработанном подобным образом письменном языке представители аристократического просветительства считали необходимым создавать (и создавали) сочинения на любую тему.

Большинство греков, владевших письменным языком того времени, не приняло языковые идеи аристократического просветительства. В частности, вызывал возражение тезис о необходимости употребления единого новогреческого письменного языка во всех видах сочинений (Е. Вулгарис, например, активно выступал против употребления новогреческого языка в научной литературе)⁷. Но основное возражение касалось диалектного характера созданного таким образом письменного языка.

Их противникам не столько казалось ненужным обособление новогреческой нации в рамках всей истории греческого этноса, сколько представлялось, что дело идет к разрушению единства новогреческой нации, ассоциируемого с единством языка. Очевидно, некоторые из представителей аристократического просветительства, понимая это, настоятельно подчеркивали необходимость усвоения «духа» народного языка, чтобы таким образом избежать ассоциации письменного языка с отдельным диалектом. И тем не менее языковая программа представителей аристократического просветительства была обречена на неудачу.

В конце XVIII в. начала формироваться национальная буржуазия. Очень быстро она стала социально активной частью об-

⁷ Σάθας К. Н. Νεοελλήνικής φιλολογίας παράτημα, σ. 146—147.

щества. В ее руки перешло от аристократов и клириков и дело греческого национального просвещения. Греческая буржуазия, не вступавшая в резкий конфликт со старой аристократией, переняла от последней ее стремление сохранять традиции, идущие от предков, и смотреть на себя как на их законного преемника. Поэтому традиционализм и идеи «клирономии предков» (сохранения греками нового времени духовного богатства древней Греции) заняли видное место в греческой буржуазной идеологии.

Виднейшим представителем греческого буржуазного просвещительства конца XVIII — начала XIX в. был А. Кораис. Ему, в частности, принадлежит та программа решения проблемы письменного языка, которую в этот период приняло большинство греческих буржуазных просветителей. Западные идеи об уважении к естественному языку народа, о естественности языкового развития, о необходимости создания письменного языка, полностью доступного народу, переплетались у А. Кораиса с идеями о непреходящей ценности древнегреческого языка и необходимости и возможности для греческого этноса полного возврата к этому языку. На такой теоретической основе А. Кораиса и была создана программа «очищения новогреческого языка».

Хотя А. Кораис и говорил об «очищении» народного языка, его «очищаемую основу» нельзя считать языком народа в прямом смысле этого слова. Что в действительности было для А. Кораиса «очищаемой основой», видно из следующих его слов: «Мы пишем, вероятно скажет кто-либо, для необразованных, и должны опускаться до их понимания. Но разве необходимо только, чтобы ученые опускались до необразованных? Разве не должны и последние подниматься немного вместе с учеными? Далее, для каких необразованных мы пишем? Разумеется, не для вульгарной толпы, которая и не знает, есть ли мы на свете, а для всех тех, кто по крайней мере умеет читать и желает обязательно стать про-свещенным»⁸. Ясно, что «очищаемая основа» для А. Кораиса — это не что иное, как тот же самый культурный интердиалект, который являлся «обнародиваемой основой» для представителей аристократического просвещительства. Следовательно, как у А. Кораиса, так и у новаторов XVIII в. был общий языковой фундамент. «Очищение» языка А. Кораис видел главным образом в лексической сфере: с одной стороны, вместо новых и иноязычных слов он вводил слова древнегреческие, с другой — он придавал тем или иным словам такой облик, который они, по его мнению, имели на предшествующих этапах истории греческого языка. Введение такого реконструированного облика отдельных слов делало язык А. Кораиса несколько искусственным, благодаря чему он в какой-то степени напоминал такой же во многом язык Я. Психариса. За это язык А. Кораиса подвергался критике и пародированию.

⁸ Цит. по кн.: Σάθας К. Н. Νεοελληνικής φιλολογίας παράτημα, σ. 246.

Насколько известно, лишь один из современников А. Кораиса подметил, что языковая практика последнего в своей основе мало отличается от той практики, которую в начале XIX в. поддерживали фанариоты и духовенство и суть которой выразил в своей программе П. Кодрикас. П. Кодрикас считал новогреческим языком культурный интердиалект фанариотов и высшего духовенства, т. е. то самое, что считалось «новогреческим» языком до начала аристократического просветительства. Этот культурный интердиалект он рассматривал как основу, обрабатывать (или «чистить») которую нужно было без изменения языкового строя, лишь путем добавления слов и выражений из древнегреческого языка⁹. Таким образом, программа А. Кораиса, если исключить из нее введение реконструированных форм, оказывается практически идентичной программе П. Кодрикаса. А. Кораиса и П. Кодрикаса разделяли не какие-либо принципиальные лингвистические расхождения. А. Кораис был представителем нарождавшейся буржуазной культуры, более демократической и светской по характеру; П. Кодрикас же был представителем культуры греческой аристократии, связанной с узким кругом и сильнее проникнутой церковной идеологией.

Наряду с кораистами и кодрикистами в начале XIX в. в греческом обществе продолжали действовать и сторонники «чистого народного» новогреческого письменного языка, разделявшие идеи Д. Катардзиса (димотикисты), и те, кто считал, что единственным письменным языком греков должен быть «традиционный» письменный язык (архаисты, большинство из которых были фанариотами и клириками). Однако ни димотикисты, ни архаисты не играли решающей роли. Путь к письменной моноглоссии в начале XIX в. вырисовывался как путь умеренной архаизации культурного интердиалекта. Этот путь обусловливается объективными причинами как идеологического порядка (ролью традиционализма и идей «клирономии предков» в новогреческой идеологии), так и порядка лингвистического (существованием культурного интердиалекта в качестве самого низкого наддиалектного образования). Программы А. Кораиса и П. Кодрикаса в целом могут считаться образцами приемлемого для условий начала XIX в. диалектического решения вопроса о новогреческом письменном языке — решения, которое объективно должно рассматриваться как выражение необходимого для этой эпохи компромисса между национальной идеологией и требованиями, выдвинувшимися новым временем.

Позднее все усилившаяся убежденность в исторической непрерывности греческого этноса, в отсутствии необходимости отграничить в диахронии новогреческую нацию от генетически предшествовавших ей этнических образований обусловила поворот к усиленной архаизации письменного языка вплоть до полно-

⁹ См.: Σάθας К. Н. Νεοελληνικής φιλολογίας παράτημά, σ. 232—236, 285—290.

то возврата к «древнегреческому» языку. Интересно, что, хотя соответствующая практика существенно отличалась от практики А. Кораиса, имя последнего продолжало оставаться символом «языкового возрождения» в Греции¹⁰.

В заключение следует сказать, что типологическая общность между многими явлениями греческой культуры и языковой реальности XVIII — начала XIX в. и многими явлениями культуры и языковой реальности того же времени у балканских, в том числе и славяно-балканских народов, несомненна. Наряду с этим обнаруживается и типологическая общность взглядов, господствующих еще в славяноведении и балканистике по отношению к однотипным явлениям в языковой истории славянских и балканских народов XVIII — начала XIX в. Так, негативное отношение димотиков к «ненародным» греческим языкам XVIII — начала XIX в. очень напоминает тот «обратнопроекционный взгляд» на славяно-сербский язык, о котором говорит Н. И. Толстой в статье, помещенной в данном сборнике.

Г. К. Венедиктов

О МЕСТЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В ДВИЖЕНИИ БОЛГАР ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ

Проблема родного языка — одна из центральных в движении славянских (и не только славянских) народов за национальное возрождение, часть его общей идеологии. Не составляла исключения она и у болгар. Борьба за родной язык, за его права в общественных сферах приложения представляла собой существенную часть их движения за национальное возрождение в целом, в том числе и за развитие национальной культуры.

Родному языку в эпоху национального возрождения образованные и патриотически настроенные представители зарождавшейся болгарской интеллигенции и других слоев общества уделяли исключительно большое внимание. Эта проблема занимала умы многих деятелей, начиная от Паисия Хилендарского и кончая теми писателями, учеными, представителями других областей национальной культуры (П. Р. Славейков, М. Дринов и др.), которые продолжали свою разностороннюю деятельность и после освобождения Болгарии. Среди крупных деятелей возрождения, выступающих за развитие национальной культуры,

¹⁰ См.: Παπαρρηγόπουλος К. Ἰστορία τοῦ Σλλήνικοῦ γέθνους, τ. 5. Ἀθῆναι, 1887, σ. 616—618.

трудно назвать таких, которые бы в той или иной мере не касались проблемы языка. В ее обсуждении приняли участие многие книжники. Показательно, например, что авторы или переводчики большинства книг, изданных в первой половине XIX в. (как, впрочем, и позже), считали нужным изложить свое мнение о состоянии болгарского языка (особенно письменного) в целом, об особенностях языка и орфографии в их книгах.

О большом внимании деятелей той поры к проблеме языка свидетельствует и тот факт, что возникавшие культурно-просветительские общества в качестве одного из главных пунктов своей программной деятельности ставили содействие созданию и совершенствованию литературного языка. Об этом же говорит и участие ряда периодических изданий 40—70-х годов в обсуждении языковых вопросов.

Большое внимание, уделявшееся этой проблеме многими деятелями возрождения, объясняется не только и не столько интересом к языку как к таковому (хотя в изданиях того времени имеется немало статей и разного рода заметок, где обсуждаются узкоспециальные, в том числе и частные вопросы грамматики, орфографии и т. д.), сколько той ролью, какая отводилась ему в общем движении за национальное и культурное возрождение болгар.

Проблема языка в эпоху национального возрождения болгар имеет ряд аспектов: а) собственно национальный — защита родного языка как одного из основных признаков национальной самобытности болгар, как признак единства болгарской нации; б) национально-культурный — использование родного языка в формировании и развитии национальной культуры; в) собственно лингвистический, имеющий, правда, отношение скорее к внешней лингвистике, чем к внутренней,— создание единого литературного языка для всей болгароязычной территории (называемого также и болгарским национальным литературным языком) со всем сложным комплексом относящихся сюда вопросов (отношение к письменной традиции, выбор диалектной основы, кодификация норм грамматики, орфографии и др.). В настоящей статье мы кратко рассмотрим вопрос о том, какое место отводилось деятелями возрождения родному языку в формировании и развитии национальной культуры болгар¹.

¹ Говоря о национальной культуре, мы имеем в виду прежде всего духовную культуру, и в особенности те ее компоненты или области, которые были актуальны именно в эпоху возрождения и развитие которых было непосредственно связано с языком, как важнейшим признаком формировавшейся болгарской буржуазной нации. Такими компонентами (областями) в эту эпоху у болгар были школа (в широком смысле слова), литература, печать, церковь. Что касается других компонентов духовной культуры, например театра и науки, то они в Болгарии возникли в конце эпохи возрождения, когда проблема родного языка в основном уже была решена и в значительной степени потеряла свою остроту, хотя нормализация литературного языка по-прежнему продолжала оставаться весьма актуальной задачей.

О том, насколько тесно проблема родного языка, его защиты переплеталась с другими проблемами национального движения и насколько глубоко осознавали и понимали эту связь передовые, патриотически настроенные деятели того времени, свидетельствуют многочисленные факты.

Хорошо известно, например, что уже Паисий Хилендарский, с чьим именем и деятельностью связано начало эпохи возрождения у болгар, придавал родному языку исключительно большое значение в начертанной им в «Истории славяноболгарской» программе национально-освободительного движения. Борьба за освобождение от греческого духовного порабощения и за национальное просвещение, борьба за утверждение национального самосознания и сохранение национальной самобытности болгар теснейшим образом увязывается им с задачей сохранения и возведения родного языка. Паисий хорошо понимал, что пренебрежительное отношение к родному языку, свойственное некоторым его соотечественникам, наносит национальным интересам болгарского народа огромный вред. Вот почему он с гневом говорил о тех болгарах-отцеругателях, кто отступил от своего рода и языка, кто презирал их, стыдился называться болгарином. «О неразумни и юроде, поради что се срамишъ да се наречешъ болгаринъ и не четиши по свои язикъ и не думашъ», — восклицал Паисий². Чувство негодования вызывали у него те из соотечественников, кто «не любать за свой родъ болгарски знати, но се обращаютъ на чужда политика и чужди язикъ и не радать за свой язикъ болгарски, но се учатъ четати и думати по грчки и сраматъ се да се наречать болгаре»³, кто идут «пу чужди язикъ и обичаи, а на свои хулатъ»⁴. Пренебрежение родным языком и учение на чужом (греческом) языке, безразличие к славной истории и современным нуждам народа — вот зло, которое надо искоренить. Паисий призывал и тех болгар, кто уже забыл о своем роде и языке, и тех, кто сохранял верность роду и языку своему: «Ти, болгарине, не прелащай се, знай свой родъ и язикъ и учи се по своему язику»⁵. Эти слова можно смело поставить эпиграфом ко всей истории национального и культурного возрождения болгар⁶.

Столь же отрицательным, осудительным было отношение к отступникам от родного языка, его хулителям со стороны многих деятелей и в последующие десятилетия возрождения, видевших

² Цит. по кн.: История славяноболгарска събрана и нареждена Паисием Иеромонахом в лето 1762. Стъкли за печат по първообраза И. Иванов. София, 1914, с. 5—6.

³ Там же, с. 5.

⁴ Там же, с. 7.

⁵ Там же, с. 6.

⁶ Подробнее о месте, которое Паисий отводил языку в общей идеологии национального возрождения, см. в статье: Динеков П. Отношението на Паисий Хилендарски към въпроса за езика.— «Известия на Института за български език», 1970, кн. XIX, с. 561—568.

возможные глубоко пагубные для народа последствия пренебрежительного отношения к родному языку и к просвещению на этом языке. Для иллюстрации приведем здесь мнение П. Пиперова, сравнительно мало известного книжника середины XIX в., одного из немногих в Болгарии приверженцев архаизированного, приближенного к церковнославянскому, литературного языка. П. Пиперова серьезно беспокоила возможная денационализация болгарского народа, если болгары не осознают первостепенной важности издания книг и просвещения на родном языке. Он указывал (1845), что, живя среди других народов, многие из болгар по прошествии известного времени утратят свои нравы и язык своих отцов и «из болгар в германы, во французы, в греки, во влахи преложатся, и всякий отрицатися будет своего рода и оного места где злощастие обсаждало есть его»⁷. П. Пиперова особенно возмущало то, что такие переродившиеся болгары будут «жити и вызывать мерзкие гласы грубых племен: «Всяка земля отечество»»⁸. С негодованием восклицал он по поводу таких настроений космополитствующих соотечественников: «О! Колико мерзки могут явитися глаголи сии единому отечестволюбцу и родолюбцу человеку!»⁹

Можно привести немало ярких высказываний многих представителей формированвшейся интеллигенции и других образованных кругов, свидетельствующих о глубоком понимании ими необходимости защиты родного языка и его литературной обработки, о его важности для решения назревших задач национального возрождения в целом и развития национальной культуры в частности. Ограничимся здесь высказываниями только двух крупных деятелей возрождения — И. Богорова и М. Дринова.

В середине 40-х годов, когда движение болгар за национальное возрождение уже приняло широкий размах, особенно в области просвещения (организация учебного дела) и книгопечатания, И. Богоров в передовой статье к первому номеру первой болгарской газеты «Български орел» (20.IV 1846), излагавшей насущные задачи этого движения, подчеркнул большое значение и родного языка — его защиты и необходимости совершенствования. Отметив, что соседние народы (румыны, сербы, греки), обретя свободу, стремятся сравняться с «европейскими народами в науке, проповеди, торговле и ремесле» и что даже турки стали прилагать усилия к преобразованию империи, И. Богоров писал: «А что должны делать мы, болгары, в условиях такой жизни и такого оживления кругом? Должны ли мы оставаться живыми трупами, какими были до сих пор? Не должны ли и мы — народ, насчитывающий пять миллионов человек,—

⁷ См. предисловие к кн.: Приключения Телемаха сына Одиссея. Виена. 1845, с. 13.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

промолвить хотя бы одно слово в царствах народов? Должны ли мы еще долгое время оставаться без имени, неизвестными для других народов земли? Должны ли мы, чьи предки своей кровью и ценой жизни защищали христианский закон и веру, еще долгое время испытывать срам от того, что в нас не признают христиан, т. е. просвещенных, культурных людей, братьев других христиан? *Должны ли мы еще долгое время оставлять мертвым наш язык, который мы унаследовали от наших предков, и особенно теперь, когда мы видим вокруг себя христианские и славянские народы, совершающие свой язык и возвышающие свою народность, должны ли мы стать чужеродцем, что противоречит нашему разуму?* — Нет! Так не может продолжаться дальше! И мы, болгары, должны начать сознавать себя как народ, который имеет равные с другими европейскими народами права! *Мы должны твердо стоять за свой язык и свою веру!* Впредь своим усердием и тонкостью ума мы должны показать, что мы — христиане, что мы — славяне, братья московцев, сербов и других славянских народов» (курсив мой). — Г. В.). Призыв И. Богорова «твердо стоять за свой язык», обращенный к соотечественникам, как видим, стоит в одном ряду с призывом осознать равенство прав болгарского народа с правами других народов Европы, а совершенствование родного языка, которым болгары, по примеру «христианских и славянских народов», должны заняться, — рядом с возвеличением своей народности.

А в самом конце 60-х годов, когда многие задачи национального возрождения уже были решены и на повестку дня со всей остротой вставал вопрос о политическом освобождении, М. Дринов указывал на огромное значение родного языка — обработанного и общепринятого в качестве единого литературного языка — для дальнейшего развития национальной культуры (в частности, литературы) и упрочения национального единства болгар. В начале своей знаменитой статьи «О новоболгарской азбуке» (1870) он писал: «Нет сомнения, что от выработки единого литературно-письменного языка для всех болгарских областей во многом зависит укрепление нашей народности и большой успех нашего национального развития. Пока разные болгарские области лишены единого общего органа, с помощью которого они могли бы одинаково проявить свою высшую духовную деятельность, до тех пор болгарская литература будет оставаться разобщенной, ее успехи будут слабыми, до тех пор и болгарский мир будет слабо осознавать свое национальное единство, свою духовную силу и могущество»¹⁰.

Важнейшей особенностью движения за формирование национальной культуры у болгар было, как известно, то, что своим

¹⁰ Дринов М. За новобългарското азбуке.— «Периодическо списание», 1870, кн. 2, с. 9.

острием оно было направлено на освобождение прежде всего от духовного (в широком смысле слова) гнета греков, а не турок—господствующего этнического элемента Османской империи. Поэтому и борьба против грекомании, против приверженности к греческой образованности и непосредственно связанной с этим приверженности к греческому языку, как языку школы, литературы, богослужения, столь характерной для части болгарского общества того времени, представляла собой важную, а в отдельные периоды — и главную часть общей борьбы за права болгарского языка в разных сферах формировавшейся национальной культуры. Турецкий язык — язык господствующей нации — в силу существовавших в Османской империи в XIX в. социально-исторических условий не был серьезным препятствием для болгар на пути создания ими своей культуры, и борьба против него шла в основном с более или менее ярко выраженных пуристических позиций.

Характерной чертой борьбы болгар за права родного языка было и то, что она направлялась против использования генетически далекого для них греческого языка, а не языка близкородственного. С этим связано, в частности, весьма доброжелательное отношение болгар к отдельным славянским языкам, видевших в них не барьер на пути развития собственной школы, литературы и т. д., а в известной мере образец и источник совершенствования, обогащения родного языка и шире — одного из вспомогательных средств к ускоренному развитию указанных и других областей своей культуры на основе использования достижений родственных славянских народов. В этом отношении особенно большое значение придавалось, как известно, русскому языку. Тот факт, что другие славяне — русские, чехи, поляки, сербы — пользовались родным языком в школе, на своем языке издавали литературу, журналы, газеты и т. д., служил для болгар как бы дополнительным стимулом к энергичной борьбе за создание своего богатого литературного языка, ибо униженное положение языка народа, давшего славянству письменность и первые переводы книг священного писания на славянский, т. е. древнеболгарский язык, рассматривалось как историческая неправедливость, с которой необходимо покончить.

Наиболее остро проблема родного языка с самого начала была связана с задачами просвещения, создания национальной школы — с «великим вопросом о наших школах», как называл это впоследствии Петко Славейков¹¹. В движении за развитие народного образования у болгар было много общепросветительских идей. Они самым тесным образом переплетались с задачами формирования национальной культуры и национального самоутверждения, с задачами освобождения от инонационального

¹¹ См.: Славейков П. Новата фаза на нашето обществено развитие.— «Македония», 26.VI 1869, год. III, № 30.

духовного гнета. В области просвещения это сводилось прежде всего к освобождению от греческого засилия в школе, к отказу от греческой образованности и к созданию собственной, национальной школы с преподаванием на родном языке. Трудная борьба за такую школу, способствовавшая росту и национального самосознания и национально-освободительного движения, представляет собой одну из замечательных страниц всей истории болгарского возрождения.

В этой борьбе языку отводилось ведущее место. Пожалуй, никакой другой вопрос организации школьного дела деятели возрождения не отстаивали в течение длительного времени так горячо и настойчиво, как вопрос о том, что болгары должны получать образование в школах на родном языке и что источники знаний они должны черпать из книг, написанных на этом языке. Здесь нет необходимости подробно освещать аргументацию, приводившуюся в защиту этого важного положения. Отметим только, что учение на родном языке рассматривалось и как весьма существенная предпосылка укрепления национального самосознания и сохранения здоровых сил нации, и что отказ от учения на родном языке квалифицировался как предательство национальных интересов¹².

Огромное значение придавалось родному языку как важнейшему средству ускоренного приобщения болгарского народа к достижениям духовной (и не только духовной) культуры. Об этом писали многие. Так, Н. Геров подчеркивал: «Итак, чтобы легче стать образованными людьми и скорее достичь подлинного просвещения, мы должны обучаться на своем языке и писать книги на таком языке, какой мы употребляем в речи»¹³.

Необходимость такого подхода к народно-разговорному языку как средству обучения и получения знаний для Н. Герова, как и для многих его единомышленников, очевидна. «Написанные на этом языке книги,— указывал он,— поймет каждый болгарин, даже и тот, кто не имел счастья много учиться, лишь от одного чтения изо дня в день приобретет он новые знания. Ребенок, стоит ему только научиться читать, сможет начать изу-

¹² Очень показательно в этом отношении мнение Партения Зографского о необходимости начального образования на родном языке. В одном из учебных пособий, предназначенных для детей, он наставлял своих юных читателей: «Учись грамоте сначала на своем языке; после, если у тебя будет время, учись и на других языках». Другое наставление: «Тот, кто учится грамоте только на чужом языке, а не на своем, как делают некоторые из наших болгар, уподобляются тем, кто отрекается от своей матери и вместо нее берет себе другую». Мать же, указывает Партиен Зографский, никто не может ненавидеть и никто не отрекается от нее: «Не только люди не делают этого, но и животные», так что тот, «кто отрекается от своего народа, ниже самой последней скотины» (Зографский П. Начальное учение за децата. Цариград — Галата, 1858, с. 38).

¹³ Геров Н. Няколко мисли за българския язик и за образованите у българи. Цариград — Галата, 1852, с. 10.

чать землеописание, бытописание, арифметику и другие науки, слушая и читая на том языке, которому с малолетства его научили отец и мать»¹⁴.

А. П. Славейков подчеркивал (1869), что учение на родном языке — это самый прямой путь к просвещению народа, это «первое и возможное средство», которое «скорее откроет нам глаза на то, что нужно для нашего прогресса, для нашего благосостояния и благоденствия»¹⁵. В борьбе болгар за права родного языка в эпоху возрождения можно выделить два периода.

Первоначально, примерно до конца середины 30-х годов, речь шла о приложении болгарского языка вообще как антитезы греческому языку, засилье которого в школе, церкви, в других сферах общественной жизни и даже в быту части наиболее состоятельных ремесленников, торговцев и зарождавшейся интеллигенции становилось все более широким и угрожающим. Вопрос о родном языке ставился сначала не столько в плане необходимости литературной обработки, нормализации, направленной на создание единого, общеболгарского литературного языка, сколько в том плане, чтобы убедить или, может быть, на первых порах приучить болгар к мысли о пригодности их языка для выполнения тех функций, какие выполняют уже развитые языки просвещенных народов. На первом месте здесь стоял вопрос о пригодности болгарского языка как учебного языка в школах и вообще как языка, на котором можно и нужно учиться читать и писать. Призыв Паисия Хилендарского говорить и читать по болгарски, учиться на родном языке оставался актуальным на протяжении многих десятилетий. П. Берон, В. Априлов, Н. Бозвели, И. Богоров, Г. Раковский, П. Славейков и другие деятели эпохи возрождения настоятельно советовали, убеждали болгар в необходимости начинать образование на родном языке, ссылаясь при этом и на опыт народов Европы.

Существенно, что на этой стадии борьбы за права родного языка в русле общего движения за национальное возрождение еще не проводилось разграничение между живым, народно-разговорным болгарским языком и языком книжным, который был представлен разными типами или вариантами, различавшимися прежде всего неодинаковым соотношением в них элементов церковнославянской письменной традиции, восходящей в конечном счете к древнеболгарскому языку, и элементов живой речи, отражающих особенности местных диалектов. Конечно, значительная разница между народно-разговорным и функционировавшим тогда церковнославянским языками ощущалась болгарами довольно явственно, но в плане противопоставления «родной язык — неродной (в данном случае — греческий) язык» как на-

¹⁴ Геров Н. Указ. соч.

¹⁵ Славейков П. Воинца наши за нас си.—«Македония», 15.VIII 1867, год, I, № 33.

родно-разговорный, так и церковнославянский рассматривались болгарами как языки родные.

Впоследствии, начиная со второй половины 30-х годов, проблема родного языка приобретает иной аспект. Появление светских школ с преподаванием на болгарском языке (Габровское училище было открыто в 1835 г.), расширение книгопечатания, зарождение новой литературы остро поставили перед болгарами задачу преодоления господствовавшего в школе и книгопечатании языкового разнобоя (в грамматике и особенно в орфографии и графике), т. е. задачу нормализации, создания единого, общеболгарского литературного языка. Теперь акцент ставился уже не просто на родной язык, а на единый, в определенной степени нормализованный литературный язык (на первых порах преимущественно в его письменной разновидности), хотя проблема «родной язык — неродной язык» продолжала оставаться актуальной и позже.

Создание единого болгарского литературного языка, необходимость которого по существу никто из образованных и патриотически настроенных болгар не спорил, стало рассматриваться болгарской интеллигенцией как одна из важнейших и первоочередных задач общенационального значения. С успешным решением этой задачи непосредственно связывался дальнейший прогресс в образовании, литературе и других областях складывавшейся национальной культуры.

Уже Неофит Рильский, первым поставивший вопрос о необходимости создания единого, нормализованного болгарского языка, писал в 1835 г., что пробуждающиеся от долгого сна и невежества болгари должны срочно усовершенствовать и нормализовать свой язык («да вообразят безобразието на болгарския язик»), чтобы со временем и они могли «пить и наслаждаться вкусной и прозрачной водой своих, а не чужих источников»¹⁶.

Именно с нуждами просвещения народа связывал В. Априлов (1836) необходимость «устройства языка» таким образом, чтобы совместными усилиями образованных людей была выработана «единая система» или «общая система», т. е. единый литературный язык, которому впредь должны следовать школы и все образованные болгари. То, что необходимость в «общей системе» диктовалась, по мнению В. Априлова, прежде всего насущными задачами просвещения, видно уже из названия письма, с которым он обратился к своим ученым соотечественникам. Хотя это знаменитое письмо (полный текст его лишь недавно был обнаружен и издан И. Снегаровым) и называется «Мнение В. Априлова относительно просвещения народа», речь в нем идет преимущественно и главным образом о том, каким должен быть литературный язык и каким путем следует установить его един-

¹⁶ Рилски Н. Болгарска грамматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835, с. 1—2.

ство. «Мнение» начинается словами о том, что нормализация болгарского языка вызывается прежде всего задачами просвещения: «По примеру новых европейских языков непременно необходимо, особенно в начальный период, чтобы и наши соотечественники в настоящее время сделали разговорный славянский язык более легким и более гладким»¹⁷. Мыслью о просвещении, с которым В. Априлов связывает будущее Болгарии, и заканчивается «Мнение». Автор призывает «образованных людей» рассмотреть его соображения, изложенные в «Мнении», «осветить путь к просвещению нашего народа, и наше прекрасное отечество станет еще краше»¹⁸.

Несколько позднее И. Добринский подчеркивал (1850), что создание «письменного славяно-болгарского языка» — это «исключительно важный и очень нужный предмет»¹⁹. В конце 60-х годов Т. Икономов, редактор издававшегося в Болграде журнала «Общий труд», писал: «Обработка («разработването») языка, особенно языка нового, еще не установившегося, каким является наш болгарский, должна составить самую важную и существенную сторону развития и просвещения народа»²⁰. На первостепенное значение создания единого литературного языка неоднократно указывала и газета «Цариградски вестник». Так, в одной из ее статей (1859) говорилось, что создание такого языка — это «животрепещущее, важное и чрезвычайно необходимое для умственного и нравственного развития болгарского народа дело»²¹. В статье утверждалось, что с созданием единого литературного языка болгарская литература обретет крылья, с помощью которых она достигнет «достойных и похвальных успехов». Даже устранение орфографических различий и выработка единых норм правописания рассматривались как одна из самых важных и необходимых предпосылок развития новой болгарской литературы. «Что бы ни было сделано другое,— указывал в 1865 г. В. Стоянов, один из будущих основателей и активных деятелей «Болгарского научно-литературного общества» в Браиле,— наш язык и наша литература никогда не увидят успехов и прогресса», если не будет создано «хорошо устроенное правописание»²².

Следует особо подчеркнуть, что необходимость единого литературного языка нередко прямым образом связывалась с самим существованием болгар как самостоятельного народа. Из-

¹⁷ См.: Мнение на Василий Априлов относно просветата на народа.— В кн.: «Известия на Архивния институт», 1957, кн. I, с. 219.

¹⁸ Там же, с. 224.

¹⁹ См.: «Мирозрение», 1850, I, с. 44.

²⁰ Икономов Т. Программа за събиране образци по народната устна словесност и местни нареция.— «Общ труд», 1868, год, I, кн. I, с. 1.

²¹ См.: Предмет за болгарски език.— «Цариградски вестник», 19.XI 1859, год. 9, № 456.

²² См. письмо В. Стоянова от 9 (19).VIII 1865 г., опубликованное в газете «Въсток» (31.VIII 1865, год, I, № 15).

вестный книгоиздатель Х. Данов писал (1869), что создание «общей болгарской грамматики» (т. е. единого литературного языка.— Г. В.) позволит болгарам навсегда сохраниться и быть всем им, как и до сих пор, единым народом²³. Именно в единстве литературного языка видели многие деятели возрождения и признак единства, и средство сплочения болгарского народа.

Задачу создания такого языка нетрудно было провозглашать, но ее сложно было выполнить. Целый ряд внелингвистических факторов (отсутствие непрерывной и достаточно сильной литературно-письменной традиции накануне возрождения, ограниченной к тому же рамками преимущественно конфессиональной литературы, значительная диалектная дробность болгарского языка, влияние разных филологических школ в самой Болгарии и за ее пределами, в частности в Греции, и др.) явился причиной того, что с самого зарождения идеи о необходимости создания единого для болгар литературного языка возникли и острые споры о характере этого языка (его церковнославянской или народно-разговорной основе), выборе диалектной базы, путях нормализации и совершенствования грамматики, лексики, правописания и др. Ввиду возникших разногласий сама дискуссия, широкий обмен мнениями по вопросам литературного языка рассматривались многими как важная предпосылка выработки его единых норм. Поэтому и участие в обсуждении таких вопросов постепенно стало осознаваться как долг всех образованных болгар, а нежелание изложить собственный взгляд по тем или иным вопросам совершенствования и нормализации языка квалифицировалось иногда как непатриотическое и даже преступное отношение к нуждам народа.

Одним из главных, если не главным в языковой проблеме был вопрос о том, каким должен быть единый, общеболгарский язык и каким путем он должен сформироваться и утвердиться. По этому вопросу существовали разные точки зрения, которые можно свести к двум основным, представляющим два принципиально разных направления в нормализации литературного языка.

Согласно одной точке зрения, которую развивали так называемые архаисты (К. Фотинов, Хр. Павлович и др.), болгарский литературный язык должен ориентироваться не на народно-разговорный, а на церковнославянский язык и должен представлять собой несколько приближенный к народному, но церковнославянский в своей основе. Это направление не имело в Болгарии достаточно большого числа приверженцев и сравнительно быстро, уже к середине 40-х годов, сошло со сцены, хотя отдельные отголоски его давали о себе знать и позднее. Думается, что

²³ См.: «Летоструй», 1860, год, I, обл. л. 1. См. также: Мнение за българского правописание.— «Македония», 8.II 1869, год, III, № 14. Ср. и приведенную выше цитату из статьи М. Дринова.

одной из причин непопулярности и недолговечности этого направления был сам характер прокламируемого им литературного языка. Лишенный целого ряда характерных особенностей живого болгарского языка, содержащий многие особенности церковнославянского языка, давно утраченные живым языком болгар, он казался искусственным, был довольно далек от народно-разговорного и потому недостаточно понятным тем из болгар, кто не изучал его специально (ср. и причину непопулярности журнала К. Фотинова «Любословие»). В атмосфере широкого стремления к развитию образования, литературы, журналистики и т. д., порожденного наступившими в стране глубокими социально-экономическими сдвигами, такой язык, как полагали многие деятели возрождения, не мог быть эффективным средством развития разных сфер национальной культуры.

Преобладающим было другое направление, представители которого (В. Априлов, И. Богоров и многие другие) были убеждены в том, что единый литературный язык следует строить на основе народно-разговорного языка, должным образом обработанного и обогащенного из разных источников. Считалось, что именно такой язык, понятный всем болгарам, наиболее пригоден для скорейшего приобщения широких кругов болгар к знаниям и достижениям культуры, для развития собственной литературы, школы и т. д. На эту сторону литературного языка с народно-разговорной основой, в котором так остро нуждалась формировавшаяся нация, и акцентировали внимание многие из его приверженцев. И. Богоров, например, писал в 1846 г., что потребности в быстром образовании народа диктуют, чтобы в основу литературного языка была положена народная речь и с учетом последней было составлено единое правописание. Именно народный язык, подчеркивал он,— это «самый прямой путь, идя по которому, человек может легче всего постичь науку, ибо то правописание наиболее совершенно и тот язык наиболее приятен, который наш народ хорошо понимает, когда слушает его или читает на нем»²⁴. На этом И. Богоров настаивал и впоследствии. Четверть века спустя (1871 г.) он подчеркивал, что литературный язык, основанный на живом народном языке,— важнейшее условие быстрого развития образования. «К просвещению народа,— писал он,— нет другого более короткого пути, кроме его родного языка»²⁵. Таким же было мнение и подавляющего большинства других деятелей болгарского возрождения, боровшихся за создание национальной культуры.

Как известно, современный болгарский литературный язык сформировался на основе народно-разговорной речи, благодаря чему он с самого начала был понятен и доступен народным мас-

²⁴ См.: «Български народен известник», 20.IX 1846, N 2.

²⁵ Богоров, И. Третъо упътване за български език.— «Читалище», 1871, кн. 21, с. 644.

сам. Это обстоятельство в значительной мере способствовало достаточно быстрому развитию (всего за несколько десятилетий) широкой сети светских школ и литературы, которая ускоренным темпом прошла путь от синкетизма к разнообразным жанрам современной литературы.

Итак, можно сказать, что родной язык рассматривался в эпоху возрождения как важное орудие освобождения от инонационального духовного господства, как первостепенное средство скорейшего овладения знаниями и культурными ценностями, необходимыми для движения еще угнетенного, но уже пробудившегося народа к прогрессу, как мощное средство создания национальной культуры, сохранения и консолидации нации. Призыв Паисия Хилендарского «знать свой род и язык и учиться на своем языке», подхваченный патриотически настроенной частью интеллигенции и других слоев болгарского общества, проходит красной нитью через все движение болгар за национальное возрождение.

E. P. Лъвова

БОЛГАРСКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Вопрос о роли художественной культуры в эпоху подъема национально-освободительного движения болгарского народа, о важном месте литературы и искусства в период становления буржуазных отношений в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей — историков, литературоведов, искусствоведов, и это вполне естественно: ведь именно в области культуры ранее всего заявили о своем праве на существование южнославянские (в том числе и болгарский) народы, веками страдавшие от иноземного угнетения. Размах и интенсивность освободительного движения оказали сильное воздействие на всю болгарскую культуру, в том числе на народное просвещение, поэзию и публицистику, гравюру и станковую живопись. Болгарская культура нового времени стала активной силой, сыгравшей важную роль в национально-освободительной борьбе, способствующей ее размаху и определяющей ее идеиную направленность.

Передовые деятели болгарской культуры эпохи возрождения, как правило, связывали свое творчество, свою жизнь с движением за освобождение от османского гнeta. Их взгляды, вопло-

тились в созданных ими произведениях, а также в воспоминаниях, переписке и других документах. Это наглядно показывает, что передовые деятели болгарской культуры не мыслили своего творчества вне общественной жизни.

Каждый из этапов болгарского национального возрождения — и первый, культурно-просветительский, охватывающий период с конца XVIII и вплоть до середины XIX в., и второй, связанный с революционным подъемом освободительного движения 50—70-х годов, — имеют свою специфику. Национальное самосознание развивалось в тесной связи с изменениями общественно-экономического характера. В эпоху возрождения болгарский народ сумел выдвинуть таких крупных общественных деятелей, как Паисий Хилендарский и Христо Ботев, деятельность и творчество которых явились своеобразными вехами в формировании национального самосознания. Патриотический призыв Паисия к болгарскому народу — вспомнить о великих традициях прошлого, говорить на болгарском языке, учить детей в болгарских школах, сама публицистичность этого призыва нашли свой отклик и в творчестве его последователей, и в произведениях болгарских писателей, художников, драматургов и т. д., притом не только в начале XIX в., но и в последующие десятилетия. О перерастании синкретического сознания в художественное свидетельствует тесная связь изобразительного искусства с болгарской литературой нового времени. Книги на болгарском языке, иллюстрации к ним, а также произведения изобразительного искусства способствовали активному росту национального самосознания, они были демократичны в своей основе, впитав традиции фольклора, воплотив любовь и уважение к человеку.

Уже на раннем этапе болгарского возрождения искусство стремится к отражению общественной жизни. Болгарские мастера выражают языком живописи свое отношение к социальной несправедливости. В церковных стенописях художники изображают чорбаджиев в сценах «страшного суда», в миниатюрах и иконах — святого Георгия, поражающего турка, или чорбаджия в виде дракона, в композиции «Притча о бедном Лазаре» они бичуют богатство, жадность, лицемерие, как символы зла и порока. В данном случае речь идет о традиционных рамках искусства, в которые художник все чаще вносит новые моменты: изображает целые народные сцены, вводя в них и элементы пейзажа.

В течение нескольких десятилетий складывается профессиональное искусство, начинают работать первые художники-профессионалы Ст. Доспевский, Х. Цокев, Н. Павлович. Они создают портреты и композиции открыто социального и национально-патриотического содержания. Обращение к образу современника характерно для болгарской живописи так же, как и для поэзии. Утверждая героизм и мужество в исторических полотнах, художники сознательно обращаются к прошлому, связывая его с современностью. Но вскоре и поэты, и художники

находят своих героев в самой действительности, историко-патриотическая тематика переплетается у них с революционной. В области графики эти явления нашли свое отражение в эстампах и иллюстрированных прокламациях, в которых и текст и рисунки играли одинаково важную роль, а также в политической карикатуре. Ярким примером последней может служить творчество художника Дембицкого, которого Ботев привлек для работы в сатирических журналах «Барабан» и «Будильник». В то же время в болгарской художественной культуре возрождения существует целый ряд явлений, имен и произведений, которые до сих пор не привлекли внимания исследователей, но без них наше представление об искусстве Болгарии и его роли в формировании национального самосознания было бы неполным.

Примером проявления новых тенденций в изобразительном искусстве может служить творчество Николая Павловича, автора широко известных исторических полотен и литографий, брошюры об организации первой художественной школы, работавшего в тесном контакте с передовыми болгарскими писателями и общественными деятелями. Сам художник считал создание ряда картин из болгарской истории делом своей жизни. В то же время он посвятил себя и делу пропаганды патриотических идей среди широких кругов болгарской общественности, создав серию литографий, снабженных собственным пояснительным текстом.

Не менее интересен Павлович и как портретист, поэтому оценивать его вклад в национальное искусство следует также исходя из его портретов современников. В них выражена позиция художника в отношении к портрету как жанру. Он видит в нем важное средство познания человека, утверждения в его индивидуальном образе национального характера. В архивах художника нам удалось найти целый ряд зарисовок и законченных портретов современников Н. Павловича, которые помогают проникнуть в его творческую лабораторию. Хотелось бы особо выделить портрет, изображающий видного болгарского просветителя и педагога Петра Берона. Н. Павлович сумел создать жизненный образ, в котором сочетается романтический порыв с реалистической достоверностью. Работу отличает мастерство и изящество рисунка, тонкость передачи светотени.

Станковые портреты Н. Павловича — супругов Златарских, Ц. Радославова, известный автопортрет — позволяют говорить о той важной роли, которую начинает занимать в болгарском искусстве образ представителя национальной интеллигенции. Наряду с портретами Доспевского, Цонева, Данчова они составляют целую галерею образов современников художника. С появлением станкового портрета человек с его неповторимой индивидуальностью и особенностями характера становится объектом особого внимания художника. Вместо традиционного понятия «зографа» и иконописца окончательно утверждается новое понятие художника-профессионала, человека просвещен-

ного, выступающего в рядах борцов за национальные идеалы. Было бы неверно считать, что оно просто заменило художника-самоучку, ремесленника. Народное творчество не исчезает с появлением искусства профессионалов, но развивается одновременно с ним.

Процесс рождения искусства нового времени был сложным и противоречивым, иногда его можно отметить в пределах творчества одного мастера. Так, Н.-Павлович ратовал за обновление иконописи, считая ее одной из необходимых форм существования живописи. Он писал иконы, причем образы святых часто рисовал с натуры, используя в качестве моделей своих сограждан. Прихожане отвергали эти иконы и не хотели молиться, глядя на Богородицу или Христа, похожих на их соседей или родственников.

Другим примером может служить Данчов, революционер, соратник Левского, автор первого его портрета.

Г. Данчов сознательно посвятил себя делу революции и национального освобождения. Он был создателем ярких реалистических портретов, но также писал иконы и участвовал в создании церковной стенописи. При внимательном рассмотрении наследия художника можно увидеть характерные особенности, присущие изобразительному искусству болгарского возрождения: прежде всего — сильно выраженное декоративное начало; его композиции вместили огромное богатство красок, в них введены элементы пейзажа, растительный орнамент, что придает композициям радостное и оптимистическое звучание, с такой силой выраженное в творчестве других мастеров тех лет — живописцев, резчиков по дереву, декораторов, керамистов. Интересен и другой момент: в одной из композиций Араповского монастыря Данчов реалистически изобразил болгарских крестьян в местных костюмах, слушающих проповедь Кирилла и Мефодия, причем эта сцена трактована как вполне жанровая. В иконы художник ввел реалистический пейзаж, причем образ святого он трактует как образ умудренного жизнью старца, больше всего напоминающего крестьянина или ремесленника. Так икона практически превращалась в своеобразную народную картину. В селе Спасово близ г. Чирпан в действующей церкви среди других икон нам удалось обнаружить подписные и датированные иконы Г. Данчова именно такого плана. Икона «Святой Иван Рильский» является практически одним из первых реалистических зимних пейзажей в болгарском искусстве нового времени. Данчов изобразил монастырь, покрытые снегом горы, холодное небо в бегущих облаках и луну, виднеющуюся из-за облаков. Здесь живой пейзаж родины — основа произведения, а не условный фон; он уже начинает входить в болгарское искусство. В своих воспоминаниях Данчов писал: «Самым искусством моим учителем была сама природа». Эти же слова могли сказать и другие болгарские художники, ибо концепция человека и ми-

ра у болгарских художников-профессионалов и у талантливых мастеров-самоучек в основе своей была гуманистической. Изменения, происходившие в мировоззрении болгарской общественности, характер самой эпохи определили идеиную направленность, творческую целеустремленность болгарских художников, превращая искусство в важный фактор общественного воздействия в период формирования нации.

И. Н. Войкова

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ГЕРОИКА
В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ
БОЛГАРИИ 60—70-Х ГОДОВ XIX В.

Революционная героика является одной из важных тенденций болгарского изобразительного искусства на протяжении всего его пути. Тенденция эта возникла в последние десятилетия перед освобождением страны от османского ига. К этому времени в Болгарии уже были заложены основы светского изобразительного искусства, демократического по своей идеиной направленности, определились основные жанры в живописи и графике, высокого профессионального уровня достиг портретный жанр, были предприняты попытки создать сложные сюжетные композиции исторического плана. В эти годы в Болгарии работает плеяда талантливых, профессионально подготовленных художников: Станислав Доспевский, Христо Цокев, Николай Павлович, Георгий Данчов, для болгарского народа создает свои произведения поляк Генрих Дембицкий и другие художники-эмигранты.

Шестидесятые годы, вплоть до освобождения, были для Болгарии временем особенно бурной и сложной политической и общественной жизни. С каждым днем нарастал революционный накал пробуждающегося народа. Отряды хайдуков под руководством Хаджи Димитра и Стефана Караджи героически сражались на Балканах; все шире и глубже проникало в народные массы призывное слово Христо Ботева, Васила Левского и их сподвижников. Высокий пафос патриотического подъема характерен для поэзии. В Болгарии получают все большее распространение и популярность многочисленные периодические издания, которые выпускают революционеры-эмигранты за пределами страны. Первые сатирические журналы, газеты, листки доходят до широких народных слоев и разоблачают не только зверства турок, но и предательство своих чорбаджиев.

В этой исторической обстановке перед изобразительным искусством встали совершенно новые задачи, выдвинутые требованиями общенародной освободительной борьбы. Эти требования совпадали с гражданской и творческой позицией болгарских художников: активное участие в общенародной борьбе было их внутренней потребностью, отвечало их желаниям и идеологической направленности. Вспомним, что в Болгарии не было придворного аристократического искусства, уже само зарождение светского искусства было тесно связано с демократическим направлением периода национального возрождения.

Основоположники болгарского светского изобразительного искусства поддерживали близкие дружеские отношения с передовыми писателями и прогрессивными общественными деятелями своей эпохи. Так, Н. Павлович учился вместе с будущим поэтом Петко Славейковым в школе известного просветителя Неофита Бозвели в г. Свиштове. Позднее он стал другом поэта и революционера Георгия Раковского и под его влиянием создавал свои первые работы. Станислав Доспевский был близким другом крупнейших деятелей народно-освободительного движения — Васила Левского, Ангела Кынчева и других, верным соратником Васила Левского был Георгий Данчов. Наконец, Генрих Дембицкий, польский революционер-эмигрант, был не только единомышленником, но и личным другом Христо Ботева.

Станислав Доспевский, один из талантливейших болгарских художников, мечтал о создании больших исторических полотен, которые бы прославляли подвиги народа. К сожалению, эти замыслы не могли тогда осуществиться. Художник полностью отдался революционной борьбе и погиб в турецкой тюрьме. Непосредственное участие в освободительной борьбе принимал Георгий Данчов, безуспешно пытавшийся освободить Васила Левского.

Новые задачи, вставшие перед изобразительным искусством в шестидесятые годы, были встречены с большим воодушевлением. Главная роль в практическом осуществлении этих задач была отдана графике, которая находила себе широкое применение в периодических изданиях. На страницах этих изданий печатались статьи, стихи, басни, и совершенно закономерным было появление рядом с ними первых карикатур, сатирических рисунков, иллюстраций. Так, журналы «Тыпан» (1869—1870) и «Будилник» (1873), редактируемый Х. Ботевым, опубликовали за эти годы множество карикатур и сатирических рисунков Генриха Дембицкого и других художников. Одновременно Г. Дембицкий создает графические сюжетные композиции, которые положили начало станковой графике. Эти графические листы были посвящены освободительной борьбе. Тесная и постоянная связь между Христо Ботевым и Генрихом Дембицким позволяет говорить о том, что непосредственным вдохновителем этих художественных произведений был Ботев.

Так в болгарском изобразительном искусстве возникает новая ярко выраженная тенденция — революционная героика. Она имеет как бы два руслы, составляющих одно целое: сатирические рисунки разоблачают зверства турецких поработителей, а также в неменьшей мере своих предателей — чорбаджиев, политиков-соглашателей; станковые композиции утверждают красоту героического подвига во имя освобождения родины. Легко прослеживается типологическая общность между графическими произведениями и литературными на основе единой идеологической базы. Сатирические рисунки близки публицистике, а литографические композиции — преимущественно поэзии.

Остановимся на некоторых наиболее характерных произведениях Генриха Дембицкого, созданных в эти годы. Каракатура «Османская империя, экспонированная на Венской выставке» и опубликованная в журнале «Будилник» (1873), имеет острую политическую направленность: она зло высмеивает властителей Османской империи, экономически и политически отсталой, а также ее верных сатрапов — греческих патриархов, а заодно с ними и чорбаджиев, болгарскую буржуазию и льнувшую к ним болгарскую экзархию. Идея этой сатиры была подсказана Х. Ботевым в его статьях «Знаешь ли ты, кто мы?», «Решен ли церковный вопрос?» и других. В сатире «Болгары перед турецким судом» (1868, «Тыпан») художник гневно бичует турецких правителей, жестоко расправлявшихся с каждым болгарином, заподозренным в помощи хайдукам. Здесь средствами художественной гиперболы Дембицкий изображает подлинную сущность «турецких судей», среди которых нашли место и местные болгары-богачи. Большое количество карикатур и сатирических рисунков было создано при непосредственном участии Христо Ботева; об этом свидетельствуют его статьи, письма, стихи и графические работы, опубликованные в те годы на страницах изданий «Тыпана», «Будилник», «Знамя», «Независимость».

Но, разоблачая ад османского ига, художники под непосредственным воздействием идей и образов Христо Ботева, Любена Каравелова, Васила Левского, Хаджи Димитра и других выдающихся борцов за свободу создают ряд произведений, прославляющих героические подвиги во имя освобождения родины.

Рассмотрим три работы, наиболее ярко характеризующие выражение революционной героики в ее различных формах: прославление подвига, создание идеального образа героя и, наконец, утверждение бессмертия героизма.

Литография Генриха Дембицкого «Второе сражение болгарских повстанцев под предводительством Хаджи Димитра и Стефана Караджи» исполнена в 1869 г. по горячим следам трагической битвы, разыгравшейся годом раньше, когда отряд был разгромлен турками, Хаджи Димитр убит, Стефан Караджа взят в плен и казнен. Волна арестов и казней прокатилась по болгарским селениям, через которые проходили отряды; турки

преследовали всех, кого подозревали в помощи чете Хаджи Димитра и Стефана Караджи.

Казалось, что художника мог бы привлечь своим драматизмом трагический исход этой неравной битвы, однако он избирает начальный этап боя, изображая его так, чтобы внушить мысль о его победном исходе. Отряд с развернутым знаменем, на котором начертано «Свобода или смерть», спускается вниз по крутым склону горы. Его встречают цепи турецких янычар. Художник идет сознательно на «нарушение» реальных масштабных соотношений: он преувеличивает фигуры Х. Димитра и С. Караджи, изображая их как победоносных народных героев; болгарские повстанцы обрушаются на турок, точно «небесное» карающее войско, светлый тон горного склона исчезает в белых всполохах выстрелов и клубящихся облаках. Конトラсты светотени подчеркивают ожесточенность кровавого боя. В темный плотный строй наступающих турок врываются светлые фигуры хайдуков, углубляя напряжение этого неравного поединка.

Литография Дембицкого адресовалась широким слоям народа, утверждая пафос героической битвы за свободу, укрепляя веру в конечную победу над жестоким врагом. Аспект трактовки этого события, выбранный художником, отвечает оценке трагических событий, данной Христо Ботевым: «Они погибли, но смерть их была громовым ударом для Турции, громовым ударом и для нашего отечества: для первой она явилась предвестием падения, для второго предвестием возрождения».

В другой литографии, «Самоубийство Ангела Кынчева» (1874), Генрих Дембицкий, используя реальный факт, создает идеальный образ героя. В самоотверженном революционере, изображенном художником, легко угадывается уже знакомый нам по многочисленным поэтическим произведениям образ бесстрашного борца за свободу. Если же мы сравним образ Кынчева, созданный Дембицким, с теми портретами, что писали Станислав Доспевский, Николай Павлович, Георгий Данчов, то увидим их внутреннее духовное сходство. Герой в изображении Дембицкого отражает в себе лучшие черты человека времени национального возрождения: художник рисует его красивым, мужественным, словно излучающим свет. Его решительный жест динамичен и красноречив: сейчас грянет выстрел, и Кынчев падет мертвым, чтобы не попасть в руки врагов. В его позе, в выражении тонких черт его вдохновенного лица, в стройной, напряженной, как пружина, фигуре переданы непоколебимая вера, моральное превосходство, отвага воина.

В третьей литографии Генриха Дембицкого «Турецкая амнистия в Болгарии» (1876) художник обращается к самым тяжелым дням болгарской истории — разгрому Апрельского восстания. Глубокий трагизм здесь переплетается со злой сатирой, разоблачающей зверства турецких карателей. Но, несмотря на страшную картину кровавой расправы, — поле, усеянное трупами

ми, виселицы и жерди с головами казненных,— художник не впадает в состояние отчаяния и безнадежности. Сопоставляя тучную, грузную фигуру турецкого башибузука, прибывающего к столбу сultанскую «Амнистию», и головы казненных, качающиеся на высоких шестах, художник придает угрожающее звучание этой страшной картине: жестокая расправа не погасила борьбы за свободу. Дембицкий впервые в болгарском искусстве вводит документальные элементы, придавая им глубоко символический характер. Виселицы, головы на шестах здесь— символы «геройства и самопожертвования», о которых писал Христо Ботев в своем последнем письме.

Мы остановились здесь только на некоторых произведениях, преимущественно графических, созданных в последнее десятилетие перед освобождением. Но помимо них было исполнено тогда значительное количество работ, прославляющих подвиг во имя спасения родины. В частности, литографии А. С. Клепарского, Русовича, работы многих художников, имена которых неизвестны, в аллегорическом плане изображавшие Болгарию под османским игом. Литографии и карикатуры, созданные Генрихом Дембицким под непосредственным влиянием Христо Ботева, оказались наиболее ярким проявлением революционной героики, отразившим всю силу и величие идей эпохи ожесточенной борьбы за свободу родины в последнее десятилетие перед освобождением.

Атмосфера того времени была настолько сильна чистотой своих идей, что и после освобождения она проявилась в творчестве одного из самых самобытных и талантливых мастеров— Георгия Данчова. Он создал большую серию графических портретов выдающихся революционеров и просветителей: Христо Ботева, Захария Стоянова, Алеко Константинова, Васила Левского и других. Являясь близким другом и сподвижником Левского, Данчов написал несколько его портретов. Он неоднократно возвращался к этому образу. Образ Васила Левского, созданный Данчовым, близок по своему эмоциональному строю Ангелу Кынчеву: их роднит выражение внутренней воли, глубокой убежденности, большой моральной чистоты и одухотворенной идейности.

Мы обращаемся сегодня к этой интересной и яркой странице наследия не только потому, что она ценна по своим художественным качествам, но главное потому, что в те тяжелые и бурные годы борьбы за свободу были заложены принципы революционной героики, которая приобретает особое значение сегодня, в современном болгарском искусстве. Яркое пламя идейной убежденности, бескомпромиссной борьбы за счастье родины и своего народа, зажженное Христо Ботевым и его сподвижниками и получившее яркое отражение в графике Дембицкого, живописи Доспевского и Данчова, и сегодня освещает путь молодым мастерам социалистической Болгарии.

И. А. Калоева

К ИСТОРИИ ПРОНИКОВЕНИЯ РУССКОЙ КНИГИ В СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В XVIII В.

Проблема межславянских культурных взаимосвязей имеет много аспектов. Один из таких аспектов связан с изучением путей проникновения русской книги к зарубежным славянам и ее места в культурной жизни этих народов¹.

Историческая и филологическая литература содержит сведения о проникновении русской книги на Балканы, однако эти сведения теряются в общей канве исторических событий или играют роль иллюстративного материала при освещении литературо-ведческих и языковедческих проблем.

Недостаточное внимание до сих пор уделялось анализу библиографических изданий, каталогов библиотек XVIII в., позволяющих некоторые теоретические положения, существующие в научной литературе, подтвердить, а иногда и уточнить.

В конце XVIII столетия были опубликованы каталоги основных типографий, печатавших южнославянскую литературу,— Димитрия Феодосия, Иосифа Курцбека, Стефана Новаковича, университетской типографии Будапешта².

¹ См.: Ангелов Б. Из истории на руско-болгарските литературуни връзки. София, 1972; он же. Из истории на руското книжовно проникване у нас (XI—XIV вв.).—«Известия на Ин-та за българската лит-ра». София, 1955, кн. 3; Богоявленский С. К. Связи между русскими и сербами в XV—XVIII вв.—В кн.: Славянский сборник. М., 1947; Дылевский Н. Рильский монастырь и Россия в XVI—XVII веке. София, 1947; Ильинский Г. Значение Афона в истории славянской письменности.—«Журиал Министерства народного просвещения», Пб., 1908, ноябрь, отд. 3; Петров Н. Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими в образовании и литературе.—В кн.: «Труды Киевской духовной академии», 1876, т. 4, № 11; Радојчић Б. Јужно-словенско-руске културне везе до почетка XVIII века. Крушевец, 1967; Слуховский М. Из истории книжной культуры России. Старорусская книга в международных культурных связях. М., 1964; Снегаров И. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV в.—В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961; он же. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII вв. София, 1953; Тихомиров М. П. Иван Грозный и Сербия.—«Доклады и сообщ. ист. фак. МГУ», 1945, вып. 1; Шишманов И. Наченки на руско влияние в българската книжнина.—В кн.: Шишманов И. Избрани сочинения, т. 1. София, 1965.

² Книги, които са напечатани и продајут са в типографии Димитрија Теодосија в Венецији. Млеци, 1772—1774; Теодосија Пана каталог книга. Млеци, 1800; Каталог штампарије Стефана Новаковића од 30 септембра 1793. Беч. 1793 (прилог новина «Славено-србскија ведомости», 1793, № 80); Каталог славено-србских и валахијских книг при главној университетској типографији в Будиме. Будим. 1796; Каталог славено-србских и валахијских книг при главној типографији краљевскаго университета Пештанскаго. В Будине, 1778.

Попытки собрать воедино сведения о сербской книге XVIII в. и представить их в виде систематического библиографического обзора или специальной библиографии предпринимались еще в прошлом столетии. Славистика до сих пор располагала трудами П. Шафарика³ и Стояна Новаковича⁴, явившимися до сих пор единственными наиболее полными библиографическими источниками для изучения русской книги в сербских землях в XVIII в.

Последующие научные разыскания значительно дополнили эти труды вновь открытыми сербскими печатными изданиями. Георгием Михайловичем — врачом по профессии и библиографом по призванию, владельцем крупнейшей в Югославии коллекции старой сербской книги — проделана огромная работа по выявлению и изучению сербской книги XVIII в. Основываясь на данных своих предшественников, частных и библиотечных коллекций в Югославии и за рубежом, разысканий М. Пантича в архивах Венеции о деятельности типографии Димитрия Феодосия⁵, Г. Михайлович опубликовал данные о собрании сербских книг, напечатанных в Рымнике, Венеции, Вене, Сремски-Карловци, Петербурге, Будапеште. Книги в библиографии расположены в хронологическом порядке, с подробным описанием, раскрытием содержания, иллюстрациями титульных листов. Каждое название сопровождается подробными научно-библиографическими комментариями⁶.

Собрание Г. Михайловича — это первый результат огромной работы, проводимой в Югославии в области ретроспективной библиографии, предполагающей включить все сербские книги с момента возникновения первой сербской типографии в конце XV в. по 1941 год. Для сравнения данной библиографии с предшествующими достаточно привести хотя бы несколько сравнительных данных.

Библиография Ст. Новаковича содержала сведения только с 1741 г., за вторую половину столетия в ней было зарегистрировано 206 книг. Библиография Г. Михайловича охватывает все столетие и включает 417 книг. Таким образом, Михайлович не только дает более 200 новых названий, но и подробные данные о деятельности открытой в 1705 г. монастырской типографии в Рымнике, где впервые выходит в 1726 г. букварь для сербов, в основе которого лежит «Первое учение отроком» Ф. Прокоповича, а в 1755 г. «Грамматика» М. Смотрицкого. Г. Михайлович на основании сопоставительных данных раскрывает авторство ряда изданий первой половины столетия.

³ Šafarik P. Geschichte der südslawischen Literatur, Bd 3. Geschichte des serbischen Schriftthums. Wien, 1905.

⁴ Новаковић С. Српска библиографија за новију књижевност. 1741—1867. Београд, 1869.

⁵ Михаилович Г. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964, с. XX.

⁶ Михаилович Г. Српска библиографија XVIII века.

Анализ содержащихся в библиографии Г. Михайловича данных дает возможность на конкретном материале показать, какое место среди напечатанной в XVIII в. сербской литературы занимала русская книга, что из русской литературы переиздавалось, каков был характер этих переизданий и, наконец, что печатала официально созданная в Вене австрийским правительством с целью борьбы с проникновением русской книги в сербские земли типография Иосифа Курцбека.

Русская книга в XVIII в. проникала в сербские земли по различным каналам. Как и раньше, книги попадали через посредство частных лиц: официальные поездки в Россию духовенства, учащуюся в России молодежь, с помощью книготорговых компаний, через учителей из России. Об этом написана обширная литература⁷.

Однако упомянутое время характерно также и рядом новых моментов в истории культурных связей с Россией.

В царствование Петра I посыпка русской книгибалканским славянам впервые начинает приобретать официальный характер. «Жалованные грамоты» черногорцам при Петре I (1715), Елизавете (1744, 1754, 1758, 1759), Екатерине II (1788), содержащие обязательные указания на регулярную посылку книг, становятся первыми официальными документами, узаконивающими этот акт⁸. Резолюция Павла I на докладе коллегии иностранных дел от 1 августа 1798 г. устанавливала периодичность в шесть лет посылки в Цетинье наряду с «милостынными» деньгами собрания разных церковных книг, «кои только для просвещения народного в религии потребны»⁹.

В течение XVIII в. в ряде городов Балканского полуострова (Смирна, Салоники, Варна), в Далмации, Триесте, Албании, Венеции, Австрии, Молдавии, Валахии и Бессарабии открываются русские консульства¹⁰, сыгравшие определенную роль в усилении проникновения русской книги на Балканы.

⁷ О русско-болгарских культурных связях в XVIII в. см.: *Боров Т.* Руската литература на XVIII век в България през епохата на Възраждането. Критико-библиографски преглед на досегашните проучвания.— «Годишник на Софийски университет. Философско-ист. фак-т». 1966, кн. 3; *Богоявленский С.* Из русско-сербских отношений при Петре I.— «Вопросы истории», 1946, № 8—9; *Кочубинский А.* Сношения румынов и югославян с Россией при Петре I.— «Журнал Министерства народного просвещения», Пб., 1872, № 7; *Мокутер И.* Русско-сербские литературные связи в XVIII в.— «*Studia slavica*» (Budapest), 1972, t. 18, p. 1; *Хитрова Н. И.* Культурные связи России с Черногорией (XVIII — начало XX в.).— В кн.: *Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии*. М., 1957; *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923.

⁸ *Хитрова Н. И.* Культурные связи России с Черногорией...

⁹ *Драгович Ж.* Черногория и ее отношение к России в царствование Павла I. 1797—1801 гг.— «*Русская старина*», 1882, т. 33, с. 366.

¹⁰ *Уланецкий В. А.* Русские консульства за границей в XVIII веке, ч. 1—2. М., 1899.

В это же время на территории южнославянских земель складываются значительные по тому времени монастырские и частные библиотеки, имевшие в своих фондах немалое количество русских книг. Так, в конце 30-х годов XVIII в. в 104 церквях Срема насчитывалось 1146 книг, из которых 681 были русскими, библиотека темишварского епископа Петра Петровича содержала 389 книг, из них 96 русских, значительными были частные библиотеки Захария Орфелина, Саввы Текелия и др.¹¹

Высшим сербским духовенством предпринимались неоднократно безуспешные попытки открыть национальную типографию на территории коренных сербских земель. Прошения о «духовной помощи» посыпались в Россию и в адрес австрийского правительства¹². В одном из прошений последнему от 1729 г. Моисей Петрович прямо подчеркивал, что все необходимые книги для молодежи и церкви поступали из Москвы, «но так как долгое время из Москвы ни одна книга больше не поступает, в народе наступило оскудение и молодежь не на чем учить¹³.

Открытие типографий со специальной целью печатать литературу для славянского населения Балкан открывает новый путь для распространения русской литературы, ее проникновение все более теряет элемент случайности и принимает систематический, целенаправленный характер.

Как уже указывалось, с 1705 г. сербские книги печатались в типографии г. Рымника. В 1758 г., получив разрешение от венецианского правительства, Димитрий Феодосий основывает в Вене греко-православную типографию, где использует шрифты, полученные из Москвы. В 1769 г. австрийское правительство открывает в Вене типографию Иосифа Курцбека с целью противоборствовать русскому влиянию, взяв под контроль печатание книг для православного славянского населения Австрии. Предоставив И. Курцбеку преимущественное право в течение 20 лет печатать книги на сербском, греческом, румынском и немецком языках¹⁴, австрийское правительство одновременно запретило ввоз книг из-за границы, в первую очередь из России, Венеции, Румынии.

За 1701—1800 гг., по данным Михаиловича, в типографиях Рымника, Венеции, Вены, Сремски-Карловци, Буды, Петербурга

¹¹ Костић М. Књиге, књижарство и књижнице Срба у XVIII веку.— В кн.: Српска штампана књига 18 века. Каталог. Редактори А. Чурчић и Д. Стошић. Београд, 1963, с. 13—27; Темишварски епископ Петар Петровић по књигама његове библиотеке.— «Гласник Историског друштва». Нови Сад, 1935, књ. 8.

¹² Руварац Д. Мојсије Петровић, митрополит београдски. Прилог историји српске цркве.— «Споменик Српске Краљевске Академије». Београд, 1898, књ. 34.

¹³ Рајковић Д. Грађа за историју штампарија у Србији.— «Летопис Матице Српске». Нови Сад, 1874, књ. 117, с. 124.

¹⁴ Привилегије царице Марије Терезије Јосифу Курцбеку, Штампару.— «Српски сион» (Београд), 1906, с. 481—486.

было в общей сложности напечатано 417 книг, из них 97 являлись перепечаткой с русских оригиналов, некоторые из них выдержали до 15 изданий, т. е. русская книга составила 24% всей печатной продукции. А если из общего числа опубликованной в этих типографиях литературы исключить чисто правительственные распоряжения и служебные инструкции, то ее процент возрастет до 27. Небезынтересно проследить рост печатной сербской книги в XVIII в. За первую половину столетия вышло всего 27 книг, из них 5 переизданий русских книг, за вторую половину — 391 книга, в том числе 92 русских переиздания. За 11 лет деятельности типографии Д. Феодосия в Венеции (1759—1770) из общего количества 50 книг было издано 29 русских, в типографии Курцбека-Новаковича за последующие 30 лет (1770—1800) из 238 выпущенных книг 72 являлись оригинальными сербскими изданиями и 54 перепечатками русских изданий.

Приведенные данные свидетельствуют, что русская книга среди продукции крупнейших типографий, печатавших книги для южных славян, занимала четвертую часть, второе место после собственно сербской литературы. Переводы с других языков располагались в следующей последовательности: с немецкого — 32 книги, с латинского — 23, с французского — 7, с венгерского — 5, с итальянского — 2 книги.

Анализ тематики публикуемой русской литературы дает возможность сделать вывод, что более 58% ее общего количества составляла светская, в том числе педагогическая литература¹⁵. Правда, публикуются и проповеди Гедиона Криновского, труды Ф. Прокоповича, П. Могилы по церковной догматике, восемь изданий в 1770—1799 гг. выдерживает «Книжница сија зборник именуемаја моленије». Однако 15 раз переиздается за 1700—1798 гг. «Букварь, или обучение славяно-сербскому письму», шесть раз букварь и катехизис Ф. Прокоповича, «Грамматика» М. Смотрицкого, первый учебник латинского языка, являвшийся компиляцией двух русских учебников. Южные славяне через русские переводы знакомятся с древнегреческой и западноевропейской литературой. В 1765 г. выходит в Венеции сборник жизнеописаний древних философов, пословиц и поговорок («Апофтергмата»), являвшийся перепечаткой русского перевода книги Б. Будного («Krótkie a węzłówate powieści, które po grecku zową apophthegmata», 1614), в основе которого, по предположению П. Шафарика, положен один из трудов Эразма Роттердамского¹⁶. В 1774 г. для юношества издается «Иерополитика или философия нравоучительная» («Ифида»), перепечатанная с одного из русских изданий, в 1798 г. выходит повесть Э. Козачинского «Трагедия сиречь печальная повесть о смерти Урода V».

¹⁵ Подробное описание книг см. в приложении к статье.

¹⁶ См.: Михаилович Г. Српска библиографија XVIII века, с. 71.

Издание русской педагогической литературы не только иллюстрирует характер русского влияния, но и свидетельствует о все возрастающем на нее спросе местного населения. Учитывая этот спрос на учебники, Д. Феодосий в 1764 г. издает в своей типографии «Букварь малый», являвшийся одной из частей книги Ф. Прокоповича «Первое учение отроком». Он быстро расходится, и его переиздают сиова, в то время как по каталогу 1826 г. числилось 500 непроданных экземпляров «Катехизиса», второй составной части этой книги Ф. Прокоповича, и 153 экземпляров «Благопотребной окатеньи».

Русская педагогическая литература на протяжении всего столетия, вплоть до появления национальных учебников, выполняет в сербских школах роль последних. Особо обращает на себя внимание тот факт, что после введения в 1770 г. австрийским правительством запрета на ввоз в империю русских книг и передачи монопольного права печатания сербских книг типографии И. Курцбека, в этой типографии выходит 49 русских книг.

Первой книгой, напечатанной Курцбеком для сербов, был «Букварь, или Начальное учение письму славяно-сербскому», являвшийся перепечаткой под измененным заглавием русского букваря 1751 г. («Букварь, или Начальное обучение хотяющим учиться книг письмены славенскими»). В основе официального учебника для основных сербских школ Австрийской империи лежат «Букварь» Ф. Прокоповича, частично «Катехизис» П. Левшина, вторую его часть составляет немецкая азбука. Небезынтересна дальнейшая судьба этого учебника. Нежелание славянского населения покупать этот двуязычный букварь, что являлось своеобразной формой протеста против политики германизации, вынуждает Курцбека, маневрируя перед цензурой, на протяжении двух десятилетий неоднократно переиздавать его без немецкой части.

Наряду с переизданием русских книг русская литература нередко входит составной частью в сербские издания. Так, в состав «Славяно-сербского магазина» Захария Орфелина входит «Мнение каковым образом и порядком надлежит отрока наставлять в христианском законе» Ф. Прокоповича, в «Славяно-сербском восточной церкви календаре» на 1776 г. содержится вводная глава «О книгах», заимствованная, как отмечает П. Шафарик, из русского издания.

Особое место в рассматриваемом нами вопросе принадлежит опубликованию в России произведений сербских писателей XVIII в.¹⁷, часть тиража которых безусловно попадала на Балканы и способствовала укреплению русско-славянских культурных связей.

¹⁷ См.: Петрович В. История о Черной Горе. СПб., 1754; Орфелин З. Житие и славные дела Петра Великого с дополнениями и поправками М. Щербатова и В. Троепольского. СПб., 1774; Раич И. История разных славянских народов. СПб., 1795; Янкович И. Ода на взятие Измаила. СПб., 1790.

Популярность русской книги в южнославянских землях доказывают факты умышленного исправления места издания ряда книг, опубликованных в типографии Феодосия, на Москву¹⁸.

В литературе, посвященной русской книге XVIII в. на Балканах, очень мало уделяется внимания процессу ее адаптации. Эта тема заслуживает особой разработки. По нашим предварительным подсчетам, 20% всех печатавшихся русских книг подвергалось в большей или меньшей степени переработке. Иногда это касалось сокращения упоминания в акафисте членов царствующей в России фамилии («Молитвослов», 1761), а чаще вносились более существенные изменения. Так, упоминавшаяся выше «Апофегмата» состоит из четырех, как и в польском издании, частей, в то время как русский прототип имеет только три части, в сербское издание добавлен «Реестр по алфавиту людей мудрых и речей их». К учебнику латинского языка 1765 г. был приложен словарь сербско-латинский, с тем чтобы «ученики обеоныя в руках вместе имели». Существенные изменения претерпевает и труд Ф. Прокоповича «Первое учение отроком» 1726 г. издания. Из книги, в силу, очевидно, политических соображений, исключено все, что могло бы указывать на ее русское происхождение, включая фамилию автора, изъято и предисловие, прославлявшее реформаторскую деятельность Петра I¹⁹.

В заключение хотелось бы отметить, что русская книга в типографиях Австрийской монархии по политическим мотивам издавалась в большей своей части анонимно. Если Д. Феодосий, как указывал в свое время Скерлич, изменял место издания на Москву, то Курцбек издавал большую часть книг без указания на русский оригинал. Так, благодаря разысканиям Г. Михайловича были раскрыты прототипы «Сербского букваря», ряда трудов Ф. Прокоповича, проповедей П. Могилы.

Анализ библиографии сербской книги XVIII в. позволяет сделать некоторые выводы.

Процесс проникновения русской книги к славянскому населению Балкан, корни которого уходят в раннее средневековые, никогда не прерывался, а только мог быть затруднен, замедлен в силу исторических обстоятельств, искусственных ограничений.

Русские книги, написанные на родственном славянском языке, а для большей части славянского населения и на знакомом

¹⁸ Например, «Требник», издания 1761 г., на титульном листе имеет указание: «Напечатано благословением святейшего правительственного синода в царствующем граде Москве, продается в Венеции в типографии греко-православной Д. Феодосия».

¹⁹ Не совсем правильно поэтому звучит утверждение П. Чурчича о том, что учебники Ф. Прокоповича, М. Смитрицкого, П. Левшина или П. Могилы не переводились, не перерабатывались, а без изменений перепечатывались для сербских учащихся (Чурчич П. Из истории книгообмена библиотеки Матицы сербской с русскими библиотеками.— В кн.: Библиотековедение и библиография за рубежом, вып. 44. М., 1973, с. 35).

алфавите, были близки славянским народам Балканского полуострова, легче проникали в массы и воспринималась ими.

В XVII в. распространение русской книги на Балканах приобретает относительно регулярный характер. Одновременно открытие типографий за пределами славянских земель направляет политику издания и перевода литературы в определенное русло государственной политики Австрийской монархии.

Светская литература в основном педагогического характера, проникающая из России, служит тем фундаментом, на котором создается школьная национальная литература.

Русские книги, попадая в славянские страны Балкан, в большей своей части не перепечатываются механически, а адаптируются под углом зрения политических соображений и спроса на нее местного населения.

*Перечень
переведенных или перепечатанных русских изданий
для южных славян в типографиях
Рымника, Венеции, Сремски-Карловци, Вены, Буды*

Прокопович Ф. Первое обучение отрокамъ. Рымник, 1726 — 1-е изд., 1727 — 2-е изд., 1734 — 3-е изд. Рус. оригинал.

Прокопович Ф. Первое учение отроком. В нем же буквы и слоги. Там же: Краткое толкование законного десятословия Молитвы господни, символа веры и девяти блаженств. СПб., 1722.

Поученије свјатителскоје к новопостављеному јереју. Вена, Х. Жефаровић. 1742. Перепеч. с рус. московского изд. 1699 г.

Жефаровић Х. Букварь. Вена, 1742—1744. Перепеч. с клише какого-то рус. букваря.

Смотрицки М. Грамматика. Настояніемъ, прилежаніемъ и иждивеніемъ П. Ненадовича. Рымник, 1755. Перепеч. с рус. изд. 1721 г.

Ортодоксос омологија. Ср. Карловци, 1758—1-е изд., 1763—2-е изд. Первая часть — перепечатка из кн. Петра Могилы «Православное исповедание веры».

Прокопович Ф. Краткое толкованіе законного десятословія, молитвы господни, символа веры и девяти блаженствъ. Венеция, Д. Феодосий, 1759.

Краткоје да простоје о седмих тајинствах учителскоје настављеније. Ср. Карловци, 1760 — 1-е изд., 1768 — 2-е изд. Вена, 1773 — 3-е изд.

Молитвослов. Венеция, Д. Феодосий, 1761. Перепеч. с московского изд. 1758 г. Псалтир. Венеция, Д. Феодосий, 1761 — 1-е изд., 1764 — 2-е изд., 1770 — 3-е изд., 1790—4-е изд. Перепеч. с рус. изд. 1733 г.

Требник. Венеция, Д. Феодосий, 1761.

Могила П. Православное исповедание веры. Венеция, Д. Феодосий, 1763. С рус. изд. СПб., 1739 г., оригин. Петр (Могила) Православное исповедание веры соборных и апостольских церкв восточных.

Посльедование молебна за больщаго. Венеция, Д. Феодосий, 1763 — 1-е изд., 1804 — 2-е изд. Перепеч. с рус. изд. 1772 г.

Благопотребнија јектенија. Венеция, Д. Феодосий, 1764 — 1-е изд., 1764 — 2-е изд. С рус. изд. 1759 г.

Буквар мали. Венеция, Д. Феодосий, 1764. Перепеч. из кн.: *Прокопович Ф.* Первое учение отроком.

Евангелија чтомаја во свјати и велики четверток и во свјати велики пјаток. Венеция, Д. Феодосий, 1764 — 1-е изд., 1791 — 2-е изд.

Истинаја о бозје радост в воспоминанији благодјејанији божијих к роду чеовјеческому. Венеция, Д. Феодосий, 1764.

- Криновски Г.* Проповедь или слово в осуждении. Из российского на славено сербский языкъ преведенное. Венеция, Д. Феодосий, 1764.
- Криновски Г.* Слово о грешномъ человеку. Преведенное В. Раича. Венеция, Д. Феодосий, 1764.
- Октоих. Венеция, Д. Феодосий, 1764. Перев. с рус. изд. 1753 г.
- Апофегмата то јест кратких витиеватих и нравоучителных речеј книги при преведени с полскаго на славенски јазик. Венеция, Д. Феодосий, 1765.
- Перев. со одного из рус. изд. кн. с 1711 по 1781 было 10.
- Мјесјацослов. Венеция, Д. Феодосий, 1765 — 1-е изд., 1799 — 2-е изд., 1807 — 3-е изд. С рус. ориг. «Святыы».
- Рениус Ј.* Донат Латинский. Венеция, Д. Феодосий, 1765.
- Целариус Х.* Начатки латинского языка. Венеция, Д. Феодосий, 1765 г. Примеч.: «Речів Донат и меньшій Целларіевъ Лексикон в настоящей книге совокупно напечатаны. Перепеч. с рус. изд.; Часослов. Венеция, Д. Феодосий, 1766 — 1-е изд., 1790 — 2-е изд., 1793 — 3-е изд.
- Прокопович Ф.* Краткие сказаний. Венеция, Д. Феодосий, 1767. С рус. изд. 1765 г.
- Буквар или начальное ученије письменіи славено-сербскими. Вена, И. Курцбек, 1773 — 1-е изд., 1773 — 2-е изд., изд. 1774, 1780, 1782, 1785, 1786, 1787, 1788, 1789, 1792, 1793, 1796, 1798 гг. С рус. изд. 1751 г., назв. ориг.: Буквар или начальное обучение хотящим учитися книгъ письмены славенскими. Книжица сија зборник именуемаја молениј собранje. Вена, И. Курцбек, 1770 — 1-е изд., 1770 — 2-е изд., 1780 — 3-е изд., 1780 — 4-е изд., 1781 — 5-е изд., 1792 — 6-е изд. Перепеч. с одного из рус. изд.
- Левшин П.* Краткий катехизисъ ради обучения малых детей. Вена, И. Курцбек, 1773 — 1-е изд., 1793 — 2-е изд. Итика јерополитика или философија нравоучителнаја. Вена, И. Курцбек, 1774 г. Перепеч. с рус. изд., назв. в оригинале: Итика, Иерополитика или Философия нравоучителная, символами и приуподоблении изъясненная, к наставлению и ползء юным.
- Началноје ученије человјеком хотјашчим учитися славенскому чтенију. Вена, И. Курцбек, 1774 — 1-е изд., 1798 — 15-е изд. Букварь перепечатан из «Первое учение отроком» Ф. Прокоповича, молитва и стихи из «Катехизиса» П. Левшина.
- Прокопович Ф.* Диалогіонъ. Вена, И. Курцбек, 1775 — 1-е изд., 1785 — 2-е изд. Перепеч с рус. изд. 1766 г.
- Псалтир. Вена, И. Курцбек, 1771 — 1-е изд., 1779 — 2—3-е изд., 1788 — 4-е изд., 1793 — 5-е изд. Перепеч. с малого русского псалтира начала XVI в.
- Левшин П.* Православное обучение или христианская богословія. Вена, Курцбек, 1784. Назв. в ориг.: Православное обучение или сокращенная христианская богословія, о главнейших спасательных доктатах веры нашеѧ и о заповедех божиих в десятословии заключенныхъ.
- Началноје ученије человјеком, хотјашчим учитися книгъ божественаго писанија Венеция, Д. Феодосий, 1792. Под таким загл. в 1778 г. в СПб. вышла книга П. Левшина. Сербское изд. состоит из 2-х частей: 1 часть — «Букваръ» Ф. Прокоповича, 2 — «Стіхи очителны из Катихизиса» П. Левшина.
- Краткаја свјашченаја историја. Вена, С. Новакович, 1793. Назв. оригинал.: Краткая священная история церкви ветхого и нового завета, изданная для народныхъ училищъ Российской имперії. СПб., 1784.
- Левшин П.* Свешенна исторія ради малолетне децице. Вена, С. Новакович, 1793 — 1-е изд., 1797 — 2-е изд., и далее до середины XIX в.
- Собраније разныхъ недјелнихъ и праздничныхъ нравоучителныхъ поученији. Скупили и исправили, а неке поново саставили Г. Петров и П. Левшин. Прев. Ј. Рајић. Вена, С. Новакович, 1793 — 1-е изд., 1794 — 2-е изд.
- Дјејанији свјатих апостол. Вена, С. Новакович, 1795.
- Козачински Е.* Трагедія сиречь печалная повесть о смерти Уроша Пятого. Буда, Унив. типogr., 1798.
- О должностех пресвитеров приходскихъ от слова божија, соборник правил и учителеј црковнихъ сочиненаја. Саст. П. Сопковски и Г. Конијски. Буда, Унив. типogr., 1798 — 1-е изд., 1810 — 2-е изд.

Е. П. Наумов

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-СЕРБСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ 40-60-х ГОДОВ XIX В.

В настоящее время, говоря об изучении весьма широкого круга проблем русско-сербских общественно-политических и культурных связей XIX в., мы можем уже подвести итоги тем многолетним исследованиям, тем многочисленным работам советских и югославских ученых, историков и филологов, которые появились в течение двух истекших десятилетий. Не вызывает никаких сомнений большое значение тех конкретных разработок отдельных проблем, кропотливых разысканий новых архивных материалов, неизвестных сочинений или материалов периодической печати, которые были осуществлены за эти годы. В частности, особый интерес представляют различные материалы и переписка Вука Караджича с русскими учеными и общественными деятелями, произведения Живоина Жуевича, Светозара Марковича, работы о связях Вука Караджича с Россией¹, публикации его писем русским ученым и общественным деятелям², работы о русско-сербских демократических и революционных связях³, о публицистической деятельности Ж. Жуевича⁴, сотрудничестве Светозара Марковича с русскими революционерами⁵. Исследо-

¹ См., например: Никитин С. А. Вук Караджич и Россия.—«Новая и новейшая история», 1964, № 3; Гусев В. Е. Вук Караджич и русская фольклористика.—«Русская литература», 1964, № 2; Дмитриев П. А. И. И. Срезневский и Вук Караджич.—В кн.: Взаимосвязи славянских литератур. Л., 1966; Дмитриев П. А., Сафонов Г. И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975 и др.

² См., например: Попова Т. П. Неизвестные письма В. Ст. Караджича Н. И. Надеждину.—«Вестник МГУ», 1964, № 4; Славянское источниковедение. М., 1965 (публикации писем Вука, подготовленные С. А. Виноградовым, Е. П. Наумовым, Г. П. Чекановой, В. Г. Карасевым); Наумов Е. П. Несколько писем Вука Караджича к русским историкам В. И. Григоровичу и М. П. Погодину.—В кн.: Славянская историография и археография. М., 1969; Громов П. Т. Переписка В. С. Караджича с И. И. Срезневским.—В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970; ср. также: Архивска грађа о Вуку Караджићу. Београд, 1970 (к сожалению, в библиографическом перечне здесь не приведены названные выше публикации советских ученых, вышедшие в свет в 1964—1969 гг.).

³ Бороздин И. Н. Н. Г. Чернышевский о сербском народе.—«Славянский сборник», Воронеж, 1958, I, вып. исторический.

⁴ См., например: Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич и «Современник» (1863—1865).—«Советское славяноведение», 1971, № 1; он же. Сотрудничество сербского демократа Живоина Жуевича в газете «С.-Петербургские ведомости».—«Советское славяноведение», 1968, № 6; он же. Сербский демократ Живоин Жуевич. (Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в.). М., 1974 и др.

⁵ См., например: Карасев В. Г. Светозар Маркович.—В кн.: С. Маркович.

вались и некоторые другие проблемы русско-сербских революционных, общественных и культурных связей XIX в. (преимущественно на материалах 70-х и 80-х годов⁶), а также отдельные аспекты литературных взаимосвязей XIX в.⁷

Если говорить не о крупных деятелях, которым посвящены перечисленные работы, а о разработке отдельных этапов и периодов в истории русско-сербских связей XIX в.⁸, а равно и общих проблем истории русского славяноведения и его роли в развитии взаимосвязей с сербской культурой и наукой⁹, то такого рода проблематика привлекала гораздо меньшее внимание.

Между тем без таких исследований общих вопросов русско-сербских культурных связей, рассматриваемых в неразрывной связи с процессами формирования сербской национальной культуры, сербской буржуазной нации и национального самосознания¹⁰, практически невозможно представить реальное значение

Избранные сочинения. М., 1956; Карапет В. Г., Конобеев В. Д. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX века. М., 1966 (Первый конгресс balkанских исследований. Сообщения советской делегации); Вулетич В. Једна руска веза Уједињене Омладине Српске.— Годишњак Филозофског факултета, књ. VII. Нови Сад, 1962—1963; и др.

⁶ См.: Поплыко Д. Ф. Связи В. Пелагича с Россией.— В кн.: Советское славяноведение. Минск, 1969; Жигунов Е. К. К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х гг. XIX в. (П. Л. Лавров и сербские революционеры).— Там же.

⁷ См.: Живачевич М. Переводы «Евгения Онегина» в литературе народов Югославии.— В кн.: Пушкин. Материалы и исследования, т. IV. М.—Л., 1962; Вулетич В. И. С. Тургенев и сербская литература.— «Советское славяноведение», 1969; № 1; Левашев Е. А. Страница из русско-сербских литературно-революционных связей (Анонимный Герцен).— «Славянская филология». Л., 1972, вып. 2; Петухов В. К. Петр Негош в русской дореволюционной и советской славистике.— В кн.: Славянские страны и русская литература. Л., 1973.

⁸ См.: Достян И. С. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в.— «Советское славяноведение», 1970, № 1; Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970; Гольберг М. Я. К истории полемики вокруг славянофильского послания «К сербам».— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972; и др. Ср. также: Балакин А. М. Сербо-руssкие литературные взаимосвязи в первой половине XIX в.— В кн.: Взаимосвязи славянских литератур. Л., 1966.

⁹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 2. М., 1960; Сергеев А. В. Некоторые вопросы истории южных славян в трудах В. И. Григоровича.— В кн.: Вопросы славяноведения. Казань, 1962; Бернштейн С. Б. Памяти В. И. Григоровича.— «Изв. АН СССР» (серия лит. и языка), 1965, т. XXIV.

¹⁰ Указанные процессы освещаются широко в следующих работах: Злыднев В. И., Лещиловская И. И., Львова Е. П. Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 330—343; Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII—70-е годы XIX в.).— Там же,

тех или иных контактов представителей русской и сербской науки и культуры, значимость конкретных взаимоотношений применительно к разным областям культурной жизни, наконец, основные черты и периодизацию этих взаимосвязей. Однако разработка всех этих проблем русско-сербской культурной взаимности, разумеется, должна включать конкретное изучение всего данного круга вопросов, вовсе не ограничиваясь материалами общественно-политических и литературных отношений, личных контактов общественных и культурных деятелей (в частности, например, в плане показа влияний русской литературы или переводов ее на сербский язык). По нашему мнению, рассмотрение данного круга проблем (как в целом для XIX в., так и для избранного нами периода, т. е. 40—60-х годов этого столетия) должно иметь своей непременной составной частью и работы, посвященные многостороннему взаимодействию русской культуры и славянских национальных культур, процесс формирования которых еще не был тогда завершен¹¹. При этом мы считаем весьма важным подчеркнуть, что речь должна идти о роли и воздействии русской культуры в целом — не только русской литературы, но и русской исторической и филологической науки,— о ее роли в исследовании сербской истории, определенных проблем истории сербской культуры, о значении достижений русской исторической и филологической науки в области источниковедения и т. д.

В этой связи можно напомнить слова В. Г. Белинского, что XIX век — «век по преимуществу *исторический*. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастают из исторической почвы и на исторической почве»¹². Разумеется, для славянских народов в эпоху подъема их национально-освободительного движения в XIX в. проблемы их прошлого, развитие исторической науки и исследований предшествующих столетий (в особенности периода существования самостоятельных средневековых государств, борьбы с иноземными захватчиками) приобретали особое значение, становились чрезвычайно важными в деле патриотического воспитания, формирования национальной идеологии и взглядов деятелей буржуазных партий и группировок¹³.

с. 125—149. См. также кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.). Тезисы докладов и сообщений (Международная научная конференция). Москва, 1974.

¹¹ Мыльников А. С. Йозеф Юнгман и его время. М., 1973, с. 100—139; Хитрова Н. И. Культурные связи России с Черногорией (XVIII — начало XX в.). — В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; и др.

¹² Белинский В. Г. Собр. соч., т. I. М., 1948, с. 668.

¹³ См.: Обушенкова Л. А., Фрейдзон В. И. Указ. соч., с. 135; Борђевић Д. Улога историцизма у формирању балканских држава XIX века.—«Зборник филозофског факултета». Београд, 1968, књ. X—I.

Такая постановка вопроса, т. е. настоятельная необходимость анализа русско-сербских культурных связей в комплексном плане, в тесной связи с исследованием важнейших черт и процессов формирования сербской национальной культуры, представляется нам тем более своевременией, что вплоть до настоящего времени мы фактически не располагаем даже подробными обзорами, посвященными этой проблематике. Имеющиеся работы обычно слишком кратки и информативны¹⁴, в них главным образом освещаются литературные связи, нередко даются слишком беглые оценки периодизации этих процессов и отдельных работ русских дореволюционных славистов. К сожалению, в литературе иногда мало прослеживается непосредственная связь русско-сербских взаимоотношений и истории национально-освободительного движения XIX в., вызывавшего живой интерес и симпатию в разных слоях общества России¹⁵. Заметим также, что всестороннее изучение этой проблематики во многом затрудняется ввиду недостаточной разработки соответствующих библиографических материалов, рассеянных по разным справочникам и обзорным изданиям, в известной мере еще и не собранных и не введенных в научный оборот (в особенности это относится к материалам русской и сербской периодики)¹⁶.

Поскольку разработка в данном плане всего этого широкого круга проблем еще только начата, мы рассмотрим основные аспекты многообразного комплекса русско-сербских культурных связей в 40—60-х годах XIX в. Выбор именно таких хронологических рамок нашей работы обусловлен тем, что данный период является важным этапом в истории формирования сербской буржуазной нации и сербской национальной культуры, совпадающий с заметным оживлением контактов и взаимосвязей между русской и сербской культурами. Достаточно напомнить, например, о том, что именно эти годы связаны с окончательной

¹⁴ См.: *Bogdanović M.* *Star i novi*, V. Beograd, 1955, s. 11—18; *Enciklopedija Jugoslavije*, t. 7. Zagreb, 1968, s. 468—479 (статья «Советско-югославские отношения», разд. «Литературные и культурные связи», автор Р. Лалич); ср. также: *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. Београд, 1953; *Хитрова Н. И.* Указ. соч.; *Кравцов Н. И.* Русско-югославские литературные связи.—В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; *Бадалич И.* Русские писатели в Югославии.—В кн.: Из истории русско-югославских литературных связей. М., 1966.

¹⁵ См.: *Достян И. С.* Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII—начала XIX в.—«Советское славяноведение», 1975, № 6; *Козьменко И. В.* Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник.—В кн.: Славянский архив. М., 1958; и др.

¹⁶ См.: *Лежимирац Б. С.* Преглед издања Српске академије наука и уметности (1847—1959). Београд, 1961; *Калоева И. А.* Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке (1918—1960). М., 1963; *Можаева И. С.* Южнославянские языки. Аннотированный библиографический указатель литературы, опубликованной в России и в СССР с 1835 по 1965 гг. М., 1969; Народна Библиотека СР Србије (Бео-

победой языковой реформы Вука Караджича и других сторонников создания нового сербохорватского литературного языка (на основе народного языка, в противовес искусственному, «славяно-сербскому»), с полным поражением их противников из консервативных кругов сербского общества в этой «войне за сербский язык и орфографию», как именовалась известная работа Дж. Даиничча (1847)¹⁷. В этот период приобрела особую популярность народная сербская поэзия, в особенности эпическая, вызвавшая появление множества основанных на ней произведений художественной литературы и даже особый жанр эпопеи (в творчестве П. Негоша, С. Милутиновича, Й. Суботича и др.)¹⁸.

В то же время эти десятилетия характеризуются и особым интересом русского общества к освободительной борьбе сербского народа, к его истории и культуре, к таким событиям политической жизни, как Святоандреевская скупщина (1858), восстания в Боснии и Герцеговине, движение сербов Воеводины и др. В эти годы расширяются и укрепляются личные связи многих деятелей сербской и русской науки и литературы, появляются новые переводы и исследования сербских песен¹⁹, научные труды по истории сербского народа и сербского языка (работы А. А. Майкова, А. Ф. Гильфердинга, В. И. Гриворовича, Н. А. Попова), часть из которых были переведены на сербский язык (в частности, книга Н. А. Попова, часть монографии А. А. Майкова, статьи Майкова и др.). Для того чтобы понять действительное значение всех названных работ русских ученых и общественных деятелей, нужно оценивать эти работы не только в плане развития русского славяноведения, но и помнить об их роли для процессов формирования сербской культуры.

Напомним, в частности, что для В. Караджича и других сторонников языковой реформы поддержка русских ученых была тем более важна, что противники Вука находили опору в кругах сербской православной церкви, в приверженности консервативных слоев общества к «русско-славянскому», церковнославянскому языкам. Поэтому Вук в своей борьбе за новый, народный язык не только ссыпался на поддержку русских ученых, но и использовал те принципы, которые были осуществлены в преобразованиях русского литературного языка XVIII—начала XIX в.²⁰

град). Каталог књига на језицима југословенских народа 1519—1867. Београд, 1973; Књига у Смедеревском крају у XIX веку. Смедерево, 1974; Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций, вып. II. Библиографические материалы. М., 1974.

¹⁷ См.: *Скерлић Ј. Историја...*, с. 226—227.

¹⁸ Там же, с. 220—222 и др.

¹⁹ См.: Сербский эпос. М.—Л., 1933, с. 192, 196—198 (ср. с. 179—181); *Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора*. М., 1972, с. 271 и след.

²⁰ См.: Славянское источниковедение, с. 223—225 (в записке Вука 1862 г.); *Горшков А. И. История русского литературного языка*. М., 1969, с. 302—

По нашему мнению, эту последнюю особенность деятельности Вука следует особо подчеркнуть, поскольку в литературе нередко в характеристике языковой и орфографической реформы Караджича слишком делается упор на «разрыве» с традицией, на той ломке прежних норм, связанных с старославянским и «русско-славянским» языками, а не отмечается сходство и совпадение многих принципов Вука с теми языковыми преобразованиями, которые были проведены в России в XVIII — начале XIX в.²¹ Разумеется, и в эти годы Вуку приходилось вести полемику с русскими общественными деятелями и учеными славянофильского направления, которые протестовали против «чрезмерности» реформ Вука, подозревая его в мнимой проавстрийской и прокатолической деятельности и направленности орфографической реформы²².

Гораздо большего внимания заслуживают те вопросы русско-сербских культурных связей 40—60-х годов XIX в., которые отражают значительную и многостороннюю роль русской исторической науки в культурных взаимосвязях и формировании сербской национальной культуры. Заметные достижения русского дореволюционного славяноведения (как историографии, так и славянской филологии) нашли в те годы свое выражение в появлении целого ряда исследований, посвященных средневековой и новой истории сербских земель, средневековым памятникам сербской культуры. Несмотря на то что в русском славяноведении преобладали тогда славянофильские и панславистские воззрения, связанные с идеализацией славянской «самобытности», предпочтением к истории православных славянских народов (сербов и болгар) и т. д., появившиеся в тот период работы русских ученых представляли важное и весьма значительное явление в истории славяноведения, в истории изучения прошлого сербских земель и взаимоотношений сербского народа с Россией и народами Юго-Восточной Европы²³.

Тщательное изучение всех доступных исторических источников (зачастую лишь незадолго до того введенных в научный оборот, например летописей, сербских грамот и биографий, а также других обнаруженных средневековых памятников), обстоятельная разработка вопросов внешнеполитической (в известной мере — и социально-экономической) истории, интерес к проблемам куль-

303; *Лалић Р.* Проблем црквенословенског језика као књижевног језика код Срба пре Вука.— В кн.: Кирил Солунски, књ. 2. Скопје, 1970.

²¹ *Лалић Р.* Указ. соч., с. 151, 160—161.

²² См.: *Караџић В. С.* Одбрана од ружења и кућења. Београд, 1861, с. 14—17; Славянское источниковедение, с. 224; «Советское славяноведение», 1976, № 3, с. 103.

²³ Ср.: Очерки истории исторической науки..., т. 2, с. 484; *Москаленко А. Е.* Из истории славяноведения в России в 40-е годы XIX века. О работах А. Рейца и Н. И. Гулака.— В кн.: Проблемы историографии. Воронеж, 1960, с. 126—128.

туры — все это придавало тогда особую ценность работам А. А. Майкова, А. Ф. Гильфердинга, В. И. Григоровича, А. Рейца, В. В. Макушева. Их труды становились в то время необычайно важными и значимыми для развития сербской культуры, для обогащения представлений о прошлом сербского народа, для расширения русско-сербских научных и культурных взаимосвязей²⁴.

Наглядным выражением живого интереса сербской общественности той поры к работам русских ученых о сербском средневековье могут служить многочисленные переводы трудов русских историков — как отдельных книг, так и некоторых научных статей, которые появлялись на страницах сербских журналов²⁵. Вместе с тем, говоря о достижениях русских славистов в изучении истории средневековой Сербии, не следует забывать и о плодотворной источниковедческой работе их по разысканию и публикации ценных памятников сербской средневековой культуры. Так, в частности, А. Н. Попов, рассматривая редакции и состав Русского хронографа, обратил внимание ученых на роль сербских источников хронографа, свидетельствующую об интенсивных русско-сербских связях позднего средневековья²⁶. Продолжая исследование памятников, использованных в составе Русского хронографа, А. Н. Попов впервые издал важнейший источник сербской культуры XV в. — биографию сербского деспота Стефана Лазаревича, написанную Константином Костенчским (по одному из списков краткой редакции)²⁷. Через год эта биогра-

²⁴ См.: *Рейц А.* Политическое устройство и права прибрежных островов и городов Далмации в средние века, раскрытое из их муниципальных статутов.—В кн.: Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ее единоверных и единоплеменных, т. I. М., 1845; *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859; он же. История сербов и болгар.—В кн.: *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч., т. I. СПб., 1868 (впервые работа была издана в 1854—1859 гг.); *Майков А. А.* История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа. М., 1857; он же. О земельной собственности в древней Сербии.—«Чтения в Обществе истории и древностей российских» (далее — ЧОИДР), 1860, кн. I; он же. О пронии в древней Сербии.—Там же, 1868, кн. I; *Григорович В. И.* О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях. Казань, 1859; *Палаузов С. Н.* Юго-Восток Европы в XIV в. СПб., 1857; *Ламанский В. И.* Сербия и южнославянские провинции Австро-Венгрии. СПб., 1864; *Макушев В. В.* Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867; и др. О большом интересе сербской общественности к работам и открытиям русских ученых (В. И. Григоровича и др.) см.: Законик цара Стефана Душана, књ. I. Београд, 1975, с. 66—67; и др.

²⁵ См.: *Гильфердинг А. Ф.* Писма о истории Серба и Бугара, св. I—II. Београд, 1857—1859; *Майков А.* Историја српскога народа. Београд, 1858 (2 изд.—1876); он же. Баштина у старих Срба.—«Гласник Српскога научног друштва» (далее — ГСУД), кн. 23, 1868; и др.

²⁶ *Попов А. Н.* Обзор хронографов русской редакции, вып. 1—2. М., 1866—1869.

²⁷ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хроно-

фия Стефана Лазаревича была опубликована в Белграде по другому списку — из рукописи Новороссийского университета, присланной из Одессы²⁸.

Русскими историками были изданы в эти годы также некоторые сербские летописи, грамоты и другие памятники сербской средневековой культуры²⁹. Следует подчеркнуть, что русские ученые не только разыскивали и публиковали весьма важные источники времен существования самостоятельного Сербского государства и длительной борьбы сербов с турецкой экспансией (в XIV—XV вв.), но и передавали списки этих памятников для издания в сербских и других югославянских научных журналах, что способствовало плодотворному сотрудничеству русских и сербских общественных деятелей и ученых, их совместным усилиям в разработке этой проблематики, представлявшей особый интерес для сербского общества в период подъема национально-освободительного движения южных славян. Так, например, в 1857 г. видный хорватский общественный деятель и историк И. Кукулевич-Сакчинский впервые опубликовал второе житие Стефана Дечанского (в журнале «Аркив за повестницу югославенску»), причем изданный им список русской редакции данного памятника был получен (при посредстве А. Ф. Гильфердинга) от проф. А. В. Горского, известного русского археографа и историка. Весьма показательно, что ввиду большой ценности данного источника для истории сербской средневековой культуры и русско-сербских связей³⁰ он уже вскоре был вновь напечатан в Белграде³¹. Известно также, что В. И. Григорович во время своего путешествия по европейским провинциям Османской империи обнаружил и сохранил для науки два древнейших списка Законника сербского царя Стефана Душана (Стручский и Афонский), которые позднее были полностью опубликованы Т. Д. Флоринским³².

Вместе с тем, говоря о достижениях русских славистов в области исследований сербской средневековой истории и культуры (преимущественно XIV—XV вв., т. е. в эпоху борьбы балкан-

графы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869, с. 92—130 (по рукописи из Троице-Сергиевского собрания № 686).

²⁸ Шафарик Ј. Живот деспота Стефана Лазаревића, великога кнеза српског (по одеском рукопису). — ГСУД, књ. 28, 1870, с. 363—428.

²⁹ См., например: Бодянский О. М. Сербский Паралипомен Зонары. — ЧОИДР, 1847, кн. I; Григорович В. И. Очерк путешествия по европейской Турции. Казань, 1848; он же. О Сербии...; арх. Леонид (Кавелин). Стара српска писма. — ГСУД, књ. 24, 1868; и др.

³⁰ Ср.: Наумов Е. П. Из истории русско-сербских средневековых связей. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1963, т. XXVI.

³¹ Шафарик Ј. Живот краља Стефана Дечанског. — «Гласник Друштва србске словесности», 1859, књ. XI.

³² Никчевић Т. Историографија Стручког и Атонског рукописа. — В кн.: Законик цара Стефана Душана, књ. I. Београд, 1975, с. 63—71.

ских народов против османского завоевания), необходимо остановиться и на тех работах, которые велись в 40—60-х годах XIX в. русскими историками с целью изучения политического положения и национально-освободительной борьбы сербского народа в первой половине XIX в., политических и культурных взаимосвязей Сербии и России. Вполне понятно, что в этой связи необычайно живой интерес у сербских и русских общественных деятелей, писателей и ученых вызывала прежде всего история Первого сербского восстания (1804—1813)³³.

Весьма примечательно, что уже в начале 40-х годов прошлого столетия имела место любопытная попытка конкретного русско-сербского научного сотрудничества в разработке вопросов истории русско-сербского боевого содружества в годы Первого сербского восстания. В частности, в 1841 г. в Сербском княжестве по официальному запросу Российской Академии проводился сбор мемуарных материалов о совместных действиях сербских повстанцев и русских воинских частей во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг.³⁴ Такая просьба Российской Академии объяснялась тем, что в эти годы русский военный историк, член Российской Академии (с 1841 г.) А. И. Михайловский-Данилевский подготовливал очерк истории русско-турецкой войны начала XIX в., уделив в нем внимание и военной помощи, которую оказывала русская армия сербским повстанцам³⁵. Несмотря на то что собранные в 1841 г. в Сербии воспоминания участников Первого антитурецкого восстания ввиду объема и замысла этого описания не были включены в книгу Михайловского-Данилевского, все же проводившийся тогда сбор сведений о русско-сербском военном взаимодействии (в 1806—1812 гг.), по нашему мнению, способствовал накоплению источников (документальных и мемуарных материалов) по истории Первого сербского восстания, которые в 40-х годах XIX в. активно собирались и публиковались в Сербии³⁶. Вместе с тем работа Михайловского-Данилевского, хотя она имела официальный характер, отражала общие идеи дворянско-монархической русской историографии той поры, имела определенное значение в плане использования русских документов по истории Первого сербского восстания; в его

³³ См.: Достян И. С. Из истории русско-сербских связей...; она же. Участие декабристов...; Благой Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном.—В кн.: Славяне и Запад. М., 1975; и др.

³⁴ Перуничић Б. Град Ваљево и његово управно подручје 1815—1915. Ваљево, 1973, с. 15—47; он же. Град Светозарево 1806—1915. Београд, 1975, с. 19—111 (к сожалению, все опубликованные им материалы лишены архивных шифров и комментариев).

³⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 г. СПб., 1843.

³⁶ Ср.: Петровић Р. Прилози за историју Првог српског устанка (Необјављена грађа). Београд, 1954, с. 21 (о мемуарах А. Протића). В данной связи нужно учесть, что в 1841 г. были впервые записаны воспоминания П. Јоки-

книге были впервые введены в научный оборот некоторые материалы из русских архивов, в том числе и переписка сербских властей³⁷.

Эта важная задача расширения источниковедческой базы для исследований сербской истории начала XIX в. (за счет не только сербских документов и воспоминаний, но и русских материалов) нашла свое дальнейшее воплощение в публикациях, подготовленных в 60-х годах русскими учеными Н. Ф. Дубровиным³⁸ и Н. А. Поповым³⁹. Эти публикации русских документов позволили приступить к тщательному анализу и сопоставлению всех выявленных источников (как сербских, так и русских), к созданию широкого полотна истории национально-освободительной борьбы и политического развития Сербии в первой половине XIX в., показу русско-сербских общественных и политических взаимоотношений начиная с Первого сербского восстания (1804—1813). Весьма примечательна та высокая оценка, которую дал этой источниковедческой работе русских историков (в частности, публикациям Н. Ф. Дубровина) известный сербский буржуазный ученый и политический деятель С. Новакович: «Труд Н. Дубровина — драгоценный вклад в исследование Первого сербского восстания. Автор (т. е. Дубровин.—Е. Н.) работал с широкими взглядами и высоким пониманием». С. Новакович подчеркивает, что Н. Ф. Дубровин сопоставлял события на Балканах с общими процессами международных отношений в Европе тех лет, прибавляя со своей стороны: «Удивительно, что в сербской литературе труд Н. Дубровина не оценен как следует»⁴⁰.

Как известно, в конце 60-х годов прошлого века задача создания обобщающего труда по истории русско-сербских связей и новой истории Сербии, приобретавшего особое значение в связи с подъемом национально-освободительной борьбы на Балканах и сербо-турецкими отношениями того периода, была выполнена русским историком Н. А. Поповым. Он создал большой труд

ча (Перуничић Б. Ваљево..., с. 15; Перовић Р. Указ. соч., с. 18), а также, вероятно, и других очевидцев и участников восстания (ср.: Новаковић С. Устанак на дахије 1804. Београд, 1954, с. 26 и 37). Любопытно, что в 1841 г. многие участники восстания не ограничивались событиями 1806—1812 гг., а продолжали свой рассказ вплоть до 1813 г. (Перуничић Б. Ваљево..., с. 19 и сл.).

³⁷ К сожалению, С. Новакович в своем обзоре вовсе не затронул этого вопроса, начиная освещение русских материалов лишь с публикаций Н. Ф. Дубровина (Новаковић С. Устанак..., с. 40; ср. также: Достян И. С. Участие декабристов..., с. 25 и сл.).

³⁸ См. публикации Н. Ф. Дубровина в журналах «Русский вестник» и «Военный сборник» в 1863—1865 гг., которые были в известной части переведены на сербский язык М. Медаковичем (Устанак Србски од 1806—1810. Нови Сад, 1866).

³⁹ Попов Н. А. Переписка барона Гр. Ал. Строганова с Милошем Обреновичем в 1817—1826 гг. М., 1866.

⁴⁰ Новаковић С. Устанак..., с. 41.

«Россия и Сербия» (ч. 1—2. М., 1869), использовав при подготовке его весьма обширный и разнообразный материал — опубликованные и неизданные документы и воспоминания, любопытные публицистические произведения, законодательные акты, материалы из русских архивов и т. д. Вполне понятно, что ввиду отсутствия в то время аналогичного труда по новой истории Сербии интерес сербского общества к предпринятой Н. А. Поповым попытке осмыслиения путей развития сербского народа в первой половине XIX в., русско-сербских связей той поры был чрезвычайно велик. Об этом говорит, например, тот факт, что уже вскоре был напечатан сербский перевод книги Н. А. Попова; примечательно, что одним из переводчиков книги был видный сербский демократ Ж. Жуевич, которого Светозар Маркович называл «первым социалистом» среди сербов⁴¹.

Не менее показательно и то обстоятельство, что в конце 60-х и начале 70-х годов XIX в. в Сербии развернулась полемика, вызванная яростными нападками деятелей консервативного направления, представителей так называемого уставобранительского режима (свергнутого в 1858 г.) на «тенденциозные» работы Н. А. Попова (названный выше труд и др.). Если переводчики данного труда, называя его «великим трудом», считали его необходимым для просвещения и политического развития сербского народа, для разоблачения интриг «великашей» (т. е. консервативных сановников и правителей)⁴², то деятели консервативных кругов общества с возмущением обрушивались на «пасквили», усматривая явную «тенденциозность» в критических оценках проавстрийской и протурецкой политики уставобранительского режима в Сербском княжестве, которые давал в своей книге Н. А. Попов⁴³.

Разумеется, эта полемика в сербском обществе по поводу оценки важнейших событий политической жизни страны (в частности, конца 50-х годов XIX в.) и роли русско-сербских отношений для становления самостоятельной буржуазной государственности показывает нам наглядно, насколько актуальны были в то время проблемы русско-сербских общественных и культурных связей, насколько важна была для демократических и отчасти буржуазно-либеральных кругов сербского общества та разработ-

⁴¹ Попов Н. Србија и Русија од Кочине Крајине до Св. Андрејевске скупштине, св. 1—4. Београд, 1870 (прев. с руског П. Срећковић, А. Васиљевић, Ж. Жујевић, А. Марјановић).

⁴² Там же, св. 1, предисловие (с. без нумерации).

⁴³ Так, например, оценивал работу Н. А. Попова один из вождей уставобранителей И. Гарашанин (*Раденић А. Светоандрејска скупштина*. Београд, 1964, с. 190—191, 193). К сожалению, такая односторонняя и необъективная оценка обычно приводилась и в югославской буржуазной историографии (см., например: *Новаковић С. Устанак...*, с. 42; *Страњаковић Д. Влада уставобранитеља 1842—1853*. Београд, 1932, с. VII; *Новаковић С. Васкрс државе Српске и његови историци*. Београд, 1910, с. 5—6; и др.).

ка основных этапов и вопросов политической и культурной истории сербского народа в эпоху формирования буржуазной нации и национальной культуры, которая проводилась русскими учеными.

Не менее значимыми для обогащения представлений о прошлом сербского народа, об упорной борьбе против османских захватчиков были и работы русских славистов, их публикации и находки древних памятников сербской культуры.

Таким образом, рассмотрение этих проблем русско-сербских связей 40—60-х годов XIX в. свидетельствует о значительной роли, которая принадлежит русской культуре (в частности, русской исторической и филологической науке) в развитии русско-сербской взаимности и формировании сербской национальной культуры, о живом интересе, который вызывали работы русских ученых в различных кругах сербского общества той поры.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактории

5

I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

<i>Д. Ф. Марков</i>	Комплексное изучение проблем национальной культуры	7
<i>В. И. Злыднев</i>	Некоторые аспекты изучения проблем формирования национальных культур	12
<i>В. А. Дьяков</i>	Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе (социальное содержание, периодизация, пути исследования)	19
<i>А. С. Мыльников</i>	Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы	37
<i>С. Б. Бернштейн</i>	Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков	50
<i>И. А. Богданова</i>	Просвещение как начальный этап формирования национальных культур	58
<i>И. И. Свирида</i>	К типологии явлений художественной культуры в период формирования наций	68
<i>С. В. Никольский</i>	Художественное сознание эпохи национального возрождения (на материале чешской, словацкой и болгарской литературы)	78
<i>А. А. Гершкович, Ю. И. Ритчик, Л. А. Софронова</i>	Формы и функции театра в эпоху становления национальных культур	90
<i>И. Ф. Бэлза</i>	Междунородные культурные связи и их роль в формировании национальных культур	102
<i>И. И. Лещиловская</i>	Идеи единения славянских культур в первой половине XIX в.	114
<i>В. Е. Гусев</i>	Фольклоризм как фактор становления национальных культур славянских народов	127

II

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

<i>A. В. Липатов</i>	Европейское Просвещение и концепция национальной культуры в Польше XVIII в. (к постановке проблемы)	136
<i>Л. А. Софронова</i>	Сарматизм в польской драматургии эпохи Просвещения	147
<i>Л. И. Тананаева</i>	Особенности польского изобразительного искусства в эпоху Просвещения	155
<i>Л. Н. Виноградова</i>	Интерес к славянской народной культуре в польской фольклористике начала XIX в.	163
<i>А. П. Соловьева</i>	Связи литературы и искусства в период утверждения чешского реализма	168
<i>Л. Н. Титова</i>	К характеристике национального репертуара чешского театра 20—40-х годов XIX в.	177
<i>А. А. Зайцева</i>	Античность в чешской и словацкой литературах начала XIX в.	185
<i>Л. Н. Смирнов</i>	Вопрос о словацком литературном языке на разных этапах национального возрождения	193
<i>К. К. Трофимович</i>	Литературный язык как первоэлемент и средство развития культуры лужицких сербов в 30—70-е годы XIX в.	203
<i>Д. С. Прокофьева</i>	К вопросу о формировании концепции национальной литературы в польской романтической критике	210
<i>И. М. Порочкина</i>	Роль русской периодической печати первой половины XIX в. в культуре зарубежных славян	217

III

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

<i>И. С. Достян</i>	О некоторых особенностях складывания национального самосознания у балканских народов	223
<i>Э. А. Джапаридзе</i>	Культурно-просветительское общество «румынских студентов» в Париже и его роль в национально-освободительном движении (1845—1848)	230
<i>Ю. А. Кожевников</i>	Общественная мысль в Дунайских княжествах в период подготовки революции 1848 г.	236
<i>И. В. Чуркина</i>	Идея славянской взаимности в славенском национальном самосознании	245
<i>Н. И. Хитрова</i>	Развитие просвещения в Черногории (школьное и издательское дело, 1796—1878)	252
<i>М. Я. Гольберг</i>	Взаимодействие просветительской идеологии и романтизма (на материале южнославянских литератур)	258

<i>Н. И. Толстой</i>	К историко-культурной характеристике «славяно-сербского» литературного языка	267
<i>К. И. Логачев</i>	Греческое просветительство XVIII – начала XIX в. и проблема письменного языка	281
<i>Г. К. Венедиктов</i>	О месте родного языка в движении болгар за национальную культуру	289
<i>Е. П. Лъвова</i>	Болгарское изобразительное искусство и формирование национального самосознания	301
<i>И. Н. Войкова</i>	Революционная героика в изобразительном искусстве Болгарии 60–70-х годов XIX в.	305
<i>И. А. Калоева</i>	К истории проникновения русской книги в славянские страны Балканского полуострова в XVIII в.	310
<i>Е. П. Наумов</i>	Из истории русско-сербских культурных связей 40–60-х годов XIX в.	319

ФОРМИРОВАНИЕ
НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР*

Редактор Г. В. Шелудько
Художник Э. Л. Эрман

Символ серии на переплете —
художника Ю. Б. Могилевского

Художественный редактор И. К. Капралова

Технический редактор Н. Н. Плохова

Корректоры И. Р. Бург-Яшина, Л. И. Карасева

Сдано в набор 24/XI-1976 г. Подписано к печати 14/IV-1977 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 21,0.
Уч.-изд. л. 22,8. Тираж 1700. Т-08804. Тип. зак. 1459.
Цена 2 р. 16 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

Готовятся к печати книги:

Лещеловская И. И.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ХОРВАТИИ В 1848—1849 ГГ.

М., «Наука», 1977 (II кв.), 15 л.
(Институт славяноведения и балканстики)

Монография посвящена истории общественно-политического движения и массовой борьбы в хорватских землях Австрийской империи в период революции 1848—1849 гг. На широком фоне имперских и европейских событий исследуется сложный комплекс социальных, политических и национальных противоречий в Австрийском государстве, антифеодальное движение крестьян в хорватских землях, его влияние на общественно-политические процессы.

Монография рассчитана на историков, преподавателей, студентов.

ИСТОРИЯ РУМЫНИИ

(с древнейших времен до 1948 г.)

М., «Наука», 1976 (IV кв.), 60 л.
(Институт славяноведения и балканстики)

Настоящая работа входит в серийное издание «История Румынии». В предыдущие годы вышли следующие книги этой серии: «История Румынии. 1948—1974» (1971 г.), «История Румынии. 1917—1970» (1971 г.). На основании археологических данных, письменных и других источников в книге дается систематическое изложение румынской истории с древнейших времен до середины XIX в. Основное внимание удалено освещению узловых проблем политического, социально-экономического и культурного развития, анализу процессов формирования восточнороманского этноса, истории классовой борьбы, национально-освободительных движений, связям Валашского и Молдавского княжеств с Россией.

Книга рассчитана на историков, археологов, этнографов, историков культуры, преподавателей общественно-политических дисциплин, а также на широкий круг читателей.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117464 Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

- 480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
- 370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
- 320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24;
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
- 375009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303;
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 277012 Кишинев, ул. Пушкина, 31;
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
- 192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
- 199164 Ленинград, Менделеевская линия, 1;
- 199004 Ленинград, 9 линия, 16;
- 103009 Москва, ул. Горького, 8;
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
- 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
- 700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73;
- 700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
- 634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
- 450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
- 450075 Уфа, проспект Октября, 129;
- 720001 Фрунзé, бульвар Дзержинского, 42;
- 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

inlav

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

inслав